

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
Кафедра социальной коммуникации

Современная урбанистика:
социальное благополучие и цифровая трансформация города

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
30 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь

Минск
2024

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 7 от 30.01.2024

Редакционная коллегия:

Пинчук Игорь Викторович (отв. ред.),
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной коммуникации
Белорусского государственного университета;
Гафарова Юлия Юрьевна, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры социальной коммуникации
Белорусского государственного университета;
Новикова Ольга Владимировна, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры истории и методологии
Белорусского государственного университета;
Сарна Александр Янисович, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры социальной коммуникации
Белорусского государственного университета;
Тимоховцева Ирина Юрьевна, преподаватель кафедры социальной коммуникации
Белорусского государственного университета.

Рецензенты:

В.Р. Языкович, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»;
И.Г. Подпорин, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры правовых и гуманитарных дисциплин
Института бизнеса БГУ.

Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города : сборник материалов международной научно-практической конференции, 30 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. социальной коммуникации ; [редкол.: И.В. Пинчук (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 508 с. – Библиогр. в тексте.

Представлены материалы докладов участников международной научно-практической конференции «Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города», которая состоялась 30 ноября 2023 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Сборник адресуется теоретикам и практикам градостроения, научным и педагогическим работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами урбанистики и современных социально-гуманитарных дисциплин, предметом изучения которых является городская среда.

СТРЕСС-ФАКТОРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА МИНСКА

О. Н. Аблековская, Е. В. Кирова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
aon_2007@inbox.ru

Аннотация. Стремительный рост городского населения в Беларуси и в мире имеет огромные последствия и оказывает влияние на различные сферы жизнедеятельности, включая и психическое благополучие, создавая условия для формирования состояния городского стресса. Как правило, среду различных больших городов отличает наличие типового комплекса стресс-факторов. Однако необходимо понимать, что среда каждого отдельного города уникальна. В работе представлен анализ основных стрессогенных факторов среды города Минска.

Ключевые слова: *городская среда; психологический стресс; стресс-факторы; Минск.*

STRESS FACTORS IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CITY OF MINSK

O. N. Ablekovskaja, E. V. Kirova

*Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220004, Minsk, the Republic of Belarus
aon_2007@inbox.ru*

Abstract. The rapid growth of the urban population in Belarus and in the world invariably has its consequences and influences in various spheres of life, including mental well-being, creating favorable conditions for the formation of a state of urban stress. As a rule, the environment of various large cities is distinguished by the presence of a typical complex of stress factors. However, it must be understood that the environment of each individual city is unique. The paper presents an analysis of the main stress factors in the environment of the city of Minsk.

Keywords: *urban environment; psychological stress; stress factors; Minsk.*

Несомненно, что неотъемлемой частью современной цивилизации становятся города, представляющие собой наиболее универсальную форму концентрации разнообразных ресурсов социального, политического, информационного, управленческого характера, что делает город наиболее

привлекательной формой организации жизнедеятельности как для отдельного человека, так для и государства в целом [1]. По оценкам ООН на 2018 год, 55 % населения Земли проживало в городах, и к 2050 году, по среднему варианту прогноза, эта цифра должна увеличиться до 68% [2]. Урбанизация не обходит стороной и нашу страну: по данным Национального статистического комитета РБ на 01.01.2023 83,8 % населения нашей страны проживало в городах [3] (для сравнения, в 1998 году доля городского населения Беларуси составляла 68,8 %, в 1959 году – 30 %, а в 1913 году, согласно данным Национального архива [4], – всего 10 %). Причем более 21 % всех жителей сегодня проживает в Минске – единственном в Беларуси городе-миллионнике, численность которого за последние 25 лет (с 1998 г.) увеличилась на 19,1 % при общем снижении численности населения Беларуси на 8,9 % в результате его перераспределения из других регионов страны в столицу [3].

Такой стремительный рост городского населения в Беларуси и в мире неизменно имеет свои последствия и влияния в различных сферах жизнедеятельности, включая и психическое благополучие. Это обусловлено значительным опережением быстрых темпов урбанизации процессов эволюции человека, приспособленного, прежде всего, к более спокойным ритмам сельской жизни, вследствие чего его организм не располагает надежными средствами для адекватного реагирования на агрессивные и бесконечно разнообразные раздражители современной среды крупного города [5]. Исходя из этого, следует ожидать ограничения адаптационных возможностей организма, что не может не создавать благоприятных условий для формирования состояния пролонгированного городского стресса – отдельного вида стресса, сочетающего социальный, эмоциональный, информационный и экологический стрессы. При этом необходимо понимать, что избежать взаимодействия с факторами, формирующими стресс, при активном образе жизни городского жителя часто представляется невозможным.

Как известно, среду больших городов отличает наличие комплекса стресс-факторов: *экологических* (промышленная и транспортная загрязненность), *социальных* (многолюдность, отсутствие возможности для уединения, многоэтажность зданий, высокая плотность населения, нарушения личного пространства и др.), *факторов насыщенности городской жизни* (темп жизни, многовариантность ощущений, большое количество приезжих и эмигрантов, информационные перегрузки), *факторов восприятия социокультурной среды* (однотипность жилых домов, сложная пространственная организации территории, неблагоприятная визуальная среда). Дополняют их большие экономические затраты, сложности

ориентации и «транспортной усталости», проблемы безопасности (преступность, терроризм, вандализм), характер жизнедеятельности горожанина, не позволяющий ему заботиться о своем психологическом состоянии и здоровье, и др.

Несомненно, эти факторы будут определять и современную среду Минска. Однако необходимо понимать, что среда каждого отдельного города уникальна, что вызвано различиями в городской планировке и застройке, экологической обстановке, в особенностях уличной среды, архитектуры, климата и др. Цель нашего исследования – выявить основные стрессогенные факторы среды города Минска.

Известно, что по количеству населения столица Беларуси превосходит каждую из ее областей. Так, по данным переписи населения 2019 года, в городе проживало 2 018 281 человек, или 21,4 % населения страны и, как отмечалось выше, имеет место тенденция увеличения численности этого населения. Согласно ежегодному международному исследованию Demographia World Urban Areas [6], по данным на 2022 год плотность населения города Минска составила 4,964 человека на км², что выше, чем в таких крупных мегаполисах, как Токио (4,584), Москва (2,817), Париж (3,877) и многие другие. Такая многочисленность, большая плотность и высокие темпы прироста населения Минска за счет внутренней миграции находят свое отражение в многолюдности среды, большом количестве приезжих граждан, интенсификации взаимодействий между людьми, что может вызывать так называемый стресс скопления и социальный краудинг [7]; в плотной городской застройке, обилии многоэтажных и высотных зданий, преимущественно многоквартирной структуре жилого фонда (94 % против 6% усадебной застройки) [8]; в избыточном количестве зданий типовых серий с унифицированными и обедненными архитектурными элементами как способе быстрого решения жилищного вопроса для увеличивающегося числа жителей (в особенности в спальнях районов столицы), что формирует гомогенность (однообразие) визуальной среды; в увеличении транспортного и пассажиропотока, переполненности общественного транспорта – согласно официальной статистике [9], обеспеченность населения г. Минска легковыми автомобилями на конец 2020 г составляла 326 на 1000 жителей (для сравнения: в Москве по данным Росстата этот показатель составляет 287, а мировым лидером по количеству автомобилей на 1000 жителей является Нью-Йорк, где этот показатель – 910 машин). Возможно, большим количеством автомобилей и транспорта можно объяснить статистику дорожно-транспортных происшествий. Так, например, по данным 2019 года, Минск занимает второе место после Минской области по количеству ДТП. Это 589 случаев за год, в которых погибло 33 и

пострадало 633 человека [10]. Следствием вышеуказанного может быть и неутешительная статистика по числу преступлений – за 2019 год в Минске было зарегистрировано 19,7 тысяч преступлений, что выводит столицу на первое место по стране [11].

Не может не вызывать беспокойство и такая значимая экологическая составляющая среды Минска, как то, что он является крупнейшим промышленным центром в Республике Беларусь, занимая первое место среди городов и четвертое среди областей Беларуси по суммарному объему выбросов загрязняющих веществ. Так, в городе производится порядка 20 % объема промышленной продукции, работают такие заводы-гиганты, как ЗАО «Атлант», ОАО «Минский тракторный завод», ОАО «Минский завод отопительного оборудования», ОАО «Управляющая компания холдинга «Минский моторный завод», «Минский автомобильный завод»-управляющая компания холдинга «Белавтомаз», ОАО «Керамин», филиалы РУП «Минскэнерго» (ТЭЦ-3, ТЭЦ-4), Минские тепловые сети и др. Однако согласно данным Республиканского центра по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды Минприроды Республики Беларусь, основным источником загрязнения атмосферного воздуха города все же является транспорт (более 80 % выбросов или 180 тыс. тонн) [12].

По разным оценкам, от 20 до 80 % заболеваний имеют средовой компонент, в частности, выявлена достоверная связь между уровнем загрязнения атмосферного воздуха и заболеваниями органов дыхания [13]. По уровню смертности от загрязнения воздуха (на 100 000 населения) в 2012 г. Республика Беларусь занимала 13 место в Европе (100.8 человек) [14]. Наблюдается положительная динамика – по данным на 2016 год смертность на 100 000 человек составила 60.7 [15]. Максимальные уровни болезней органов дыхания, как и самая большая заболеваемость взрослого населения, наблюдается в Минске [16].

Кроме того, Минск также является самым мощным локальным источником техногенного пресса на поверхностные воды региона как по объему сбрасываемых сточных вод, так и по количеству содержащихся в них загрязняющих веществ. Здесь формируется более четверти суммарной химической нагрузки, что оказало существенное влияние на экологическое состояние р. Свислочь [13].

Важной характеристикой среды Минска с учетом описанных экологических проблем является количество в городе озелененных мест общего пользования. Так, в настоящее время на территории города расположено 47 парков, 172 сквера и 30 бульваров [8]. При этом, если в 2011 году на каждого человека в Минске приходилось по 18 м² зеленых

насаждений в местах общего пользования, то уже в 2014 году эта цифра уменьшилась до 12 м² при нормативных показателях обеспеченности озелененными территориями общего пользования городского значения в 9–11 м²/чел (по нормам Всемирной организации здравоохранения, Минск «перевыполняет» эту норму) [15]. Однако справедливости ради следует учитывать, что по отдельно взятым территориям в городе цифры разнятся существенно. Так, в Центральном и Первомайском районах по данным на 2014 год на одного жителя приходится около 19 м² зеленых насаждений, в Партизанском – 35, а в Московском и Фрунзенском – лишь по 4 м², что вдвое ниже нормы. В приведенных статистических данных следует также учитывать факт включения в площадь столицы некоторых пограничных зон, которые раньше не входили в территорию города – северных территорий и парковой зоны Колодищей.

Анализируя работы ведущих специалистов в области городского стресса, можно заключить, что средой больших городов отличает наличие комплекса стресс-факторов (как общих, так и уникальных для каждого конкретного города), способных при определенных условиях создавать благоприятные условия для формирования стресса. При этом степень стрессогенности и тяжесть вреда, наносимого тем или иным стресс-фактором отдельному человеку, зависит как от его уязвимости к данному воздействию, так и от его отношения к нему, а также собственной субъективной оценки значимости для него воздействия указанного стресс-фактора [16].

Таким образом, в качестве основных значимых и практически не контролируемых человеком стресс-факторов пролонгированного действия Минска можно выделить следующие: многочисленность и высокая плотность населения; многоквартирная структура жилого фонда; гомогенная визуальная среда за счет обилия зданий типовых серий с унифицированными и обедненными архитектурными элементами, особенно в спальнях районах города; большое количество автомобилей и транспорта, высокий по сравнению с другими регионами страны уровень дорожно-транспортных происшествий и зарегистрированных преступлений; высокий уровень заболеваемости взрослого населения, в частности, болезней органов дыхания; не очень благоприятная экологическая обстановка; «перекос» по районам в озеленении. При этом очевидно, что имеет место не изолированное их проявление, а сочетанное действие, в результате чего создаются условия, ведущие к нарушениям в перцептивной, эмоциональной и когнитивной сфере индивидуальной психики городского жителя и снижению адаптационных возможностей его организма.

Библиографические ссылки

1. Кружкова О. В. Городской средовой стресс: восприятие реальности и гипотетическая оценка // Конфликтогенность современности: коллективная монография. Екатеринбург: УПУ, 2014. С. 83–101.
2. World Urbanization Prospects The 2018 Revision // United Nations Department of Economic and Social Affairs [Electronic resource]. 2018. Mode of access: <https://www.un.org/en/desa/2018-revision-world-urbanization-prospects#:~:text=Today%2C%2055%25%20of%20the%20world's,increase%20to%2068%25%20by%202050>. Date of access: 23.11.2023.
3. Главное статистическое управление города Минска [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minsk-city.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/sotsialnaya-sfera/demografiya_2/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-po-___gody_3/chislennost-naseleniya-po-raionam_2. Дата доступа: 23.11.2023.
4. Официальный сайт государственного учреждения Национальный исторический архив Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://niab.by/newsite/ru/artuh>. Дата доступа: 23.11.2023.
5. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
6. Demographia World Urban Areas [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.newgeography.com/content/007523-demographia-world-urban-areas-2022-released>. Date of access: 23.11.2023.
7. Самошкина И. С. Город как фактор формирования территориальной идентичности // Развитие личности. 2009. № 2. С. 116–126.
8. Генеральный план города Минска (корректировка). Основные положения градостроительного развития города Минска. Система градостроительных регламентов // УП Минскградо [Электронный ресурс]. Минск, 2014. Режим доступа: <http://www.minskgrado.by/documents/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD.pdf>. Дата доступа: 23.11.2023.
9. Обеспеченность населения легковыми автомобилями на 1000 человек населения по областям и г. Минску [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2020. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/transport/graficheskii-material/obespechennost-naseleniya-legkovymi-avtomobilyami-na-1-000-chelovek-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku>. Дата доступа: 23.11.2023.
10. Дорожно-транспортные происшествия и пострадавшие в них по областям и г. Минску в 2019 году [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2020. Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/sotsialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/dorozhno-transportnye-proisshestviya-i-postradavshie-v-nih-po-oblastyam-i-g-minsku/. Дата доступа: 23.11.2023.

11. Правосудие и правонарушения. Годовые данные (2019) [Электронный ресурс] // Нац. стат.комитет Респ. Беларусь. Минск, 2020. Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/annual_data/. Дата доступа: 23.11.2023.
12. Ежегодник состояния атмосферного воздуха. 2019 год. г. Минск [Электронный ресурс] // Гос. учреждение «Республиканский центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды» Минприроды Республики Беларусь. Минск, 2020. Режим доступа: <https://rad.org.by/articles/vozduh/ezhegodnik-sostoyaniya-atmosfernogo-vozduha-2019-god/g-minsk.html>. Дата доступа: 23.11.2023.
13. Ясовеев М. Г. Экологические проблемы Беларуси // Евразийское пространство. Экологические проблемы: сборник научных трудов. М., 2014. С. 537–550.
14. Мировая статистика здравоохранения, 2017 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. 2018. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/279717>. Дата доступа: 23.11.2023.
15. World Health Statistics 2020: Monitoring Health for the SDGs, Sustainable Development Goals [Electronic resource] // World Health Organization. 2020. Mode of access: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332070/9789240005105-eng.pdf>. Date of access: 23.11.2023.
16. Куликов Я. К. Экологические проблемы Беларуси: курс лекций для студентов биологического факультета. Минск: БГУ, 2006. 104 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Ю. В. Александренков

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
ул. Московская, 17, 220089, Минск, Республика Беларусь
yury3004@gmail.com

Аннотация. Сегрегация, социальная поляризация и социальная изоляция являются важными характеристиками современных городов. Их уровень связан с объёмом вмешательства государства в структурирование городского пространства и, соответственно, типом социального государства. Социальные государства проводят политику смешивания, направленную против сегрегации, поляризации и социальной изоляции в городском пространстве.

Ключевые слова: *социально-пространственная сегрегация; неравенство; городское пространство; социальное государство.*

SOCIAL SEGREGATION OF URBAN SPACE AND THE WELFARE STATE

Y. V. Aleksandrenkov

Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Moskovskaya str., 17, 220089, Minsk, Republic of Belarus
yury3004@gmail.com

Abstract. Segregation, social polarization and social exclusion are important features of modern cities. Their level is associated with the scope of state policy in the urban space structuring and, accordingly, the type of welfare state. Welfare states carry out social mix policies activities against segregation, polarization and social work in urban space.

Keywords: *social and spatial segregation; discrimination; urban space; welfare state.*

Сегрегация, социальная поляризация и социальная изоляция являются важными переменными концептуального осмысления трансформации современного города. Данные концепции описывают реальность и структурируют её восприятие городскими жителями.

Понятие сегрегации применяется в отношении географического пространства для характеристики неравномерного пространственного распределения отдельных социальных общностей. Сегрегация обсуждалась с

момента появления экологического измерения в социальных науках. Первоначально сегрегация рассматривалась как естественный процесс, но в последние полвека ученые-урбанисты во многих работах указывают на негативные последствия сегрегации. Их беспокоит социальная изоляция и неравные возможности, связанные с местом проживания семьи в городском пространстве. Они критикуют и причины пространственной сегрегации, поляризации и исключения, развитие «разделенных» городов.

Современные города в той или иной степени являются иерархиями, отражающими социально-пространственные результаты поляризации, сегрегации и исключения. Результаты варьируются в зависимости от характера и интенсивности социальных процессов. В свою очередь, эти социальные процессы зависят от более широкого спектра факторов и событий. Экономическая структура города является значимым фактором социальной фрагментации и интеграции в городской сфере. В то же время, пространственное неравенство в городской среде в значительной степени зависит и от типа социальной политики социального государства. Многие работы сосредоточены на роли модели социального государства в возникновении или смягчении сегрегации.

Развитие социальных государств пришлось на период после Второй мировой войны. В экономически развитых странах были сформированы системы социализации рисков, связанных с потерей или отсутствием возможности трудиться – болезнями, инвалидностью и безработицей.

Институциональная структура общества, развитие экономики и исторически предпосылки возникновения социального государства в различных странах определили специфику социальных государств, представленную в различных типологиях.

Наиболее известной является типология шведского учёного Гёсты Эспинг-Андерсена, разработанная в 1990 году [4]. В основе данной типологии лежат степень декоммодификации, политика в области социального неравенства, доля государства в социальном обеспечении.

Либеральное социальное государство стремится минимизировать роль государства, индивидуализировать риски и продвигать рыночные решения. Консервативное социальное государство учитывает существующие иерархии в социальном обеспечении и ориентировано на сохранение существующих социальных структур, в первую очередь, семьи. Социал-демократическое социальное государство привержено принципу универсализма, согласно которому все граждане подпадают под действие социальных программ и являются получателями социальных услуг.

Существует тесная связь между степенью развития в социальных государствах систем социального страхования, обеспечения, социальных

услуг и масштабами социальной поляризации, социально-пространственной сегрегации и социальной изоляции в городском пространстве. В развитых социальных государствах социальная депривация сохраняется на относительно низком уровне. Самое глубокое социальное неравенство в либеральном социальном государстве, самое плоское – в социал-демократическом социальном государстве. Это отражается и в структуре городских пространств.

В то же время, следует отметить схожесть мер, принимаемых государством для уменьшения социальной сегрегации, поляризации и увеличения инклюзии.

В либеральных социальных государствах правительства ориентированы на предоставление всем равных возможностей. При этом исследования показывают, что социальный состав городских кварталов может оказывать существенное влияние на жизненные шансы отдельных людей. Когда такие последствия очевидны или правдоподобны, правительства предпринимают меры. Объектами политики являются отдельные индивиды, которым, как правило, предлагаются возможности переезда в районы с более высокой долей домохозяйств среднего класса.

Разрабатываются государственные программы по переселению. Наиболее известными в США являются программа Gautreaux и программа «Движение к возможностям». Они предлагают варианты жилищной мобильности для отдельных домохозяйств, которые оказались в районах концентрированной бедности [7, с. 208].

Второе направление государственной политики – формирование районов. Наиболее известной в США является программа Надежда VI. Данная программа осуществляется в районах проживания бедного населения с низким социальным статусом. В соответствии с программой Надежда VI сносится государственное жильё и на его месте строится более комфортное жильё для людей с разными доходами. Ожидается, что горожане выиграют от «освобождения от негативных пространственных эффектов, связанных с высоким уровнем доходов и расовой сегрегацией» [5, с. 137].

В консервативных социальных государствах внимание первоначально было сосредоточено больше на локальных сообществах соседей, нежели на отдельном человеке. Социальное смешивание городских жителей и активная политика десегрегации являются важными целями консервативного социального государства. Социально или этнически смешанные районы поддерживают социальную интеграцию, генерируют социальный капитал, способствуют интеграции и стимулируют социальную мобильность. Напротив, высокий уровень пространственной сегрегации различных категорий населения приводит к негативным социальным эффектам, запуская

процессы отчуждения и социальной изоляции. Государственные меры по предупреждению социальной сегрегации на локальном уровне аналогичны странам с либеральным социальным государствам.

Политика в области борьбы с сегрегацией социал-демократических социальных государств основана на государственной помощи низшим социальным слоям и стимулировании интеграции мигрантов.

Решением проблемы социальной сегрегации является политика социального смешивания, направленная на уменьшение сегрегации и исключение формирования социально однородных районов. Политика социального смешивания нацелена на нижнюю часть социально-экономической лестницы. Концентрация бедных домохозяйств часто рассматривается как проблема, в то время как концентрации богатых домохозяйств, как правило, проблемой не считается [3]. Политика социального смешивания считается способом улучшения благополучия людей и роста инклюзивности городских жителей. В то же время, существуют и иные взгляды на сущность и последствия политики социального смешивания. В данном случае она воспринимается как способ трансформации городского пространства, обеспечивающий его джентрификацию или другие формы развития города [2]. Австралийские исследовательницы Кэти Артурсон, Айрис Левин и Анна Зирш представили данные взгляды как «две стороны одной медали “политики социального микса”»: социальная инклюзивность и снижение концентрации неблагоприятных факторов на одной стороне; джентрификация под руководством государства, с другой стороны» [1, с. 491]. Поскольку политика социального смешивания может быть просто джентрификацией под руководством государства, многие критически настроенные ученые выступают против такой политики [6].

В качестве альтернативы политике смешивания можно рассматривать создание относительно однородных небольших кварталов, встроенных в относительно неоднородные городские районы. Данный подход соответствует склонности людей жить среди подобных себе по социально-экономическим характеристикам. В то же время, он позволяет избежать негативных последствий крупномасштабной концентрации более бедных домохозяйств и учитывает разные потребности домохозяйств на разных этапах их жизненного цикла. Государство должно быть активным в проведении данной политики. Это означает, что социальное государство должно сохранить свои функции по обеспечению социального благополучия граждан.

Библиографические ссылки

1. Arthurson K., Levin I., Ziersch A. What is the Meaning of “Social Mix”? Shifting Perspectives in Planning and Implementing Public Housing Estate Redevelopment // *Australian Geographer*. 2015. N0 46 (4). P. 491–505.
2. Bridge G., Butler T., Lees L. *Mixed Communities: Gentrification by Stealth?* Bristol: Policy Press, 2011. – 384 p.
3. DeFilippis J. On Spatial Solutions to Social Problems // *Cityscape*. 2013. No 15 (2). P. 69–72.
4. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1990. 435 p.
5. Goetz E. G. Desegregation in 3D: Displacement, Dispersal and Development in American Public Housing // *Housing Studies*. 2010. No 25 (2). P. 137–158.
6. Lees L. Gentrification and Social Mixing: Towards an Inclusive Urban Renaissance? // *Urban Studies*. 2008. No 45 (12). P. 2449–2470.
7. Musterd S. Segregation, Neighborhood Effects and Social Mix Policies // *Handbook on Urban Social Policies. International Perspectives on Multilevel Governance and Local Welfare* / ed. Y. Kazepov. The Lypiatts: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 204–218.

ITMO UNIVERSITY URBAN STUDIES STUDENTS' AWARENESS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT FUNDAMENTALS AND PRACTICES

F. Alexandrov, I. Akhmitzanova

ITMO University, Kronverksky

av. 49, lit. A, St. Petersburg, Russian Federation, 197101

fedor@niuitmo.ru

Supervisor: I. A. Shmeleva, Associate Professor, PhD in Psychology

Abstract. This article presents a study of attitudes and practices in the field of sustainable development, focusing on urban studies students. Despite the identified correlation between emotional awareness and the perceived importance of sustainable development, the research uncovers potential gaps in commitment to broader sustainability objectives. The article also highlights the positive impact of sustainable practices on emotional well-being, underscoring the multifaceted nature of engagement with sustainability. Considering the pivotal role of urban professionals in shaping sustainable cities, the article points out the need for targeted introduction of various courses on sustainable urban development into the curricula of urban students.

Keywords: *sustainability awareness; urban studies students; environmental issues; urban sustainable practices; urban sustainable development; ecological behavior.*

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ-УРБАНИСТОВ УНИВЕРСИТЕТА ИТМО ОБ ОСНОВАХ И ПРАКТИКАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ф. Т. Александров, И. А. Ахмитзанова

Университет ИТМО, Кронверкский пр., д.49, лит. А

Санкт-Петербург, Российская Федерация, 197101

fedor@niuitmo.ru

Научный руководитель: доцент, канд. психол. наук И. А. Шмелёва

Аннотация. Данная статья представляет исследование осведомленности и практик в области устойчивого развития, сфокусированное на студентах-урбанистах. Результаты опроса выявляют преобладающую тенденцию среди респондентов, а именно склонность приоритетного выбора устойчивых практик, соответствующих личным выгодам, таким как экономия времени и денег. Несмотря на выявленную корреляцию между эмоциональным осознанием и восприятием важности устойчивого развития, исследование раскрывает потенциальные пробелы в приверженности к более широким целям устойчивого развития. Статья также подчеркивает

положительное воздействие устойчивых практик на эмоциональное благополучие. Важным аспектом является также то, что исследование позиционирует себя как начальное, с последующим проведением дополнительных исследований и подтверждением или опровержением гипотез. Статья указывает на необходимость целенаправленного внедрения в учебные планы студентов-урбанистов различных курсов по устойчивому развитию городов.

Ключевые слова: *осведомленность об устойчивом развитии, студенты-урбанисты, экологические проблемы, устойчивые практики в городах, устойчивое развитие городов, экологическое поведение.*

Introduction

In 2002, Millennium Development Goals were developed at the United Nations World Summit on Sustainable Development in Johannesburg, South Africa. There were 17 Sustainable Development Goals, defining the most problematic global issues. It is crucial to highlight Goal 11: ‘Sustainable Cities and Communities’, which depicts the society needs in social, economic, and governing development of modern cities around the world, including higher quality housing, transportation systems development, paying particular attention to an environment, considering the modern tempos of urbanization.

The authors of the research consider it important to understand the awareness of Urban Studies students in Russia about sustainable development fundamentals and the extent of their participation in environmental practices, pursuing Goal 11.

1.1 Purpose of the study

The purpose of this study is to examine the level of sustainability awareness among ITMO University Urban Studies students from a sociological perspective. Specifically, the study aims to explore the extent to which students are aware of environmental issues, their understanding of sustainable practices, and their engagement in activities that promote sustainability. By understanding the level of sustainability awareness among Urban Studies students, this research is intended to contribute to the existing body of knowledge on environmental consciousness trends among the younger generation and, specifically, among future urban specialists. Ultimately, the findings from this study can inform educational institutions and policymakers in designing effective strategies and interventions to enhance sustainability awareness and drive positive behavioral changes.

1.2 Methods

In order to investigate students’ awareness and perceptions about sustainability issues and students’ involvement in sustainability, a survey using a self-administered questionnaire was conducted in October 2023 among ITMO Urban Studies students. The questionnaire was chosen as the primary data collection method because it provides an opportunity to achieve all the research objectives. Moreover, the anonymity of this method is also an advantage, as it

allows researchers to collect more reliable information. The analysis of the survey results is also the most accessible in relation to other methods.

1.3 Research Sample

In our research, we used one of the non-probability sampling techniques, namely convenience sampling. The selection of convenience sampling for our research among urban studies students at ITMO University was motivated by several considerations, with a key emphasis on its expediency and accessibility. Given the practical constraints we faced in terms of time and resources, this approach allowed us to gather data swiftly and effectively from a readily accessible pool of participants. While we acknowledge that convenience sampling may introduce certain biases, our primary intent was to prioritize the efficient collection of insights regarding sustainability awareness within our specific constraints, rather than pursuing a more exhaustive and resource-intensive sampling method that might have yielded a more representative but less manageable sample.

1.4 Instrument

The questionnaire was designed to have general to more specific questions to cover various levels and studying programs of students and assess their level of awareness of sustainability. The questionnaire included 37 questions and the survey was conducted on 73 current and former students of ITMO University. The survey consists of four sections: general questions, sustainable development awareness, sustainable practices, and emotional awareness; and it includes thirty-seven closed-ended or multiple-choice questions. Quantitative methods were employed in this study to objectively measure the level of sustainability awareness among urban studies students, accommodate a large and diverse sample, and enable comparative analysis of results.

1.5 Hypotheses

1. The level of sustainability awareness among university students is positively correlated with their academic background, with students in environmental or social sciences demonstrating higher levels of awareness compared to those in other disciplines.

2. There is a significant difference in the level of sustainability awareness between male and female university students, with females exhibiting higher levels of awareness.

3. The level of sustainability awareness among university students is influenced by their experience with sustainability-themed courses.

4. Students coming from towns tend to have lower levels of sustainability awareness compared to students from big cities.

2.1 General Data

To begin with, in terms of gender distribution, the research included 61,6 % women surveyed, 33 % men, and 5.5 % of interviewed individuals preferred not to

specify their gender. The results of our research showed us the following data on the background and characteristics of the respondents. One-half (50.7 %) of the respondents were originally from cities with a population of over 1 million citizens. The majority of the interviewees, approximately 80 %, are either currently studying or have previously studied at ITMO University. Furthermore, the vast majority of the sample are enrolled in or have studied programs related to Urban Studies or Civil Engineering.

As for the main subject areas of the respondents, they are statistically divided as follows: 41 % in Architecture and Urban Planning, 17.8 % in Engineering Sciences, and 8.2 % in Economics, Laws, Politics, and Social Sciences, respectively.

2.2 Research Results

First of all, it is crucial to mention that more than a half of respondents (61,6 %) have never taken any classes at educational institutions connected with urban sustainable development. Among those students who had this discipline at university, an absolute majority (72.1 %) claimed that their perception of sustainability-related issues changed for the better. They have become more environmentally conscious and started to lead a more sustainable lifestyle.

We can conclude that the teaching of sustainable development principles and practices in universities is crucial for preparing future specialists in urban-related fields. By incorporating urban sustainable development classes into students' curriculum, universities can equip them with the necessary knowledge and skills to address the complex challenges and demands of urban planning and design. Consequently, professionals educated in sustainable practices will possess the competence to make informed decisions that promote environmentally friendly, socially equitable, and economically viable development within cities.

But who is responsible for achieving sustainability? According to the respondents' opinions, three entities stand out as being most responsible for achieving the Sustainable Development Goals (SDGs): federal authorities, local or regional authorities, and businesses or enterprises. It is noteworthy that a comparatively lower number of respondents attributed responsibility for achieving sustainability to citizens. Notably, the adoption of eco-friendly shopping practices, such as utilizing eco-bags and prioritizing fabrics with environmentally conscious compositions, stands out. Additionally, a commitment to sustainable transportation practices is evident, with a noteworthy preference for public transportation over personal cars or taxis. The use of reusable bottles and conscientious water usage habits, such as closing the tap when not in active use (e.g., during dishwashing or toothbrushing), are prominent aspects of their sustainability efforts. Moreover, a commitment to energy conservation is demonstrated through the preference for energy-saving lamps and the habit of turning off lights in unoccupied rooms. The

ethos of sustainability extends to the realm of consumption, with a notable inclination among students to give a second life to old items, including clothes and toys.

To substantiate this perspective, an examination of practices that receive comparatively lower adherence among students provides valuable insights. Notably, activities such as participation in environmental actions or volunteer work dedicated to environmental protection, purchasing locally produced products from community stores, choosing goods with minimal or recyclable packaging, considering the environmental and social responsibility of manufacturers (requiring thorough brand research), engaging in gardening or cultivating vegetables (a time-intensive endeavor), and undertaking waste-sorting emerge as practices with lower levels of adoption.

These less-practiced activities align with the argument that students may prioritize practices that offer more immediate personal benefits, such as time and cost savings. The reluctance to engage in activities demanding significant time investment and active participation suggests a potential inclination towards sustainability practices that align with convenience and economic considerations. This observation underscores the need for a nuanced understanding of the factors influencing individuals' choices in sustainable behaviors, with implications for the development of effective strategies to promote broader and more comprehensive sustainability engagement.

The significance of this issue is further emphasized by a notable mitigation observed among students who have undergone specific education in urban sustainable development. The data indicate a comparatively improved orientation toward sustainable practices among this subgroup, highlighting the potential efficacy of integrating urban sustainable development classes into relevant academic curricula. This integration is not only instrumental in cultivating a more profound understanding of sustainable principles but is also essential for instilling a sense of responsibility and fostering a genuine commitment to sustainable practices among future urban professionals. As these students will play instrumental roles in shaping the urban landscape, their attitudes and behaviors stand as critical determinants in the collective pursuit of sustainable urban development.

Regarding emotional awareness, an overwhelming majority of respondents express a high level of conviction in the profound importance of the concept of sustainable development for our common future. The data suggest a widespread acknowledgment of the critical role that education plays in fostering individual awareness of sustainable development principles.

Furthermore, the adoption of sustainable practices is posited as having a positive influence on individuals' emotional states. This correlation suggests that

engagement in sustainable behaviors not only aligns with broader environmental objectives but may also contribute to enhanced emotional well-being. This dual perspective, emphasizing the cognitive recognition of sustainability's importance and its potential emotional dividends, accentuates the multifaceted nature of the relationship between individuals and sustainable development.

3 Conclusion

In conclusion, the findings of this survey shed light on the nuanced motivations and practices surrounding sustainable development among respondents, particularly focusing on urban studies students. The data reveal a predominant emphasis on sustainable actions that align with personal conveniences, such as time and cost savings, raising questions about the depth of commitment to the broader sustainability agenda. Notably, the observed correlation between emotional awareness and the perceived importance of sustainable development underscores the pivotal role of education in shaping individuals' cognizance of these issues.

Moreover, the identified positive impact of sustainable practices on individuals' emotional states highlights the potential for a more integrated approach to sustainability education that not only imparts knowledge but also fosters a deeper emotional connection to the principles of sustainable development. Recognizing the significance of these insights, particularly among future urban professionals, underscores the need for targeted educational interventions in urban studies curricula to cultivate a genuine commitment to sustainability and ensure the effective stewardship of our cities in the face of evolving environmental challenges.

While this survey has provided valuable insights into the motivations and practices surrounding sustainable development, it represents an initial exploration rather than a definitive endpoint. The observed patterns, particularly the interplay between personal motivations and sustainable behaviors, prompt further inquiry. The ongoing nature of this research underscores our commitment to rigorously scrutinizing and refining our hypotheses. Future stages of this research will delve deeper into the dynamics shaping sustainable attitudes and practices, aiming to contribute to a more comprehensive understanding of how education and personal motivations intersect in the pursuit of sustainable development goals.

Reference list

1. Abdullah A. The Concept of Smart Cities: a Sustainability Aspect for Future Urban Development Based on Different Cities [Electronic resource] // *Frontiers in Environmental Science*. 2023. Vol. 11. Mode of access: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fenvs.2023.1241593/full>. Date of access: 09.11.2023.

2. Alkhayyal B., Labib W., Alsulaiman T., Abdelhadi A. Analyzing Sustainability Awareness among Higher Education Faculty Members: A Case Study in Saudi Arabia [Electronic resource] // Sustainability. 2019. No 11. Mode of access: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/23/6837>. Date of access: 09.11.2023.
3. Alsaati T., El-Nakla S., El-Nakla D. Level of Sustainability Awareness among University Students in the Eastern Province of Saudi Arabia [Electronic resource] // Sustainability. 2020. Vol. 12. No 8. Mode of access: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/8/3159>. Date of access: 09.11.2023.
4. Basiago A. D. Economic, Social and Environmental Sustainability in Development Theory and Urban Planning Practice [Electronic resource] // Environmentalist. 1998. No 19. Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1006697118620>. Date of access: 09.11.2023.
5. Dilchert S. Counterproductive Sustainability Behaviors and their Relationship to Personality Traits // International Journal of Selection and Assessment. 2018. No 26. P. 49–56.
6. Lendai F., Michael M., Sumilan H., Fatihah N., Bandar A, Hamidi H., Jonathan V., Norsyamimi, N. Md Nor, M. Sustainable Development Concept Awareness Among Students in Higher Education: a Preliminary Study // Journal of Sustainability Science and Management. 2020. No 15. P. 113–122.
7. Mojilis F. Sustainability Awareness of Students from a Green University in Sabah, Malaysia [Electronic resource] // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2019. No 13. Mode of access: <http://www.jthem.com/PDF/JTHEM-2019-13-03-04.pdf>. Date of access: 09.11.2023.
8. Khan Sh., Zaman A. U. Future Cities: Conceptualizing the Future Based on a Critical Examination of Existing Notions of Cities // Cities. 2018. No 72. P. 217–225.
9. UNESCO. Agenda 21. Promoting Education, Public Awareness and Training [Electronic resource] // Report of the UN Conference on Environmental Sustainability and Development; UNESCO: Rio de Janeiro, Brazil, 1992. Chapter 36. Mode of access: <https://www.un.org/esa/dsd/agenda21/Agenda%2021.pdf>. Date of access: 09.11.2023.
10. United Nations. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // United Nations: Paris, France, 2015. Mode of access: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication>. Date of access: 09.11.2023.

КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

И. Н. Алов, С. М. Кудишкин

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, д. 6., 105005, Москва, Россия
alov-in@rudn.ru

Аннотация. В рамках данного исследования предлагается рассмотреть концепцию городского здоровья как основу для социально-экономического развития городов. Эта тема стала особенно актуальной после начала пандемии COVID-19, которая оказала особенно мощный негативный эффект на жителей городов. Чтобы быть готовыми к подобным угрозам в будущем, необходимо развивать города с учетом возможных рисков для здоровья горожан. Наиболее полно эту идею отражает теория городского здоровья Д. Влахова, который предложил рассматривать данную проблематику в логике формируемого городскими услугами предложения. Ключевым фактором является то, насколько городская экономика способствует ведению здорового образа жизни или, напротив, предоставляет возможности для обретения и сохранения вредных привычек и малоподвижного образа жизни. Такой подход позволяет выйти за рамки привычных представлений о городском здоровье как производной исключительно от экологии. В качестве способа оценки городского здоровья можно использовать индексы с опорой на цели устойчивого развития ООН.

Ключевые слова: *городское здоровье; риски; цели устойчивого развития; сфера услуг; городская инфраструктура.*

THE CONCEPT OF URBAN HEALTH AS A BASIS FOR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

I. N. Alov, S. M. Kudishkin

RUDN University named after Patrice Lumumba
Miklouho-Maklaya st., 6., 105005, Moscow, Russia
alov-in@rudn.ru

Abstract. This study proposes to analyze the concept of urban health as a basis for urban development. This topic has become especially relevant since the outbreak of the COVID-19 pandemic, which has had a particularly powerful negative effect on city residents. To be prepared for similar threats in the future, it is necessary to develop cities considering possible risks to the health of citizens. This idea is most fully reflected by the theory of urban health by D. Vlahov, who proposed considering this issue in the logic of the supply generated by urban

services. The key factor is the extent to which the urban economy favors a healthy lifestyle or, conversely, provides opportunities for acquiring and maintaining bad habits and a sedentary lifestyle. This approach allows us to go beyond the more usual ideas about urban health as a derivative solely of ecology. To assess urban health, indices based on the UN Sustainable Development Goals can be used.

Keywords: *urban health; risks; sustainable development goals; service sector: urban infrastructure.*

В течение четырех последних десятилетий основной концептуальной рамкой для изучения процессов развития городов и стран было устойчивое развитие (sustainable development). Его доминирующий статус был закреплен ООН, которая разработала 17 целей устойчивого развития (ЦУР). Эти цели часто используются властями государств и городов для составления методик оценки социально-экономического развития.

Концепция устойчивого развития активно используется в самых разных контекстах, за счет чего возник ряд методологических противоречий относительно способов оценки устойчивости. Тем не менее, общее видение устойчивого развития у большинства исследователей и стейкхолдеров совпадает. Оно соответствует наиболее раннему определению этой рамки, содержащемуся в Отчете Комиссии Брунтланд 1987 г.: «удовлетворение потребностей современного общества без сужения возможностей для удовлетворения потребностей будущих поколений» [1].

В начале 2020-х гг. мир оказался в условиях качественно новых вызовов, связанных с пандемией COVID-19 и ее последствиями, а также с геополитической турбулентностью. С учетом сложившейся на сегодняшний день конъюнктуры, более важным для развития городов видится не долгосрочное планирование, которое применяется для устойчивого развития, а оценка рисков и способности города на них реагировать.

Задачей города является, в первую очередь, мониторинг рискогенных факторов и наращивание способности к адаптации. Такое целеполагание не противоречит общепризнанной концепции устойчивого развития, но дополняет ее за счет вывода на первый план кратко- и среднесрочной проблематики.

Города, будучи главными драйверами экономики любой развивающейся или развитой страны, способны оперативно реагировать на повседневные риски. В то же время на уровне государств можно продолжать ставить в приоритет вопросы устойчивого развития. Идея о том, что устойчивое развитие не является приоритетной зоной ответственности городских властей, подтверждается и набором целей устойчивого развития. Из 17 ЦУР ООН лишь одна имеет непосредственное отношение к вопросам городского

развития (Цель № 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов») [2].

Города мира чрезвычайно сильно различаются по составу населения, экономической специализации, культурным практикам. Поэтому для формирования универсальной основы жизнестойкого развития наиболее перспективным видится апеллирование к вопросам, связанным со здоровьем горожан. Концепцией, которая наиболее полно отражает эту проблематику, является городское здоровье (urban health).

Ее автор – американский эпидемиолог Калифорнийского университета в Сан-Франциско Дэвид Влахов. Согласно его модели, городское здоровье можно разделить на пять элементов:

- природная и городская среда;
- социальная и экономическая среда;
- продовольственная безопасность;
- доступность и качество медицинских услуг;
- характеристики населения.

Из этого перечня видно, что концепция учитывает как собственно медицинские и урбанистические факторы, так и социально-экономические, экологические и демографические. Методологический подход исходит из оригинального определения изучаемой проблемы: «...под здоровьем города (urban health) понимается его способность реагировать и отвечать на вызовы здоровью населения для достижения людьми состояния полного физического, душевного и социального благополучия, понимаемого не только как отсутствие болезней» [3]. В качестве ключевого слова здесь можно выделить «вызовы», то есть практика нацелена не только на оценку, но и на предложение решений.

Городское здоровье влияет на уровень жизнестойкости в условиях сильных и внезапных шоков: чем здоровее население города, тем эффективнее город реагирует на вызовы, тем менее опасны риски и тем быстрее проходит восстановление от их негативных последствий. Таким образом, для нас городское здоровье, по аналогии с видением Всемирной организации здравоохранения [4], – способность города реагировать на вызовы здоровью населения для достижения людьми состояния полного физического, душевного и социального благополучия, понимаемого не только как отсутствие болезней. Это понятие можно также определить через комплекс свойств, влияющих на адаптивность к изменяющимся социально-экономическим, климатическим, экологическим и технологическим условиям. Город с хорошим здоровьем обладает большей жизнестойкостью и за счет этого способен смягчать воздействие рисков.

Использование сочетания концепций городского здоровья и жизнестойкости позволяет отойти от чрезмерного фокуса на вопросах экологии, зачастую не находящихся в сфере ответственности городов. Для наиболее эффективного развития городов в XXI в. видится оптимальным сочетание политических решений на уровне регионов и государств в вопросах, связанных с экологией и устойчивым развитием, с повышенным вниманием к вопросам городского здоровья непосредственно на уровне муниципалитетов и городских агломераций.

Библиографические ссылки

1. Our Common Future [Electronic Resource]. Mode of access: <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm>. Date of access: 18.10.2023.
2. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities>. Дата обращения: 18.10.2023.
3. Handbook of Urban Health: Populations, Methods, and Practice / eds. S. Galea, D. Vlahov. NY.: Springer, 2005. 614 p.
4. Urban Health [Electronic Resource]. Mode of access: <https://www.who.int/health-topics/urban-health>. Date of access: 18.10.2023.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ КАМПУСА МИРОВОГО УРОВНЯ «НЕЙМАРК» В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Д. А. Андреев, Е. И. Шишлов

Национальный исследовательский университет ИТМО
пр. Кронверкский, 49, 197198, Санкт-Петербург, Россия
idu@itmo.ru

Санкт-Петербургский Государственный Университет
наб. Университетская, 7-9, 199034, Санкт-Петербург, Россия
sir@spbu.ru

Аннотация. В рамках нового федерального проекта «Создание сети современных кампусов» в городах России появятся не менее 25 кампусов мирового уровня. Один из них – межвузовский ИТ-Кампус «Неймарк» в Нижнем Новгороде. В данной работе приводятся рассуждения о том, как новый кампус будет задействован в создании инновационной предпринимательской среды в регионе. Для этого был изучен сам федеральный проект, рассмотрено, какой курс выбрало российское государство в области цифровой экономики. Кроме того, охарактеризована среда, созданная на данный момент в регионе в области цифровой экономики, развития инноваций и молодежного предпринимательства.

Ключевые слова: кампус; предпринимательство; ИТ; инновации; государство.

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP AND INNOVATION BY THE EXAMPLE OF THE WORLD-CLASS NEIMARK CAMPUS IN NIZHNIY NOVGOROD

D. A. Andreev, E. I. Shishlov

National ITMO Research University
pr. Kroverkskiy, 49, 197198, St Petersburg, Russia
idu@itmo.ru

St Petersburg State University
emb. Universitetskaya, 7-9, 199034, St Petersburg, Russia
sir@spbu.ru

Abstract. Within the framework of the new federal project «Creation of a network of modern campuses» at least 25 world-class campuses will appear in Russian cities. One of them is the Neymark Interuniversity IT Campus in Nizhniy Novgorod. This paper provides considerations on how the new campus will be involved in creating an innovative entrepreneurial

environment in the region. For this purpose, the federal project itself has been studied, and the course chosen by the Russian state in the digital economy has been considered. In addition, it is analyzed in detail what kind of environment has been created in the region so far in the field of digital economy, innovation development and youth entrepreneurship.

Keywords: *campus; entrepreneurship; IT; innovations; state.*

Университеты важны для городов как центры инноваций, так как они стали точками притяжения молодых студентов, исследователей, ученых. Кампусы вузов стремятся к постоянному улучшению инфраструктуры для поддержки этих специалистов. Сегодня кампусы – многофункциональные кластеры, обеспечивающие полный жизненный цикл студентов и сотрудников. В современном кампусе есть не только аудитории, общежития, но и лаборатории, спортивные объекты, коворкинги и зоны отдыха. Преобразование среды кампуса – есть инвестиция в интеллектуальный капитал сотрудников и студентов, которые задействованы в экономическом развитии.

Понимая всю важность кампусов с точек зрения урбанистики и экономики, правительство РФ запустило в 2021 г. новый федеральный проект «Создание сети современных кампусов». Одним из городов, в котором будет построен новый кампус мирового уровня, станет Нижний Новгород. Именно проведение этого федерального проекта означает высокую *актуальность* данного исследования. Нижний Новгород был выбран как исследуемый город, потому что новый межвузовский кампус будет специализироваться на ИТ и инновациях.

Цель данной статьи – изучить, как новый межвузовский российский кампус задействован в формировании предпринимательской среды в Нижнем Новгороде.

Для выполнения цели были поставлены следующие *задачи*:

- рассмотреть строительство «Неймарк» в городской среде;
- проанализировать государственную политику в области инновационного студенческого предпринимательства;
- оценить, как «Неймарк» удовлетворяет интересы акторов на разных уровнях.

Благодаря федеральному проекту «Создание сети современных кампусов», до 2030 года в разных городах России построят как минимум 25 кампусов, в которых смогут разместиться более 150 тыс. студентов и сотрудников [1]. Для отбора учитываются города с населением от 300 тыс. человек и не менее, чем с 4 вузами. Одним из 17 городов, определенных на данный момент для участия в программе, стал Нижний Новгород. Планируется, что проект будет завершен в 2025 году.

В своей работе «Кампусы университетов» О. Л. Кашко дает следующую классификацию кампусов как градостроительных объектов: кампус «гринфилд» (то есть строящийся на новом месте) и кампус реконструируемый или встраиваемый в существующую городскую ткань [7, с. 80]. А. П. Яр-Скрябина, автор проекта из Архитектурной студии 44, утверждает: «Кампус расположен в городском контексте – поэтому здесь взаимодействие с городом для нас было очень важной частью проекта; собственно мы трактовали кампус как город, встроили его в город на разных уровнях. Мы постарались встроить наши здания в эту историческую структуру, нашли связь с Кремлем, с монастырями, хотя, разумеется, учли и ближайший контекст» [8].

Нижегородский кампус рассчитан на 7 тыс студентов и имеет общую площадь новых построек в размере 216.4 тыс. м². «Неймарк» – межвузовский кампус, он предназначен для использования разными вузами города по необходимости. Здесь можно арендовать площади и учебные мощности любого профильного университета. Комплекс включает восемь функциональных зон: исследовательскую, жилую, образовательную, спортивную, предпринимательскую, культурно-досуговую, коммерческую и социальную. Все это позволит студентам, преподавателям и специалистам ИТ-компаний учиться, преподавать, исследовать, работать и создавать стартапы в рамках Квартала «12-21», который будет сформирован вокруг этого объекта как инновационный кластер [8].

Переходя к соединению кампуса и инновационного предпринимательства, стоит установить, какой курс избрало российское государство в этой области как медиатор в отношениях между ними.

С 2018 г. в России реализуются национальные программы, направленные на развитие ИТ-предпринимательства и увеличения числа ИТ-специалистов. В первую очередь такая реализация происходит через российские вузы. Речь идет о программах «Цифровая экономика» и входящем в нее проекте «Кадры для цифровой экономики» [14].

Следствием этого стал активный подъем студенческого предпринимательства, в частности, через программы выдачи грантов. В 2021 г. был запущен проект «Платформа университетского технологического предпринимательства» [10]. Так, например, в 2022–2023 учебном году Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Содействия Инновациям, ФСИ) поддержал 1500 студенческих технологических инициатив финансированием в 1 млн рублей [5].

Молодые предприниматели из Нижнего Новгорода стали активными участниками этого проекта. В рамках грантового конкурса «Студенческий Стартап» от ФСИ нижегородские студенты получили финансирование на

передовые проекты по современной энергетике, развитию ИТ, внедрению Искусственного Интеллекта в существующие технологии, медицине, развитию БПЛА и аграрной сферы [11; 12].

Нижний Новгород презентует себя как город, способствующий развитию компьютерных и инновационных технологий. Как утверждает Губернатор региона Глеб Никитин: «Для Нижегородской области ключевое природное богатство – это интеллектуальный капитал. Почти полторы тысячи ИТ-компаний, 3800 ИТ-предпринимателей, свыше 30 000 ИТ-специалистов, 6 университетов с ИТ-специальностями и третье место по объему производства и экспорта ПО в России – это Нижний Новгород сегодня. И чтобы расти дальше – стать ИТ-хабом мирового уровня – мы строим специализированный ИТ-кампус» [6]. Созданы два технопарка, десять бизнес-инкубаторов, инновационный научно-технологический центр «Квантовая долина» [3].

«Неймарк», в свою очередь, будет способствовать развитию предпринимательства в регионе. Для этого будет создан региональный инвестиционный фонд, который будет поддерживать стартапы и технологических предпринимателей. Как утверждает Минобрнауки, развитие образования, науки и предпринимательства в Кампусе будет продвигаться одновременно в нескольких направлениях: микроэлектроника (полный цикл) и телеком, ИИ и системы поддержки принятия решений, кибербезопасность и ИИ, программно-аппаратные комплексы, беспилотные технологии, интернет вещей и смешанная реальность [6]. Кроме того, для проекта предлагают запустить специализированный предпринимательский трек на обучение, который даст возможность поступать в вузы кампуса без вступительных испытаний [4].

Важно не обойти вниманием соглашения о сотрудничестве, которые заключены между «Неймарком» и потенциальными крупными инвесторами в сфере технологического предпринимательства. Кампус сотрудничает с «Сбер», «МТС» и «Huawei». Кроме того, с «Неймарком» сотрудничают такие гиганты ИТ-отрасли как Globus, Yadro и Lad [13]. В перспективе это позволит выходцам из кампуса проходить стажировки, претендовать на офферы, а также получать актуальный опыт в сфере ИТ. Это повысит общий уровень качества ИТ-услуг в стране и регионе, а в будущем поможет создать больше рабочих мест и сделать Нижний Новгород одним из ведущих ИТ-центров Российской Федерации.

Поддержка самых молодых исследователей могла бы стать особенностью кампуса. «Неймарк» мог бы стать новой площадкой для школьных фестивалей. Примером тому может служить II Международный фестиваль «ТехноСтрелка», который проводился в Нижнем Новгороде. В нем

приняли участие более 600 школьников в возрасте 12–18 лет из 40 регионов России [9].

Суммируя все вышесказанное, «Неймарк» – прекрасный пример реализации национальных программ по развитию цифровой экономики. Нижний Новгород, как отмечается в статье, уже является крупным центром студенческих технологических инноваций, дальнейшее развитие региона в данном направлении приведёт к формированию в Нижнем Новгороде нового ИТ-центра России.

В проекте Нижегородского кампуса, разработанном архитектурной студией 44, особое внимание уделялось взаимодействию с городом и интеграции в его историческую структуру. Кампус предназначен для использования разными вузами города и включает восемь функциональных зон. «Неймарк» создаст условия для образования, исследований, предпринимательства и культурных мероприятий. Он также будет служить инновационным кластером для студентов, преподавателей и специалистов ИТ-компаний.

Таким образом, в Нижний Новгороде прослеживается динамичное формирование современной технологичной предпринимательской среды. «Неймарк», в свою очередь, станет ключом в развитии инноваций на разных уровнях. Во-первых, студенты получают доступ к современному оборудованию, а наличие технопарка и инкубатора будет способствовать развитию нетворкинга между студентами, предпринимателями, трекерами и инвесторами. Во-вторых, благодаря качественным инвестициям в интеллектуальный капитал, в том числе, созданию нового кластера, регион становится более привлекательным для ИТ-специалистов. В-третьих, новый кампус – вклад в будущее школьников и абитуриентов региона, так как «Неймарк» предоставляет специализированный предпринимательский трек для упрощенного поступления в вуз и может стать площадкой для школьных научных фестивалей. Наконец, кампус станет важной вехой в программе развития цифровой экономики Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Акт Министерства науки и высшего образования РФ «СТАНДАРТ Инновационной образовательной среды (кампусов) (новая редакция)» от 11.05.2023 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Министерства науки и высшего образования РФ. Режим доступа: <https://xn--80athfecnr.xn--p1ai/documents/download?id=14>. Дата доступа: 15.10.2023.

2. Астапенкова Т. Минобрнауки доработает стандарт по созданию кампусов, включив элементы экосистемы технологического предпринимательства [Электронный ресурс] // Учительская Газета. 23.08.2023. Режим доступа: <https://ug.ru/minobrnauki->

dorabotaet-standart-po-sozdaniyu-kampusov-vklyuchiv-elementy-ekosistemy-tehnologicheskogo-predprinimatelstva/. Дата доступа: 11.10.2022.

3. Будущее региональной «Цифры» [Электронный ресурс] // РБК+. Режим доступа: <https://nn.plus.rbc.ru/partners/649ad5717a8aa93743ef3a82>. Дата доступа: 13.10.2022.

4. В России создадут кампусы с условиями для технологического предпринимательства [Электронный ресурс] // RG.RU. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/23/v-universitetskih-kampusah-sozdatut-usloviia-dlia-tehnologicheskogo-predprinimatelstva.html>. Дата доступа: 12.10.2023.

5. Дмитрий Чернышенко: 1,5 тысячи студентов российских вузов получают по миллиону рублей на стартап [Электронный ресурс] // Фонд содействия инновациям. Режим доступа: <https://www.fasie.ru/press/fund/dmitriy-chernyshenko-1-5-tysyachi-studentov-rossiyskikh-vuzov-poluchat-po-millionu-rubleu-na-startap/>. Дата доступа: 9.10.2023.

6. Информационный хай-тек. В какие сферы жизни нижегородцев уже пришел искусственный интеллект и каковы перспективы его развития [Электронный ресурс] // Стратегия развития Нижегородской Области. Режим доступа: <https://strategy.nobl.ru/stati/informacionnye-tekhnologii/informacionnyij-xaj-tek.-v-kakie-sferyi-zhizni-nizhegorodczev-uzhe-prishel-iskusstvennyij-intellekt-i-kakovy-perspektivyego-razvitiya>. Дата доступа: 12.10.2023.

7. Кашко О. Л. Кампусы Университетов [Электронный ресурс] // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2016. № 4(25). С. 80–81. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kampusy-universitetov>. Дата доступа: 15.10.2023.

8. На горах [Электронный ресурс] // Archi.ru. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/98826/na-gorakh>. Дата доступа: 14.10.2023.

9. Нижегородский ИТ-кампус: Чем в нем будут заниматься и где уже сейчас готовят его будущих молодых специалистов [Электронный ресурс] // Стратегия развития Нижегородской области. Режим доступа: <https://strategy.nobl.ru/stati/informacionnye-tekhnologii/nizhegorodskij-it-kampus-chem-v-nem-budut-zanimatsya-i-gde-uzhe-sejchas-gotovyat-ego-budushhix-molodyix-speczialistov/>. Дата доступа: 12.10.2023.

10. Платформа университетского технологического предпринимательства [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/platform_utp/. Дата доступа: 09.10.2023.

11. Результаты конкурса «Студенческий Стартап» (III очередь) [Электронный ресурс] // Официальный портал Фонда Содействия Инновациям. Режим доступа: <https://www.fasie.ru/press/fund/studstartup-results-3/>. Дата доступа: 19.10.2023.

12. Результаты конкурса «Студенческий Стартап» (IV очередь) [Электронный ресурс] // Официальный портал Фонда Содействия Инновациям. Режим доступа: <https://www.fasie.ru/press/fund/studstartup-4-results/>. Дата доступа: 19.10.2023.

13. Сотрудничество [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Неймарк». Режим доступа: <https://neimark-it.ru/sotrudnichestvo>. Дата доступа: 18.10.2023.

14. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. № 474. Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2020/07/22/ukaz-dok.html>. Дата доступа: 18.10.2023.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО СОЗНАНИЯ

Р. Г. Ардашев

Сибирский юридический институт МВД России
ул. Рокоссовского, 20, 660131, Красноярск, Россия
ardachev.rg@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития городского сознания. Показываются основные иррациональные тенденции. На основе опроса жителей городов Красноярского края рассматриваются разнообразные иррациональные стратегии конструирования значимых форм городского мышления, сознания и идентичности; выделяются символическое содержание и индивидуальный контекст развития иррациональных форм городского сознания.

Ключевые слова: *городское сознание; городское мышление; иррациональность; эфемерность; идентичность.*

IRRATIONALITY OF URBAN CONSCIOUSNESS

R. G. Ardashev

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
St. Rokossovskogo, 20, 660131, Krasnoyarsk, Russia
ardachev.rg@bk.ru

Abstract. The article examines the features of the development of urban consciousness. The main irrational tendencies are shown. Based on a survey of residents of cities in the Krasnoyarsk region, various irrational strategies for constructing significant forms of urban thinking, consciousness and identity are considered; the symbolic content and individual context of the development of irrational forms of urban consciousness are highlighted.

Keywords: *urban consciousness; urban thinking; irrationality; ephemerality; identity.*

Любой город обладает своей неповторимостью, колоритом, менталитетом. Это все формирует уникальность городского сознания. Жителей одного города отличают собственные, особенные черты мышления, эмоциональной открытости, информационной и событийной наполненности и прочее. И зачастую, эти знания и ощущения формируются не столько через рациональный опыт осмысления и понимания (истории создания города, его социокультурных особенностей, экономических потребностей и политических условий), сколько через иррациональные условия ощущения

«своего» и «чужого» пространства, освоенного или не освоенного интуитивного опыта территориального моделирования.

Такие исследователи как О. А. Полюшкевич [4], В. А. Скуденков [5] указывают на особенности психогеографического восприятия любого городского пространства, отражающегося на социальных установках и ожиданиях и внутренних интуитивных открытиях публичных городских пространств, связанных с личным социальным и индивидуальным опытом. В своих ранних работах [1; 2; 3] мы подчеркиваем эфемерные черты городского сознания, выделяем роль пандемии в изменении восприятия городского пространства всеми социальными слоями горожан.

В данной работе мы опираемся на данные исследования горожан, проведенного в 2023 году в различных городах Красноярского края. В опросе приняло участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в городах от года до 75 лет.

В результате исследования выяснилось, что респонденты только в 30 % случаев указывали на влияние рациональных особенностей и условий на формирование сознания горожан и в 70 % говорили об иррациональных формах. Это соотношение указывает на большую значимость субъективного проживания и принятия особенностей городского пространства, чем на объективные условия и предпосылки.

К рациональным особенностям мы отнесли:

- экономические и социальные (*наличие предприятий, способных создать новые рабочие места, обеспечить занятость населения*);
- географические и климатические (*влияние климата на сезонность работ, условия и качества жизни, особенности постройки домов и обеспечения продовольствием, например, через северный завоз по льду рек*);
- исторические, религиозные и культурные (*национально-культурные и религиозные обычаи народов, исторически проживающих на данных территориях и / или осевших тут в результате миграции, а также процессы их ассимиляции и консолидации или дезинтеграции*).

К иррациональным особенностям мы отнесли

- мифологические (*восприятие какого-либо животного как духа-покровителя места, тотема города; наличие в городе «проклятых» мест*);
- конспирологические (*теории заговора; процессы и события, происходящие в городе и интерпретируемые жителями как влияние внешних сил, таких как заговор мирового правительства, воздействие древних или инопланетных цивилизаций, эксперименты с людьми посредством психотропное и биологическое оружие и проч.*);
- мистические (*влияние необъяснимых наукой процессов и событий, происходящих с людьми на определенной территории*).

Выявленные особенности сознания конструируются на уровне когнитивных представлений (знаний о том, что происходило или происходит, каковы особенности процессов и к чему они могут привести); на уровне аффективных переживаний (эмоциональных оценок, соучастия и эмпатии к происходящим событиям и явлениям в городском пространстве); на уровне поведенческих установок (реальных действий, направленных на трансформацию ситуации или соответствие ожиданиям через включенность в какое-то сообщество или какую-то деятельность). Это создает повседневное публичное пространство социального взаимодействия горожан.

Рациональные стратегии восприятия особенностей городского сознания в 60 % случаев конструируются через когнитивные представления, в 25 % – через деятельностные и в 15 % – через аффективные. Иными словами, более половины жителей знает, что включает в себя специфика того города, где они живут, но готова сама что-то делать только четверть жителей, а эмоционально включаться в происходящее и того меньше – 15 %.

В иррациональных стратегиях распределение иное: когнитивное восприятие является основным только для 30 % (знают реальные факты и аргументы в субъективной интерпретации формирования городского сознания), в аффективные стратегии через эмоциональное подключение и вовлечение в процессы психоэмоционального нагнетания вовлекается 55 %, а готовы реально что-то делать, чтобы обезопасить себя, защитить других и т. д. 15 % жителей.

Представленные результаты исследования показывают, что иррациональные стратегии городского сознания наиболее распространены и внедрены в различные уровни сознания горожан, они подчеркиваются многочисленными формами социального воспроизводства иррациональных установок в множестве сообществ и социальных групп, что становится одной из форм объяснения и конструирования специфики городского сознания в каждом муниципалитете.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов / научн. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 193–197.
2. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
3. Ардашев Р. Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск: Репроцентр+, 2021. С. 125–128.

4. Полюшкевич О. А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.

5. Скуденков В. А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов / научн. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 180–182.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

И. А. Барсук, В. В. Лукашевич

УО Академия МВД РБ

пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Республика Беларусь

bars-1979@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена специфика коммуникативной практики управленческой деятельности в правоохранительных органах.

Ключевые слова: *коммуникация; коммуникативная практика; управленческая деятельность; управление; правоохранительные органы.*

THE SPECIFICS OF THE COMMUNICATIVE PRACTICE OF MANAGERIAL ACTIVITY IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

I. A. Barsuk, V. V. Lukashevich

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Masherov Avenue, 6, 220005, Minsk, Republic of Belarus

bars-1979@yandex.ru

Abstract. The article presents the specifics of the communicative practice of managerial activity in law enforcement agencies

Keywords: *communication; communication practice; management activities; management; law enforcement agencies.*

Несмотря на очевидность индивидуального опыта, свою подлинную реализацию человек получает лишь в обществе, которое не только задает шкалу культурных ценностей, но и определяет степень уникальности каждой отдельной личности. Для описания человеческого существования особое внимание следует уделить системе «управление – правоохранительные органы», потому что на создание благоприятной среды в обществе, помимо политических, экономических, правовых, технико-технологических, социальных, криминогенных и других факторов, оказывает большое влияние деятельность руководителей правоохранительных органов по осуществлению эффективной служебной деятельности исполнителей.

Традиционно к правоохранительным органам в Республике Беларусь относят суд, прокуратуру, органы внутренних дел, предварительного

расследования, юстиции, обеспечения безопасности, государственного контроля, налоговые и таможенные органы. В данном контексте особую роль получают коммуникативные практики как процесс обмена информацией, предполагающий активную взаимосвязь двух или более субъектов взаимодействия. Если деятельность описывает способ отношения человека к объективированной действительности, то коммуникация характеризует сферу межличностного общения. Особое значение сегодня приобретает одна из фундаментальных теорий развития социума как общества модерна в концепции коммуникативного действия Юргена Хабермаса, на которого оказали заметное влияние Макс Вебер и Толкотт Парсонс. Концепция Хабермаса представляет собой наиболее репрезентативную попытку преодоления оппозиции методологического индивидуализма и партикуляризма.

В работе Хабермаса «Теория коммуникативного действия» выделяются четыре типа социального действия, представляющие, как и у Вебера, общество как результат рационализации и объективации [1]. Однако, в отличие от Вебера, Хабермас характеризует общество модерна как диалектически противоречивое целое, в котором его компонентам соответствуют разные типы социального действия. При этом он переосмысливает теории марксизма и постмарксизма [2]. Так, общество модерна описывается Хабермасом как состоящее из системы и «жизненного мира», которые, в свою очередь, гетерогенны: система включает в себя подсистемы хозяйственной и государственно-управленческой деятельности, между которыми существует постоянная борьба за влияние, «жизненный мир», который можно уподобить гражданскому обществу, также пронизан борьбой между индивидуальной и коллективной формами общежития. Постоянное социальное напряжение сопутствует и отношениями между системой и «жизненным миром». В итоге, в теоретической модели Хабермаса общество предстает как самоорганизующееся гетерогенное целое, в котором составляющие его части оказываются необходимыми компонентами, обеспечивающими устойчивое развитие общества.

Основополагающая идея Хабермаса состоит в том, что правила речевого действия могут стать темой для юридического дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего в себя все виды и жанры профессиональной коммуникации – юридические документы (тексты законов, определения судов, письменные показания свидетелей, завещания и др.), публичную речь (обвинительные и оправдательные речи судей, вступительные и заключительные речи адвокатов, лекции, научные доклады по вопросам юриспруденции и т. д.).

Современные тенденции в развитии теории управления правоохранительных органов предполагают интенсивное освоение данных специализированных вопросов образовательных программ на постдипломном уровне. В соответствии с отечественными традициями, такие программы реализуются в процессе подготовки научных кадров на факультете повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров в УО «Академия МВД Республики Беларусь». Необходимость адаптации накопленного опыта и специализированной подготовки сотрудников правоохранительных органов в управленческой деятельности предполагает необходимость быстро их решать и адекватно использовать, так как их недостаточно эффективные механизмы имплицитно влияют на состояние профессионально-квалификационного уровня и влекут за собой неудовлетворенность условиями несения службы, а также отток кадров из системы. Поэтому, исследуя коммуникацию, отметим, что рассмотрение Другого как средства и Другого как цели продуцируют акцентирование новых средств коммуникации, в частности, Интернета, который будет влиять на возникновение новых проблем в контексте виртуального общения.

Библиографические ссылки

1. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, КАМІ, 1995. 256 с.

**ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОСТРАНСТВ: ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПАРАМЕТРЫ
СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

А. В. Беляев, И. В. Курохтин, А. В. Станкова
Национальный исследовательский университет ИТМО
пр. Кронверкский, 49, 197101, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
igor773012@gmail.com

Научный руководитель: д. филос. наук, доц. **Г. В. Горнова**

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимосвязь между ценностями молодежи, общественными пространствами и процессом вторичной социализации личности в городской среде посредством разработанной авторами методики, направленной на оценку и типологизацию ценностей посетителей общественных пространств на основе теории ценностей Рональда Инглхарта и методики качественных исследований городских пространств Яна Гейла. В статье описана и продемонстрирована работа авторской методики на примере г. Санкт-Петербурга. В результате анализа, основанного на данных опроса по разработанной методике, удалось выделить основные черты посетителей трех различных общественных пространств г. Санкт-Петербурга, а также разделить посетителей на три разные группы в соответствии с их жизненными ценностями и предпочтениями при выборе места досуга.

Ключевые слова: *молодежь; ценности; город; городская среда; общественное пространство; социокультурная группа; жизненные ценности; ценности в городе; ценности молодежи; социализация; вторичная социализация.*

**TYPOLGY OF USERS OF PUBLIC SPACES:
VALUE-ORIENTED PARAMETERS OF YOUTH SOCIALIZATION
IN URBAN ENVIRONMENT**

A. V. Belyaev, I. V. Kurokhtin, A. V. Stankova
ITMO University
Kronverksky Ave., 49, 197101, St. Petersburg, Russian Federation
igor773012@gmail.com

Scientific adviser: doctor of Philosophy, docent **G. V. Gornova**

Abstract. This article examines the relationship between the values of youth, public spaces and the process of secondary socialization in the urban environment on the basis of the

developed author's methodology, which is designed to evaluate and typologize the values of visitors to public spaces based on the values of Ronald Inglehart and the methodology of qualitative research of urban spaces by Jan Gehl. The article describes and demonstrates the work with the author's methodology on the example of St. Petersburg. As a result of the analysis based on the survey data according to the developed methodology, it was possible to identify the main features of visitors to three different public spaces of St. Petersburg, as well as to divide visitors into three different groups in accordance with their life values and preferences when choosing a place of leisure.

Keywords: *youth; values; city; urban environment; public space; socio-cultural group; life values; values in the city; values of youth; socialization; secondary socialization.*

Молодежь, как одна из ключевых социокультурных групп, играет существенную роль в формировании современной социокультурной динамики. Анализ ценностей и предпочтений молодежи приобретает стратегическое значение, поскольку это позволяет выявить эволюцию общественных изменений и сделать вклад в общее понимание динамики социокультурных трансформаций в современном обществе.

Концепция процесса социализации, предложенная французским социологом Габриэлем Тардом в конце XIX века, включает в себя явление подражания одних индивидов другим [1]. В современной городской среде социализация молодежи приобретает ключевое значение в формировании структуры общества – данный процесс включает человека в городские процессы, формирует его как отдельного актора с субъектным отношением к среде.

В качестве основных агентов социализации городских жителей выделяют семью, друзей, сверстников, людей, которых человек встречает в учебных и рабочих заведениях, в сети Интернет, в городской среде [2]. Город как среда социализации концентрирует население, одновременно дифференцируя его на разные социальные и территориальные группы. В результате формируются объекты городской среды, характеризующиеся особым набором факторов и активностей населения в них – общественные пространства. Характеристики этих общественных пространств могут оказывать значительное воздействие на процессы социализации молодежи. Инструментарий исследования открытых городских пространств довольно разнообразен: от качественных оценок комфортности среды с изучением отдельных показателей до количественных подсчетов посетителей общественных пространств и их активностей, что и было применено авторами в данной работе.

В рамках исследования были выбраны три пространства: площадь около ТРЦ «Галерея», Сад Сан-Галли и лофт-проект «Этажи», так как они являются

одними из центров притяжения молодёжи в г. Санкт-Петербурге, а также обладают географической связанностью (располагаются в пешей доступности друг от друга). Все из них были проанализированы по критериям Яна Гейла, что дало основания сделать следующие выводы: все исследуемые пространства защищены от транспортных потоков, в каждом из них есть возможность посидеть, постоять и походить. Дальнейшее изучение среды каждого пространства различает их между собой по признаку внутренней наполняемости. Суммарное количество баллов респондентов по всем критериям ранжирует пространство следующим образом: лидером стал сад Сан-Галли, получивший наиболее высокую оценку среды. На втором месте располагаются проект «Этажи», и только затем площадь у ТРЦ «Галерея» [3].

Исследование ценностей имеет особое значение в контексте анализа общественных пространств, так как они играют ключевую роль в процессе вторичной социализации, которая происходит в ходе взаимодействия между индивидуумами, основанном на ценностях индивида. Макс Вебер определил ценности как «убеждения, которые являются основой для принятия решений и определяют поведение людей в обществе» [4]. Эта связь между «убеждениями» и «поведением людей в обществе» подчеркивает важность взаимосвязи между социализацией и ценностями.

Для достижения целей исследования был разработан опрос, в основу которого была положена классификация Рональда Инглхарта, используемая в изучении ценностно-ориентированного подхода к управлению умным городом как наиболее подходящая для исследования ценностей пользователей городской среды [5]. Опрос, направленный на определение ценностей пользователей городских пространств, включает в себя параметры, относящиеся к жизненным ценностям респондентов, а также к оценке возможностей исследуемых городских пространств. Данные параметры связаны между собой общими индикаторами следующим образом: качественный досуг – возможность общаться с друзьями, возможность отдохнуть в одиночестве; культурное развитие – возможность культурного познания; социальное равенство – чувство принадлежности к обществу пространства, чувство социальной безопасности в пространстве; социальная реализация – возможность быть собой (проявить себя); творческое развитие – возможность творческого развития; профессиональное / учебное развитие – возможность профессионального / учебного развития, возможность работать / учиться в пространстве; сохранение здоровья – возможность поддерживать здоровый образ жизни; природная среда – возможность наслаждаться природой.

В ходе исследования использовалась методика оценки при помощи шкалы Лайкерта, где респондентам предлагалось оценивать каждый параметр по шкале от 1 (наименее значимо) до 5 (наиболее значимо). Опрос проводился в течение нескольких будних дней (в 2023 г.) в вечернее время, среди респондентов в возрасте от 14 до 35 лет, посетивших исследуемые общественные пространства более одного раза. Общее число респондентов составило 43 человека.

В результате опроса удалось выявить, что наибольший процент довольных общественным пространством – 90 % – набрал лофт-проект «Этажи». Для Сада Сан-Галли и площади у ТРЦ «Галерея» показатель составил 63 % и 50 % соответственно. Отмечается резкое снижение оценок важности качественного досуга и культурного развития среди посетителей сада, что может свидетельствовать о недостаточной интеграции в городскую среду и низкой степени усвоения городских ценностей.

Основной целью посещения всех исследуемых мест среди большинства респондентов была возможность «пообщаться с друзьями / партнёрами» (25 %, 75 % и 63 % респондентов соответственно на площади у ТРЦ «Галерея», саду Сан-Галли и «Этажах»). Второй по популярности причиной посещения площади является возможность поработать / поучиться и приобрести какие-либо товары (19 % от общего числа опрошиваемых). В «Этажах», помимо возможности пообщаться, самой популярной была определена такая цель посещения, как «возможность посещения культурных мероприятий» (26 %).

Во всех трёх местах значительное число респондентов отмечало необходимость увеличения количества зелёных насаждений (44, 42 и 38 процента опрошиваемых на площади, в «Этажах» и в саду соответственно). В саду Сан-Галли увеличение количества зелени закономерно не являлось самым популярным ответом, больше всего респондентов волновала необходимость увеличения безопасности (63 %), впрочем, и в «Этажах» данной проблемой обеспокоены 16 % респондентов. Среди посетителей «Этажей» 26 % отмечали необходимость увеличения возможностей для досуга и культурного познания.

Описания посетителями каждого места демонстрируют разнообразные восприятия и ассоциации. «Этажи», в представлении их посетителей, являются в первую очередь «неформальным» (в т. ч. «неординарным», «нестандартным») местом, где «шумное», «душное» и «многолюдное» место в представлении одних респондентов соседствует со «спокойным», «релаксирующим», «комфортным», «просторным» и «дружелюбным», с другой стороны. Кроме того, «Этажи» часто ассоциируются у респондентов с «ярким», «многогранным», «радостным» и «весёлым» местом. В описании

сада Сан-Галли присутствует неоднозначность. Так, для одних он представляется «спокойным» и «тихим» местом, а для других – «шумным», «беспокойным» и «небезопасным». Площадь у ТРЦ «Галерея» ассоциируется у посетителей с «модным» и «молодёжным» пространством. При этом место описывается как «тесное», «серое» и «многолюдное».

При анализе данных, полученных в ходе опроса, был проведён также корреляционный анализ, который позволил выявить умеренно положительную связь между ценностями респондентов и возможностями места (оценка респондентов общественного пространства) на уровне значимости 0,01, что указывает на высокую степень достоверности связи и служит достаточным основанием для дальнейших выводов. Корреляционная связь между ценностями и возможностями места была обнаружена для следующих пар: культурное развитие – возможность культурного развития (коэффициент корреляции (далее – коэф.кор.): 0,477); творческое развитие – возможность творческого развития (коэф.кор.: 0,566); профессиональное развитие – возможность проявить себя (коэф.кор.: 0,531); профессиональное развитие – возможность общаться (коэф.кор.: 0,485); природная среды – возможность общаться (коэф.кор.: 0,403).

В результате проведенных исследований была проведена типологизация молодежи по ценностно-ориентированным параметрам социализации, благодаря чему удалось выявить следующие группы посетителей исследуемых пространств:

1. «изолированная группа», менее социализированная в целом. В этой группе в наименьшей степени сформулированы ценности. Формируется она как постоянная закрытая социальная группа с наименьшей интеграцией в общество. Зачастую члены этой группы выбирают сад (Сад Сан-Галли), где нет иных активностей, кроме досуга (можно посидеть в одиночестве или пообщаться с друзьями);

2. «потребители», показывающие высокую ценность работы. Они рассматривают место для встреч и покупок как место социализации и чаще всего выбирают место потребления (ТРЦ «Галерея»);

3. «творческое сообщество», демонстрирующее высокую ценность культурного, творческого развития. Эта группа чаще всего выбирает место проведения различных мероприятий (лофт-проект «Этажи»), где и проходит их дальнейшая социализация.

Таким образом, на основании сопоставления жизненных ценностей посетителей общественных пространств с оцениваемыми возможностями места можно выделить различные типы посетителей, что дает возможность понимания пользователей, их ожиданий от того или иного пространства. Этот аспект важен для определения соответствия желаемых активностей в

пространстве с их функционалом, учет чего поможет при дальнейшем развитии общественного пространства, например, при выборе новых резидентов и размещении новых функциональных зон. Кроме того, разработанная методика может быть полезна урбанистам, которые принимают решения по развитию территории и увеличению её функциональности.

Библиографические ссылки

1. Тард Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011. 302 с.
2. Спесивцев С. А. Социализация современной российской молодежи: проблемные аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №. 1. С. 57–60.
3. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 263 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
5. Митягин С. А., Горнова Г. В., Дрожжин А. И., Сокол А. А. Ценностно-ориентированное управление в умном городе // International Journal of Open Information Technologies. 2021. No 12. P. 104–109.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ

Е. Д. Беспанская-Павленко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
bespanskaya@bsu.by

Аннотация. В данной статье анализируются основные социально-психологические проблемы, связанные с процессом увеличивающейся урбанизации. Рассмотрены взгляды отечественных и зарубежных авторов на определение урбанизации, выделены ключевые аспекты ее влияния на психологическое, физическое и социальное благополучие личности современного человека. Описаны факторы, влияющие на возникновение психологических проблем населения, такие как высокий темп городской жизни, большое количество социальных контактов, большая плотность застройки, ухудшение экологии, информационная перегрузка. Отмечается, что своевременные профилактические мероприятия специалистов разного профиля, таких как психологи, социальные работники, социальные педагоги, медицинские работники, могут помочь в предотвращении деструктивных последствий урбанизации и преодолении сложных периодов жизни, вызванных их негативным влиянием в ситуации непрекращающейся урбанизации общества.

Ключевые слова: *урбанизация; психологическое благополучие; социальное благополучие; тревога; стресс.*

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF URBANIZATION

E. D. Bepanskaya-Pavlenko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
bepanskaya@bsu.by

Abstract. This article analyzes the main social and psychological problems associated with the process of increasing urbanization. The views of domestic and foreign authors on the definition of urbanization are considered, and key aspects of its influence on the psychological, physical and social well-being of the personality of a modern person are highlighted. The factors influencing the occurrence of psychological problems of the population are described, such as the high pace of urban life, a large number of social contacts, high building density, environmental degradation, and information overload. It is noted that timely preventive measures by specialists in various fields, such as psychologists, social workers, social educators, medical workers, can help in preventing the destructive consequences of urbanization and overcoming

difficult periods of life caused by their negative impact in a situation of continuous urbanization of society.

Keywords: *urbanization; psychological well-being; social well-being; anxiety; stress.*

Современное общество стремительно развивается, происходят качественные изменения всех сфер жизни социума. Мы живем в период становления шестого технологического уклада, тотального внедрения цифровых технологий в условиях постоянной урбанизации. Эти процессы стремительны и неотвратимы. Количество людей постоянно увеличивается в мировом масштабе. На сегодняшний день население планеты насчитывает более 8,1 миллиарда человек, более 4 миллиардов из них проживает в городах. По данным Национального статистического комитета РБ, население Республики Беларусь в 2023 году составляет 9,2 миллиона человек, доля городского населения в Беларуси в 2023 году составила 78 %.

Даже рассматривая урбанизацию в узком смысле слова как увеличение количества городов и процесса концентрации населения в городах, можно выделить связанные с этим факторы, влияющие на возникновение психологических проблем в обществе. Это высокий темп городской жизни, большое количество социальных контактов, большая плотность застройки, ухудшение экологии, общая агрессивность. Исследования показывают, что проживание в густонаселенных районах с высоким уровнем шума и загрязнения воздуха может повысить риск развития депрессии, тревоги и других аффективных расстройств [1].

Известно, что шум непосредственно влияет на психическое состояние человека. Шум повышает уровень страха, а также вызывает эмоциональный стресс. Исследования показывают, что длительный громкий шум или, что еще хуже, нерегулярный прерывистый интенсивный шум, характерный для современного городского пространства, может вызвать антиобщественное поведение у людей. Шум на грани допустимых изменений меняет ритм активности, искажает социальное поведение и особенности взаимодействия людей, что очень важно с точки зрения восприятия окружающей среды, а также способствует повышению уровня адреналина, что психологически проявляется временным исчезновением чувства уединенности, спокойствия, и, наоборот, возникновением меланхоличного настроения, повышением уровня страха и незащищенности [2].

По данным ВОЗ, у городских жителей риск развития тревоги и расстройств настроения почти на 50 % выше, чем у сельских. Недостаток зеленых насаждений в городах также связан с риском возникновения данных психических расстройств. Жизнь в более зеленой среде улучшает физическое

и психическое здоровье, способствуя физической активности, ускоряя психологическое восстановление и снятие стресса.

Жизнь в урбанизированной среде может также влиять и на ухудшение физического здоровья человека. Малоподвижный образ жизни, отсутствие необходимого количества физических нагрузок приводит к снижению мышечного тонуса, уменьшению выносливости и развитию вегетососудистой дистонии, нарушению любого вида обмена веществ. Постепенно гиподинамия может приводить к нарушениям в работе костной, сердечно-сосудистой, дыхательной и эндокринной системы. Кроме того, часто нарушается регуляторная работа головного мозга, понижается его общая активность, появляется быстрая утомляемость, общая слабость и эпизоды бессонницы [3]. Высокий уровень загрязнения воздуха, повышающий риск возникновения респираторных заболеваний, болезней сердца и других проблем со здоровьем, могут приводить к повышенному уровню стресса, тревоги и депрессии.

С процессом урбанизации связано увеличение информационных потоков и, как следствие, появление информационной перегрузки, испытываемой человеком. Внедрение цифровых технологий в нашу жизнедеятельность существенно влияет на социальные, экономические, политические отношения, складывающиеся в обществе. Постоянно увеличивается количество информации, обрушивающейся на человека, которое он не в состоянии качественно обработать, что приводит к значительным перегрузкам нервной системы. На 2020 год объем информации в мире удваивался каждые два месяца. Для примера, в XIX веке, несмотря на бурный рост науки и развитие технологий, объем информации удваивался каждые пятьдесят лет. Объемы и скорость появления новой информации растут. Параллельно с этим идет быстрый процесс устаревания знаний. Система образования не всегда успевает реагировать на изменяющиеся запросы социума при подготовке компетентных и эффективных в новых условиях специалистов.

Например, для подростков одной из актуальных в их возрасте является задача профессионального самоопределения и построения индивидуальной жизненной траектории. Но в современном мире, наполненном потоками разнообразной информации, в том числе о возможностях и разных способах реализовать свои жизненные цели, она отягощается связанной с этим, неопределенностью окружающей среды. Поэтому часто подростки склонны откладывать принятие значимых решений. Родителям также сложно оказать им поддержку в принятии эффективного решения и осуществлении планирования в силу непредсказуемости развития общества, стремительного

устаревания профессий. Все это может приводить к росту напряжения и тревоги.

Если рассматривать урбанизацию в широком смысле слова как мировой исторический процесс повышения роли городов в жизни общества, постепенного превращения его в городское по характеру труда, образу жизни, культуры, что связано с развитием цивилизации, ходом научно-технического прогресса [4], то можно выделить и другие связанные с этим процессом проблемы, возникающие в социуме.

В исследованиях ряда ученых установлено, что быстрый рост доли городского населения приводит к снижению безопасности как городского, так и сельского населения. При этом угрозы безопасности являются более значимыми для уязвимых категорий населения в городах, что снижает качество их жизни и создает социальное напряжение. Авторы обращают внимание на такие негативные аспекты урбанизации, которые проявляются в безработице, росте преступности и ухудшении криминогенной ситуации, усложнении обеспечения жильем [5].

Кроме того, в исследованиях отмечается связь процессов урбанизации с появлением у человека чувства одиночества и изоляции. Страх и чувство одиночества тяготят человека и могут стать весьма болезненными переживаниями. Такие состояния характеризуются ощущениями оторванности личности от сообщества людей, семьи, исторической реальности, гармоничного природного мироздания. Все это сопровождается страданием, дисгармонией, проявлениями психологического кризиса, обусловленного отсутствием значимого личностного переживания смысла жизни. Опасными последствиями таких переживаний страха и одиночества в урбанизированной среде могут быть: аффективные расстройства, депрессия, проявление различных форм аддикций (алкоголизация, наркомания), отчуждение, социальная изоляция, аутодеструктивное поведение, суицидальное поведение.

Таким образом, можно отметить, что происходящие в последнее время стремительные процессы трансформации социальной организации общества, урбанизации и глобализации имеют ряд негативных последствий для психологического и социального благополучия личности. Поскольку происходящие изменения необратимы, вопросы психологической профилактики, психогигиены и психологической коррекции проблем населения в условиях урбанизированной среды становятся одними из важнейших задач в сфере охраны психического здоровья человека.

Библиографические ссылки

1. Шпаковский А. Ю. Влияние урбанизированной среды на психическое здоровье человека // Актуальные проблемы современной медицины и фармации 2022: сб. тез. докл. LXXVI Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, Минск, 20–21 апр. 2022 г. / под ред. С. П. Рубниковича, В. А. Филонюка. Минск, 2022. С. 1062.
2. Матюхин И. В. Одиночество в условиях мегаполиса // Урбанистика. 2015. № 2. С. 54–75.
3. Гришан М. А. Физиологические последствия гиподинамии для организма человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2018. Вып. 20. № 12. С. 70–73.
4. Рабкин В. С. Влияние городского пространства на культурную идентификацию человека в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. Культурология. 2015. № 8 (39). С. 13–14.
5. Ruel M. T., Haddad L., Garrett J. L. Rapid Urbanization and the Challenges of Obtaining Food and Nutrition Security // Nutrition and Health in Developing Countries. 2001. No 19. P. 465–482.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. Н. Блохин

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия
ул. Мичурина 5, 213407, Горки, Республика Беларусь
v_blakhin@bk.ru

Аннотация. Статья рассматривает широкий круг трансформаций, происходящих в современной городской среде. В условиях информационного общества новые технологии меняют ритм жизни горожан, структуру занятости, права и возможности. Кроме этого меняются ежедневные практики и способы межличностного взаимодействия, характер коммуникации, семейно-брачные отношения. Среди изменений есть как положительные и перспективные, так и негативные, серьезные вызовы, которые требуют поиска эффективных решений.

Ключевые слова: *город; трансформация; люди; общество; развитие; технологии; возможности; проблемы.*

TRANSFORMATION OF THE URBAN ENVIRONMENT IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

V. N. Blakhin

Belarusian State Agricultural Academy
Michurina 5, 213407, Gorki, Republic of Belarus
v_blakhin@bk.ru

Abstract. The article examines a wide range of transformations occurring in the modern urban environment. In the information society, new technologies change the rhythm of life of citizens, the structure of employment, rights and opportunities. In addition, daily practices and methods of interpersonal interaction, the nature of communication, and family and marital relations are changing. Among the changes there are both positive and promising, as well as problems and serious challenges that require the search for effective solutions.

Keywords: *city; transformation; people; society; development; technology; opportunities; problems.*

Современный период развития отмечен беспрецедентной урбанизацией и цифровизацией различных сфер жизни общества. Научно-технический прогресс разворачивается и трансформирует жизнь людей, в первую очередь, в крупных городах. Затем, с некоторым опозданием, произошедшие

изменения охватывают небольшие города и периферию. В ведущих странах цифровые технологии относят к категории безусловных приоритетов развития, поскольку без инноваций и их постоянного внедрения в жизнь, невозможно обеспечить устойчивое развитие.

Процессы развития информационного социума и всеобъемлющая цифровизация – задачи государственного уровня. Не исключением является и Республика Беларусь. В нашей стране действует концепция построения IT-страны. Формирование комфортной, безопасной и высокопродуктивной социально-экономической системы требует выработки комплексной стратегии и взаимодействия широкого круга ведомств, общественных институтов и конкретных специалистов.

Информатизация приводит к крупным сдвигам не только в социально-экономической сфере, но и в демографии, культуре, а также в ежедневных практиках взаимодействия людей. Кроме очевидных достоинств цифровизации, таких как минимизация издержек (например, экономия на аренде офисных помещений, логистических расходах, внедрение гибких систем организации труда), повышение потенциала для профессионального роста, обучения, личностного развития, стирание границы между городом и деревней, этот процесс несет и новые вызовы. Проявлением цифровой трансформации является постоянное уменьшение физических объемов технических устройств и, в то же время, их способность взаимодействовать с другими продуктами или системами. Неимоверно возрастают объемы цифровой информации, что влияет на образ жизни людей и способы общения между собой.

Среди наиболее актуальных проблем, связанных с внедрением цифровых технологий в жизнь человека, исследователи, как правило, упоминают цифровое неравенство. В городах с высоким уровнем жизни цифровые преобразования обычно происходят значительно быстрее, что ведет к появлению потребности и спроса на новые компетенции и навыки. Высокая динамичность профессиональной структуры города требует от людей способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям независимо от рода деятельности, сочетать не только технические, но и гибкие навыки: уметь работать в команде и эффективно коммуницировать, быть готовым решать нестандартные задачи, владеть иностранными языками, проявлять инициативу и креативный подход, быть толерантным к представителям различных культур, религий, убеждений [1].

Современные города сталкиваются с рядом вызовов, таких как быстрый рост населения, ухудшение экологической обстановки, потребность в улучшении качества жизни граждан. Инновации в развитии городов помогают справиться с этими вызовами и создать устойчивую,

интеллектуальную и комфортную городскую среду. Вот некоторые из инноваций развития современных городов:

1. смарт-технологии и интернет вещей (IoT) – использование датчиков и смарт-устройств, собирающих информацию о состоянии города и его инфраструктуры. Так, например, умные датчики мониторят уровень загрязнения воздуха, регулируют осветительные системы, оптимизируют потоки транспорта и предоставляют горожанам доступ к информации о городских услугах через мобильные приложения;

2. умное управление – использование аналитических платформ и системы управления данными для принятия данных о городском развитии. Это позволяет городским властям принимать осознанные решения на основе собранных данных и прогнозирования будущих потребностей города;

3. устойчивые энергетические системы – развитие чистых и возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветроэнергетика, а также использование энергоэффективных технологий и систем для снижения потребления энергии и выбросов углекислого газа;

4. зеленые инфраструктуры – создание и поддержка зеленых пространств, парков, садов на крышах и вертикальных садов. Это помогает улучшить качество воздуха, снизить температуру в городе и повысить благополучие горожан;

5. умная система транспорта – внедрение инноваций в транспортные системы, такие как системы электронной оплаты, умные парковки, автономные и электрические транспортные средства, позволяющие улучшить мобильность и сократить пробки в городе;

6. взаимодействие граждан – создание платформ для вовлечения граждан в процессы принятия решений, например, через электронное голосование, общественные дебаты, организацию местных сообществ и задействование граждан в уходе за городской инфраструктурой;

7. развитие инновационных бизнес-кластеров – создание инкубаторов и акселераторов стартапов, технопарков и технологических кластеров для поддержки инновационных предпринимателей и развития высокотехнологичных индустрий.

Инновации развития современных городов помогают сделать их более удобными, экологически чистыми и эффективными для жизни граждан. Цель таких инноваций – создать умные и устойчивые города, которые способствуют благополучию и развитию горожан [2].

Одним из ключевых элементов трансформации городской среды является цифровая инфраструктура. Технологический прогресс и развитие сетей связи позволяют создавать смарт-города, где различные объекты и системы взаимодействуют друг с другом.

Одним из основных направлений трансформации городской среды является улучшение услуг для горожан. Благодаря интуитивным интерфейсам и цифровым технологиям, становится проще получать доступ к городским услугам, таким как транспортные системы, медицинские услуги, образование, энергоснабжение и другие. Например, городские приложения позволяют горожанам заказывать такси, оплачивать парковку или получать информацию о графике общественного транспорта прямо с мобильного устройства.

Технологические инновации также способствуют улучшению мобильности в городах. Развитие электромобилей, кар- и иных шеринговых сервисов и автономных транспортных систем позволяет сократить пробки и загрязнение воздуха. Адаптивные системы управления трафиком и использование данных общественной транспортной системы помогают оптимально распределять потоки движения и улучшают передвижение горожан.

Таким образом, трансформация городской среды в условиях информационного общества открывает новые возможности для развития городов. Она позволяет усовершенствовать управление, улучшить качество жизни горожан, повысить эффективность городской инфраструктуры и снизить негативное влияние на окружающую среду.

Отдельной проблемой является кардинальное изменение повседневных практик и моделей поведения горожан. Нередко быстрые трансформации ведут к распространению разнообразного девиантного поведения. Вот несколько примеров таких девиаций:

1. стресс и тревога. Современные города часто представляют собой места с повышенным уровнем стресса и напряжения. В результате жители могут проявлять повышенную тревожность, раздражительность или иметь проблемы со сном. Такие девиации в поведении могут быть связаны с высокими рабочими нагрузками, быстрым темпом жизни, проблемами взаимоотношений и другими факторами;

2. социальная изоляция. В городах, где проживает большое количество людей, причем каждый часто живет в своем собственном ритме, многие люди могут чувствовать социальную изоляцию. Это проявляется в отсутствии связей с другими людьми, ощущении одиночества или трудностях в установлении новых отношений. Некоторые люди могут впадать в депрессию или страдать от повышенной тревожности из-за этой девиации;

3. зависимость от технологий. В городах развитие технологий наиболее интенсивное. Человек все чаще зависит от смартфонов, социальных сетей и других электронных устройств. Это может приводить к девиациям в

поведении, когда люди проводят слишком много времени в виртуальной реальности, играют в видеоигры или мало общаются с реальными людьми. Это негативно сказывается на здоровье и социальной адаптации;

4. потеря контакта с природой. Жители городов, особенно тех, в которых отсутствуют парки и зеленые зоны, могут испытывать девиацию, связанную с потерей контакта с природой. Отсутствие свежего воздуха, зеленых насаждений и просторов негативно влияет на физическое и психическое здоровье людей, вызывает чувство усталости или подавленности;

5. консьюмеризм. В современных городах расходы на потребление товаров и услуг нередко становятся основным фокусом жизни для многих людей. Они подвержены девиациям, связанным с потребительским образом жизни, где материальное накопление и обладание вещами важнее других аспектов, таких как отношения, социальное благополучие или саморазвитие.

Важно отметить, что эти девиации не всегда являются негативными и могут быть адаптацией к современной городской среде. Однако когда упомянутые отклонения начинают влиять на качество жизни и общее благополучие, важно стремиться к соблюдению баланса и заботиться о своем физическом и психическом здоровье [3].

Трансформация городской среды оказала серьезное влияние на институты семьи и брака. Жители городов сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, которые имеют влияние на их отношения и семейную жизнь.

Изменениям подвергаются представления о семье. Современные города способствуют разнообразию семейных форматов. Ранее семья ассоциировалась с традиционной моделью, где мужчина и женщина состоят в браке и воспитывают детей. Однако в городах становится все более распространенным выбор неконвенциональных форм семьи, таких как одиночные родители, однополые партнерства, бездетные пары или повторные браки с детьми от предыдущих отношений.

Среди горожан возникают новые роли и задачи. В городах люди сталкиваются с высоким уровнем занятости, стрессами и требованиями современной жизни. Это приводит к изменению ролей и задач внутри семей. Традиционная модель семьи, где мужчина работает, а женщина занимается домашними делами и воспитанием детей, не всегда применима в условиях городской жизни. В современных городах большинство супружеских пар работают на полную ставку и делят ответственность по дому и воспитанию детей.

Вступление в брак и рождение детей все чаще откладывается на более поздний срок. Городская среда предоставляет широкий спектр возможностей в карьере, образовании и личной жизни, что приводит к отсрочке брака и

рождения детей. Горожане массово переносят брак и деторождение на более поздние годы, чтобы сосредоточиться на себе, достижении карьерных целей и установлении финансовой стабильности. Особую ценность приобрело понятие личной свободы.

Изменяется восприятие брака. Горожане становятся более сознательными в своем выборе партнера и более осведомленными о правах и свободах в рамках брака. Брак сегодня рассматривается как союз двух равноправных партнеров, основанный на любви, взаимном уважении и поддержке, а не просто как обязательство или социальный статус.

Технологии и социальные медиа также оказывают значительное влияние на трансформацию семейно-брачных отношений. Они облегчают коммуникацию и поддержание связи с родственниками и друзьями из других городов или стран. Однако технологии приводят к удаленности, непродуктивным временным погружениям в Интернет и привыканию к виртуальным отношениям [1].

В целом, семья и брак продолжают эволюционировать в условиях современных городов. Люди стремятся адаптироваться к изменяющимся условиям, предпочитая более гибкие и индивидуальные подходы к своим отношениям и формированию семьи.

В условиях глобализации города превращаются в мультикультурные центры, своего рода плавильные котлы культур. Мультикультурность современных городов – явление, которое характеризует наличие различных культур, национальных и этнических групп в одном городе. Это явление становится все более актуальным в современном мире, где миграция играет огромную роль.

Мультикультурные города представляют собой смесь различных языков, религий, обычаев и традиций. Они являются местом, где люди могут встречаться, общаться и взаимодействовать, обогащая друг друга своими уникальными культурными практиками и опытом.

Одно из главных преимуществ мультикультурных городов – это культурное разнообразие. Люди из разных стран и культурных традиций могут обмениваться идеями, языком, кухней, искусством, музыкой. Это способствует преодолению стереотипов, расширению кругозора и созданию толерантного и инклюзивного общества.

Мультикультурные города также предлагают больше возможностей для экономического развития и инноваций. Разнообразие культур приносит новые идеи и перспективы, стимулируя креативность и предпринимательство. Благодаря этому, города становятся центрами культурной и экономической активности.

Однако мультикультурность также может вызывать определенные трудности. Например, горожанам необходимо адаптироваться к различным языкам и обычаям, учиться уважать культурное наследие других, а также решать проблемы, связанные с социальными и экономическими различиями.

Адаптация мигрантов в городах может быть сложной проблемой, влияющей на их индивидуальное благополучие и общественное взаимодействие. Современная миграция характеризуется глобальными перемещениями людей по различным причинам, таким как экономические, политические, социальные или экологические.

Одной из основных проблем адаптации является культурный разрыв. Мигранты часто оказываются в новой стране, где применяются иные культурные нормы, ценности и традиции. Это может вызвать чувство непринадлежности и затруднить процесс адаптации. Например, языковой барьер может вызывать трудности в общении и получении образования или работы. Различия в системе образования, правовых нормах, системе трудовой занятости и других аспектах жизни также могут быть вызовом для мигрантов.

Социальная адаптация нередко представляет сложности. Мигранты могут столкнуться с дискриминацией, предубеждениями и социальной изоляцией. Они могут испытывать сложности с включением в местное сообщество и нахождением новых социальных связей. Нехватка доступа к услугам здравоохранения, жилой недвижимости и социальной поддержке также влияет на их адаптацию.

Экономическая адаптация является еще одним сложным аспектом адаптации в целом. Мигранты сталкиваются с трудностями в поиске работы, особенно если у них отсутствует местное образование или опыт. Такие горожане оказываются на низкооплачиваемых работах или становятся жертвами эксплуатации. В некоторых случаях мигранты ощущают давление в плане собственного обеспечения и невозможности поддержать свою семью, что также создает трудности.

Правовой статус мигрантов тоже влияет на их адаптацию. В случае нелегальной миграции неминуемо возникают проблемы с доступом к социальным и экономическим правам. непонимание местной системы законодательства и процедур затрудняет интеграцию в городское пространство.

Однако, несмотря на эти проблемы, мигранты обычно являются важным ресурсом для города и страны, принимающих их. Они вносят вклад в экономику, культуру и общество новой страны. Правительства и общественные организации в состоянии помочь в адаптации мигрантам

путем предоставления доступа к услугам, образованию, поддержке при поиске работы и созданию инклюзивной среды для всех членов общества [2].

Важно отметить, что успешное управление мультикультурностью требует сбалансированного подхода и участия всех заинтересованных сторон. Города должны создавать условия для взаимодействия и интеграции различных культурных групп, обеспечивая равные возможности и защиту прав всех жителей.

Мультикультурность современных городов – это сложный и динамичный процесс, который способствует развитию и обогащению общества. Она позволяет людям узнавать друг о друге, сотрудничать и совместно решать проблемы, создавая города, где каждый может занимать свое место и вносить свой вклад в общее благо.

Таким образом, трансформация городской среды в условиях информационного общества – это процесс изменения и развития городов под влиянием информационных технологий и цифровых коммуникаций. Эта трансформация охватывает различные аспекты городской жизни, включая инфраструктуру, управление, услуги, мобильность, взаимодействие горожан, а также сферу семейно-брачных отношений.

Библиографические ссылки

1. Булавчук А. М. Цифровая трансформация развития городской среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digital-economy.ru/stati>. Дата доступа: 26.10.2023.

2. Гефнер О. В. Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах городов Западной Сибири) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/1/00905.pdf>. Дата доступа: 26.10.2023.

3. Лебедева Е. В., Денискина А. И. Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80/Desktop/3197-Article%20Text-28596-1-10-20201123.pdf>. Дата доступа: 25.10.2023.

ГОРОД КАК АКТОР ПОЛИТИКИ: ОТ АНТИЧНОГО ПОЛИСА К ГЛОБАЛЬНОМУ ГОРОДУ

А. М. Бобр

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
amb58@inbox.ru

Аннотация. В материалах анализируется роль и значение города как особого социального феномена политической динамики. Рассматриваются основные подходы к анализу причин возникновения города, проводится различие роли в политике древневосточных и античных городов. Раскрываются причины возрастания политической роли городов в средние века и Новое время. Анализируется феномен глобального города и его роли в политике на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: *город; политика; античный полис; урбанизация; политическая борьба; глобальный город.*

THE CITY AS A POLITICAL ACTOR: FROM THE ANCIENT POLIS TO THE GLOBAL CITY

A. M. Bobr

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
amb58@inbox.ru

Abstract. The materials analyze the role and significance of the city as a special social phenomenon of political dynamics. The main approaches to analyzing the reasons for the emergence of a city are considered, and a distinction is made between the role of ancient Eastern and ancient cities in politics. The reasons for the increasing political role of cities in the Middle Ages and Modern times are revealed. The phenomenon of the global city and its role in politics at the turn of the 20th–21st centuries is analyzed.

Keywords: *city; policy; antique policy; urbanization; political struggle; global city.*

Одной из ключевых проблем современной урбанистики является анализ динамичных процессов, происходящих в структуре функционирующих городов. Важнейшее место среди данных процессов занимает политическая сфера, выполняющая различные функции по координации и управлению экономическими, социальными и духовными подсистемами города. Современные города находятся в эпицентре политической жизни социума,

поэтому представляется актуальным проанализировать становление города как актора политики, генезис его функций в реализации политических действий различных социальных субъектов.

В современной литературе ведутся активные дискуссии о причинах возникновения городов, их отличительных признаков от древних поселений, о соотношении протогорода и города как такового. Для реализации целей нашего исследования нет необходимости проводить терминологический анализ, достаточно будет зафиксировать основные существенные характеристики древних городов, возникающих в условиях появления ранних государств. Среди них важнейшее место занимает такие, как возникновение иерархической социальной структуры, классовое неравенство, развитое разделение труда с широким товарообменом, массовые товарно-денежные отношения и, как следствие, появление государственно-административного управления.

Возникнув, города стали играть важную роль в политической жизни общества. Правда, в каждой конкретной цивилизации реализация политических функций города имела свою специфику. Так, например, древнекитайское государство характеризовалось наличием замкнутых соседских общин, господством не частной, а государственной и общинной собственности, централизованной организацией массового орошаемого ирригационного земледелия, деспотической формой правления, характеризующейся единоличной властью одного правителя.

Преимственность социально-экономических и правовых отношений детерминирует такую отличительную черту древнекитайского общества, как традиционность, для которой характерно патриархально-патерналистское понимание государства, когда государство трактуется как большая семья. При таком подходе за городом закрепляются чисто административные функции, которые осуществляет многочисленный бюрократический аппарат. В философии Конфуция понимание роли города сводилось к трактовке его этико-политического статуса. Философ основное внимание уделял вопросам управленческих функций города, гуманному управлению, которое должно состоять в четком следовании своим обязанностям. У Конфуция можно найти рассуждение о том, нравственно ли жить в городах, так как там нет простоты нравов, у его жителей много свободного времени, что ведет к деградации личности. А сельский житель рассматривается им как настоящий подданный и моральный человек.

Для западной традиции характерно другое понимание роли города в политической жизни. Истоки данных традиций необходимо искать в древнегреческой философии, определившей стратегические приоритеты дальнейшего развития западноевропейской мысли.

Специфика античной цивилизации кроется в характере ее географического положения, особенностях социально-экономического и духовного развития. Большинство исследователей видит истоки данной специфики в полисном строении как особом типе политической организации. Под полисом понимается коллектив полноправных граждан, проживающих на определенной территории, связанных экономическими отношениями и имеющими право на земельную собственность и политические права.

В античной культуре формируются две кардинальные установки – идея вариабельности мира и идея доказательности. Не традиционализм, как в древневосточных цивилизациях, а изменчивость, многообразие социального развития. Неслучайно в истории античной философии мы находим истоки всех последующих вариантов мировоззрения. В городах-полисах все важнейшие решения принимались с участием всех взрослых граждан мужского пола. Поэтому необходимо было доказать свою правоту в дискуссиях, в которых решающее значение имеет не авторитет или положение противника, а сила аргументации и доказательности. Вопросы войны, новых законопроектов, выборы должностных лиц и т. д. обсуждались на публичных собраниях и дебатах, что позволяло гражданам города активно участвовать в политической жизни государства.

Таким образом, город в античной традиции рассматривается как центр политической жизни, а граждане призваны активно участвовать в политике. Не случайно изначально слово «идиот» в Древней Греции обозначало гражданина полиса, живущего в отрыве от общественной жизни, не участвующего в общих собраниях граждан полиса и иных формах политических действий.

Традиции, заложенные в античности, в несколько модернизированном виде продолжили существовать и в Средние века в Европе. Хотя религия стала выступать доминирующим социальным институтом, а понимание «града земного» диктовалось установками церкви, примечательна сама мысль Августина, что политика включает в себя триаду: семья – город – государство.

В настоящее время существует несколько теорий возникновения средневековых городов, рассматривающих как институционально-юридические, так и социально-экономические причины данного процесса. Средневековый город рассматривается или как прямое продолжение поздних античных полисов (т. н. «романистическая теория»), или как порождение феодальной вотчины, призванное управлять ею административно-правовыми методами (т. н. «вотчинная теория»), или как место концентрации ремесел и торговли (т. н. «рыночная теория»). Общим для них является констатация противоположности между городским и сельским поселениями, при этом

город рассматривается как самостоятельный объект новой структуры социально-пространственной организации средневекового общества.

Все большее разделение труда, растущее господство частной собственности ведут к тому, что в городе как субъекте исторического действия формируются различные сословные группы. Средневековый город характеризуется постоянной борьбой городского населения как за личную свободу и иные вольности, так и за политическое самоуправление. Не случайно в это время возникает пословица «Городской воздух делает человека свободным». Первоначально она фиксировала правовой обычай, согласно которому крестьянин, проживший в городе определенное время, считался свободным. Но в ней кроется и указание на особую роль города как субъекта политической жизни.

Город становится центром не только борьбы за независимость от феодальных господ, но местом развития городской культуры и муниципального образования. Городское образование, в свою очередь, определило необходимость возникновения университетов, которые стали играть существенную роль в жизни города, привлекая в него наиболее активных креативных молодых людей.

Особая роль города как центра политической жизни проявилась в Новое время, которое характеризуется возникновением крупного мануфактурного, а затем и фабричного типа производства, формированием капиталистического способа производства, что ведет к трансформации аграрного общества в индустриальное. Формируется общий национальный экономический рынок с централизованным государством. Преодолевается феодальная раздробленность. Данные процессы обусловили бурные темпы урбанизации, выразившиеся не только в росте численности городского населения, но и в увеличении количества самих городов.

В это время город становится центром власти в политическом пространстве страны, местом основных политических коммуникаций, средоточием властных ресурсов, меняется сама трактовка власти. Отвергнув концепцию божественного происхождения королевской власти, мыслители Просвещения выступали за политическую свободу и гражданское равенство, они видели источник власти в воле народа, в общественном договоре. В эпоху Нового времени в городах стала активно формироваться система гражданского общества, обеспечивающая реализацию прав личности. Так, например, Джон Локк обосновывал право населения города на сопротивление государству, если оно пренебрегает его правами и интересами.

На политическую арену выходят два новых класса – буржуазия и пролетариат, которые сосредоточены, в основном, в городах. Возникло новая политическая концепция либерализма, которая сыграла большую роль в

формировании современного общества. Либерализм вступил в резкую конфронтацию с консерватизмом и отстаивал верховенство права частной собственности и частной инициативы, уважения к правам человека, равенство всех перед законом, приоритет интересов личности над интересами общества. В результате острой политической борьбы, сконцентрированной в городах, на смену феодальным монархиям приходит буржуазная демократия, которая способствовала развитию промышленного производства, а следовательно, и развитию урбанизации.

Для характеристики роли города как актора современной политики в настоящее время все чаще используется понятие «глобальный город». Его появление неслучайно, оно отражает реальные процессы преодоления национальных экономических границ, глобализацию современного общества, появление огромных мегаполисов. Различные исследователи приводят многочисленные критерии глобального города. Среди них называются и большая численность населения, и функционирование транспортно-коммуникационного центра, и концентрация мировых финансовых структур и транснациональных компаний и т. д. Но все авторы отмечают как необходимый признак наличие у глобального города особого статуса в системе международных политических отношений. Это проявляется в деятельности в городе мировых политических институтов, признании его как площадки принятия политических решений. В данном случае глобальный город выступает центром выработки международных стратегических проектов, посредником в решении международных конфликтов.

SOCIAL AND CULTURAL REPRESENTATIONS OF MENTAL DISEASES IN ARABIC WORLD

Al-Mudhafar Doaa Naser Bohan

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
duaanaser656@gmail.com

Abstract. Humans has been trying since ancient times to provide explanations for mental illness and methods of its treatment in these attempts, he builds his social, cognitive and cultural perceptions about mental illness and methods of its treatment from various sources. These perceptions formed a cultural asset accumulated over generations. Despite scientific progress and the spread of health culture, they did not eliminate the use of this cultural asset in dealing with the disease. large sectors of society still derive their different perceptions and interpretations of mental illness from diverse cultural heritage such as rituals, social customs, values and traditions...In this sense, the disease and its treatment become as much a cultural fact as a medical one. Thus, the nature of mental illness needs an explanation that goes beyond the social and cultural structure of the individual, because it is the cultural affiliation that gives him the framework through which the factors that led to the emergence of mental illness are explained.

Keywords: *representations, sociocultural factor, mental illness, Arabic world.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ В АРАБСКОМ МИРЕ

Ал-Мудафар Дуаа Нассер Бохан

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
duaanaser656@gmail.com

Аннотация. С древних времен человек пытался дать объяснения психическим заболеваниям и методам их лечения. В этих попытках он строит свои социальные, когнитивные и культурные представления о психических заболеваниях и методах их лечения на основе различных источников. Эти представления сформировали культурное достояние, накопленное поколениями. Несмотря на научный прогресс и распространение культуры здоровья, они не устранили использование этого культурного достояния в борьбе с болезнью. Широкие слои общества по-прежнему по-разному воспринимают и интерпретируют психические заболевания на основе разнообразного культурного наследия, такого как ритуалы, социальные обычаи, ценности и традиции. В этом смысле болезнь и ее лечение становятся таким же культурным фактом, как и медицинским. Таким

образом, природа психического заболевания нуждается в объяснении, выходящем за рамки социокультурной структуры индивида, поскольку именно культурная принадлежность дает субъекту рамки, с помощью которых объясняются факторы, приведшие к возникновению психического заболевания.

Ключевые слова: *представления, социокультурный фактор, психические заболевания, арабский мир*

The nature of mental illness is different from other health problems. Mental illness is associated with varying concepts and beliefs around the world, especially in Eastern societies where much mystery surrounds mental illness, leading people to view mental illness as a punishment for sin or the result of hidden forces such as magic, jinn and the evil eye. Associated with the cultural and social background in Middle Eastern countries, which is confirmed by some psychological and Arab studies. [3, p. 31].

In fact, this view reveals the important fact that the social course of illness is largely dependent on the cultural content of the society and integrated with the existing patterns of life in that culture. The culture of a group influences every aspect of a person's personality, his development, lifestyle, setting goals and aspirations, the risk factors to which the individual is exposed, and the way he responds to these dangers [10, p. 57]. Concepts of illness always include some ideas about the causes of illness and methods of resisting it. They are associated with social practices and customs that will interact and lead to behavioral patterns that set the cultural and social framework for coping with the situation. The prevailing belief about the influence of psychological factors on the causes of diseases and methods of their prevention and treatment is an obstacle to seeing the true causes of the disease, and sometimes slows down the process of resistance to it. There are many misconceptions regarding superstitions and lack of proper knowledge about the nature of mental illness and psychotherapy, due to which a person in society refrains from contacting a psychologist, his psychological status decreases, he may get sick, and his condition becomes difficult to treat [5, p. 137].

Psychological and sociological research has placed great emphasis on the issue of social perceptions of mental illness and its treatments and has focused on the ideas and meanings that people crystallize around the concept and the resulting attitudes and behaviors. Social perception is a system of values, principles and practices associated with certain things, be they manifestations or dimensions of the social environment, which help to stabilize the framework of the private lives of individuals and groups and is a tool that guides our perceptions, as well as constructing our reactions, this is clear because social perceptions are related to the nature of social attitudes and changes that societies and individuals experience, based on the basic idea that perceptions reflect a set of beliefs associated with

culture and social interaction between individuals and their life experiences. It turns out that social ideas are primordial and related to the basic needs of a person, and there is no doubt that the way of expressing these needs changes depending on environmental conditions and its capabilities. On the other hand, the Encyclopedia of Psychology and Psychoanalysis defines mental illness as a weakness or dysfunction. These are terms used in the fields of clinical psychology and psychiatry to refer to a group of diseases that reflect poor personality adjustment [3, p. 18].

Perhaps the most important definition regarding mental disorder is that contained in the fourth statistical manual of mental disorders, DSM-IV, which views mental illness as a set of significant symptoms that affect an individual and are usually accompanied by distress. These disorders are considered to be a manifestation of behavioral, psychological and biological dysfunction in a person, and most psychologists agree that mental disorders refer to states of incompatibility with the psyche, body or natural or social environment, expressed by high degrees of anxiety and stress, feelings of hopelessness and depression. They often address the emotional dimension of the personality, through which the disturbed person remains connected to real life and is able to recognize his anxious state [6, p. 31]. We cannot deny that most forms of mental disorders occur in people belonging to cultural groups that have their own understanding of these disorders. On the one hand, cultural factors influence the development of patterns of manifestations of mental illness, characterized by dependence on prevailing cultural systems, and on the other hand, cultural practices and folk beliefs influence the perception, formation and interpretation of mental disorders and methods of healing from them.

Each culture has its own perspective on the perception of mental illness and how to treat it, even though they are biological processes. Some of the facts associated with diseases depend on the determinants of society and its social and cultural interpretations. One of the famous researchers of the concepts of health and illness, Herzlich, analyzed social ideas about health and illness. First comes cultural heritage, which varies from society to society and from culture to culture. Health and illness are social and cultural phenomena, an idea supported by many scientists. If we study medical practices that exist in traditional societies, we must study them within the framework of the culture of this society [9, p. 57], where residents of some societies, including those of the Middle East, treat illness as a phenomenon beyond the level of nature, to the extent that the effectiveness of healers is within the framework of their adherence to traditional health, beliefs and customs of their culture [8, p. 56]. It can be said that the traditional perception of mental illness is related to the prevailing culture. Thus, in a number of cultures, the appearance of the disease is explained by supernatural factors, such as witchcraft,

envy, violation of religious and moral taboos, as well as the interventions of supernatural beings such as evil spirits, elves. Therefore, it can be said that explanations of mental illness in traditional societies can be divided into religious interpretations and explanations related to magic.

Ancient cultures have certain ideas about illness. People believe that illness occurs as a result of punishment for religiously and morally unacceptable actions that the patient has committed. According to Margaret Mead, there is another cause of disease in traditional cultures. The disease is caused by evil spirits (demons), and a person can be cured with prayers and spells. Her research into culture, health and disease in rural communities in the Middle East revealed one of the prevailing beliefs about the causes of disease. It consists of the belief that illness occurs as a result of failure to fulfill important religious rituals and obligations, such as refusing to perform the Hajj [1, p. 32]. In many primitive and traditional cultures, there is a belief that some supernatural beings take the human body as a temporary residence in order to stay in it for some time and parasitize the human body for some time and cause some psychological, mental and organic diseases in it, so the patient resorts to a religious healer or shaman who performs some magical practices to expel this spirit from the body [2, p. 175].

The disorder is usually explained by reasons related to a divine curse, the influence of magic, jinn, so the disease is actually only a general manifestation of the action of hidden forces [11, p. 696], and an explanation of the cause of the disease, for example, as a result of dysfunction of the nervous system, is often excluded. In the same context, Leila Maisum confirms that most of the cases where, in her opinion, patients are under the influence of jinn, magic and the evil eye, are cases where the patients actually suffer from mental disorders, have superstitious thinking and are influenced by folk beliefs. There appears to be a strong connection between popular culture and psychological disorder, as Tawfik Al-Samai explains. In this regard, the role of culture is to structure public perception of the problematic participant and encourage him to follow the ritual process from beginning to end [7, p. 47]. From this point of view, we can confirm that the influence of dominant cultural ideas on the perception and understanding of various diseases and mental disorders accompanies a person throughout his life, since many peoples tend to believe that supernatural forces, phenomena of various kinds are behind the occurrence of these diseases, which from time immemorial have helped man and still help him to overcome fears and various events that he faces, such as illnesses, physical disabilities, mental pain and death.

The study of mental disorders from a social and cultural perspective is a matter of exploring the role that cultural background plays in the perception, understanding and interpretation of disorders. This is closely related to the ideas which were formed about the disorder, its causes, symptoms, frequency of

occurrence and associated symptoms. Despite the development of clinical psychology and psychiatry, different societies use a variety of treatment methods, choosing between traditional and modern ones. Consequently, disease control and understanding patient behavior are no longer the exclusive areas of interest of clinical psychology and psychiatry, especially since the topic of health and illness has attracted the attention of the social, psychological and anthropological sciences. Representatives of these sciences have raised important research questions, including the influence of cultural, social and religious factors on the understanding and interpretation of disease, as well as on the choice of appropriate treatment. In addition, they are interested in the transformation of all these phenomena during the transition from traditional to modern culture. Thus, the focus of knowledge on understanding illness in terms of its type, causes, and symptoms has expanded to give significant prominence to the role of cultural context in the perception, understanding, and interpretation of psychological distress in both patient and therapist. In essence, each of them is a cultural being, living in a social environment associated with diverse cultures, religious and folk beliefs.

List of references

1. Bashai W. A. *Sociology and Medical Anthropology*. Cairo: Maarif House, 1999. 568 p. [in Arabic]
2. Al-Khashab A. *Anthropological Studies*. Cairo: Maarif House, 1970. 568 p. [in Arabic]
3. Hassan K. W. *Psychological and Mental Diseases and Behavioral Disorders in Children*. Beirut: Arab Thought House, 1997. 223 p.
4. Mesum L. *Psychological Disorder: between Psychopathology and Popular Culture Perspective: A Field Study on a Sample of People Affected by Magic and Eye at the Level of the Algerian West // Department of Social Sciences, University of Tlemcen, Algeria*. 2014. 74 p. [in Arabic]
5. Obeidi S. F. *Introduction to Cultural Anthropology*. Jordan, 2018. 164 p. [in Arabic]
6. Asma B. *Mental Disorders: between the Perspective of Modern Psychology and the Islamic Psychological Perspective // Raskhun magazine*. 2014. No 8. 56 p. [in Arabic]
7. Tawfik S. *About the Ritual of the Occult, Transcendental Consciousness, Emotional Evasion or Psychological Treatment // Humanities*. 2017. Vol. 75–76. P. 31–50. [in Arabic]
8. Sidi A. A. *Cultural Background and its Relationship to the Perception of Psychological Disorder and the Choice of Treatment Method // Journal of Social Sciences*. 2016. No 9. P. 34–52. [in Arabic]
9. Samah A. *Culture of Disability: A Socio-Anthropological Study on Families of Disabled Children in Sohag City*. Cairo: South Valley University, 2007. 366 p. [in Arabic]
10. Samia M. J., Mohammed A. M., Ali Muhammad, Sana A. K. *Studies in Medical Sociology*. Amman: Dar Al-Masirah, 2011. 392 p. [in Arabic]

11. Hamel A. Psychocultural Reading of Psychological Disorder// Journal of the Researcher in the Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 1121. P. 691–700. [in Arabic]

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСТТУРИСТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Т. В. Бурак

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
buraktv@bsu.by

Аннотация. Автор рассматривает социальное пространство современного туризма во взаимосвязях нескольких фигур путешественников, разделенных на две группы. Образ посттуриста охарактеризован в контексте социологических теорий З. Баумана, Л. Тернера, Дж. Эша. Модель путешественника представлена на основе теорий Э. Коэна и В. Тернера. В совокупности параметров, отличающих и дополняющих друг друга моделей посттуриста и путешественника, субъектность современной туристической сферы обусловлена пересечением целенаправленности, предсказуемости, практик потребления и «одомашнивания» чужой культуры, потребности в свободе, непосредственной вовлеченности, неторопливости созерцания, поиска нового и готовности рисковать привычным.

Ключевые слова: *путешественник; посттурист; «жесткий» и «мягкий» туризм; типология путешественников.*

TRAVELER AND POST-TOURIST: SOCIOLOGICAL APPROACHES TO INTERPRETATION

T. V. Burak

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
buraktv@bsu.by

Abstract. The author examines the social space of modern tourism in the interrelationships of two groups of figures of travelers. The image of the post-tourist was characterized in the context of the sociological theories of Z. Bauman, L. Turner, J. Ash. The traveler model was presented based on the theories of E. Cohen and V. Turner. In the aggregate of the described parameters, the subjectivity of modern tourism is due to its purposefulness, predictability, practices of consumption and "domestication" of someone else's culture, the need for freedom, direct involvement, slowness contemplation, search for new experience and tolerance for risk.

Keywords: *traveler; post-tourist; "hard" and "soft" tourism; typology of travelers.*

Состояние современного общества определяется сложной системой социальных отношений в разных сферах его жизнедеятельности, в том числе отношений, реализуемых в зонах досуга и туризма. В свою очередь, характерной чертой туристической области в XXI веке является параллельное развитие «жесткого» и «мягкого» туризма (J. Krippendorf, «Hard & Soft Tourism» [1]), образующее особое социальное пространство. В нем устанавливаются взаимные связи традиционных, массовых моделей путешествий, отличающихся унифицированностью, высокой скоростью пребывания, повышенным значением комфортности и потребления и новых «гибких» форм индивидуально-ориентированного туризма, главными принципами которого становятся приобретение нового опыта, меньшее значение скорости передвижения и формирование позитивной идентичности. Следовательно, можно говорить о том, что актуальные состояния и переходы объясняются переплетенностью двух значимых фигур субъектности – туриста (посттуриста) и путешественника. Рассмотрим в сравнении основные социологические интерпретации обеих моделей.

В теориях посттуризма (З. Баумана, Л. Тернера, Дж. Эша и других) основное внимание уделяется значению практик туриста, поскольку именно он является главной фигурой, вокруг которой выстраиваются все измерения туристической индустрии: «он требует, устанавливает правила и, разумеется, решает, когда начнется или закончится его встреча с их производителями» [2, с. 86]. Современный туризм, порожденный массовым обществом и переносом принципов унифицированного производства товаров и услуг на сферу туризма и досуга, помещает туристские впечатления, эмоции и опыт в сферу потребления. Туристское путешествие, включая поездку, локацию / дестинацию и саму принимающую культуру, становится своего рода товаром, утрачивающим свою прежнюю определенность и уникальность. Поэтому наиболее эффективными становятся практики кратких контактов, не позволяющие привязываться к месту и предмету, изменяющие тем самым значение времени в путешествии.

Согласно теории Дж. Урри, отличия посттуриста обнаруживаются в его потребности в приятном потреблении и предсказуемости [3, с. 221–222]. В интерпретации З. Баумана, поведение туриста определяет мотивация притягательности. Туриста притягивают незнакомое место и переживания, хоть и новые, но всегда согласованные с потребностью привычного комфорта: «все странное уже приручено, одомашнено и больше не пугает» [4]. И наконец, как подчеркивают Д. Бурстин, Д. МакКаннел и другие, мотивы гедонизма и развлечения, характерные для туриста, формируют институциональные связи с принимающей культурой, в которых

преобладающее значение имеют цели и желания, установки и ожидания туриста.

Изменение форм социальности туризма, выражающееся, прежде всего, в индивидуализации и фрагментированности социальных практик, можно охарактеризовать через фигуру путешественника. Контрастируя с посттуристом, современный путешественник по модели взаимодействия с чужой повседневностью все больше походит на «странника», «игрока» или «бродягу». Так, очертания современного путешественника отчетливо прорисовываются в классификации Э. Коэна, выделяющего четыре типа субъекта действия: массовый турист, индивидуальный турист, исследователь и бродяга. Если первые две фигуры интегрированы в институт туризма (им подходит квалификация посттуриста), то две вторые имеют открытый характер и находятся вне институциональной системы статусов и ролей. Для исследователя главные мотивы путешествия связаны с непосредственным общением с местным населением, со свободой организации путешествия и с готовностью временно отказаться от своих привычек. Принципиальное отличие фигуры бродяги – стремление к полному погружению в новую среду и соблюдению правил местной культуры в своем поведении [5, с. 46–48].

Теории Э. Коэна и В. Тернера в большей или меньшей степени указывают на значение производства позитивной идентичности путешественника. Путешествие становится путешествием только в том случае, когда реализуется ориентация на постоянный поиск, когда практики непосредственного взаимодействия требуют такого же отношения к опыту общения с иной повседневностью, как и отношение к празднику. В этой связи более существенным основанием для классифицирования и обозначения отличий между разными фигурами путешествующего Э. Коэн все-таки видел в значении поиска нового. Образ туриста в его теории представлен рекреационным типом (*recreational mode*), для которого основной мотив связан с потребностями в развлечениях и приятном отдыхе, и фигурой «ищущего изменений» (*diversionary mode*), испытывающего потребность ухода от повседневных забот. Для обоих типов не характерен поиск каких-либо новых переживаний посредством путешествия либо подобные практики имеют малое значение для них. Воплощением современного путешественника в модели Э. Коэна становятся другие три типа: «искатель опыта» (*experiential mode*), осуществляющий путешествие с целью поиска в чужой культуре новых смыслов и значений, «экспериментирующий» (*experimental mode*), ищущий новые смыслы через проживание непривычного для него опыта других людей, и «экзистенциальный» (*existential mode*), воспринимающий путешествие как

подлинную жизнь, как часть своей жизни, для которого дорога – это дом [5, с. 52–54].

Соединив различные интерпретации путешественника и туриста, можно сделать вывод о том, что в современных тенденциях развития туризма и досуга обнаруживаются сложные пересечения двух моделей – посттуриста и путешественника. С одной стороны, субъектность путешествия выражается в сочетании нового и приятного в образе туриста, для которого важными составляющими туристского выезда являются целенаправленность, предсказуемость, потребление и «одомашненность» чужой культуры. С другой стороны, потребность в свободе, непосредственная вовлеченность в практики взаимодействия с иной повседневностью, неторопливость созерцания и знакомства, поиск нового и готовность рисковать привычным и удобным, воплощенные в разнообразных фигурах путешественника, превращают путешествие в бесконечный процесс переживания и проживания уникального и неповторимого опыта.

Библиографические ссылки

1. Müller H. Freizeit und Tourismus: eine Einführung in Theorie und Politik. (Berner Studien zu Freizeit und Tourismus). Bern: Universität Bern Center for Regional Economic Development (CRED), 2005. 302 S.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Урри Д. Мобильности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5 (111). С. 197–252.
4. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
5. Podemski K. Socjologia podróży. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2004. 366 s.

АКТУАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ГОРОДОМ

К. В. Быков

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35 к. 5, 117218, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Автор статьи поднимает проблему противоречия высокой значимости сохранения историко-культурного наследия (ИКН) и необходимости использования его как потенциала для развития региона, с точки зрения научного сообщества (архитекторов, урбанистов, социологов и пр.), значительной привлекательности объектов ИКН для бизнеса, с одной стороны, и отсутствием механизмов реализации эффективного управления сохранением и развитием ИКН на региональном уровне, с другой.

Ключевые слова: *управление; историко-культурное наследие; проблемная ситуация; прогнозное социальное проектирование; социальное управление; модернизация.*

THE CURRENT STATUS AND PROSPECTS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF A MODERN RUSSIAN CITY

K. V. Bykov

Institute of Sociology

Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
st. Krzhizhanovskogo, 24/35 k. 5, 117218, Moscow, Russian Federation

Abstract. The author of the article raises the problem of contradiction, the high importance of preserving the historical and cultural heritage (ICN) and the need to use it as a potential for the development of the region, from the point of view of the scientific community (architects, urbanists, sociologists, etc.), the significant attractiveness of ICN objects for business, on the one hand, and the lack of mechanisms for implementing effective conservation management and the development of ICN at the regional level, on the other hand.

Keywords: *management; historical and cultural heritage; problem situation; predictive social design; social management; modernization.*

Унификация и разнообразие (спецификация) российских регионов по различным основаниям является проблемой и, одновременно, механизмом повышения конкуренции. В исследованиях Центра социологии управления и

социальных технологий Федерального научного исследовательского социологического центра РАН принято опираться на уровень социокультурной модернизации регионов как интегрального показателя развития [1].

Вместе с тем, необходимо прорабатывать и наблюдать динамику изменения уровня модернизации, основываясь на мониторинге широкого спектра индикаторов. Для нас таковым является индикатор управления сферой культуры, в частности культурным наследием региона. Причём, культурное наследие мы рассматриваем в широком смысле, как значимое ценностное основание жителей, населяющих конкретную территорию. Логично предположить, что такие основания присущи жителям как региона, так и Российской Федерации, что выступает унифицирующим основанием. Но налицо и масса различий от округа к округу, от субъекта к субъекту, от города к городу. Как показывают наши исследования, даже в рамках одного субъекта местного самоуправления (городского округа) культурные основания и ценности могут сильно различаться и выступать важными фактором в управлении территорией.

Совсем недавно на уровне Совета Федерации было принято решение продлить действие национального проекта «КУЛЬТУРА». На наш взгляд, это знаковое решение, принятое в духе растущего интереса к культуре, традициям и непосредственно к культурному наследию как интегральной категории и базису национальной и культурной идентичности [2]. Мы проследить на объективных примерах, как наличие выраженного культурного потенциала становится залогом, маховиком развития на территориальном, региональном, а также на международном уровне. Обратившись к разработкам коллег из РГСУ по социальному рейтингованию губернаторов, мы понимаем, что следующий шаг – это разработка и внедрение рейтинга глав муниципалитетов. Уже сегодня каждый муниципалитет работает в рамках КПЭ, в котором, в частности, заложены факторы оценки системы управления муниципалитета, в котором учтены объекты ИКН. На данном этапе они выступают, скорее как отягощающий фактор, требующих дополнительных трат на ремонт и поддержание их состояния.

Мы вынуждены исходить из того, что механизм выявления и сохранения памятников архитектуры был практически уничтожен. Любую усадьбу XVIII–XIX вв. или более ранних периодов можно было за небольшой – сравнительно с масштабом культурных потерь и приобретений бенефициаров – гонорар *не* внести в список выявленных объектов, а зачастую и вовсе лишить охранного статуса в угоду сиюминутным потребностям застройщика. И это происходило на фоне экстремального

создания институтов управления недвижимостью в рыночных условиях [3, с. 12].

В то же время ситуация последних нескольких лет наглядно демонстрирует резкий разворот к внутреннему туризму и инвестиций в объекты туристической, капитальной инфраструктуры. Сейчас мы видим тенденцию выявления объектов культурного наследия, в том числе и советского конструктивизма, и объектов промышленной архитектуры, вплоть до того, что некоторым специалистам приходится делать заявления о необходимости разработки новых регулирующих и регламентирующих актов. Причина в том, что в условиях неполной определенности критериев выделения и отнесения объектов к тому или иному охранному статусу складывается прямо противоположная описанной выше ситуация с наделением охранным статусом любого объекта городской среды, выбивающегося из типичной архитектуры.

Налицо тренд интереса к популяризации культуры и, в частности к архитектуре, как области культуры, доступной максимальной аудитории. Так, мы видим, насколько широко отмечается столетие автора десятков храмов, Казанского вокзала и Мавзолея на Красной площади Алексея Щусева. Создается впечатление, что эта дата несколько затмила аналогичные юбилеи С. С. Прокофьева и Ф. М. Шаляпина, также отмечаемым в этом году.

Сотрудники Центра социологии управления и социальных технологий Федерального научного исследовательского социологического центра РАН более двадцати лет занимаются разработкой концепции включения объектов культурного наследия в городское развитие в качестве перспективного важнейшего ресурса. Совместно с ведущими общественными социологическими организациями проводились исследования, публиковались и презентовались на конференциях отчеты [5]. Однако долгие годы эта деятельность была сродни «борьбе с ветряными мельницами». Теперь с уверенностью можно говорить о прогностических функциях науки, нашедших свое подтверждение в этих трудах девяностых – начала двухтысячных годов.

Разработка концепции использования ИКН в качестве важного ресурса в управлении городским поселением, статьи, монографии и диссертации коллег подпитали тот дискурс, в котором акторы градостроительного процесса вполне уверенно и адекватно себя чувствуют в 20-е годы нашего века, опираясь на научные разработки 80–90-х годов предыдущего столетия. Создан задел для успешной совместной деятельности. На городской территории концепция обретает реальных приверженцев не только и не столько среди широких слоёв населения, в качестве защитной технологии

для окружающей их городской среды, сколько среди целевой аудитории – структур управления федерального, регионального и муниципального уровней – как технология публичных слушаний. Диагностические исследования на этапе проектирования новых районов стали повседневной практикой, нормой. В результате этого комплексное рассмотрение территории с учетом мнения и видения всех заинтересованных сторон при разработке мастер-плана городского поселения позволяет констатировать переход от функционального подхода в градостроительстве к человеко-средовой парадигме градоустройства [4].

Мы видим, что инвестор, администрация и население говорят сегодня на одном языке – на языке науки, сформированном в 80–90х гг. XX в. и отточенном в монографиях, статьях, диссертациях последующих десятилетий.

Реальность такова, что за прошедший тридцатилетний период пренебрежения к пережившим даже советскую эпоху объектам наследия царской России мы потеряли многое, не только объекты, но целые поселения и города. Города трудовой славы стерты или почти стерты с лица земли и остались лишь руины, фотографии и планы перспективного развития этих территорий. Однако если смотреть на ситуацию оптимистично, то в настоящее время увеличился фронт для будущей деятельности архитекторов, учёных, предпринимателей, власти и жителей по ревитализации, реновации и реабилитации запущенных в лихолетье территорий, потому что именно созидание или восстановление во все времена было объединяющим импульсом для консолидации различных социальных групп населения.

Библиографические ссылки

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 357 с.
2. Шепель В. М. Духовные истоки величия имиджа России. М.: ИТРК, 2020. 352 с.
3. Правоторова А. А., Гусарченко В. Л. Город и наследие. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 252 с.
4. Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.
5. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫШ КАК ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

С. С. Ваврина

Национальный исследовательский университет ИТМО
Биржевая линия, дом 14, 197101, Санкт-Петербург, Российская Федерация
370714@niuitmo.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема использования крыш в Санкт-Петербурге – существующие практики, городские конфликты. Помимо этого, в докладе представлено обоснование крыш как системы общественных пространств на основе применения комплексного подхода. Проанализированы семиотические, социальные, градостроительные, исторические и другие особенности Петербургских крыш как пространств для социального взаимодействия жителей в городе. Объектом исследования являются крыши Санкт-Петербурга. Предметом исследования – обоснование крыш как системы общественных пространств крупнейшего города. Актуальность темы обусловлена возрастающей популярностью крыш, выступающих точками притяжения как для туристов, так и для местных жителей. Чаще всего объектами интереса выступают крыши исторических районов города, представляющих хороший обзор на наиболее важные достопримечательности города. Ключевой проблемой остается вопрос доступности и функциональности самих крыш, способности выступать в качестве публичных пространств.

Ключевые слова: *общественные пространства; использование крыш; приспособление крыш; эксплуатируемые крыши; благоустройство; реконструкция.*

JUSTIFYING ROOFS AS PUBLIC SPACES IN SAINT PETERSBURG

S. Vavrina

ITMO University
Birzhevaya Liniya, 14, 197101, Saint Petersburg, Russia
370714@niuitmo.ru

Abstract. This work is about a problem of use of roofs in Saint Petersburg – present practices, urban conflict which exist when citizens use roofs of apartment buildings. Also, work consists of justifying roofs as a system of public spaces based on complex approach. In this work, semiotic, social, historic, urban planning and other characteristics of Petersburg's roofs were analyzed. The object of this work is Petersburg's roofs. The subject of research – the justification of roofs as a system of public spaces of the largest city. The relevance of the topic is due to the increasing popularity of roofs acting as points of attraction for tourists and city

citizens. The most common objects of interest are the roofs of the historical areas of the city, which represent the good view on city perspective. The key issue remains in affordability and functionality of the roofs themselves.

Keywords: *public spaces; the use of roofs; adjusted roofs; exploited roofs; improvement; reconstruction.*

Одним из самых неоднозначных общественных пространств выступают городские крыши. С одной стороны, довольно часто это полузакрытое пространство, которое осваивается маргинализированными группами населения, с другой, наоборот, это пространство принадлежит «избранным» горожанам, которые могут их посещать. Вместе с тем, крыши как публичное пространство все чаще исследуются как средство уплотнения города, восполняющее нехватку открытых пространств для социального взаимодействия.

Петербургские крыши стали в своем роде одним из символов города, что сложилось благодаря ряду факторов. Во-первых, центр города обладает отличительной «небесной линией», оформившейся в середине XIX века указом об ограничении высоты гражданских зданий – гражданские сооружения в центре города не могли быть выше здания Зимнего Дворца [13]. «Небесная линия» сохраняется и поныне, создавая особый образ города как с уровня земли, так и при наблюдении за городом сверху – с высоты городских доминант.

Во-вторых, использование городских крыш позволяет горожанам по-особому взаимодействовать с городской средой, сменить угол обзора на привычные улицы, увидеть характерный рисунок пространственного каркаса города сверху и таким образом лучше узнать свой город, построить целостную картину восприятия городского пространства. Таким образом, затрагивается аффективный (чувственный) аспект городской идентичности, когда жители могут «почувствовать» свой город на основе целостного восприятия его структуры.

В-третьих, идентичность городских крыш отражена в визуально-семиотическом аспекте городской идентичности – образ петербургских крыш отражен в различных культурных произведениях, посвященных городу. Здесь стоит привести пример песен музыканта Бориса Гребенщикова, который посвятил Петербургским крышам песни «Аристократ», «Танцы на грани весны», «Новая жизнь на новом посту» [9]. Образ петербургских крыш есть также и в киноленте «Питер FM» 2006 года, видеоклипе «Питерские крыши» музыканта Ивана Алексеева (Noize MC).

Рассматривая крыши как общественные пространства, необходимо выделять их основные функции и параметры. Основными функциями общественных пространств, которые выполняются крышами, можно считать:

1. рекреационную функцию – крыши Петербурга используются горожанами для отдыха, с целью получения эстетического удовольствия – возможности наблюдать за жизнью города, не вовлекаясь в суету городских улиц. Кроме того, крыши нежилых домов используются как пространства для проведения различных мероприятий – концертов, выставок и так далее;

2. коммуникативную функцию – крыши Петербурга используются в качестве точек сбора определенных городских сообществ. В частности, сообществ руферов, а также представителей культуры, если речь идет о крышах креативных пространств, проводящих мероприятия на крышах;

3. функцию формирования городской идентичности – как было сказано выше, петербургские крыши стали определенным символом Санкт-Петербурга, отражающим особенности города в сознании людей.

Особенностями крыш как городских пространств в настоящее время стоит являться:

1. многообразие собственности – существуют крыши, находящиеся в частной собственности и функционирующие благодаря инициативе бизнеса (Лофт-проект «Этажи», Крыша дома Зингера, арт-пространство Ni-Nat и другие), некоторые крыши находятся в государственной собственности (Смотровая площадка на колоннаде Исаакиевского Собора, Башня Городской Думы, Звонница Смольного Собора), часть же крыш, активно используемая жителями, находится в собственности местных жителей – это крыши обычных жилых домов;

2. свободный доступ – проход на оборудованные и легальные площадки на крышах Петербурга («Этажи», «DOT», «Крыша 18», колоннада Исаакиевского Собора и другие), при этом, за доступ к данным площадкам нередко устанавливается определенная плата. Однако множество крыш, используемых горожанами как место отдыха нелегально, не имеют свободного доступа, что порождает конфликты между посетителями крыш и жильцами домов;

3. урбанистический сценарий – крыши, находящиеся в частной собственности нередко становятся площадками для различных городских мероприятий – например, пространство «Roof Place», в котором периодически проводятся музыкальные концерты. На крыше Лофт-проекта «Этажи» в летний период проводятся фестивали, и другие мероприятия.

Идея использования кровель в качестве общественных пространств появилась в начале 1920-х годов и связана с идеями функционализма в архитектуре. В частности, одной из характерных черт архитектурных

проектов Ле Корбюзье размещение внедрение террас на крышах зданий в целях их общественного использования [21].

Советский архитектор Моисей Гинзбург вводит понятие «Дома переходного типа» и реализует проект жилого дома Наркомфина в Москве, в котором кровля дома используется жильцами в рекреационных целях – на крыше была оборудована терраса и сад, а жители могли загорать на кровле [4].

Одним из значимых архитектурных проектов Советского времени является Жилой Комплекс «Лебедь» в Москве, в котором архитектор А. Д. Меерсон воплотил идею эксплуатируемой крыши как пространства для отдыха жильцов. В Ленинграде также были возведены дома с эксплуатируемой кровлей. Примером такого проекта можно считать Дом-коммуна инженеров и писателей, построенный в 1931 году архитектором А. А. Олем на ул. Рубинштейна, 7. На крыше дома была оборудована терраса, площадка для игр и оранжерея [20]. Такие идеи в целом были характерны для советских архитектурных проектов 1920-х годов и 1960-1970-х – однако, зачастую такие идеи оставались лишь в проекте.

В настоящее время крыши Петербурга используются в различных урбанистических сценариях. На основе анализа публикаций в социальных сетях, средствах массовой информации и интернет-ресурсах были выделены типы используемых кровель, основных агентов, использующих крыши, а также основные сценарии использования крыш как общественных пространств в Петербурге.

Типы используемых домов, выделенные на основе анализа существующих общественных пространств и публикаций в социальных сетях, таковы:

1. жилые дома (оборудованные террасы новых жилых комплексов, крыши в центре города, оборудованные и необорудованные под экскурсии и использование горожанами);
2. креативные пространства (арткластеры, музеи, фотостудии);
3. городские достопримечательности (смотровые площадки);
4. рестораны и торговые центры.

Основными сценариями использования крыш как общественных пространств являются:

– созерцание городской панорамы – данный сценарий используется как среди граждан, посещающих легальные городские площадки, так и необорудованные крыши жилых домов, и предполагает получение эстетического наслаждения за наблюдением города с необычного угла обзора. Помимо этого, данный сценарий может включать в себя фотографирование силуэта города, что способствует расширению городской культуры и

способствует творческому развитию личности горожан. В рамках данного направления руфинга используются как крыши жилых домов, так и городские смотровые площадки, и коммерческие площадки;

– визиты в рестораны с панорамным видом – данный сценарий предполагает посещение оборудованных террас на крышах города и совмещение приема пищи, проведения досуга, праздничных и торжественных мероприятий и созерцание города;

– ознакомление с городом – проведение экскурсий по городским крышам. Активный рост экскурсий по крышам Петербурга отмечается последние пять лет, с каждым годом появляется все больше сайтов, аккаунтов в социальных сетях, предлагающих данную услугу. Зачастую подобные экскурсии проводятся на необорудованные кровли жилых домов и не регулируются законодательством, что порождает определенные проблемы, рассмотренные ниже. Как правило, экскурсии по крышам подразумевают использование крыш жилых домов, при этом, данный бизнес не всегда легален, что порождает определенные конфликты с местными жителями и коммунальными службами, поскольку в рамках подобных экскурсий возникает серьезная нагрузка на кровли жилых домов, периодически ломаются замки и другое общедомовое имущество, жильцам приходится слышать грохот кровли на постоянной основе, поскольку экскурсии в летнее время продолжаются в течение всего дня;

– сценарий экстремального вида туризма – руфинг. Данный сценарий предполагает посещение необорудованных крыш города с различными целями. В Петербурге сформировалось определенное сообщество, или субкультура руферов, которые занимаясь своим увлечением, собираются в закрытые группы, организуют мероприятия для своего сообщества.

Таким образом, можно говорить о высоком потенциале развития крыш города как общественных пространств как для жителей домов, так и для туристов. При этом, важным вопросом является обеспечение безопасности таких пространств, урегулирование конфликтов между жильцами домов и руферами, а также удовлетворение возрастающего спроса на экскурсии по крышам.

Библиографические ссылки

1. Бабенко К. С., Трубачева Т. А. Озеленение кровель как направление развития зеленой инфраструктуры Санкт-Петербурга // Ландшафтная архитектура, строительство и обработка древесины: Материалы научно-технической конференции СПбГЛТУ по итогам НИР 2018 года ИЛАСиОД. СПб.: Лань, 2018. С. 98–101.

2. Байжева Д. А., Милитчук А. А. Петербургский текст в рок-поэзии Дианы Арбениной // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 23. Екатеринбург: УрГПУ, 2021. С. 228–234.
3. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Амфора, 2019. 167 с.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/. Дата доступа: 21.11.2023.
5. Карнаев М. А. Современные тренды благоустройства городских территорий // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. С. 211–215.
6. Колчина О. Н. Петербург в поэтическом языке Б. Гребенщикова // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов с международным участием. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 94–101.
7. Копыток К. Современные молодежные субкультуры: рюфферство // Студент и научно-технический прогресс: материалы XIV всероссийской студенческой научно-практической конференции. Анапа, 2017. С.235–237.
8. Мангушев Р. А., Новоходская Н. С., Дацюк Т. А., Кондратьева Л. Н. Петербургский «генетический код». Век XVIII и век XXI // Вестник гражданских инженеров. 2019. № 5 (76). С. 33–40.
9. Постановление Госстроя РФ 27.09.2023 № 170 «Об установлении правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44772/. Дата доступа: 21.11.2023.
10. Семенов Д. Ю. Особенности проектирования первых многофункциональных жилых комплексов // E-scio. 2019. № 4 (31). С. 548–553.
11. Соседов К. А., Аксенова С. М. Жилые дома «на ножках»: история появления, особенности и актуальность архитектурных решений // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство: сборник материалов V Национальной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 462–466.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Ван Синь

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
phse@bsu.by

Научный руководитель: д. филос. наук, профессор **А. И. Зеленков**

Аннотация. Искусственный интеллект является важным продуктом непрерывного прогресса человеческого общества, способствующим развитию современной цивилизации. Искусственный интеллект, используемый в «умном городе», способствует строительству и развитию самого «умного города». Для того чтобы лучше понять важную роль искусственного интеллекта в строительстве «умного города», в данной статье анализируется состояние развития «умного города», затем проводится анализ применения технологии искусственного интеллекта в «умном городе», и на основе этого рассматриваются перспективы и преимущества развития искусственного интеллекта в «умном городе».

Ключевые слова: *искусственный интеллект; умные города; перспективы развития; исследовательские приложения; социальное развитие.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF URBAN DEVELOPMENT

Wang Xin

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
phse@bsu.by

Scientific supervisor: **A. I. Zelenkov**, Doctor of Philosophy, Professor

Abstract: Artificial intelligence is an important product of the continuous progress of human society, which is conducive to the advancement of contemporary civilisation. Artificial intelligence used in smart city is conducive to the construction and development of smart city, in order to better play the important role of artificial intelligence on the construction of smart city, this paper firstly analyses the development status quo of smart city, and then deeply analyses the application of artificial intelligence technology in smart city, and based on this, it explores the prospects and advantages of the development of artificial intelligence in smart city.

Keywords: *artificial intelligence; smart cities; development prospects; research*

Введение

Умный город – это интеллектуальный режим городской жизни и городского управления, который является важным этапом городского развития. Умный город объединяет преимущества индустриализации, информатизации и электрификации городов для достижения четвертого прорыва.

1 Значение искусственного интеллекта и «умных городов»

1.1 Понятие искусственного интеллекта

Термин «искусственный интеллект» впервые появился около 1960 г., но только в современном мире, где научно-технический прогресс достиг определенного уровня спустя пятьдесят лет, он стал постепенно осознаваться и приниматься. Буквально говоря, «искусственный интеллект» можно разделить на «искусственный» и «интеллект», причем «интеллект» является центральным фактором. Основным элементом является «интеллект». «Искусственный интеллект» – это применение новейших и самых передовых технологий для выполнения более сложной и опасной работы, способной заменить человеческое мышление и действия. После анализа большого количества данных и исследований результаты показывают, что технология искусственного интеллекта охватила более широкий спектр применения и что основной целью в контексте эпохи информационной индустрии является изучение интеллектуальных машин.

1.2 Понятие «умные города»

Умный город – это модель интеллектуального города, созданная с использованием передовых технологий, таких как облачные вычисления, IoT и искусственный интеллект. С помощью передовых информационных методов можно анализировать многие области, такие как городское планирование, городской транспорт, социальное обеспечение, политика жизни людей, и быстро и своевременно реагировать на них, чтобы достичь интеллектуального и умного управления городом. В настоящее время развитие многих внутренних городов Китая сталкивается с такими проблемами, как загрязнение воздуха, воды, увеличение количества мусора, пробки на дорогах и истощение ресурсов, что негативно сказывается на здоровье и жизнедеятельности горожан и препятствует устойчивому развитию городов [1].

2 Состояние развития «умных городов»

Чтобы лучше содействовать быстрому развитию искусственного интеллекта, все больше городов с годами выдвигают идею строительства «умных городов», а с появлением различных высокотехнологичных

технологий и средств «умные города» выходят на сцену один за другим. Умный город – это важный этап современного градостроительства, объединяющий такие концепции городского развития, как интеллект, гармония, энергосбережение и экологичность. Развитие умного города можно разделить на три периода: во-первых, цифровой этап, во-вторых, сетевой этап, то есть опора на технологию больших данных для осуществления управления городской сетью; в-четвертых, этап гуманистических идей, ориентированный на то, чтобы с помощью технологий искусственного интеллекта построить в городе интеллектуальную экосистему. Строительство «умного города» в Китае все еще находится на начальном этапе, «умный город» – это новая форма городского строительства, и государственные ведомства должны подумать о том, как лучше повысить потенциал городского управления и уровень менеджмента, чтобы город был городом для людей [1, с. 120–134].

3 Исследование и применение искусственного интеллекта в «умных городах»

3.1 Технологии распознавания образов, используемые в «умных городах»

Технология распознавания образов является относительно распространенной технологией, используемой в технологии искусственного интеллекта в качестве функции распознавания лиц. Эта технология помогает сделать хорошее изображение лица, а затем сохранить изображение и соответствующий биологический код в базе данных. Процесс сбора и идентификации, то есть процесс глубокого обучения системы искусственного интеллекта и обновления данных, в «умном городе» при построении технологии распознавания лиц для определения личности, часто используется в различных важных случаях, особенно в интеллектуальной транспортной системе и сетевой платежной системе [2, с. 14–33].

3.2 Искусственный интеллект, используемый в интеллектуальных транспортных услугах

Интеллектуальные транспортные услуги относятся к важному содержанию строительства умного города, интеллектуальный транспорт должен разумно использовать Интернет вещей, искусственный интеллект, автоматизацию управления и Интернет данных и другие технологии в рамках городского транспорта, который представляет собой реальную сервисную систему. Искусственный интеллект может быть разумно использован в данных Интернета вещей для расчета дорожной ситуации в разное время, в разных местах и в разных процессах, и таким образом достигается интеллектуальное управление и автоматизированный контроль дорожного движения. Кроме того, он может обеспечить высокую эффективность и

рациональность транспортной инфраструктуры, повысить ее операционную эффективность, а также ускорить повышение общего уровня эффективности транспортной системы для обеспечения безопасности и скорости движения городского транспорта. Три уровня архитектуры интеллектуальной транспортной системы включают в себя уровень восприятия, уровень приложений и сетевой уровень [3, с. 50–58]. Уровень восприятия используется для сбора информации и данных, а затем, опираясь на сеть, передает их на прикладной уровень. Прикладной уровень также включает в себя различные датчики, камеры, инфракрасные детекторы, микроволновые детекторы и RFID-устройства – все они относятся к системе IoT в интеллектуальной транспортной системе [4, с. 78–85].

Сетевой уровень обеспечивает передачу информационных данных. Интеллектуальная транспортная система в сети имеет определенные требования к скорости передачи данных, времени задержки и другим аспектам, чтобы лучше повысить скорость передачи, снизить скорость задержки, обеспечить достаточно большую пропускную способность, чтобы реакция интеллектуальной транспортной системы была своевременной, а управление интеллектуальной транспортной системой – эффективным. Однако технология связи 5G обладает такими характеристиками, как высокая скорость передачи данных, низкая задержка и высокая пропускная способность, и по мере продвижения и использования технологии связи 5G к интеллектуальной транспортной системе предъявляются более высокие требования.

3.3 Использование искусственного интеллекта в «умном доме»

С годами китайские технологические гиганты все активнее сотрудничают с традиционной индустрией бытовой техники, а технологии ИИ применяются к платформе IoT для более эффективного построения полноэкранного «умного дома». Сотрудничество Xiaomi и Baidu также показало, что эпоха сближения ИИ и IoT все же наступила. Baidu набирает обороты в области технологий ИИ и занимает важное место в китайской сфере ИИ, сосредоточившись на глубоком обучении, распознавании речи, обработке естественного языка и т. д., компьютерном зрении, облачных вычислениях и использовании интеллектуальных роботов [5, с. 197–202].

Важной системой управления «умным домом» фактически является система искусственного интеллекта, а глубокое обучение, распознавание речи и обработка естественного языка играют важную роль в создании «умной мебели». Поэтому создание экосистемы «умной мебели» в рамках строительства «умного города» должно основываться на содержании голосовых устройств и облачных вычислений.

4 Исследование преимуществ и перспектив использования

искусственного интеллекта для качественного развития «умных городов»

Для строительства «умного города» необходим прочный и надежный фундамент, поэтому государственные ведомства должны разумно использовать технологии искусственного интеллекта для содействия строительству «умного города». С созданием индустриальных парков технологии искусственного интеллекта продолжают появляться и различные виды связанных с ними индустриальных парков. Здесь сосредоточены производство, исследования, разработки и обмен технологиями сотен предприятий. К настоящему времени индустриальный парк привлекает все большее число крупных технологических компаний, что способствует обмену и сотрудничеству в сфере торговли, а также является важной базой робототехнической промышленности, ориентированной на столицу и центральную часть страны.

Заключение

Со временем технологии искусственного интеллекта стали в полной мере использоваться во всех основных областях. Они могут помочь «умным» городам лучше достичь целей экологического, эффективного и устойчивого развития, а с помощью информационных технологий нового поколения они могут помочь государственным ведомствам лучше управлять городскими ресурсами. Они способствуют также построению интеллектуальной системы экологической цивилизации, тем самым повышая уровень и качество жизни горожан, оптимизируя среду обитания и стремясь к созданию высококачественного «умного города».

Библиографические ссылки

1. Ю Вэньсюань, Сюй Чэнвэй. Техническая рациональность и политическая рациональность строительства умных городов Китая – эмпирический анализ на основе 147 городов // Журнал государственного управления. 2016. № 13. С. 120–134.
2. Дуань Вэньфэн. Перспективы применения искусственного интеллекта в умных городах – Наблюдение за искусственным интеллектом и умными городами (Часть 1) // Шанхайское качество. 2017. № 12. С. 24–33.
3. Хуан Сяобинь, Вэй Цзяньпин, Интернет вещей способствует развитию городской информатизации – исследование новых моделей городского управления // Труды Китайской академии наук. 2010. № 1. С. 50–58.
4. Чэнь Юе. Исследования универсальности искусственного интеллекта и умных городов в новую эпоху // China High-tech. 2018. № 9. С. 78–85.
5. Тихонов В. А., Степанова Н. Р. Искусственный интеллект как интегратор процессов умного города // Фундаментальные исследования. 2021. № 12. С. 197–202.

UNIVERSITY CAMPUS IN MODERN CITIES OF CHINA

W. Zhenqian

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
zhenqianwang608@gmail.com

Abstract. This article explores the role of university campuses in modern Chinese cities and their impact on the urban environment and culture. The study highlights the importance of openness and interaction between universities and society, and also identifies ways to strengthen this connection through breaking campus boundaries, sharing resources and creating cultural attractions. The results of the study indicate the potential of universities as centers of cultural and educational development of cities in modern China.

Keywords: *university campuses; modern cities; China; urban environment; culture; openness; interaction; breaking boundaries; sharing resources; cultural attractions; educational development.*

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КАМПУС В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ КИТАЯ

Ван Чжэньцян

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
zhenqianwang608@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль университетских кампусов в современных китайских городах и их влияние на городскую среду и культуру. В исследовании подчеркивается важность открытости и взаимодействия между университетами и обществом, а также определяются пути укрепления этой связи путем преодоления границ кампусов, совместного использования ресурсов и создания культурных достопримечательностей. Результаты исследования указывают на потенциал университетов как центров культурно-образовательного развития городов в современном Китае.

Ключевые слова: *университетские кампусы; современные города; Китай; городская среда; культура; открытость; взаимодействие; преодоление границ; совместное использование ресурсов; культурные достопримечательности; развитие образования.*

Universities are not only a place to gain knowledge, but also a place where future leaders and intellectual personnel are formed, contributing to urban development. Universities are also a source of new ideas, perspectives and concepts, and their cultural and ideological values raise the level of culture and education in the city. Taking into account the general trend of modern scientific, technical and economic development, most countries of the world make a strategic decision to create global centers of scientific and technical innovation. This includes bringing together diverse talents and sectors of the economy in order to stimulate innovation. University research clusters contribute to such an association of universities and enterprises, providing a synergistic effect. Consequently, Universities often reflect the spirit of the city and play an important role in determining the direction of its development. They provide high-quality professional specialists and research results that contribute to the development and construction of cities.

Differences in the philosophy of management of educational institutions are reflected in the layout of university campuses, leading to the formation of various styles. Universities focused on the humanities are characterized by flexibility and intellectual wealth, they are imbued with the spirit of humanism and are distinguished by an elegant style, an example of such an institution is Nanjing Pedagogical University. Universities with a focus on science and technology usually follow strict and rational principles, their style is characterized by brevity and accuracy, as in the case of the University of Science and Technology of China [1, p. 59]. Integrated universities, in turn, combine various philosophies and disciplines, including both humanities and scientific and engineering disciplines. When planning campuses where various disciplines such as science, engineering, management, law, medicine, agriculture and forestry, economics, education and the arts are taught, great attention is paid to the values of honesty, extensive characteristics of the humanities and integration with the environment. This is also related to innovation strategies. Some universities, such as Peking University and Xiamen University, have a rich history and significant cultural heritage. Regardless of the type of educational institution, the campus layout should reflect the principles of justice, humanism, openness and respect for human nature.

Universities with a rich history are mostly closed or semi-closed campuses. In China, many universities still observe this tradition. Each university pays special attention to the formation of a common cultural atmosphere on its campus. Morphological features of the campus often serve as a reflection of its history and cultural heritage. The gates of many famous universities have become an integral part of their brand and symbol, for example, the old gate of Tsinghua University and the western gate of Peking University. Over time, some campus gates continue to fulfill their functional role of entrance, while others have become a symbol of

history, culture and humanistic spirit. They have become symbols of the university, surpassing their original functionality. Therefore, whether it is a new university or an expanded campus, the design of the entrance gate should fully reflect the unique features and spirit of this educational institution [2, p. 167].

One of the key elements of a landscape that can become symbolic is its uniqueness, which manifests itself in a unique form or the ability to create deep impressions and memories of a particular territory. The sights of university campuses are usually represented by specific objects, such as buildings, structures, sculptures, famous historical trees, landscape compositions and much more. Wuhan University, having the advantage of mountainous terrain, actively uses the terrain features of Mount Luojia to create beautiful natural landscapes with mountain and water elements. Thus, the architectural and natural environment of the campus are organically combined. The general layout of the campus is mainly a variety of yard compositions. The student dormitory complex has a classic roof shape and corresponds to the color scheme of the building complex. The main building of the Engineering College has a square shape, and the symmetrical placement of four-sided group halls emphasizes the engineering specialization of the faculty. With an emphasis on strict academic features, the buildings of the Faculty of Arts and Sciences present a visual contrast with engineering structures. During the restoration and expansion of the buildings, innovative solutions were introduced that preserved the historical character of the campus. The layout of Wuhan University embodies the concept of the integrity and harmony of man and nature [3, p. 67]. The layout of the Suiyuan campus of Nanjing Pedagogical University embodies the concept of humanism. The Suiyuan Campus, similar to an ancient park, is distinguished by a wealth of traditional Chinese architectural features. The campus gates in the form of traditional Chinese gatehouses create a distinctive atmosphere. Every brick and tile on the campus evokes a sense of historical transformation, testifying to the era. The student dormitory building is designed in the style of the Republic of China, which gives it a unique, elegant look and inspires every new generation of students. The Suiyuan Campus is the former Jinling University Women's University, where many famous personalities such as Tao Xingzhi and Xu Beihong taught, and which has a rich historical and cultural heritage. The layout of the Suiyuan campus combines regular and organic elements interacting with local conditions, including hilly terrain and the size of the territory. Buildings, paths, ponds, plants and other components harmoniously fit into the surrounding landscape, creating a unique space.

There are many universities in China, but schools with outstanding characteristics, as described above, are quite rare. Therefore, experts and scientists conduct various studies in the field of planning university campuses, their architectural design and compliance with modern concepts of sustainable

development. Some scientists are of the opinion that architectural structures should reflect regional, cultural and modern features, as well as contribute to sustainable development [1, p. 60]. From all that has been said, it is clear that experts and researchers consider the layout of university campuses from various points of view, including architectural style, spatial organization, functional planning, landscape environment and public space. However, despite the variety of approaches, there is a certain lack of consideration of the worldview and human nature in the design process. With the exception of a few colleges and universities that have outstanding characteristics, most educational institutions have fairly standard architectural forms, including academic buildings and student dormitories.

Despite the desire for global unification, we should not forget that each university has its own unique style and character. For example, when mentioning Peking University, Weiming Lake comes to mind, and Wuhan University is associated with cherry blossoms. This highlights the importance of planning university campuses taking into account local characteristics and context. First of all, an integral part of the architecture of the campus is the local natural conditions, such as mountain rivers and green landscapes. When designing, it is necessary to take into account the growing conditions of plants and the water element, creating multi-level compositions that will enrich the landscape. The level of landscaping should be within 50 % – 60 % to achieve a balance between greenery and functionality. The campus should be considered as a single whole, in which the building layout, landscaping, transport infrastructure and other aspects should harmoniously interact. Secondly, it is important to preserve and develop the history and culture of the university. Each educational institution has a unique history and heritage. Celebrities and scientific achievements of the university can be reflected in the architectural elements of the campus, such as sculptures, street lights, seats, etc. [4, p. 87]. Thirdly, it is important to create a connection between the old and new buildings of the campus. Old buildings carry a historical context and reflect the spirit of the times. When expanding the campus, it is necessary to ensure the consistency and character of the new buildings. Traditions should not be neglected. New buildings can match the style of the old ones, taking into account modern materials and technologies. It is important to preserve and emphasize regional peculiarities and cultural heritage. For example, when planning a university campus in Nanchang, you can use red and green symbols to reflect the local culture, and add elements related to aviation culture to emphasize the unique features of the university. In general, the planning of university campuses requires attention to local characteristics and cultural heritage, as well as consideration of balanced development and sustainability.

The layout of the university campus is aimed at providing comfortable conditions for students and staff and should fully take into account their needs.

Firstly, this includes improving the educational infrastructure [5, p. 54]. To maintain academic effectiveness, it is necessary to ensure the availability of a sufficient number of educational institutions and libraries. Libraries should be equipped with modern air conditioning and hot water systems on each floor. Each academic building should also have classrooms and places for students to study independently. It is important that the presence of public spaces on campus is sufficient to create spaces for interaction and communication between teachers and students. Secondly, rational planning of the road infrastructure on the campus is of great importance. Studies show that most teachers and students prefer to walk. A reasonable distance between classrooms and dormitories should not exceed 10 minutes of walking (about 800 meters). This means that the distance between student and academic premises should be kept to a minimum. It is necessary to ensure the dense placement of sports grounds so that students can easily engage in physical activity. It is important that the road infrastructure on campus takes into account the flow of people and prevents the movement of vehicles during periods of maximum activity in order to prevent traffic accidents and ensure the safety of all users of the campus.

University campuses are an important part of the urban environment and should promote two-way interaction. First, it is important to break down the boundaries that may exist around campuses. The presence of gates and walls can create psychological isolation, limiting the interaction of universities with the city and society. For example, Hunan University, which has no walls due to its topography, maintains close relations with Hunan Pedagogical University, which is also devoid of walls due to historical factors. Students of both universities can freely visit each other, use libraries and canteens of both sides. The concept of "without walls" also helps to reduce the psychological distance between universities and society. Secondly, it is important to ensure the exchange of resources. Functional areas of university campuses, in addition to educational ones, can gradually open up to the urban population and society. The introduction of fees for the use of sports equipment and playgrounds allows not only to increase the use of resources, but also to reduce the operating costs of educational institutions. It also promotes closer interaction between universities and society, increasing the openness of university campuses. When planning campus infrastructure, such as water, electricity, gas and road networks, it is necessary to actively use existing urban infrastructure to reduce consumption and effectively manage resources. Thirdly, the attractions of campuses that attract tourists not only represent universities, but also become important business cards of cities, attracting visitors from all over the country. While foreign universities are often open to the public, limiting the number of visitors and gradually opening up, domestic universities can develop similar security measures for tourists, which contributes to improving

relations between universities and society.

Thus, the conducted research allows us to conclude about the important role of university campuses in modern Chinese cities. University campuses are not only places of education, but also important elements of urban infrastructure that affect the lifestyle and cultural atmosphere of citizens. The study revealed several key aspects that determine the successful interaction of universities with cities. It is important to eliminate psychological and physical barriers, such as walls and gates, in order to promote open communication between educational institutions and society. Access to university resources should be more accessible to citizens, which contributes to the sharing of infrastructure and strengthening ties between universities and cities. The creation of attractions on university campuses that attract tourists and residents strengthens the role of universities as important cultural centers and draws attention to the cultural and educational potential of cities.

In general, university campuses in modern Chinese cities have more opportunities to integrate with the urban environment, and the planning and development of campuses should strive for active interaction with society, in order to improve the quality of life and create a more open and inclusive urban environment.

List of references

1. 黄学明. 大学校园规划建设文化困境与传承创新 .[J] .江苏高教 . 2019 (2) : 57–60 = Huang Xueming. Cultural dilemmas and inheritance innovation in university campus planning and construction / Huang Xueming // Jiangsu Higher Education. 2019. № 2. P. 57–60.
2. 劉远 · 梁江. 开放式大学校园的用地布局模式探讨. [J]. 华中建筑. 2009 (2) : 166–169 = Liu Yuan. Discussion on the land layout model of open university campus / Liu Yuan, Liang Jiang // Huazhong Architecture. 2009. № 2. P. 166–169.
3. 向科. 当代大学校园建设的回顾与展望. [J] .城市规划学刊. 2007 (1) : 66–70 = Xiang Ke. Review and Prospects of Contemporary University Campus Construction / Xiang Ke // Urban Planning Journal. 2007. № 1. P. 66–70.
4. 黄翼, 吴硕贤. 我国高校校园规划设计发展趋势探析. [J] 城市规划 . 2014 (38) : 85–91 = Huang Yi. Analysis on the development trend of campus planning and design in colleges and universities in my country / Huang Yi, Wu Shuoxian // Urban Planning. 2014. № 38. P. 85–91.
5. 孙慧良, 乔楚鸿. 弘扬传统文化视角下的校园文创产品设计研究[J]. 艺术研究, 2022(4): 53–55. = Sun Huiliang. Research on campus cultural and creative product design from the perspective of promoting traditional culture // Sun Huiliang, Qiao Chuhong // Art Research. 2022. № 4. P. 53–55.

ДЕФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛОМ ГОРОДЕ И ЗА ЕГО ГРАНИЦАМИ

П. Г. Вардеванян

Белорусский национальный технический университет
пр-т Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь
vardevanyan@bntu.by

Аннотация. Статья рассматривает факторы, влияющие на трансформацию пространства малых городов Беларуси в процессе урбанизации. Изложена авторская методика выявления историко-культурного каркаса, в котором малые города являются основным элементом. Определены стратегические направления по вовлечению культурного и природного наследия в туристическую деятельность.

Ключевые слова: *историко-культурный каркас; малый город; местечко; наследие; историко-культурный каркас; урбанизация.*

DEFORMATION OF THE CULTURAL SPACE IN A SMALL TOWN AND BEYOND ITS BORDERS

P. Vardevanyan

Belarusian National Technical University
Nezavisimosti Ave., 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus
vardevanyan@bntu.by

Abstract. This article examines the factors influencing the transformation of the urban space of small cities in Belarus during the process of urbanization. It introduces a unique methodology for identifying the historical and cultural framework in which small cities play a central role. The article also defines strategic directions for incorporating cultural and natural heritage into tourism activities.

Keywords: *historical and cultural framework; small town; heritage; historical and cultural framework; urbanization.*

На деформацию культурного пространства в малых городах Беларуси влияют такие процессы урбанизации, как непрерывное и медленное обезлюдение сельских территорий и депопуляция самих малых городов; изменение масштабов и технологий экономической деятельности (прежде всего сельского хозяйства); антропогенная трансформация природных ландшафтов.

Соответственно, в изучении пространственного преобразования малых городов и их окружения можно выделить три направления: *социально-демографическое и ресурсно-экономическое и экологическое*.

Первое направление – *социально-демографическое* – рассматривает структурные и пространственные сдвиги, которые происходили в сельском и городском расселении на территории современной Беларуси с конца XIX века. В течение этого времени Беларусь пережила три волны урбанизации, прерванные двумя мировыми войнами. На всем протяжении рассматриваемого периода в поселенческой сети преобладали малые городские и сельские населенные пункты, хотя при этом доля проживающего в них населения постоянно снижалась. На этапе интенсивной урбанизации 1960–1980^x годов 60–70 % прироста горожан обеспечивалось за счет миграции из сельской местности [1]. В настоящее время населенные пункты, имеющие статус малого города, составляют 65 % от общего количества городов, при этом в них живет только 12 % от общей численности городских жителей [2]. К началу XXI века половина сельских поселений Беларуси перешла в категорию мелких и мельчайших, где проживает менее пятидесяти человек, в каждой третьей деревне – менее двадцати [1]. После аварии на Чернобыльской АЭС сформировался незаселенный анклав – 479 деревень и поселков Беларуси перестали существовать; с зараженной территории отселились 130 тыс жителей. Континуальное демографическое пространство сельской местности все больше начало приобретать очаговый, фрагментарный характер. Основные очаги сохраняются в окружении столицы и областных центров. В качестве показателя, косвенно характеризующего изменение постсоветского городского пространства, демографы используют особый индикатор – миграционную привлекательность. Доказано, что с середины 2000-х годов мигранты из малых и средних городов максимально увеличили свой вклад в рост населения Минской агломерации, а также в обеспечение положительного миграционного баланса областных центров. В теории дифференциальной урбанизации этот факт свидетельствует о незавершенности начальных этапов урбанизации, а это значит, что убыль населения в малых городах продолжится [2].

Ресурсно-экономическое направление изучает малые города с точки зрения тех функций, которые они выполняют по отношению к окружающей сельской местности, начиная с эпохи индустриализации. К середине XVIII века на территории современной Беларуси сложилась относительно густая сеть местечек. Она охватывала по данным разных исследователей от 400 до 900 поселений. В научной литературе подчеркнуты их функциональные отличия. От города местечки отличала меньшая

численность населения (около 1 тыс жителей, исходя из расчета 150–300 дымов на каждое поселение и 6–6,5 человек на дым) и большая степень аграрности (большинство жителей занималось крестьянским хозяйством на своих подворьях и на прилегающих землях). От сёл и деревень их отличали развитые ремесла и торговля; осевшие рядом с помещичьими и хозяйственными дворами и сориентированные на внутренний рынок вотчинных торгов. То есть исторически малый город имел экономические связи в первую очередь со своим ближайшим сельским окружением. Его влияние распространялось на расстояние 12–15 км, которое можно преодолеть туда и обратно за световой день пешком, на гужевом транспорте или по воде [3]. Определяя критерии отнесения поселения к категории местечек, И. В. Соркина обращается к их роли в процессе культурной интеграции. Она дополняет критерии их хозяйственной значимости оценкой коммуникационной функции и считает местечки «консолидирующим центром группы окружающего сельского населения в системе нивелирующих процессов более высокого таксономического уровня» [4, с. 45]. Контактному объединению населения местечка и соседних деревень способствовали экономическая, религиозная, культурно-просветительская и административная функция местечек.

Выполнение новой административной функции в период после присоединения к России подвергло пространство городов и местечек кардинальной трансформации. Вместе со статусом уездного города они получили новые генеральные планы. Согласно градостроительным проектам, выполненным в стиле классицизма, спрямлялись улицы, сложившиеся в средневековье; формировались прямоугольные кварталы; создавались симметричные площади, обрамленные зданиями, которые возводились по «нормальным чертежам».

Еще одно политическое решение царского правительства имело ключевое значение для пространственной организации малых городов Беларуси. Введение так называемой черты оседлости привело к концентрации еврейского населения в местечках. З. В. Шибeko связывает это решение с ускорением урбанизации: «В результате численность городского населения в границах современной Беларуси в течение 1786–1885 годов увеличилась в 7,5 раз. Увеличилось и количество местечек. ... В конце XIX века в 44 городах Беларуси евреи составляли 53,5 % населения» [5, с. 118–119].

Исследователь также отмечает, что полиэтническая структура населения городов и местечек затруднила процесс формирования городской идентичности [5, с. 118–119]. Штетл – часть населенного места, где компактно обитала еврейская община, – отличалась особым зонированием

пространства, планировкой и благоустройством улиц, функциональным составом и строительной типологией жилых и общественных зданий.

В конце XIX – начале XX века, сельские территории Беларуси оказались в условиях аграрного перенаселения. Темпы урбанизации не были высокими, так как технически отсталая промышленность городов и местечек не могла впитать в себя 1,5 млн «лишних» работников. За тридцать лет, прошедшие после отмены крепостного права, количество промышленных предприятий увеличилось в пятнадцать раз. К 90-м гг. XIX в. в Беларуси насчитывалось более 1100 производств, две трети из которых по-прежнему размещались в сельской местности [6, с. 118–119]. В малых городах преимущественно развивались мануфактуры и ремесленные предприятия с местной сырьевой базой (пищевая, деревообрабатывающая, бумажная и кожевенная промышленность), что еще теснее связывало малые города с окружающей территорией.

Строительство железных дорог в этот период активизировало урбанизирующие процессы миграции «село-город» и «город-город». Новые транспортные магистрали не совпадали со старыми торговыми путями, которые были привязаны к рекам. По отношению к малым городам железнодорожный транспорт выполнял внешнюю транзитную функцию. На примере поместья «Развадово» можно увидеть два подхода к трансформации застроенного пространства и превращения местечка в город Барановичи. Транспортные сооружения заняли свободные от застройки территории, обросли складами и промышленными объектами. Возле станции Московско-Брестской железной дороги продавались земельные участки правильной геометрической формы, как их распланировал владелец, а возле станции на полесском направлении примыкающие деревни разрастались хаотично. Новогрудок является примером реализации еще одного подхода, при котором строительство железной дороги рассматривается как фактор, стимулирующий экономическое развитие целого края. Возле вокзала был выстроен презентабельный поселок для специалистов; вдоль улиц на крутом рельефе, соединяющих привокзальную площадь с историческим центром и старым замком, были возведены не только административные и коммерческие здания, но также школа и предприятие.

Социальные потрясения, коллективизация и индустриализация сельского хозяйства, а также структурная перестройка белорусской экономики в период между двумя мировыми войнами и далее вплоть до 1960-х годов была нацелена на развитие тяжелой промышленности в крупных городах. В большинстве случаев цели формулировали как «сглаживание отличий между качеством жизни в городе и деревне», «выравнивание условий для экономической деятельности», «доведение до

единых стандартов социального обслуживания и мобильности». Малые города в это время реконструировались слабо и бессистемно. В. Л. Глазычев называет распространенную практику функционального зонирования городов тотальной «слободизацией» поселений [7, с. 138]. Благодаря сдержанному социально-экономическому развитию малых городов, в них сохранились историко-культурные ценности, выступающие сегодня как ресурс для развития туристической деятельности. Риски искажения культурного пространства малых городов требует переосмысления деформаций, которые оно понесло в условиях урбанизации и трансформации природных ландшафтов.

Третье направление изучает пространство малых городов с точки зрения *экологии культуры*. Этот термин ввел академик Д. С. Лихачев [8]. Развивая идеи М. С. Гревса и Н. П. Анциферова о развитии междисциплинарной науки по краеведению, он отмечал: «Только история городов, взятая в ее краеведческом смысле, может помочь градостроителям сохранить или даже обогатить „образ города“ – его „душу“, усилить эмоциональный аспект городской архитектуры, столь важный в древности и столь необходимый в будущем» [8, с. 22–24.]. В русскоязычной литературе современные подходы к взаимосвязанному развитию туризма и сохранению наследия разрабатываются как технология районирования (картирования) культурных ландшафтов. Наиболее широкое распространение получил метод выявления историко-культурного каркаса региона – исторически сложившейся системы объектов, сгруппированных в особые территориальные комплексы (оси, центры и зоны) и обладающих высоким потенциалом с точки зрения организации различных видов деятельности по освоению местных культурных ресурсов, включая туризм. В разработке теории и методологии вопросов по выявлению и оценке лидирует Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Главная идея ученых, продвигающих данное направление, состоит в том, чтобы создать систему охраняемых историко-культурных территорий по аналогии с системой природоохранных территорий.

До настоящего времени официальная методика с однозначными критериями выделения элементов каркаса отсутствует. Автор данной статьи занималась этой проблемой при подготовке схемы историко-культурного наследия в составе «Генеральной схемы размещения зон и объектов оздоровления, туризма и отдыха Республики Беларусь до 2030 года». Была разработана типология элементов историко-культурного каркаса и определено смысловое значение их пространственных признаков. Учитывались результаты исследований В. С. Титова, И. Н. Шарухо, А. И. Локотко, А. Смолича, А. Г. Манакова и др. Непосредственное

выявление каркаса Республики Беларусь включало в себя по *очерчиванию зон, определению направлений осей и маркировки центров*. Последняя процедура напрямую касалась типологии малых городов и их взаимодействия с сельским окружением. Выявленный историко-культурный каркас Беларуси лег в основу разработки стратегии по вовлечению культурного наследия в туристическую деятельность. По характерному сочетанию элементов каркаса выделены территории историко-этнографических регионов с различным потенциалом кластеризации пяти типов:

– наиболее подготовленные к созданию интегрированных кластеров туризма и культуры территории в Понеманье (I тип);

– городские территории в Полесье, Поднепровье и Подвинье (Поозерье), потенциал которых возможно повысить за счет включения объектов их культурного наследия в производственные или научные кластеры, производящие товары с высокой добавленной стоимостью и ориентированные на использование местных ресурсов (II тип);

– сельские территории Поднепровья с непроявленным потенциалом ассоциативных культурных ландшафтов «порубежья» (III тип);

– сельские территории в Полесье и Поозерье («глубинка»), требующие инновационного переосвоения уязвимого природного и культурного наследия в туристических целях (IV тип);

– территории совершенствования и модернизации инфраструктуры культурного туризма в Центральной Беларуси (V тип).

Особо следует выделить территории (исторические кварталы г. Витебска), накопившие определенный потенциал для создания городского креативного кластера. В целях реализации намеченных стратегий кластеризации рекомендовалось предпринимать меры в части сохранения наследия (А), в части устойчивого развития туризма (В), а также в части территориального планирования (С).

Изучение деформаций культурного пространства в малых городах Беларуси в настоящее время продолжается в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «Культура и искусство» НИР «Развитие методик художественно-эстетического воплощения национальных традиций в архитектуре Беларуси». Предмет исследования охватывает малые города с их окружением, в том числе сельские населенные пункты, генетически связанные с местечками и имеющие статус агрогородков. Такой выбор был предопределен пониманием того, что «одним из важнейших и самых ценных компонентов наследия любой страны является её традиционный, преимущественно негородской,

культурный (антропогенный) ландшафт, в наши дни быстро исчезающий под напором урбанизации и глобализации» [9]. По мнению О. Н. Яницкого, малые города соединяют «все со всем» и потому являются «естественными» объектами междисциплинарного анализа в экологии культуры [10].

Библиографические ссылки

1. Антипова Е. А. Пирожник И. И. Трансформации системы расселения Беларуси во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник БГУ. Сер. 2. Химия. Биология. География. 2006. № 3. С. 72–78.

2. Нефедова Т. Г., Слепухина И. Л., Браде И. Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 27–38.

3. Шаруха И. Н. Местечки Беларуси: из прошлого в будущее // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 65–71.

4. Соркина И. В. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Вільня: ЕГУ, 2010. 488 с.

5. Власюк Т. А. Анализ миграционных процессов на территории Республики Беларусь середины XIX – начала XX веков в контексте развития железнодорожного транспорта. // Вестник Белорусского государственного университета транспорта: Наука и транспорт. 2017. № 2 (35). С. 110–113.

6. Шыбека З. В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет: курс лекцый. Вільня: ЕГУ, 2009. – 372 с.

7. Глазычев В. Л. Города России на пороге урбанизации // Город как социально-культурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137–144.

8. Лихачев Д. С. Экология культуры // Знание – сила. 1982. № 6. С. 22–24.

9. Родоман Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 47–53

10. Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ [Электронный ресурс]. Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. – 2018. Режим доступа:

<https://scholar.archive.org/work/at7pm2jzpjciro5jmbdwuauyb4>. Дата доступа: 21.11.2023.

МЕТОД СОЦИАЛЬНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА

В. В. Вашкевич

Белорусский национальный технический университет
пр. Независимости 65, 220013, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Излагается методика пространственного анализа планировки и застройки населенных пунктов Республики Беларусь с учетом социальных данных. Методика опирается на ГИС-технологии и отличается новым подходом к структурированию городских территорий, который предполагает выделение унифицированных градостроительных планировочных образований (округов, районов, кварталов), ограниченных антропогенными и природными границами. Принятое структурирование позволяет проводить оценку качества городской среды с помощью ряда индикаторов (качество жилой застройки, уровень социального обслуживания; доступность мест приложения труда; обеспеченность инженерно-транспортной инфраструктурой и др.). Эти факторы развития городов оцениваются по десяти показателям для каждого из таксономических уровней. Внедрение разработанной методики позволит проводить сравнительный анализ условий проживания населения и выявлять степень социальной эффективности использования территорий населенных пунктов.

Ключевые слова: *социально-градостроительные исследования; градостроительный мониторинг; градостроительный кадастр; геоинформационные системы.*

METHOD OF SOCIAL AND URBAN SPATIAL ANALYSIS

V. Vashkevich

Belarusian National Technical University
Nezavisimosti avenue, 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The methodology for spatial analysis of the Republic of Belarus settlements' planning and build environment is outlined, taking into account social data. The methodology is based on GIS technologies and is distinguished by a new approach to the structuring of urban areas, which involves the identification of standard urban planning formations (districts, districts, blocks), limited by anthropogenic and natural boundaries. The adopted structuring makes it possible to assess the quality of the urban environment using a number of indicators (quality of residential development, level of social services; accessibility of places of employment; provision of engineering and transport infrastructure, etc.). These urban development factors are

assessed using ten indicators for each taxonomic level. The introduction of the developed methodology will make it possible to conduct a comparative analysis of the living conditions of the population and identify the degree of social efficiency of using the territories of settlements.

Keywords: *social and urban studies; urban planning monitoring, urban cadastre; geographic information systems.*

В настоящее время специалисты по землеустройству, экономисты, географы активно ведут разработку новых методов пространственного анализа городов с привлечением ГИС технологий [1; 2]. Однако экономико-географические методы изучения городской среды не учитывают специфики архитектурно-градостроительного проектирования, в котором анализируются обширные социальные данные, сведения о жилом фонде, структуре общественного обслуживания и инженерно-технических подсистем городов. Частично эти вопросы решаются в научных и проектных исследованиях, а также в ходе ведения государственного градостроительного мониторинга Республики Беларусь – системы наблюдения за состоянием объектов градостроительной деятельности и средой обитания в целях контроля градостроительного использования территорий и прогнозирования результатов реализации градостроительных проектов [3].

Информационной базой градостроительного мониторинга служат данные градостроительного кадастра, материалы специальных исследований. Градостроительные кадастры ведутся только в некоторых крупных городах страны, в остальных населенных пунктах используется Земельная информационная система и Публичная кадастровая земельная карта. Вместе с тем, кадастровые системы выполняют регистрирующую роль и не имеют аналитических блоков оценки качества проживания населения.

В градостроительной документации, как правило, выделяются расчетно-планировочные образования (РПО). Границы РПО определяются в каждом конкретном случае индивидуально и не поддаются стандартизации. Набор технико-экономических показателей градостроительных проектов также регламентирован нормативной документацией и ограничен данными о жилищном фонде, населении, инженерно-транспортной и общественной инфраструктуре [4].

На кафедре «Градостроительство» Белорусского национального технического университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2020–2025 гг. разработана метод социально-градостроительного пространственного анализа, который выявляет пространственную доступность населения до важнейших объектов притяжения и позволяет проводить балльную оценку условий его проживания.

Предлагаемый метод основан на использовании распространенных геоинформационных программ (ArcGis, Qgis, MapInfo) и источников открытых данных и может существенно расширить информационную базу архитектурно-градостроительного проектирования.

В разработанной методике предложено унифицированное районирование городских территорий, которое позволяет сравнивать условия проживания населения различных по величине городов. Основным показателем для их районирования является количество жителей, проживающих на территории. Типология городов Беларуси по численности населения предполагает выделение малых, средних, больших, крупных и крупнейших городов. В рамках одного типа еще возможно провести их сравнительный анализ. Столица страны Минск с населением около 2 млн человек является единственным представителем крупнейших городов (свыше 1 млн жителей) и существенно отличается от областных центров, население которых составляет 340–501 тыс чел. Поэтому самый крупный объект для кадастрового районирования ограничивается территорией, на которой проживает не более 250 000 человек. Такое количество жителей ориентировочно соответствует понятию городского планировочного района, в котором обеспечивается баланс мест приложения труда, жилых и рекреационных территорий. В методике предполагается следующее районирование территорий городов:

- округ (75–250 тыс жителей): планировочный район крупного/крупнейшего города, большой город;
- район (20–75 тыс жителей): жилой район крупного/крупнейшего города, средний город;
- квартал (0,5–20 тыс жителей): микрорайон крупного/крупнейшего города, малый город.

Принятое структурирование позволяет проводить оценку качества городской среды с помощью индикаторов. В методике предлагается отслеживать следующие аспекты развития населенных пунктов: качество жилой застройки, уровень социального обслуживания; наличие мест приложения труда; обеспеченность инженерно-транспортной инфраструктурой; зрелость планировочной структуры. Эти факторы развития городов оцениваются по десяти показателям для каждого из таксономических уровней.

На уровне округа проводится анализ средового разнообразия, заключающегося в доступности для населения объектов общегородского значения. К таким объектам относятся крупные места приложения труда (свыше 250 чел. сотрудников), больницы, парки и зоны отдыха, мультимодальные транспортно-пересадочные узлы, предприятия торговли и

банки, спортивные сооружения, учреждения культуры, памятники архитектуры, учреждения высшего и среднего специального образования. Отдельно оценивается уровень развития функционально-планировочной организации округа (зрелость градостроительной структуры).

Показателем социальной эффективности использования территории района является комплексность городской среды. Это качество оценивается по наличию базового набора общественных услуг периодического пользования, в который входят поликлиники, парк жилого района, транспортные узлы, предприятия торговли и бытового обслуживания (общественного питания, банковского обслуживания), учреждения культуры, спортивные сооружения, смешанная застройка, места приложения труда (с численностью сотрудников менее 250 чел.), учреждения дополнительного образования. Качественным показателем развития района является зрелость его архитектурно-планировочной структуры.

В масштабе кадастрового квартала основным критерием качества среды проживания выступает критерий комфортности, который определяется по наличию объектов приближенного к жилью культурно-бытового обслуживания повседневного пользования. К ним относятся школы, детские сады, предприятия торговли, детские и спортивные площадки, зеленые насаждения, пространства для общения – социальные центры, объекты общественного питания, базовая инженерно-транспортная инфраструктура (автостоянки, благоустроенный жилой фонд). Комплексная оценка уровня развития квартала осуществляется по оценке архитектурно-художественной зрелости застройки и благоустройства.

Социальная эффективность градостроительной организации территории определяется по доли населения, имеющего доступ к перечисленным объектам с учетом нормативных затрат времени на передвижение. Пространственная доступность определяется как расчетное время передвижения, которое учитывает дальность подхода к остановке общественного транспорта, время ожидания и среднюю скорость сообщения (20 км/ч – для автобуса при движении по городу). На уровне градостроительного округа пространственная доступность ограничивается тридцатью минутами поездки на пассажирском транспорте. В градостроительном районе допускается учитывать как режим пешеходного движения, так и сообщение на общественном транспорте, при этом пространственная доступность составляет 15 минут. В границах градостроительного квартала пространственная доступность не должна превышать восьми минут пешеходного движения при скорости 5 км/ч.

Радиус оптимальной доступности до объектов определяется по изохрограммам транспортно-пешеходной доступности, которые

выстраиваются с помощью открытого сервиса Openrouteservice [5]. Этот онлайн-сервис позволяет автоматически генерировать карты изохрон доступности до объектов с учетом заданной скорости передвижения и его вида (пешеходное, велосипедное, общественный транспорт, автомобиль), непрямолинейности передвижения, а также рассчитать площадь и количество проживающего населения на территории, охватываемой изохронами. Данные о населении определяются по усредненным данным плотности населения в различных типах жилых образований белорусских городов. Уровень развития (зрелости) архитектурно-градостроительной структуры оценивается по ее соответствию экономико-технологическому укладу, определяющему особенности основной массы планировки и застройки. Все планировочные образования могут быть охарактеризованы как эмбриональные (зарождающиеся), интенсивно развивающиеся, зрелые, стагнирующие и трансформируемые структуры.

Представленная методика была апробирована в ходе анализа города Орши и его спутника города Барань. Методика позволила наглядно продемонстрировать особенности планировочной организации города, а также оценить в баллах ее социальную эффективность по трем критериям (разнообразию, комплексности, комфортности) на масштабных уровнях округа, района и квартала.

Полученные данные подтверждают известную градостроителям информацию о городах, вместе с тем, позволяют проводить сравнительный анализ социальной эффективности их землепользования с использованием специфических зон (разнообразия, комплексности, комфорта). Оказалось что, открытых баз данных не достаточно для точной оценки количества проживающего населения, уровня благоустроенности усадебных жилых домов, количества рабочих мест.

Предложенный метод предназначен, в первую очередь, для администрации населенных пунктов, проектировщиков и может лечь в основу нового типа государственного слежения за состоянием городской среды – социально-градостроительного мониторинга, который должен занять промежуточное положение между действующими регистрирующими системами и проектными разработками и должен опираться на доступные пространственные данные.

Внедрение разработанного метода в процедуру градостроительного мониторинга в Беларуси позволит объединить социальную и градостроительную информацию в рамках специальной информационной системы, локализовать социальную информации применительно к территориальным образованиям, проводить сравнительный анализ условий

проживания населения и эффективности использования территорий населенных пунктов.

Библиографические ссылки

1. Лелюхина А. М. Разработка и исследование методов создания тематических кадастровых карт: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 25.00.26; МГУиК. М., 2008. 24 с.
2. Семенюк А. С. Геоинформационное картографирование интегральной геосистемы города Молодечно для оценки благоустроенности городской среды: автореф. дис. канд. ... геогр. наук: 25.03.10; БГУ. Минск, 2022. 23 с.
3. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 5 июля. 2004 г., № 300-3 в ред. от 16.05.2006 №117-3. Минск, 2004. 60 с.
4. Планировка и застройка населенных пунктов. СН 3.01.03-2020. Введ. 27.11.20. Минск: Минстройархитектуры, 2021. 69 с.
5. Classic-maps / Heidelberg Institute for Geoinformation Technology // Openrouteservice.org [Electronic resource]. Heidelberg, 2022. Mode of access: <https://classic-maps.openrouteservice.org>. Date of access: 21.07.2023.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМИОТИКА ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ УРБАНИСТИКИ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Аннотация. В статье проясняются когнитивные константы пространственной семиотики города в контексте философской урбанистики: знаки-иконы, знаки-индексы, знаки-символы. Выявлены различия между ними, которые заключаются в способах выделения объектов по правилам пространственного кода. Показано, что первичную иконическую реальность города составляет фактическое содержание, вторичную индексную – содержание условное, третичную символическую – содержание опосредованное, умозрительное. Обосновано, что ключевой реальностью в пространственной семиотике города следует считать вторичную реальность, обусловленную направленностью внимания. Определены два подхода, в контексте которых раскрывается индексная сущность места. Это, во-первых, палимпсест как модель места, воспроизводящая его разночтения; во-вторых, культурный трансфер как модель взаимодействия культурных пространств, способных генерировать новые места.

Ключевые слова: *Пространственная семиотика города; философская урбанистика; место; типология городской реальности; палимпсест; культурный трансфер.*

SPATIAL SEMIOTICS OF THE CITY IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL URBANISM

S.V. Vorobyova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220004, Minsk, the Republic of Belarus
cherbourg@mail.ru

Abstract. The article clarifies the cognitive constants of the spatial semiotics of the city in the context of philosophical urbanism: signs-icons, signs-indexes, signs-symbols. The differences between them have revealed, which lie in the methods of selecting objects according to the rules of the spatial code. It has shown that the primary iconic reality of the city has made up of factual content, the secondary indexical reality has made up of conditional content, and the tertiary symbolic reality is made up of mediated, speculative content. It has substantiated that the key reality in the spatial semiotics of the city should have considered a secondary reality,

determined by the direction of attention. Two approaches have defined, in the context of which the indexical essence of places has revealed. This is, firstly, a palimpsest as a model of a place, reproducing its discrepancies; secondly, cultural transfer as a model of interaction between cultural spaces capable of generating new places.

Keywords: *Spatial semiotics of the city; philosophical urbanism; place; typology of urban reality; palimpsest; cultural transfer.*

Актуальность пространственной семиотики города обусловлена необходимостью уточнения ее методологической эвристики в контексте философской урбанистики, что напрямую связано с функциональными и структурными разновидностями категории места [1, с. 7], границами и устанавливающими их культурными кодами [2, с. 34]. Философское понимание пространства как формы существования применительно к осмыслению города высвечивает ряд важных вопросов. Их можно содержательно эксплицировать в контексте терминов сосуществования, соположения, протяженности, порядка, а также порождаемых ими характеристик движения и развития. Именно из их методологических трактовок проистекают ключевые понятия урбанистических теорий, например: цифровой капитализм, городское правительство и управление, городской режим, социальная и пространственная сегрегация, фрагментация, символическая экономика, брендинг и маркетинг городов, гибридизация, идентичность. Они в большей части обусловлены или связаны с механизмами формирования семиотических кодов [3, с. 75]. Поэтому цель данной статьи – прояснить когнитивные константы пространственной семиотики города в контексте философской урбанистики.

Философская урбанистика имеет позитивистское происхождение, так как ее целесообразность предопределялась стремлением к рационализации человеческого пространства. «Городское мышление» стремилось освободить горожан от необходимости решать проблемы, связанные с общими интересами (гигиена, безопасность, общественное освещение и др.). В современном мобильном мире появление новых проблем рождает новые парадигмы продуктивного городского планирования. В частности, общими местами новой городской среды становятся ее динамика, постоянная смена соглашений разногласиями, договоренностей – разночтениями, под вопросом оказывается территориальность – она реальная или виртуальная [4, р. 3]. Как следствие, пространственная семиотика города, обуславливающая происходящие в нем процессы, позволяет переосмыслить городскую предметность, мерность, структурность

Исследование семиотических компонентов пространственной организации города чаще всего ограничивают символическими структурами,

поэтому необходимо внести ясность относительно остальных знаковых структур – иконических (аналоговых) и индексных. Семиотическая модель городской культуры, если следовать терминологии Ч.С. Пирса, включает три типа реальности, или данности мира сознанию. Первичную реальность составляют знаки-иконы, означаемое которых является образом, или копией означающего. Вторичную реальность составляют знаки-индексы, означаемое которых находится в отношении физической или логической смежности с означающим. Третичную – знаки-символы, в которых связь между означаемым и означающим отсутствует. Данную типологию Ч.С. Пирса обосновывает, исходя из трех видов интереса к вещи: первичной заинтересованности в ней самой, вторичной заинтересованности в связи с ее взаимодействием с другими вещами, третичной – в качестве посредника, «когда она передает разуму (mind) идею о вещи» [5, с. 89].

Первичная реальность раскрывается как конкретные места города, как точки в сети пространственных отношений. Это означает непосредственно воспринимаемую географическую или архитектурную структурированность физического пространства. Эпистемологические основания пространственной организации социального восприятия составляют метафоры, которые обозначают различные типы мест, связанные, например, с образованием, медициной, торговлей, отдыхом и развлечениями. В частности, метафорические структуры (близко, быстро, удобно или доступно), лежат в основе пространственной идентичности, определяемой совокупностью посещаемых мест в городе. В результате, допустим, замер социального восприятия пространства опирается на регистрирование наиболее посещаемых информантами мест с целью построения ментальных карт пространственных мест.

В первичной реальности доминируют целостные визуальные, аудиальные и кинестетические репрезентации, на основе которых происходит освоение конкретных нормативных ситуаций и выделение их среди других. Поэтому в этой реальности «для подобия необходим не опыт, но способность к опыту», которая «необходима не для того, чтобы подобия были проинтерпретированы, а для того, чтобы они вообще могли быть представлены сознанию» [5, с. 92]. Значит, если первичную городскую реальность составляет фактическое содержание, то вторичную – содержание условное.

Вторичная реальность, основанная на знаках-индексах, раскрывается как структурная репрезентация объектов. Эпистемологическими основаниями структурных репрезентаций выступают метонимические схемы, основанные на множествах пространственных, временных и языковых отношений, например, целое / часть, причина / следствие, объект / время.

Значение (референт) и смысл (концепт) знаков можно прояснить лишь в системе их отношений к другим знакам. Поэтому на основе именно знаков-индексов функционирует, например, историческая память, объединяющая фактическое и символическое содержание города [6, с. 37]. Если, согласно Ч.У. Моррису, функциональное содержание знаков в фактическом (иконическом) ракурсе обусловлено ценностями и мотивами, то такое содержание в условном (индексирующем) ракурсе – направленностью внимания [7, с. 93, 72]. Знак-индекс «означает лишь то, на что направляет внимание», поэтому он характеризует не свой денотат, а лишь исключительно его пространственно-временные координаты [7, с. 64].

Именно вторичная реальность, сопряженная с направленностью внимания, играет основополагающую роль в семиотике города. Если Г. Фреге обосновал в качестве фундаментальной сущности языка его индексную сущность, то по аналогии следует признать ее в качестве таковой применительно к пространственной семиотике города. Что можно увидеть за банальным и клишированным содержанием места? Каково его событийное содержание в контексте оппозиций, например: *вечное / сиюминутное, всеобщее / частное, абстрактное / конкретное, большое время / малое время*? В качестве ответа в соответствии с взглядом М.М. Бахтина можно утверждать, что предметы множественно именованы и переименованы, оговорены, оспорены, освещены и оценены по-разному. На них «скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [8, с. 198-199].

Индексная сущность города выявляется в контексте палимпсеста и культурного трансфера. В частности, И.И. Митин раскрывает пространственное место как палимпсест. По его определению, палимпсест является метафорой, которая описывает «множественность текста (или иного феномена, представимого и осмысляемого в виде текста), в котором подчеркивается выделение множества слоев (пластов) реальности» [9, с. 110]. Палимпсест как модель места позволяет учесть особенности, обусловленные не только историей, но и, как утверждает И.И. Митин, ссылаясь на Р. Шейна, «просто различиями в “чтении” ландшафта всевозможными социальными, этноконфессиональными, профессиональными группами и отдельными индивидами в зависимости от их идентичностей, пространственного опыта, воображения и эмоциональных связей с местом» [9, с. 111–112]. Их мысль созвучна утверждению Н.О. Анисимова: «семиотические смыслы городского пространства предстают перед нами в виде культурного кода, который человек способен прочесть» [2, с. 34].

Послойная модель места перекликается с культурным трансфером М. Эспаня, дополнившего многозначную реальность места

множественностью интерпретаций на пересечениях [10, p. 202–203]. Главным в культурном трансфере становится вопрос о том, «каким образом лимитрофное (пограничное) становится монолитным, а затем снова лимитрофным» на пересечении пространств [11, с. 74]. По этому поводу И.Ю. Окунева и Г.И. Остапенко с позиции гуманитарной географии подчеркнули, что «одно и то же место – географическая локация – может иметь разные интерпретации и идентификации в своей повседневной “эксплуатации”». Но с позиции политической географии учитываются расстановки пространственных приоритетов, оценка культурного или иного веса объекта в укрупненном масштабе [12, сс. 47, 49]. Увеличение степени опосредованности указывает на третичную реальность.

Третичная реальность умозрательна. Если «индекс физически связан со своим объектом», то «символ... связан со своим объектом благодаря идее использующего символы разума, без которого такая связь не существовала бы» [5, с. 93, 94]. Поэтому именно третичная реальность содержит компоненты конструирования пространственной идентичности. Этот тезис вытекает из того факта, что символические ресурсы городских мест обусловлены прагматическими факторами, квинтэссенцией которых выступают пространственные мифы, формализующие различные представления о первичной пространственной данности на основе синкретизма восприятия и мышления. Подобные представления кристаллизуют узловые точки, связанные, например, со значимыми местами, устанавливают зазоры, исходя из свойств и ценностей пустоты, намечают удаленные территории. Это, в конечном счете, влияет на установление масштабов в пространственных схемах миропонимания, что предопределяет символическое значение локаций посредством, во-первых, распределения актуального и неважного, специфического и общего, главного и второстепенного в пространстве, во-вторых, степени интеграции в различные процессы – повседневную жизнедеятельность, логистику, туристские потоки и пр.

Символические ресурсы формируются на основе аналогового метафорического мышления (знаков-икон), непосредственно привязанного к психическому опыту восприятия и составляющему условие перехода к понятийному мышлению, и метонимических конструкций (знаков-индексов), которые выражают способы идентификации объектов на основе их связей в пространстве или времени. Как отметил А.Ф. Лосев, «символ действительно постоянно функционирует вместе с другими соседними областями сознания и даже пронизывается ими». По этой причине «расчленение элементов, составляющих символ, и отчленение этого символа от соседних областей, с

которыми он часто фактически связан, в данном случае особенно важно» [13, с. 57–58].

Таким образом, когнитивными константами пространственной семиотики города являются знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы. Они лежат в основе различий в способах выделения объектов по правилам пространственного кода, что методологически важно в философской урбанистике. В соответствии с указанными константами становятся различимыми три типа реальности. Первичную иконическую, или аналоговую, реальность составляет фактическое содержание, вторичную индексную – содержание условное, третичную символическую – содержание опосредованное, умозрительное. Ключевой реальностью в пространственной семиотике города следует считать вторичную реальность, обусловленную направленностью внимания. Индексная сущность места раскрывается в контексте двух взаимно дополнительных концепций – палимпсеста и культурного трансфера. Палимпсест как модель места позволяет воспроизводить его разночтения, культурный трансфер – взаимодействия культурных пространств, способных генерировать новые места.

Библиографические ссылки

1. Чертов Л.Ф. Место как категория пространственной семиотики // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 1 (53). С. 7–26.
2. Анисимов Н.О. Город в дискурсе семиотики // Философские и социологические науки. 2018. № 12. С. 33–35.
3. Касаткина С.С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2018. 160 с.
4. Repenser l'urbanisme. Sous la direction de Thierry Paquot. 2-e edition. Paris: Infolio, 2017. 168 p.
5. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
6. Воробьева С.В. Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 34–44.
7. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Сост. Степанов Ю.С. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. С. 159–286.
9. Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.

10. Espagne M. Au-delà du comparatisme. La méthode des transferts culturels // *Historiographie de l'antiquité et transferts culturels*. 2010. Vol. 145. P. 201–221.

11. Гнучих В.Б., Воробьева С.В. Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты // *Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета*. Минск: БГУ, 2023. С. 73–76.

12. Окунев И.Ю., Остапенко Г.И. Восприятие пространства в программе семиотики столиц // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2022. № 1(49). С. 43–61.

13. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русский мир, 2014.

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В. Д. Вядчинникова

Национальный исследовательский университет ИТМО

Кронверкский пр., д. 49, лит. А.

197101, Санкт-Петербург, Российская федерация

od@itmo.ru

Научный руководитель: **А. И. Дрожжин**

Аннотация: Существующая проблема оценки ценности объектов культурного наследия в России приводит к уничтожению важных историко-архитектурных объектов, к конфликтам в городской среде. На данный момент процесс выявления объектов культурного наследия не систематизирован, есть только общие концепции. В данном исследовании предлагается метод, в соответствии с которым каждый объект можно проанализировать, объективно оценить его ценность и дать точный ответ на вопрос: «Достоин ли объект обладать статусом объекта культурного наследия?». Ценность объекта предлагается оценивать по семи группам критериев: историко-мемориальное, градостроительное, архитектурное, функциональное, ландшафтно-средовое, инженерно-конструктивное, научно-культурологическое значение. Все критерии имеют свою систему оценки, так получается итоговая числовая характеристика ценности здания.

Ключевые слова: *выявление объектов культурного наследия; ценность объекта культурного наследия; оценка критериев ценности.*

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR IDENTIFYING CULTURAL HERITAGE OBJECTS

V. D. Vyadchinnikova

ITMO University

Kronverksky Pr. 49, bldg. A, 197101, St. Petersburg, Russian Federation

od@itmo.ru

Scientific supervisor: **A. I. Drozhzhin**

Abstract. The existing problem of assessing the value of cultural heritage objects in Russia leads to the destruction of important historical and architectural objects, to conflicts in the urban environment. At the moment, the process of identifying cultural heritage objects is not systematized, there are only general concepts. This study suggests a method according to which each object can be analyzed, objectively assess its value and give an accurate answer to the

question: "Is the object worthy of having the status of a cultural heritage object?". The value of the object is proposed to be assessed according to seven groups of criteria: historical and memorial, urban planning, architectural, functional, landscape and environmental, engineering and constructive, scientific and cultural significance. All criteria have their own evaluation system, so the final numerical characteristic of the value of the building is obtained.

Keywords: *identification of objects of cultural heritage; the value of the object of cultural heritage; evaluation of the criteria of value.*

В данном исследовании рассматривается вопрос выявления объектов культурного наследия в России.

В настоящий момент есть несколько проблем, связанных с выявлением объектов культурного наследия:

– несовершенство оценки ценности объектов культурного наследия (субъективность при анализе объектов, отсутствие общей методики выявления);

– долгий и сложный процесс выявления объектов культурного наследия;

– отсутствие понимания общей ситуации по ценным и историческим объектам.

Целью данного исследования является уменьшение количества случаев уничтожения архитектурных объектов, имеющих ценность, и конфликтных ситуаций на этой почве.

В рамках работы поставлены следующие задачи:

– оценить качество существующих методов и концепций по выявлению ценности в архитектурных объектах, сравнить их, выявить положительные и отрицательные стороны;

– разработать собственный метод по выявлению объектов культурного наследия;

– на примере тестовых данных показать алгоритм работы метода и его результаты.

В настоящее время принятой государственной методики выявления объектов культурного наследия нет.

В исследовании было выявлено пять наиболее важных методов или концепций по определению ценности архитектурных объектов.

В работе «Теоретические и методические основы реставраций исторического и архитектурного наследия» [1] О. И. Пруцын описывает ценность объекта по шести группам критериев. Здесь обращается внимание не только на историческую, архитектурную, градостроительную часть, но и уделяется внимание эмоционально-художественной и научно-реставрационной ценности. Однако в данной работе не уделено внимание оцениванию критериев.

С. В. Зеленова в своей диссертации [2] предложила балльную оценку критериев в зависимости от значимости. Балльная оценка помогает снизить степень субъективности при анализе объекта. При определении ценности объекта рассматривается три группы критериев: историческая, архитектурно-градостроительная и культурологическая ценность. Минусом методики является отсутствие некоторых важных ценностных аспектов, таких как ценность фасадов, композиционная составляющая.

Методика установления ценности объекта, предложенная А. В. Слабухой [3] – одна из наиболее конкретных. В данной методике для определения ценности объекта используется семь групп: историческая ценность, мемориальная, ландшафтно-средовая, градостроительная, архитектурно-художественная, строительно-технологическая (инженерно-техническая), научно-реставрационная ценности. Итоговое значение «ценности» объекта получается с помощью среднеарифметического подсчета всех баллов за критерии. Это значение сравнивается со средним значением ценности выявленных объектов по региону. Методика А. В. Слабухи имеет много плюсов, среди которых многосторонний взгляд на ценность объекта, балльная оценка ценности объекта, корректирующие коэффициенты. Однако сравнение всех объектов с одним показателем по региону (без разделения по эпохам) не решит проблему приумножения ценности более новых сооружений.

В своей статье «Критерии оценки объектов культурного наследия: культурно-исторический аспект и правовое решение» Ю. Ю. Курашов [4] высказывает мнение о том, что балльная система оценки здания подходит только для технических и экономических вопросов. Концепция оценки объектов наследия, предлагаемая им, включает в себя такие виды ценности, как историческая, градостроительная, архитектурная, художественная, научная, функциональная. Один из важных плюсов концепции Ю. Ю. Курашова – это выделение отдельной ценности – функциональной.

Методические рекомендации Б. А. Розадеева – единственные, включавшие «преданалитический» этап, на котором можно было адаптировать методику под территорию (например, выбрать шкалу периодизации, которая в дальнейшем разделяла объекты по группам) [5]. В рамках своей временной группы объекты получали оценки и сравнивались. Среди недостатков метода можно отметить отсутствие объективной границы оценки критериев, отсутствие критериев ландшафтной и функциональной ценности объекта.

Таким образом, все методики содержат примерно один состав направлений ценности. Количество групп ценности варьируется от трех до семи. Иногда некоторые ценности обобщаются. Основным отличием методик

является подход к оценке (балльной или субъективной) критериев. В конечном счете, не ясно, какой объект будет претендовать на статус объекта культурного наследия.

Новый метод опирается на Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» [6] и на рассмотренные исследования методы и концепции (в большей степени на методики А. В. Слабухи, С. В. Зеленовой и Б. А. Розадеева).

Метод состоит из четырех этапов.

На первом этапе выбирается временная историко-архитектурная периодизация, по которой будет распределяться анализируемый объект. Это необходимо сделать для того, чтобы при отборе рассматривать здания в пределах одного историко-архитектурного периода, т. е. чтобы все они находились в равных условиях.

На втором этапе объект распределяется в нужный период. Важно понимать, в какие года было построено здание и какие перестройки были у здания. Погрешности «наслоений» (если много достроек, надстроек) будут влиять на оценку объекта в конце анализа.

В третьем этапе предлагается проанализировать объект по семи группам критериев ценности. У каждого критерия есть своя система оценки.

Метод включает следующие группы и критерии ценности:

(1) историко-мемориальное значение: подлинность; причастность сооружения к историческим событиям или памятным датам (революционные события, общественно-политические события, общественно-культурные события); военно-исторические события; причастность сооружения к выдающимся деятелям истории, культуры, искусства и т. п.; связь места архитектурного сооружения с историческим событием; связь среды с действием, вошедшим в историю общества;

(2) градостроительное значение: значение в силуэте, панораме и планировке (в силуэте города, в силуэте района, в панораме площади, в панораме магистрали, в панораме перекрестка, в панораме ансамбля, в планировке магистрали, в планировке перекрестка, в планировке ансамбля, в планировке прилегающей территории); сохранение роли доминанты; со-масштабность, со-пропорциональность, цельность; уровень качества объемно-пространственной организации застройки участка; степень соответствия современных границ участка (с объектом) историческим (сохранность границы межевания);

(3) архитектурное значение: внешняя архитектурно-пространственная композиция объекта; архитектурно-художественное решение фасадов (декор, отделка фасадов, типичность); авторство; сохранность и износ (стены, перегородки); интерьер (архитектурно-

пространственное решение, архитектурно-художественное решение, художественная лепка, плафоны и роспись, элементы пластического искусства, элементы декоративно-прикладного искусства, печи и камины, авторство, отделка стен, полы, заполнение проемов);

(4) функциональное значение: использование; степень распространенности функционального типа; условия комфортности;

(5) ландшафтно-средовое: социокультурная ценность; степень сохранности окружающего исторического природного ландшафта;

(6) инженерно-конструктивное значение: уровень качества конструктивных решений, строительных технологий, материалов; авторство; конструктивно-технологическая ценность; уровень качества (прогрессивность) инженерно-технического оборудования – производственного или обеспечивающего комфортные условия пребывания в помещениях; сохранность и износ (фундаменты, стойки и столбы, перекрытия, лестницы, лоджии, балконы, козырьки, крыши, кровли, ворота, двери, окна, ограды, решетки);

(7) научно-культурологическое значение: наличие системы наслоений (ценных) разновременных архитектурных форм в связи с многоэтапной строительной историей объекта и, возможно, в результате проведенной реставрации; значимость и ценность проведенных реставраций; наличие неценных разновременных элементов в структуре объекта, застройке участка; художественно-эстетическая ценность; распространенность; учебно-педагогическая ценность.

На четвертом этапе принимается решение, достоин ли объект быть выявленным объектом культурного наследия. Решение о ценности объекта принимается на основе сравнения с показателями объектов, уже включенных в список объектов культурного наследия (выявленных и не только) в каждом регионе отдельно.

Сравниваются сумма баллов по каждой группе критериев и сумма всех критериев. Для выявления ценности объекта достаточно, чтобы хотя бы суммы по четырем группам критериев были больше минимальных значений показателей объект ОКН или чтобы сумма всех критериев была больше аналогичной суммы у ОКН. Таким образом, не обязательно, чтобы по каждому критерию объект проходил границу.

В ходе исследования были проанализированы методы, которые существуют в сфере выявления объектов культурного наследия, но ни один из них не является официальным государственным, на который равняются регионы. Среди методов было представлено общее понимание ценности памятников в фундаментальных трудах по реставрации, рассматривались современные исследования и методические рекомендации, которые когда-то

использовались в СССР. Исследования включали в себя либо обобщенные субъективные методики определения ценности объекта, либо формализованные, но со своими недостатками.

Для предложенного метода были выбраны те критерии, которые можно оценить объективно. Для любого эксперта, в любом городе в методе предусмотрен алгоритм, исполнив шаги которого можно определить, насколько ценен объект. В исследовании разработана шкала оценки объекта (минимальные допустимые баллы для выявления ОКН). Однако в дальнейшем стоит более детально рассмотреть разные ситуации с выявлением ОКН и с объектами, уже включенными в список, чтобы внести корректировки в таблицу с оценкой критериев и минимальными допустимыми баллами. Кроме того, возможно, следует включить в список критериев экономические моменты, которые достаточно интересны девелоперам и бизнесменам [7; 8].

Планируемым результатом создания новой методики является налаженный процесс взаимодействия градозащитных организаций, инвесторов, КГИОП, выявленные вовремя и сохраненные ценные объекты городов. Неценные объекты, обладающие статусом, предлагается лишить статуса выявленных объектов культурного наследия.

Библиографические ссылки

1. Пруцын О. И. Реставрация и реконструкция архитектурного наследия. Теоретические и методические основы реставраций исторического и архитектурного наследия: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академия реставраций, 1997. 104 с.
2. Зеленова С. В. Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России: диссертация ... кандидата архитектуры: 18.00.01; НГАСУ. Нижний Новгород, 2009. 257 с.
3. Слабуха А. В. Установление историко-культурной ценности объектов архитектурного наследия (часть 2): критерии и метод в современной экспертной практике // Человек и культура. 2016. № 6. С. 9 – 22.
4. Курашов Ю. Ю. Критерии оценки объектов культурного наследия: культурно-исторический аспект и правовое решение // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 4 (35). С. 40–44.
5. Розадеев Б. А. Методические рекомендации по отбору памятников архитектуры. Л.: Стройиздат, 1971.
6. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. Дата доступа: 06.10.2022.

7. Шеина С. Г., Гиря Л. В., Буракова А. А., Горская А. Л. Методика комплексной оценки состояния памятников архитектуры // Строительство и техногенная безопасность. 2019. № 15 (67). С. 7–13.

8. Башкатов В. С. Морфологический анализ в оценке памятников культурного наследия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 12. С. 53–61.

СТУДЕНТЫ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА: ОСОБЕННОСТИ АУДИТОРИИ ПРОГРАММ ПО ОСВОЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ю. Ю. Гафарова, О. Е. Дмитриева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
julia.j.gafarova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме растущего использования цифровых технологий в стареющих обществах, имеющей важное значение для выработки цельной политики организации процессов обучения студентов третьего возраста как перспективной аудитории. Для определения основных направлений данной политики необходима концептуальная модель обучения, основанная на учете таких основных особенностей данной аудитории как самостоятельность студентов, диверсифицированность самой аудитории и специфические возможности аккомодации людей третьего возраста.

Ключевые слова: *третий возраст; студенты третьего возраста; обучение; цифровые технологии; аудитория.*

THIRD AGE STUDENTS: FEATURES OF THE AUDIENCE OF DIGITAL TECHNOLOGY PROGRAMS

J. J. Gafarova, O. E. Dmitrieva

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
julia.j.gafarova@gmail.com

Abstract. The paper describes the problem of the growing use of digital technologies in aging societies. This problem is important for developing a coherent policy of learning processes for third age students as a promising audience. To define the main directions of this policy, a conceptual model of training is needed. This model should be based on such basic characteristics of the audience as the independence of students, the diversification of the audience and the specific accommodation capabilities of people of the third age.

Keywords: *third age; third age students; education; digital technologies; audience.*

Одной из основных тенденций развития современного белорусского общества является старение населения. Согласно методике оценки ООН, население, в котором доля лиц старше 65 лет составляет более 7 %, считается старым. В Беларуси на начало 2023 года проживало более 1.5 млн граждан в

возрасте 65 лет и старше, или 16.5 % от общего числа жителей [1]. Прогнозируется, что доля такого населения вырастет в 2040 г. до 23 % [2]. Таким образом, пожилые люди занимают всё более значимое место в современном белорусском обществе, в связи с чем актуализируется необходимость продления их активного долголетия.

Граждане Республики Беларусь в возрасте 65–74 лет и сейчас достаточно активны. На 2022 г. они составляли 3.2 % занятых в сфере науки и технологий, 3.6 % – в области здравоохранения и социальных услуг, 4.3 % – в сфере образования. Пожилые люди продолжают не только работать, но и учиться – доля докторантов в возрасте 60 лет и старше в процентах от общей численности белорусских докторантов представляет 8.4%. Пожилые люди общественно деятельны – доля участников волонтерского движения в возрасте 65–74 лет в 2022 году составила 14.8 % [1]. Очевидно, что с увеличением пенсионного возраста эти доли будут расти.

При объективной востребованности как на рынке труда, так и в сфере волонтерства, пожилые люди на межличностном и институциональном уровнях часто сталкиваются с проявлениями эйджизма, то есть с совокупностью негативных и позитивных стереотипов, предрассудков и практик дискриминации на основе хронологического возраста [3, с. 63]. Опираясь на устаревшие стереотипы, частные или должностные лица демонстрируют предвзятое отношение к пожилому человеку, считая его неспособным к гражданской активности, эффективному научению и продуктивному труду. Таким образом, возможности пожилого человека искусственно ограничиваются [3, с. 55].

Практике эйджизма противостоит конструктивистски-ориентированная концепция третьего возраста. Одним из первых её обосновал в работах к. 80-х гг. английский специалист в области высшего образования для пожилых людей Питер Ласлетт [4; 5]. Концепция «третьего возраста» зачастую трактуется как концепция «исчезновения старости» или освобождения людей от процесса «социального старения». По Ласлетту, возрастание ожидаемой продолжительности жизни в современных развивающихся обществах привело к тому, что значительные группы людей в возрасте, следующем за детством (первым возрастом) и репродуктивным периодом (вторым возрастом), уже в середине 80-х гг. XX в. стали устойчивой частью социальных структур. Перспектива активной жизни людей старше 65 лет имеет отношение к идее третьего возраста, но не исчерпывается ею. В её основе лежит отказ от представления о том, что «настоящая» жизнь и построение карьеры возможны только до шестидесяти пяти лет.

Идея третьего возраста развивается с помощью концепта «молодых пожилых», предложенного в 2014 г. Дженнифер Ортман, Викторией Велкофф

и Говардом Хоганом [6]. «Молодые пожилые» – это люди от 65 до 84 лет, т. е. до возраста возникновения ограничений в области физического, эмоционального и когнитивного развития. Жизнь молодых пожилых имеет больше сходств с жизнью людей среднего возраста, чем с жизнью тех, кому 85 и более лет. Молодые пожилые относительно здоровы, с меньшей вероятностью нуждаются в долгосрочном уходе. Хронические заболевания в этом возрасте связаны с образом жизни, их обычно можно предотвратить или контролировать. Молодые пожилые обладают большими накопленными знаниями, демонстрируя при этом высокие показатели внимания, памяти и интеллекта. Этот возрастной период имеет множество положительных моментов. У молодых пожилых часто меньше обязанностей, чем в течение предыдущих стадий их жизни, и, располагая определённым уровнем доходов, они могут использовать свои ресурсы для развития и самореализации. Авторы исследований, проводившихся в 10-е гг. XXI века, доказали, что люди в возрасте от 65 до 84 лет испытывают субъективное чувство эмоционального благополучия не меньшее (а иногда и большее), чем в любой другой период взрослой жизни [7–9].

Однако социальное конструирование третьего возраста как успешного и перспективного жизненного этапа требует адаптивной гибкости в повседневной жизни. В ряде работ такое конструирование концептуализируется как пожизненный процесс максимизации выгод и минимизации потерь посредством трех процессов: отбора, оптимизации и компенсации [10; 11]. В этом смысле особую важность приобретает обучение людей третьего возраста расстановке приоритетов целей (отбору) по их значимости для увеличения прибыли (оптимизации) и предотвращения потерь (компенсации) с учетом имеющихся в настоящее время ресурсов. Хорошим примером такого обучения является деятельность движения, имеющего собирательное название Университетов третьего возраста [12]. Сочетая реализацию образовательных программ для пожилых людей с координацией программ геронтологических исследований, Университеты дают учащимся пожилого возраста возможность поднять уровень своего физического, когнитивного и социального благополучия. Это достигается с помощью одновременного обучения «успешному старению» и развития способностей к ресоциализации путем получения актуальных и новых знаний.

Одна из последних тенденций развития Университетов третьего возраста в этом направлении – их активное включение в «революцию цифрового обучения». Очевидно, что онлайн-обучение пожилой аудитории позволяет охватить людей, живущих в отдаленных районах, привлечь в Университеты людей с ограниченной мобильностью и особыми потребностями, сократить

накладные расходы, обеспечить более высокий уровень профессионального взаимодействия [12]. Однако, освоение аудиторией третьего возраста технологий, связанных с цифровыми устройствами, системами и ресурсами, помогающими создавать и хранить данные, а также управлять этими данными, имеет и самостоятельную адаптивную ценность. Во-первых, обучение пожилых людей цифровой грамотности выступает как условие решения проблем их приспособления к вызовам информационного общества в целом. Во-вторых, снижается их сопротивление любым вводимым инновациям, что уменьшает ригидность, повышает социальную активность и способность к самостоятельному решению многих жизненных проблем посредством использования цифровых ресурсов. В-третьих, общество получает более квалифицированных членов и более высокое качество общественной деятельности.

В качестве аудитории программ по освоению цифровых технологий студенты третьего возраста имеют свои особенности.

Ряд экспертов полагает, что возраст слушателей не оказывает негативного влияния на результаты их обучения цифровым технологиям. Однако качество получаемых знаний людей третьего возраста в значительной степени зависит от их мотивации, отношения к занятиям, степени включенности в учебный процесс, а также интенсивности самостоятельной подготовки. Так, качественное интервьюирование пятидесяти пяти респондентов, проведенное канадскими исследователями в 2016–2017 гг., позволило им выявить, что взрослые обучающиеся описывают обучение цифровым технологиям как личную деятельность, осуществляемую из интереса, чувства ответственности и обусловленное индивидуальной инициативой [13]. Процесс обучения воспринимается ими как деятельность, которой учащийся управляет самостоятельно и которую выполняет в удобное для себя время и в удобном темпе. Именно самостоятельное определение траектории обучения позволяет взрослой аудитории добиться важного для нее ощущения контроля над процессом освоения цифровых технологий.

Второй важной особенностью аудитории третьего возраста является её диверсифицированность. Необходимо отметить, что диверсифицированность присуща всем аудиториям цифровой эпохи. Информация становится все более разнородной по форме и содержанию, потребитель информации и услуг не только имеет широкий выбор контента, но зачастую принимает участие в его производстве [14]. Однако для аудитории третьего возраста диверсифицированность является определяющей характеристикой: локальные аудитории, аудитории работающих и неработающих людей, мужские и женские аудитории чрезвычайно различны. Так, наиболее востребованными у аудитории упомянутого выше канадского качественного

исследования темами были (1) вопросы обучения практикам преодоления технических барьеров (подключения, полного знакомства с характеристиками, квалифицированного использования устройств), (2) проблемы освоения возможностей участия в различного рода вебинарах и онлайн-курсах и (3) сложности фильтрации и оценки надежности информации [13]. Другие локальные аудитории могут быть заинтересованы в изучении иных аспектов использования цифровых технологий. Различными являются потребности работающих и неработающих пенсионеров [15], пожилых людей, проживающих совместно с детьми и внуками либо отдельно от них. Отличаются подходы к обучению цифровым технологиям у женщин и мужчин [2].

И, наконец, третья особенность изучаемой аудитории – наличие у нее специфических возможностей аккомодации, требующих соответствующих подходов в обучении [15, с. 14]. Физическое состояние и психо-возрастные изменения могут требовать специфического темпа обучения, необходимости корректировать объем материала, уточнять терминологию.

Таким образом, растущее использование цифровых технологий имеет важное значение для выработки цельной политики организации обучения студентов третьего возраста как перспективной аудитории. Для определения основных направлений данной политики необходима концептуальная модель обучения, основанная, в том числе, на учете основных особенностей аудитории. Опираясь на международный опыт, выделим в качестве основных характеристик такой аудитории автономность и самостоятельность студентов, диверсифицированность самой аудитории и специфические возможности аккомодации людей третьего возраста. В заключение отметим, что для изучения собственно белорусской аудитории необходимы дополнительные качественные исследования, которые дадут возможность концептуализации обучения аудитории третьего возраста.

Библиографические ссылки

1. Статистический обзор ко Дню пожилых людей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2023.pdf. Дата доступа: 28.09.2023.

2. Калабихина И., Красовская Н., Калмыкова Н. Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] // Круглый стол «Демографическая политика в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: вызовы и перспективы», Минск, 29.11.2017. Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44039&p=attachment>. Дата доступа: 31.03.2023.

3. Здравомыслова Е. А., Божко Н. М. Вызовы третьего возраста и задачи образовательных практик // Сборник статей, лекций, методических и аналитических

материалов «Добровольцы – старшему поколению»: В 3 т. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. Т. 2. С. 55–84.

4. Laslett P. The Emergence of the Third Age // *Ageing & Society*. 1987. Vol. 7. P. 133–160.

5. Laslett P. *Fresh Map of Life: Emergence of the Third Age*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1989. 213 p.

6. Ortman J. M., Velkoff V. A., Hogan H. An Aging Nation: The Older Population in the United States Population // *Current Population Reports*. Washington, DC: US Census Bureau, 2014. No 25–1140. P. 1–28.

7. Fung H. H., Charles S. T. Socioemotional Selectivity Theory and the Regulation of Emotion in the Second Half of Life // *Motivation and Emotion*. 2003. Vol. 27. No 2. P. 103–123.

8. Robins R., Trzesniewski K. Self-Esteem Development Across the Lifespan // *Current Directions in Psychological Science*. 2005. Vol. 14. No 3. P. 158–162.

9. George L. K. Still Happy After All These Years: Research Frontiers on Subjective Well-being in Later Life // *The Journals of Gerontology*. 2010. Ser. B. Vol. 65B. Is. 3. P. 331–339.

10. Baltes P. B., Baltes M. M. Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation // *Successful Aging: Perspectives from the Behavioral Sciences* / eds. P. B. Baltes, M. M. Baltes. NY.: Cambridge University Press, 1990. P. 1–34.

11. Freund A. M. Successful Aging as Management of Resources: The Role of Selection, Optimization, and Compensation // *Research in Human Development*. 2008. Vol. 5. No 2. P. 94–106.

12. Formosa, M. Four Decades of Universities of the Third Age: Past, Present, Future // *Ageing & Society*. 2014. No 34. P. 42–66.

13. Adult Learners' Perceptions of Self-Directed Learning and Digital Technology Usage in Continuing Professional Education: An Update for the Digital Age / V. Curran [et al.] // *Journal of Adult and Continuing Education*. 2019. Vol. 25. No 1. P. 74–93.

14. Zhao, T. Analysis of the Concept of Audience in the Digital Age // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2018. V. 300. P. 132–137.

15. Щербаков И. М. Посттрудова социализация пожилых людей в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04; Волго-Вятская академия государственной службы. Нижний Новгород, 2006. 30 с.

СОВРЕМЕННЫЙ УРБАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. В. Гиммельрейх

Академия МВД Республики Беларусь
пр-т Машерова 6, 220004, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье исследуется феномен нового урбанизма как идеологической концепции городского планирования и благоустройства, направленного на снятие, нивелирование причин блазированности (замкнутости, равнодушия к социальным процессам и др.), ставящего в центр внимания комфортную среду для человека, которая, с одной стороны, подразумевает сокращение физической дистанции между основными объектами инфраструктуры (проживания, работы, отдыха), а с другой – снижение плотности населения. На основе изучения научной литературы и национального законодательства выделяются принципы идеологии нового урбанизма, а также рассматривается отечественная практика решения проблемы перенаселения и размещения инфраструктуры.

Ключевые слова: *урбанистика; урбанизм; идеология нового урбанизма; блазированность; признаки блазированности; принципы нового урбанизма; города-спутники; структура и содержание направлений городского благоустройства.*

MODERN URBANISM AS IDEOLOGICAL CONCEPT OF OPTIMAL URBAN PLANNING AND IMPROVEMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. Himmelreikh

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
Masherova Ave. 6, 220004, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article explores the phenomenon of new urbanism as an ideological concept of urban planning and improvement aimed at removing, leveling the causes of blasticity (isolation, indifference to social processes, etc.), which focuses on a comfortable environment for a person, which, on the one hand, implies a reduction in the physical distance between the main infrastructure objects (accommodation, work, recreation), and on the other, a decrease in population density. Based on the study of scientific literature and national legislation, the principles of the ideology of new urbanism are distinguished, and the domestic practice of solving the problem of overpopulation and infrastructure placement is also considered.

Keywords: *urban studies; urbanism; the ideology of new urbanism; blazing; the signs of blazing; the principles of new urbanism; satellite cities; structure and content of urban improvement directions.*

Современные процессы социокультурной динамики инициируют научные и философские исследования феномена города, его роли и статуса в истории и культуре, порождая новые направления исследований – от урбанистики до психогеографии. Особую актуальность приобретает изучение современного типа города, встроенного в структуру государства, которое его и контролирует: город – это образовательный, научный и культурный центр, сосредоточение многообразия общественной и политической жизни.

Сегодня невозможно планировать развитие города, не учитывая различные факторы: запросы населения, потребности производства, социальную сферу, быт, зоны отдыха, взаимодействие исполнительной власти с населением, инвесторами, общественными объединениями и др. При этом следует понимать, что урбанизм – это идеология, в то время как урбанистика – междисциплинарная наука. Разного рода урбанизмы могут становиться предметом урбанистики.

Все это приводит к необходимости тщательного конструирования городского пространства, равнодоступного для всех членов общества, независимо от их принадлежности к различным социальным группам. Однако на деле мы сталкиваемся с несколько иной ситуацией, когда доступность города определяется властью и различным социальным статусом конкретных групп населения, ритмом жизни. Как следствие – увеличение социальной дистанции, что влечет за собой ряд негативных последствий, среди которых агрессивность, безразличие к проблемам окружающих, к самому городу, неадекватное поведение. Данный феномен немецкий философ и социолог Г. Зиммель называл блазированнойностью и использовал для обозначения психологических особенностей и даже типа личности горожан. Это особое культурное приспособление, которым индивиды защищают себя, сосредотачиваясь на своих интересах (замкнутость) и равнодушии к социальным процессам, в условиях усиления нервной жизни, ориентации на интеллект, борьбы за индивидуальность [1].

Границу между идеологией и практикой можно сопоставить по аналогии с генеральным планом развития (генплан) и мастер-планом. Генплан ориентирован в будущее (назначение, объем, функции, значимость, проекта), в то время как мастер-план – механизм экономического обоснования плана градостроения, определение выгоды для жителей, степени удобства проживания. Их отношение – взаимное конституирование, подобное связи рисующих рук на картине М. Эшера.

Урбанистика как идеологическое направление и междисциплинарная научная отрасль на основе теории «Большого завода», с помощью которой в форме эффективных и достоверных целевых прогнозов городской производственной жизнедеятельности на стыке транспорта и территориального планирования можно было преодолеть возникающие социальные проблемы.

В первой половине XX в. возникают три ветви развития урбанистики: формалистическая (следуя К. Зитте – композиционная), инфраструктурная (технологическая – проблемы городской инфраструктуры, транспортные сети, экономика города, объекты бизнеса), социальное планирование (вовлеченность граждан в жизнь города). Ретроспективный анализ выделенных направлений урбанистики представлен в статье П. В. Замятина и Е. Н. Тарасова [2].

Со второй половины XX в., развиваясь в технологическом русле, урбанистика менялась в программно-идеологическом отношении. В связи с распространением парадигмы антипозитивизма и критическим внедрением принципа автономизации неполной постижимости объекта в 1960–1970 гг. урбанистика претерпела методологические изменения, превращаясь в синтез творческой дисциплины «городское благоустройство» (*urban design*), которой учат в архитектурных учебных заведениях и факультетах, и счетной арифметической дисциплины *urban planning* (городское планирование).

Согласно концепции нового урбанизма, городское пространство – это поле не для машин, а для человека. Люди живут, работают и отдыхают в одном месте, промышленность и объекты инфраструктуры находятся в другом, доступном, однако, для каждого. Новый урбанизм замышлялся как способ сделать городскую жизнь комфортабельной и остановить расползание мегаполиса [3].

Большинство крупных городов возникло раньше автомобиля. Поэтому их приспособление к новым реалиям – сложный, противоречивый процесс, когда приходится учитывать преемственность прошлого и настоящего, вопросы рационализации всей инфраструктуры, сочетание общегородских и районных интересов, обновление застройки и сохранение исторического облика, своеобразие, культурную идентичность, транспортное удобство и др.

Выход подсказывает зарубежная и отечественная практика: многофакторность подхода. Это сочетание социологии, культурологии города, традиционализма с инновационностью, использование различных параметров оценки (инфраструктурного, экономического, социально-психологического; комфортности среды, доступности услуг и др.). Ключевое в этом подходе – рассмотрение урбанистики как комплексной сферы развития, управления, проектирования, исследований, разработок, объединенных одной темой – удобный для работы, отдыха и жизни город. Ведущий принцип – социальная

направленность планирования развития города в контексте человеческого измерения городского ландшафта, градостроительной практики.

Таким образом, новый урбанизм декларирует необходимость компактного размещения городов, сдерживание их постоянного, неконтролируемого роста с учетом таких принципов, как пешеходная доступность, соединенность (сеть взаимосвязанных улиц, обеспечивающая перераспределение транспорта и облегчающая передвижение пешком; иерархия улиц: узкие улицы, бульвары, аллеи; смешанное использование (многофункциональность) и разнообразие объектов; качество архитектуры и городского планирования; традиционная структура соседства; экологичный транспорт и др). Город должен служить человеку, удовлетворять его потребности, создавать комфортную среду для жизни.

Город должен быть для человека, а не наоборот. Только в таком случае человек будет меньше подвержен стрессам, которые являются одной из ключевых причин возникновения эффекта блазирования.

Проблематика снятия, нивелирования блазирования в условиях пространства города может быть решена в рамках идеологии нового урбанизма, ставящего в центр внимания именно комфортную для человека среду, которая, с одной стороны, подразумевает сокращение физической дистанции между основными объектами инфраструктуры (проживания, работы, отдыха), но с другой стороны – снижению плотности населения [4, с. 1208].

В качестве примера реализации идеологии нового урбанизма можно привести отечественную практику формирования городов-спутников. В целях реализации основных направлений государственной градостроительной политики, обеспечения комплексности развития административно-территориальных единиц, создания дополнительных условий для увеличения объемов жилищного строительства, сбалансированного развития населенных пунктов, их социальной, производственной, транспортной и инженерной инфраструктуры, Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая № 214 [5]:

- городам Дзержинску, Заславлю, Логойску, Смолевичи, Фаниполю, городскому поселку Руденск придан статус города-спутника г. Минска;
- городу Жабинке придан статус города-спутника г. Бреста;
- городу Скиделю придан статус города-спутника г. Гродно.

Данным документом в правовом отношении урегулирован вопрос создания городов-спутников и определен статус города-спутника, который может быть придан городу областного или районного подчинения, городскому поселку, расположенному в пригородной зоне Минска или областных центров на расстоянии не более 60 км.

Одновременно генеральным планом г. Минска и некоторыми вопросами его реализации нормативно установлено возможное увеличение численности населения г. Минска по состоянию на 2030 год до 2 млн человек и определены приоритетные направления стратегии устойчивого развития Минска в концепции государственной градостроительной политики [6]:

1. совершенствование территориальной организации Беларуси с развитием агломераций г. Минска и областных центров на базе городов-спутников;
2. совершенствование пространственной организации городских и сельских поселений республики без использования для нового капитального и других видов строительства сельскохозяйственных земель;
3. комплексное формирование жилой среды;
4. совершенствование системы региональных и городских транспортных коммуникаций со снижением затрат времени на ежедневные передвижения;
5. создание современного архитектурного облика страны.

Кроме того, генеральный план г. Минска содержит стратегии функционально-планировочной организации городской среды, развития жилых, производственных, общественных, ландшафтно-рекреационных территорий, социальной инфраструктуры, развития туризма, охраны историко-культурного наследия, формирования благоприятной окружающей среды, развития транспортной и инженерной инфраструктуры и предполагает разумную систему зонирования территории.

Сохраняется актуальность реализации основных положений плана «Пять городов – в одном», одобренного решениями Мингорисполкома и Минского городского Совета депутатов, разработанного с учетом специфики экономики города, социальной структуры и менталитета его населения, которым были определены пять приоритетных стратегических социально-экономических направлений развития белорусской столицы:

- Минск – город здоровья и высоких социальных стандартов;
- Минск – город знаний и наукоемких технологий;
- Минск – город центр международных коммуникаций;
- Минск – город, привлекательный для бизнеса и инвестиций.
- Минск – город, развивающий демократию с широким участием граждан.

Проведенное исследование понятия, содержания и принципов выражения идеологии современного (нового) урбанизма, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. современный урбанизм – сложный, противоречивый процесс, когда приходится учитывать связь прошлого и настоящего, вопросы национализации всей инфраструктуры, сочетание общегородских и районных интересов, обновление застройки и сохранение исторического облика, своеобразие, культурную идентичность, транспортное удобство и др. Благоустройство

удобного для работы, отдыха и жизни города (как сложной системы материальных и социальных объектов, пространства коммуникаций) предполагает использование многофакторного подхода, основанного на сочетании достижений социологии, культурологии, права, соотношении традиций и инноваций, использовании различных параметров оценки (инфраструктурного, экономического, социального, комфортности среды, доступности услуг и др.). Ведущий принцип такого подхода – социальная направленность планирования развития города в контексте человеческого измерения городского ландшафта, градостроительной практики;

2. проблематика снятия, нивелирования базированности в условиях пространства города может быть решена в идеологии нового урбанизма, ставящего в центр внимания именно комфортную для человека среду, которая, с одной стороны, подразумевает сокращение физической дистанции между основными объектами инфраструктуры (проживания, работы, отдыха), но с другой стороны – снижение плотности населения. Современный (новый) урбанизм декларирует необходимость компактного размещения городов, сдерживание его постоянного, неконтролируемого роста с учетом таких принципов как: пешеходная доступность, соединенность (сеть взаимосвязанных улиц обеспечивающих перераспределение транспорта и облегчающих передвижение пешком; иерархия улиц: узкие улицы, бульвары, аллеи; смешанное использование (многофункциональность) и разнообразие объектов; качество архитектуры и городского планирования; традиционная структура соседства; экологичный транспорт и др.);

3. в качестве примера реализации идеологии нового урбанизма можно привести отечественную практику формирования городов-спутников, посредством которых обеспечивается комплексное развитие административно-территориальных единиц, создаются условия для увеличения объемов жилищного строительства, должного уровня развития их социально-производственной, транспортной и иной инфраструктуры. Одновременно вводится нормативное ограничение по установлению максимально возможной численности населения (например, применительно к городу Минска – это число населения до 2 млн человек по состоянию на 2030 год) и определяются приоритетные направления стратегии сбалансированного развития населенных пунктов Республики Беларусь в концепции государственной градостроительной политики.

Библиографические ссылки

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 109 с.
2. Замятин П. В., Тарасов Е. Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства //

Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19111>. Дата доступа: 01.11.2023.

3. Наберушкина Э. К. Город – проект для жизни // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5908>. Дата доступа: 07.11.2023.

4. Игнатова Н. В. Перспективы реализации идеологии нового урбанизма в условиях базированности // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 20–21 марта 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 1201–1209.

5. О развитии городов-спутников [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 7 мая 2014 г., № 214. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31400214>. Дата доступа: 01.11.2023.

6. Об утверждении генерального плана г. Минска и некоторых вопросах его реализации: Указ Президента от 23 апреля 2003 г. № 165: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 15.09.2016, № 344. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P30300165>. Дата доступа: 01.11.2023.

ПРОБЛЕМА ВИДИМОСТИ В ЦИФРОВОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

И. И. Екадумова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
ekadumova@gmail.com

Аннотация. Видимость социальных акторов в цифровом публичном пространстве современного города – сложное многоаспектное явление, эффекты которого предопределяются продолжающейся медиатизацией. Устраняя пространственные и временные границы видимости всего, что доступно человеческому восприятию, медиатизация оказывает значительное влияние на конфигурацию видимости в публичном пространстве. Проблема видимости социальных акторов заключается в противоречиях между возможностями и ограничениями, которые она для них создает. С одной стороны, видимость оборачивается подконтрольностью и необходимостью действовать в определенных рамках, с другой стороны, видимость – это инструмент воздействия на публику посредством управления ее вниманием. Видимость индивида в цифровом публичном пространстве современного города может быть концептуализирована с помощью идей цифрового паноптизма, суперпаноптизма, синоптизма и омниоптизма. Она зависит как от его собственных действий, так и от внешних условий, включая политику цифровых платформ, которые при помощи систем фильтрации могут отдавать предпочтение определенным типам контента или пользователям.

Ключевые слова: *видимость; медиатизация; город; публичное пространство; цифровой паноптизм; суперпаноптизм; синоптизм; омниоптизм; цифровые платформы.*

PROBLEM OF VISIBILITY IN THE DIGITAL PUBLIC SPACE OF CONTEMPORARY CITY

I. I. Ekadumova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
ekadumova@gmail.com

Abstract. Visibility of social actors in the digital public space of contemporary city is a complex multi-aspect phenomenon, the effects of which are preconditioned by the ongoing mediatization. By eliminating spatial and temporal boundaries of visibility of everything that is accessible to human perception, mediatization has a significant impact on the configuration of visibility in public space. The problem of visibility of social actors is in the contradictions between the capacities and limitations it generates for them. On the one hand, visibility turns into control and the need to act within certain limits,

on the other hand, visibility is a tool to affect the public by managing their attention. Visibility of an individual in the digital public space of contemporary city can be conceptualized through the ideas of digital panopticism, superpanopticism, synopticism and omnipticism. It depends both on his/her own actions and on external conditions, including the policies of digital platforms that, by means of filtering systems, can favor certain types of content or users.

Keywords: *visibility; mediatization; city; public space; digital panopticism; superpanopticism; synopticism; omnipticism; digital platforms.*

Современные горожане как пользователи цифровых устройств имеют дело с новыми возможностями и проблемами, вытекающими из тенденций реорганизации цифрового публичного пространства социальной коммуникации. Данные тенденции обусловлены медиатизацией – продолжающимся процессом изменений во всех сферах жизни общества вследствие растущего присутствия и влияния медиа. Процесс медиатизации сопутствовал истории человечества с самого ее начала. Сегодня он вышел на такой уровень, при котором медиа не менее, чем другие социальные институты, влияют на то, как люди воспринимают и понимают мир, организуют свою деятельность и повседневные рутинные практики. Все большая часть действий людей сегодня медиатизирована, а границы между реальностью и ее репрезентацией в медиа размываются. Медиатизация расширила контакты людей с событиями и явлениями в тех местах, которые раньше находились за горизонтом возможностей восприятия, привела к дифференциации того, что люди воспринимают как реальность, а также дополнила набор возможностей их взаимодействия в виртуальном пространстве [3].

Некоторые аспекты медиатизации проявляются в современных тенденциях развития цифрового публичного пространства города. Публичная сфера традиционно понимается как сфера общественной жизни, в которой люди могут собираться, чтобы свободно обсуждать и решать, что считать общественными интересами и проблемами. Цифровое публичное пространство города – среда информационных потоков, образуемая совокупностью цифровых платформ, сервисов, ресурсов и иных явлений, которые эти потоки упорядочивают. Данное пространство может использоваться органами городского управления и самоуправления, жителями соответствующих территорий и другими заинтересованными сторонами для взаимодействия онлайн. Освоение и отчасти конструирование людьми цифрового публичного пространства города происходит путем изменения способов их взаимодействия с городской средой – через использование цифровых площадок, созданных для информирования горожан о состоянии и планах развития соответствующих территорий, через

участие в обсуждении различных проблем и планов, через использование государственных услуг, предоставляемых местными органами государственной власти и управления. Определенную роль в этом процессе играют инициативы граждан городских территорий, направленные на решение их общих проблем.

Отсутствие в цифровом пространстве ограничений для социального взаимодействия, присущих физическому пространству, открывает для пользователей новые возможности. Опыт экспериментирования с опосредованными цифровой коммуникацией способами совместного времяпрепровождения, нахождения единомышленников, артикуляции интересов и организации коллективных действий [1; 5; 9] свидетельствует о том, что для горожан цифровое публичное пространство – это среда, в которой они не только потребляют контент, но и производят его, взаимодействуют между собой и организуют совместную деятельность при помощи различных цифровых инструментов. Присутствие в цифровом публичном пространстве города может быть привлекательным для людей благодаря тому, что оно дает возможность выражать свои мнения, участвовать в обсуждении значимых для них тем, добиваться признания и уважения, открытости и прозрачности действий властей, подотчетности различных социальных институтов, объединять усилия по защите своих прав и законных интересов. В этом смысле видимость для горожанина – это ресурс приращения его социального капитала и инструмент влияния на ход событий, которые ему небезразличны.

Видимость индивида в цифровом публичном пространстве города, ее проявления и эффекты зависят не только от его желания индивида быть замеченным, но также, от доступа к соответствующим ресурсам и технологиям, от наличия у него компетенций, необходимых для их использования, а также от экономических, политико-правовых, технологических и культурных условий. Упорядочение режимов видимости участников публичной цифровой коммуникации осуществляется многими заинтересованными сторонами. Оно происходит посредством синхронизации восприятия и удержания коллективного внимания и имеет форму интер-визуальности [6]. Определенную роль в этом процессе играют политики и правила цифровых платформ. Образуя инфраструктуру взаимодействия пользователей Интернета, цифровые платформы располагают аппаратными и программными средствами, позволяющими регулировать видимость различных категорий пользователей и контента.

Закономерности выстраивания конфигурации видимости в цифровом публичном пространстве города на современном этапе медиатизации все еще недостаточно изучены. Некоторые аспекты этого процесса можно

концептуализировать при помощи таких понятий, как «цифровой паноптизм», «суперпаноптизм», «синоптизм» и «омниоптизм». Соответствующие концепции проливают свет на различные проявления видимости и ее влияния на отдельных людей и общество в целом, позволяя лучше понять, как организуется современный цифровой медиаландшафт.

Цифровой паноптизм – свойство цифрового пространства, в котором реализуется принцип организации паноптикона, придуманного Джереми Бентамом. Паноптикон представляет собой концепцию идеальной тюрьмы, в которой центральная сторожевая башня расположена так, чтобы каждый заключенный был доступен для наблюдения в любой момент. Паноптическое дисциплинирование людей через осознание ими своей видимости и развитие у них на этой основе самоконтроля – это такая техника воздействия на поведение наблюдаемых, которая не столько сдерживает, сколько высвобождает их способности, перенося часть власти над ними в их собственную психику. В итоге паноптизм позволяет «укрепить социальные силы, – поднять производство, развить экономику, распространить просвещение и повысить уровень общественной нравственности» [2, с. 304]. Цифровой паноптизм обеспечивается знанием людей о возможностях мониторинга их поведения с помощью камер видеонаблюдения и других технологий слежения за ними. Следует отметить, что на поведение индивидов также влияют их ожидания насчет занесения или не занесения информации о них в те или иные базы данных. Учитывая такое проявление видимости в цифровом пространстве, американский исследователь Марк Постер предложил называть взаимосвязанные базы данных, образующие Интернет, *суперпаноптиконом*. Символом суперпаноптизма является не глаз или камера, а база данных или форма для заполнения. При этом видимость социальных акторов внутри супероптикона обеспечивается не принудительным помещением их под наблюдение, а их намеренным проникновением в соответствующее пространство. Чтобы пользоваться Интернетом, люди сами предоставляют соответствующим системам информацию, помогающую за ними наблюдать [8, с. 86–87.]. Идея видимости как средства социализации наблюдаемых через развитие у них самоконтроля развита в концепции *синоптикона* норвежского социолога Томаса Матисена. В синоптиконе большинство наблюдает за меньшинством и, поскольку заметность дает общественное признание и доступ к другим ценным благам [7], попасть в круг наблюдаемых удастся не всем, а лишь самым удачливым. Созидательная роль наблюдаемых в выстраивании конфигурации видимости в публичном пространстве выражается понятием «*омниоптикон*», предложенном американским социологом Натаном Юргенсоном в его рецензии на фильм Онди Тимонера «We Live in Public». В омниоптиконе

каждый может быть и наблюдаемым, и наблюдателем, поэтому общая картина такова, что многие наблюдают за многими. При помощи производства контента и регулирования настроек приватности пользователи управляют вниманием публики, причем «те, кто которые наиболее активно ведут публичную жизнь в Интернете, также наиболее активно используют настройки конфиденциальности» [4, с. 378].

Таким образом, видимость – явление довольно сложное и неоднозначное с точки зрения смысла, который ей придают участники общения в цифровом публичном пространстве города. Для социального актора его видимость в цифровом публичном пространстве может быть как атрибутом управляемости, так и инструментом воздействия на наблюдателей. Пространство интернет-коммуникации сегодня имеет одновременно панооптический, суперпанооптический, синооптический и омниоптический характер, а наблюдение в нем разнонаправленно, полисубъектно и подвержено влиянию систем алгоритмической фильтрации. Проблема видимости социальных акторов в цифровом публичном пространстве современного города не ограничивается выявлением возможностей их аудиовизуального восприятия и досягаемости в физическом пространстве. Она также охватывает различные технологизированные способы самопрезентации и управления вниманием публики, которые варьируются в зависимости от внешних макросоциальных условий, от дизайна и организации работы цифровых платформ, а также от коммуникативных действий самих социальных акторов. Подобные действия проявляются в том, как пользователи присутствуют в цифровом публичном пространстве города, в характере их вовлеченности в публичные дискуссии и в их интеллектуальной и творческой активности при создании и распространении ценного для других контента.

Библиографические ссылки

1. Архипова А. С. и др. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 12–35.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/05.php. Дата доступа: 18.11.2023.
3. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. No 2. P. 105–134.
4. Jurgenson N. Review of Ondi Timoner's We Live in Public // Surveillance & Society. 2010. No 8 (3). P. 374–378.

5. Languillon-Aussel R. Digitalization of Public Spaces. The Great Urban Change? [Electronic Resource] // Artigo – Journal of Urban Research. 2021. No 22. Mode of access: <https://journals.openedition.org/articulo/4859>. Date of access: 18.11.2023.
6. Mateus S. Visibility as a Key Concept in Communication and Media Studies // Estudos em Comunicação. 2017. No 25. P. 109–124.
7. Mathiesen T. The Viewer Society: Michel Foucault's «Panopticon» Revisited // Theoretical Criminology. 1997. No 1. P. 215–234.
8. Poster M. The Second Media Age. John Wiley & Sons, 2018. 194 p.
9. Zou L., Zhao Z. Research on the Public Space of Contemporary Cities Under the Background of Digital Media Platform Technology // 2023 IEEE World Conference on Applied Intelligence and Computing (AIC). IEEE, 2023. P. 912–917.

МЕДИАПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Н. В. Ефимова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
anchor5252@bk.ru

Аннотация. В статье дается определение понятия «медиапространство», рассматриваются структура медиапространства и анализируются его составляющие. Описаны основные особенности городского медиапространства и охарактеризованы его субъекты. Приводятся данные онлайн-опроса, иллюстрирующие включенность горожан Беларуси в медиапространство.

Ключевые слова: *медиапространство; средства массовой информации; медиапотребление; современный город; медиагорожанин.*

MEDIA SPACE OF THE MODERN CITY

N. V. Efimova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
anchor5252@bk.ru

Abstract. The article defines the concept of “media space”, examines the structure of the media space and analyzes its components. The main features of the urban media space are described and its subjects are characterized. Data from an online survey are presented, illustrating the involvement of Belarusian citizens in the media space.

Keywords: *media space; mass media; media consumption; modern city; media citizen.*

Для описания и анализа массовых коммуникационных процессов в обществе исследователи все чаще обращаются к концепции медиапространства. В настоящее время существуют различные толкования данного термина. При этом все авторы сходятся в том, что медиапространство представляет собой совокупность разнообразных источников, из которых люди получают информацию, а также смысловое поле, которое эти источники постоянно формируют. Ядром медиапространства являются средства массовой коммуникации, как традиционные, так и новые: печать, телевидение, радио, интернет-сайты, социальные медиа, мессенджеры. Они создают материальное пространство сетей и потоков, в которых осуществляется производство, распространение,

потребление информации. В современном мире границы между медиапространством и другими «пространствами», т. е. другими сферами жизнедеятельности общества, условны. Сегодня медиа теряют свою автономность от общества и «распыляются» в социальной реальности, насыщая ее цифровыми образами и нарративами. Практически каждый субъект в медиапространстве, каждый интернет-пользователь потенциально является не только потребителем, но и производителем, и распространителем информации. Интернет воспринимается и как медиа (техническая форма), и как содержание (мир мультимедийных текстов), и как, собственно, уже повседневная жизнь – пространство медиатизированных, но от того не менее реальных социальных действий [1].

Выделяют различные подходы к анализу медиапространства: структурный, технологический, экологический и т. д. Среди них интерес представляет территориальный подход, в рамках которого медиапространство характеризуется как информационное пространство определенного региона, в частности города. Одной из черт медиапространства современного города можно назвать его неоднородность. Это явление определяется по типам городских поселений: мегаполис, крупный, средний, малый город. Чем больше город, тем значительнее его информационное пространство. Но любой город, как крупный, так и малый, порождает собственное, оригинальное медиапространство, которое представлено совокупностью информационных потоков, обуславливающих систему ожиданий людей, регулирующих их жизнедеятельность в данном городе.

Акторами городского медиапространства являются крупные, средние и малые предприятия: телеканалы, издательства, студии звукозаписи, местные массмедиа и т. д., а также горожане, которые являются активными субъектами информационного мира.

Повседневное медиапотребление горожан рассматривается как особая форма социального поведения, основанного на разных формах интерактивного взаимодействия личности с информационным пространством. Как отмечают исследователи, у значительной части горожан сформирована установка на, так называемое, «пассивное» медиапотребление. Однако такого рода медиапотребление включает и активный компонент, т. к. мультимедийные технологии и цифровое вещание дают возможность горожанам самим активно формировать информационные контенты из тех источников, которыми они пользуются и которые вызывают доверие. Но наиболее успешен тот, кто в социально-экономическом пространстве современного города способен к восприятию, систематизации и продуцированию информации в своей деятельности. Для его характеристики

используется понятие «медиагорожанин» [2], т. е. горожанин, прагматически и творчески включенный в медиапространство города. Его образ описывается так: это человек нового поколения, с новыми средствами общения. Образ жизни такого гражданина не укладывается в традиционные рамки. Этот образ жизни становится прямым следствием и необходимостью самого информационного города, он полностью зависит от мультимедийных электронных и аудиовизуальных средств массовой коммуникации. Новый горожанин не привязан к конкретному месту и мобилен [3].

По данным онлайн-опроса, проведенного нами в 2023 году, 97,9 % городского населения Беларуси активно использует различные информационные источники в своей повседневной практике. В младших возрастных группах чаще предпочитают интернет, в старших – газеты и телевидение. Однако при этом, вне зависимости от возраста аудитории, доминирующее положение занимают интернет-источники (отметили 93,5 % опрошенных), а на втором месте располагается телевидение (отметили 30,5 %). Эти цифры отражают общую тенденцию, которая зафиксирована в результате ряда других репрезентативных социологических опросов [4]. Как отмечает А. В. Посталовский, «в условиях дигитализации информационной сферы происходит перераспределение информационного воздействия и востребованности каналов получения массовой информации от традиционных СМИ к интернет-ресурсам» [4, с. 128]. Кроме того, 55 % опрошенных используют социальные сети в интернете для общения по интересам, 21,4 % – посещают с помощью интернета курсы и лекции, 18,9 % опрошенных отметили, что читают в интернете книги и журналы, 14,5 % – совершают покупки в интернет-магазинах.

Таким образом, медиапространство стало не только источником информации, но и комфортным условием реализации широкого круга потребностей горожан Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2013-14.html>. Дата доступа: 20.11.2023.
2. Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен: дисс. ... уч. степ. канд. филос. наук: 09.00.11; Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск, 2009. 134 с.
3. Касаткина С. С. Медиапространство современного города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-sovremennogo-goroda>. Дата доступа: 20.11.2023.

4. Посталовский А. В. Аудитория средств массовой информации в социологическом измерении: монография. Минск: РИВШ, 2022. 224 с.

К КРИТИКЕ НЕЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. И. Жук

Институт философии НАН Беларуси
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь
zhuke93@gmail.com

Аннотация. Данный доклад предполагает критический взгляд на городское пространство с опорой на феноменологическое понимание экзистенции, включая наработки французских мыслителей Мишеля де Серто и Гастона Башляра в области их исследования повседневных практик и поэтики пространства соответственно. С отсылкой к критике культуры письма и к высвобождающему потенциалу поэтической речи, проводится апология ценностно-нагруженного индивидуализирующего пространства, связующего воображение, память, и открытость Другому.

Ключевые слова: *город; пространство; место; воображение; память; Башляр; Серто.*

TOWARDS THE CRITIQUE OF SPACE OF NONHUMAN DIMENSION

K. I. Zhuk

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus
1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus
zhuke93@gmail.com

Abstract. This report provides a critical look at urban based on a phenomenological understanding of existence, including the findings of French thinkers Michel de Certeau and Gaston Bachelard in the field of their research on everyday practices and the poetics of space accordingly. Referring to criticism of the culture of writing and to the liberating potential of poetic speech, there is an apology of value-laden individualizing space connecting imagination, memory, and openness to the Other.

Keywords: *city; space; place; imagination; memory; Bachelard; Certeau.*

Рассматривая человека как существо, заброшенное в мир природы и мир культуры, понимающее и ищущее ответного понимания, феноменологическая философия как бы «заземляет» философское вопрошание и переводит вопросы о бытии, мышлении, Я в плоскость рассуждения о доме, вещи, диалоге и т. д. Возможные горизонты понимания прежде всего обусловлены горизонтом живого человеческого опыта, и, как

отмечает Гастон Башляр, «в нашей взрослой жизни так недостает первичных благ, в ней настолько ослабли антропокосмические связи, что мы уже не чувствуем их первичной укорененности в домашней вселенной. Достаточно много философов, которые абстрактно «строят мир», обретают вселенную в диалектическом противопоставлении Я и не-Я. Они-то как раз знают вселенную прежде, нежели дом, горизонт – прежде, чем кров. Напротив, подлинные истоки образов, при их феноменологическом исследовании, конкретно обозначат для нас ценности обитаемого пространства – не-Я, охраняющего Я» [1, с. 26]. «Рукотворное» городское пространство также несет на себе отпечаток фундаментальных потребностей человека – как существа не только природного, но культурного, – и, тем не менее, конкретные результаты человеческой деятельности (например, в публичном пространстве города) могут быть подвергнуты критике с точки зрения их влияния на фундаментальную реализацию экзистенции в сферах смыслополагания и понимания, поступания и ответственности.

Как специфика человеческого созидания и восприятия пространства, так и угнетающая нечеловекообразность отдельных его участков обусловлены, разумеется, амбивалентностью человеческой природы и сложностью механизмов конструирования социального бытия. Башляр красиво пишет об этом в разделе «Диалектика внешнего и внутреннего»: «Бытие человека есть бытие не фиксированное. Любое выражение нарушает его фиксацию. <...> А если речь идет об определении бытия человека, у нас не может быть уверенности в том, что мы приблизимся к себе, «углубляясь» в себя, двигаясь к центру спирали; часто как раз в сердцевине бытия бытие есть блуждание. Иногда будучи именно вне себя, бытие получает опыт прочности» [1, с. 183–184]. Признавая за человеком уникальность места-в-бытии, невозможно, тем не менее, представить его внесистемное существование; осознание собственной конечности приводит к стремлению увязать себя с «большим временем» (М. М. Бахтин), а стратегический диктат социального предполагает необходимость выживания в границах повседневности (М. де Серто). Очевидно, в таком случае, что и конкретные человеческие практики обладают закрепощающим или же высвобождающим характером, стандартизирующим или индивидуализирующим, монологизирующим или диалогизирующим потенциалом – так же и обживаемое людьми пространство может созидаться и восприниматься как (не)человекообразное, в зависимости от того, насколько взаимоотношение с ним становится осмысленным и ценностно-нагруженным для множества человеческих личностей.

Поскольку человек находит себя в языке и поскольку нам современна культура «письменной власти» (М. де Серто), все может быть прочитано как

текст. Во многом по аналогии с практикой письма выстраивается и публичное городское пространство, чем обусловлен его стандартизированный характер и наращивание мест, утративших характеристику человекоразмерности. Если же, вслед за Мишелем де Серто и иными представителями феноменологии языка, признать за языком не только упорядочивающую функцию и системный характер, но его творческую силу и высвобождающий потенциал, необходимо указать и на то, что именно живая практика речи – т. е. именно тот модус языковой способности, который отмечен индивидуальностью, конкретностью, направленностью к Другому – несет в себе возможности творческого понимания и диалогического взаимодействия, приоткрывая недискурсивные истоки языка. И прежде всего недискурсивному пласту мы обязаны «раскрывающей» способностью языка. Те значимые – пусть даже на индивидуальном уровне – откровения, которые «провоцируют» воображение и мысль, в конечном счете, формируют привязанность, поскольку *связывают* уникальное, но конечное человеческое существо с определенными островками смысла. Точно так же, однако, как язык обладает способностью заставить «забыть о себе» [2, с. 509] в процессе мышления (М. Мерло-Понти), стандартизированное нечеловекоразмерное пространство (в качестве примера которого можно привести практически любой торговый центр, раздутый в объеме, безликий и неуютный, несмотря на кажущееся разнообразие фудкорта, но, в то же время, перегруженный информацией) с успехом выполняет заложенные в него системные функции (скажем, перераспределения материальных ресурсов), но не становится для человека ценностью. В отличие от мест и практик, отмеченных индивидуальностью, не становится оно также и «мостом», выводящим человека на уровень творческого созидания смыслов. Если продолжить лингвистическое сравнение, уникальные, человекоразмерные места в публичном городском пространстве не являются необходимыми с точки зрения простого функционирования социума, как стихи необязательны для общения с медперсоналом, но, как язык поэзии, такие места необходимы человеку как «прививка» от расчеловечивания: «поэтическое слово, не будучи жизненной необходимостью, наделено тем не менее животворной силой. Без полновесного слова жизнь не полна. Поэтический образ прорывает поверхность языка, он всегда приподнят над уровнем осмысленной речи. Переживание поэзии тем самым дает нам спасительный опыт прорыва. Конечно, речь идет о прорыве небольшой значимости. Но эти всплески возобновляются; поэзия приводит язык в состояние бурления. В нем проявляется энергия живой жизни. Языковой всплеск, прорывающий

плоскость обычного прагматического языка, воплощает жизненный порыв в миниатюре» [1, с. 15].

Такие публичные места, как *всякий другой* торговый центр, легко «прочитываются» городским обывателем, однако не несут в себе ни индивидуальности, ни отпечатка традиции, т. е. по сути они не запоминаются. Они задают стандартизированные способы поведения, мышления, коммуникации – и, фактически, поддерживают в человеке страх нового и восприятие Другого как Чужого. Любая международная сеть общественного питания – это общедоступное и общеизвестное, *будто бы* узнаваемое пространство; однако это вовсе не то место, где можно действительно что-то *узнать*, проявив хоть какое-то усилие понимания, будь то готовность поговорить с официантом или местными завсегдатаями или открытость к тому, чтобы попробовать блюдо национальной кухни из меню на непонятном языке, т. е. проявить любопытство в хорошем смысле, а именно, искреннюю заинтересованность. В 1961 г. великолепно точный в слове Ноэл Кауард написал саркастичную песню «Почему не те люди отправляются в путешествия?» (*Why do the wrong people travel?*). И если критика Кауарда была направлена против не заинтересованного, а значит, *не запоминающего* субъекта, проблема нечеловекообразных функциональных пространств заключается как раз в том, что они *не запоминаются*: перед ними даже не ставится такая цель, поскольку предполагается что люди будут возвращать туда снова и снова исходя из привычки и достаточного удобства – что вполне резонно с точки зрения соображений коммерции, но не в плане подлинной заботы о человеке.

В свою очередь, именно такое пространство, которое наполнено традициями, которое «провоцирует» практики памяти представляется необходимым для человека (в его заброшенности в мир), поскольку, как очень четко формулирует Серто, «память – это чувство Другого» [3, с. 179]. «Закрепление» в большом, историческом, времени может происходить также и на базе пространственного измерения: «иногда мы думаем, будто познаем себя во времени, тогда как мы знаем лишь последовательность фиксаций в некоторых пространствах стабильности нашего существа, которое противится текучести бытия и, даже отправляясь в прошлое на поиски утраченного времени, хочет «остановить» его бег. Во множестве своих сот пространство содержит сжатое время. Для того оно и предназначено» [1, с. 29]. Благодаря уникальности места в хронотоп собственного существования вплетаются значимые (для человека, его семьи, или для всех горожан и т. д.) хронотопы города: например, молодой человек, пишущий стихи под тем же деревом или за тем же столиком, где сотню лет назад так же сидел какой-то кумир-классик, обретает иную оптику – иные источники

вдохновения, иной горизонт возможностей. Здесь память действительно сходится с воображением, что инспирирует, как представляется, живую практику заботы: «у подлинного блаженства есть прошлое. Некое прошлое целиком поселяется – в виде грезы – в новом доме. <...> И греза уходит в глубину, где мечтателю, грезящему об очаге, открывается область, лежащая за пределами самого раннего пласта памяти, - область незапамятного. <...> В той далекой области память и воображение неразделимы, их работа направлена на взаимоуглубление. В плане ценностей ими формируется единство воспоминания и образа. Стало быть, мы не просто живем в доме, где изо дня в день разворачивается наша история, сюжет нашей биографии. Благодаря мечте разные дома нашей жизни становятся взаимопроницаемыми и хранят сокровища прежних дней» [1, с. 27]. Причем, такой опыт должен именно «проживаться»: скажем, для городской истории правильно, что образцы хорошо известной минчанам настенной плитки-«чешуи» из магазина «Океан» были переданы в Музей истории города Минска – однако после произведенного «ребрендинга» вряд ли стоит надеяться на ностальгическое узнавание этого места будущими поколениями горожан. Память в данном случае – не проживаемая практика, а словно бы приколотое булавкой к бумаге омертвевшее воспоминание, или, в лучшем случае, профессиональная забота лингвиста о сохранности артефактов, свидетельствующих о былой жизни «мертвого языка». Новинки же хороши именно тогда, когда есть возможность подлинных инноваций, в противном случае, раз за разом вызывая легкое разочарование, они превращают пресыщение в апатию и скуку. Место с оригинальной концепцией не обязательно должно пестрить множеством смыслов, «фишек» и «наворотов» – скорее, кажется, что оно должно последовательно следовать заявленной концепции, обозначая становление новой городской традиции. В свою очередь, можно заметить, что своего рода постмодернистская игра совершенно новых заведений с традициями (даже практически утерянными), которые населяют их хронотоп, часто не только вызывают интерес приезжих, но встречают понимание и энтузиазм местных, привязанных к месту, в их глазах нагруженному ценностью и смыслом. Соответственно, все вышесказанное вовсе не означает, что человекоразмерное, вдохновляющее взаимоотношение с пространством, возможно только в тех городах, которые буквально «дышат историей». Человек в любой точке земного шара проявляет воображение, формирует привязанности и, в конечном итоге, ищет и находит точки приложения заботы.

Таким образом, стандартизация пространства, вроде бы, упрощает быструю ориентацию и, значит, выживание в повседневной жизни, однако не облегчает «обживание» этого мира человеку, заброшенному и затерянному в

нем – т. е. остается нечеловекообразной, поскольку игнорирует фундаментальность человеческих потребностей в созидании смысла, а значит в узнавании нового и усилении понимания, в «подпитке» воображения: «не только мысль и опыт утверждают человеческие ценности. Мечте принадлежат ценности, печать которых особенно глубока в душе человека. Воображение обладает еще и преимуществом самооценности. Оно непосредственно наслаждается собственным бытием. И место, где мы жили воображением, самовозрождается в новой грезе. Воспоминания о прежних жилищах вновь переживаются нами как грезы, и именно поэтому дома прошлого бессмертны в нашей душе» [1, с. 27]. Не приносит такое пространство также и чувства защищенности, игнорируя возможность стать «вторым домом», а ведь, согласно Башляру, «любое поистине обитаемое пространство несет в себе сущность понятия дома» [1, с. 26]. Забавной иллюстрацией здесь может послужить небезызвестное вступление к фильму «Ирония судьбы», где саркастически демонстрируется как полностью лишённые индивидуальности пространства якобы позволяют советскому гражданину в любом городе ощутить себя «как дома», на самом деле начисто лишая его ориентиров, узнавания и, значит, привязанности к конкретному месту. Представляется, что именно индивидуализируемое, «обживаемое» пространство позволяет человеку «освоиться» в определенном сегменте мира и, в хайдеггерианских терминах, превратить преследующую его «озабоченность» в полноценную осмысленную практику «заботы». Причем, забота эта, во-первых, возможна и необходима не только по отношению к себе как к личности или к другому человеку, но к городу, дому, и даже конкретной вещи: «внеся в машинальный жест ясность сознания, соединив протираание старой мебели с занятиями феноменологией, мы почувствуем, что милую домашнюю привычку обогащают новые впечатления. Сознание все омолаживает. Самым привычным действиям оно придает значение начала. Оно властвует над памятью. Что за чудо – вновь сделаться подлинным автором машинального действия!» [1, с. 71]. И во-вторых, город, с которым у Я также выстраиваются смыслово- и ценностно-нагруженные отношения, может восприниматься как подлинный Другой в не меньшей степени, чем любой иной собеседник.

Библиографические ссылки

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
3. Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИПЕЦКА В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

А. Г. Иванов

ФГБОУ ВО Липецкий государственный технический университет
ул. Московская, д. 30, 398055, г. Липецк, Российская Федерация
agivanov2@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере города Липецка рассматривается формирование таких маркеров идентичности города, пришедшее на период с начала XVIII в. до начала XX в., как металлургическое производство, минеральная вода, авиация. Данные маркеры сегодня могут выступать в качестве актантов, предлагающих варианты развития символического пространства города. Опора на имперское прошлое расценивается в местной политике памяти как конструктивная практика, в связи с чем предлагается развитие городских туристических маршрутов на тему «Липецк на службе империи», органично отражающих городскую идентичность. Однако вследствие того, что город продемонстрировал бурный рост в течение советского времени, превратившись в крупный региональный центр, а фокус внимания представителей органов публичной власти сместился на общероссийские тренды официальной политики памяти. Получившие распространение местные инициативы по установке памятников фигурам, не имеющих прямого отношения к истории города, приводят к постепенному размыванию классических маркеров, связанных с мифами и символами имперского прошлого.

Ключевые слова: *Липецк; маркеры идентичности; политика памяти; имперское прошлое; миф основания; символическое пространство города.*

Проект FZRW-2023-0005 реализован в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» по итогам отбора исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук, проведенного ЭИМИ, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и академией наук.

IN THE SERVICE OF THE EMPIRE: LIPETSK IDENTITY IN THE FLOW OF HISTORY

A. G. Ivanov

Lipetsk State Technical University
Moskovskaya St., 30, 398055, Lipetsk, Russian Federation
agivanov2@yandex.ru

Abstract. Using the example of the city of Lipetsk, the article examines the formation of markers of the city's identity that occurred during the period from the beginning of the XVIII

century to the beginning of the XX century: metallurgical production, mineral water, aviation. These markers today can act as actors offering options for the development of the symbolic space of the city. Reliance on the imperial past is regarded as a constructive practice in the local memory policy, in connection with which the development of urban tourist routes on the theme «Lipetsk in the service of the Empire», organically reflecting the urban identity, is proposed. However, due to the fact that the city demonstrated rapid growth during the Soviet period, turning into a major regional center, and the focus of attention of representatives of public authorities shifted to the all-Russian trends of official memory policy. The widespread local initiatives to erect monuments to figures not directly related to the history of the city lead to the gradual erosion of classical markers associated with myths and symbols of the imperial past.

Keywords: *Lipetsk; markers of identity; memory policy; imperial past; foundation myth; symbolic space of the city.*

Липецк был основан в 1703 году, во время правления Петра I, при котором Россия была провозглашена империей. Год основания населенного пункта совпадает с датой основания Санкт-Петербурга, что делает Липецк символическим ровесником столицы империи.

За более чем трехсотлетний период Липецк обзавелся своими маркерами идентичности, формирование которых, что интересно, приходилось на начало, соответственно, XVIII, XIX и XX вв., то есть фактически охватывало весь период существования Российской империи. Это обстоятельство позволяет, с одной стороны, с нового ракурса – в региональном измерении – посмотреть на имперский период существования России, а, с другой стороны, попытаться ответить на вопрос, что особенного в этих маркерах, которые так и не дополнились за последние сто лет новыми узнаваемыми и ассоциируемыми с городом брендами, хотя в советский период город продемонстрировал колоссальное развитие и рост численности населения (23-х кратный, 21,4 тыс. чел в 1926 году и 490,3 тыс. чел. в 1990 г.).

Рассмотрим эти основные маркеры идентичности, которыми являются: 1) металлургическое производство; 2) минеральная вода; 3) авиация.

Формирование маркера, связанного с металлургическим производством, пришлось на начала XVIII в.

Северная война потребовала большого количества пушек, снарядов и боеприпасов. И поэтому в 1700 году, после посещения Петром I территории современного Липецка было принято решение о создании металлургических и пушечных заводов на дворцовых землях Романского уезда. Именно в конце XVII – начале XVIII вв. на территории современного города Липецка начинается строительство первых крупных металлургических предприятий того времени. Природные и географические условия способствовали их созданию и развитию. На территории современного города было все

необходимое – руда, известняк, лес и вода. В 1703 году начал действовать Верхнелипский завод, в 1705 году – Кузминский, в 1712 году – Нижнелипский. С 1690 года работал Боринский завод, к 1721 году включенный в группу, которая имела шесть доменных печей и семнадцать специализированных цехов – мастерских с чугуноплавильными, железоделательными, пушечными, якорным, оружейным и другими производствами [1, с. 54]. В настоящее время Липецк является крупным промышленным центром, ядром крупнейшей российской агломерации со специализацией в сфере черной металлургии полного цикла. В городе расположен Новолипецкий металлургический комбинат, одна из крупнейших сталелитейных компаний в мире.

Маркер минеральной воды возникает в начале XIX в., когда в 1805 году выходит указ Александра I об открытии курорта «Липецкие минеральные воды». Сооружения курорта построены на месте Верхнего и Нижнего Липских заводов. С этого времени Липецк получает известность в качестве модного дворянского курорта. Так, в 1815 г. драматург А. А. Шаховской, посещавший курорт, выпустил комедию «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой одна из героинь произносит сакраментальные слова: «Я признаюсь вам, что Липецк рай земной! Любезность жителей и прелести природы. Мне здесь полезнее, чем все на свете воды». До сих пор Липецкая минеральная вода остается узнаваемым брендом, а на этикетках присутствуют изображения памятников Петру I, здания Липецкого бюроета.

Наконец, начало развития авиации и появление соответствующего маркера приходится уже на начало XX века, когда в 1916 г. в Липецке было создано товарищество «Липецкие аэропланские мастерские» согласно договора с управлением Военно-воздушного флота Российской империи на поставку учебных аэропланов типа «Моран». Хотя мастерские и были закрыты спустя два года, произведя и отправив в Москву лишь пять типовых аэропланов «Моран G» французской конструкции, в течение XX века Липецк не раз будет связан с авиацией (особенно стоит выделить работу в городе секретной немецкой школы военных летчиков в 1920–1930^е гг. (так называемый объект «L») и созданную в 2006 г. на базе Липецкого авиацентра пилотажную группу «Соколы России»). Интересно, что в ряду причин выбора Липецка немцами для базирования авиашколы исследователями отмечается и такая, опосредованно связанная с имперским прошлым: «для прагматичных немцев было важно, что Липецк являлся старинным “генеральским” курортом России, где до 1917 г. отдыхали офицеры царской армии» [2, с. 19].

Данные маркеры идентичности, более подробно рассмотренные нами ранее [3], выступают в качестве своеобразных точек сборки символического

пространства города; актантов (в терминологии Б. Латура [4]), предлагающих варианты развития территории. Складывающиеся вокруг маркеров нарративы задействуют также и разные мифологические повествования: имперские, героические мифы, мифы основания.

В случае с Липецком мы имеем дело со следующими фрагментами имперского мифа: нарратив о металлургических заводах (данное повествование укрепляет промышленное развитие империи) и нарратив о минеральной воде (укрепляет здоровье и способствует отдыху подданных империи), и нарратив о развитии авиации (в данном случае, действуя в логике развертывания имперского мифа, характеризующегося экспансионистской направленностью, следует заметить, что к освоению морских пространств (вклад Липецка в строительство флота в начале XVIII века) добавляется освоение воздушного пространства).

На эти фрагменты накладываются миф основания и миф о герое, или о действиях героического персонажа, в качестве которого выступает Петр I. В случае с Липецком комбинация мифа основания, имперского мифа и мифа о герое выражается, например, в преданиях о том, что именно Петр I открыл минеральные источники, лично основал заводы: «В описаниях курорта Липецкие минеральные воды часто можно встретить упоминания о том, что одновременно с устройством железоделательного завода Петром I в 1700 г. были открыты источники целебных минеральных вод, у которых построен для царя небольшой дворец, сгоревший в 1806 г. Также считается, что Петр I во время своего пребывания на Липецких заводах лечился открытой им минеральной водой и получил от этого пользу» [5, с. 209].

Следует отметить, что вышеуказанные маркеры идентичности города, будучи встроены в имперскую повестку, играют, на наш взгляд, конструктивную роль в местной политике памяти. При этом важной фигурой, еще на получившей должного упоминания, остается Екатерина II, издавшая 6 сентября 1779 года указ, по которому слобода Липские Заводы официально получила статус уездного города Тамбовского наместничества с названием Липецк. Екатерина II фигурирует (наряду с представителями разных сословий, имевшими отношение к развитию города – корабельным мастером, кузнецом, литейщиком, военным инженером, чиновником) лишь на установленном в 2008 г. памятнике основателям города Липецка.

Другой – если не деструктивной, то контрпродуктивной – практикой являются коммеморативные инициативы, не имеющие прямого отношения к населенному пункту. Назовем их вторжениями общегосударственной повестки в Липецк. Одно из объяснений этого процесса – недостаточное количество знаковых фигур прошлого, связанных с историей города, и такая

ситуация «...способствует сильному влиянию общероссийских трендов официальной политики памяти» [6, с. 188].

Вторжение федеральной повестки, на наш взгляд, началось с того, что 8 августа 2014 года в Липецке торжественно открыли памятник героям Первой мировой войны. Стела высотой 17,5 метров появилась на пересечении улиц Терешковой и Циолковского. На вершине закреплен исторический герб России (изображение орла традиционно считается ключевым имперским символом), посередине – георгиевские кресты. Открытие стелы в Липецке стало ключевым в череде мероприятий, посвященных столетию со дня начала войны 1914–1918 годов. В дальнейшем, с приходом в администрацию города в 2019 году новой команды, усилился тренд на связь с инициативами представителей духовенства и предпринимательского сообщества, в результате чего, в частности, в 2021 году был установлен памятник Николаю Чудотворцу. Иногда органы публичной власти города играют даже на опережение, возможно, задавая тон федеральной политике памяти: в сентябре 2023 года был торжественно открыт памятник Александру Невскому, древнерусскому князю, причисленному Русской Православной церковью к лику святых. Это событие имело общероссийский резонанс, а новаторство состояло в том, что внизу памятника были выгравированы торжественные слова из песни Шамана: «Встанем / Герои России останутся / В наших сердцах / До конца».

В итоге с расширением исторических и пространственных рамок коммеморации память об имперском прошлом все больше размывается. В заблуждение обывателей вводит и эклектика в названиях: некий мемориальный палимпсест, когда памятник героям Первой мировой войны располагается в квартале с «космическими» названиями улиц, памятник отцам-основателям города стоит на площади имени Г. В. Плеханова на пересечении с улицей Зегеля (названной в честь А. В. Зегеля, одного из латышских стрелков, непродолжительное время возглавлявшего Липецкую уездную Чрезвычайную Комиссию), а главная площадь города официально (!) носит имя «Ленина-Соборная».

В итоге существующий конгломерат выглядит абсолютно неуклюже, влияя на режим функционирования жесткой памяти (термины «жесткая» и «мягкая» были предложены А. Эткингом [7]; жесткая память включает главным образом памятники, мягкая – исторические и другие нарративы). Не лучше обстоит дело и с мягкой памятью, когда в действиях местных властей просматриваются попытки извлечь выгоду из имперского прошлого, связанного с фигурой Петра I. Так, 2 января 2021 года в Липецке на площади Петра Великого был дан старт «петровскому квесту», игре в виде исторического детектива, где задания были основаны на якобы реальных

фактах, связанных со временем правления Петра I. Впоследствии – в 2022 году – такого рода мероприятия проводились уже в развлекательном формате «Петровские забавы».

В качестве вывода и рекомендации хотелось бы предложить развивать в городе инициативы, связанные с тремя ключевыми маркерами идентичности, возможно, усилив имперские составляющие и связав их в одну нить. Например, имеет смысл организовывать экскурсии, если не на тематику «Липецк имперский», то на тему «Липецк на службе империи», что будет восприниматься, как минимум, более органично.

Библиографические ссылки

1. Липецк. Взгляд сквозь столетия: Историко-географическое статистическое издание. Липецк: Липецкстат, 2013. 224 с.
2. Тихонов Ю. Н. Засекреченный город. Липецк: Изд. Ю. Н. Тихонов, 2012. 240 с.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2020. 384 с.
4. Иванов А. Г. Символическое присутствие Петра I в Липецке // Петр Первый и имперские практики фронтального пространства: материалы VI Международной научной конференции, г. Астрахань, 24 ноября 2021 г. / отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. Астрахань: АГУ, 2022. С. 97–105.
5. История Липецкого края / А. Ю. Клоков [и др.]. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2020. 464 с.
6. Линченко А. А. «Лоскутное одеяло»: конструирование памяти о прошлом в «молодых» регионах России (на примере Липецкой области) // Новое прошлое. 2023. № 2. С. 178–191.
7. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

ГОРОД КАК МЕСТО ПАМЯТИ И «ВСТРЕЧИ ПОКОЛЕНИЙ»: РЕАЛЬНОСТЬ И НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

И. И. Калачёва

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
irakalachova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена роль городов как «центров памяти» и «точек» пересечения традиций и культур; раскрыто понятие «образ города» в фокусе разных факторов; показано восприятие «места памяти» в пространстве жизни представителей разных поколений, отмечено их позитивное значение для взаимного общения; доказано, что постепенно происходит смена «мест памяти»: старшие поколения более привержены памяти, связанной с традиционной культурой, а молодые – с современными традициями.

Ключевые слова: поколение; культурная и коммуникативная память; место памяти; образ города; историко-культурное наследие; коммуникативные практики; города как бренды национальной культуры.

THE CITY AS A PLACE OF MEMORY AND “MEETING OF GENERATIONS”: REALITY AND NEW COMMUNICATION PRACTICES

I. I. Kalachova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
irakalachova@yandex.ru

Abstract. The role of cities as “centers of memory” and “points” of intersection of traditions and cultures is considered; the concept of “city image” is revealed in the focus of various factors; the perception of the “place of memory” in the space of life of representatives of different generations is shown, their positive significance for mutual communication is noted; It has been proven that there is a gradual change in “places of memory”: older generations are more committed to memory associated with traditional culture, and younger generations are more **committed to modern traditions.**

Keywords: generation; cultural and communicative memory; place of memory; image of the city; historical and cultural heritage; communication practices; cities as brands of national culture.

Города как места памяти являются своеобразными точками пересечения традиций, культур, на которых складывается и концентрируется память общества – историческая память/коллективная и частная/индивидуальная [1]. Известные ученые, исследователи – теоретики проблематики памяти, А. и Я. Ассман указывают на то, что память имеет видовое разнообразие, и выделяют культурную и коммуникативную память. Коммуникативная память является отражением связей между поколениями, именно она, как живая нить в общении старших и младших представителей поколений, продлевает жизнь традиций, формирует позитивные преемственные отношения. Поддерживая коммуникативные акты отношений между 3/4 поколениями, память способна к сохранению и длительному незабвению. Однако, постепенно она утрачивается и переходит в статус «культурной» памяти. Ее жизнь продолжается, но в виде архивных документов, мемуаров, музейных экспонатов, памятных мест и пр. [2].

Французский историк П. Нора пишет, что «места памяти» необходимо рассматривать в трёх смыслах – материальном, символическом, функциональном [1]. Поэтому обращаясь к данному мнению, обратим внимание на современное понимание термина «место памяти» для представителей разных поколений. Поколение рассматривается нами как социальная группа, для которой как относительно устойчивой совокупности людей характерны общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества [3, с. 271].

Группой исследователей БГУ в рамках НИР «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» был проведен опрос на тему «Профиль поколений» (выполняется по заказу ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № ГР 20212024 от 02.06.2021 г.).

Генеральной совокупностью выступало население Республики Беларусь в возрасте от 16 до 80 лет. Достигнутая выборка – 389 респондентов. Генеральная совокупность была разделена на качественно однородные по изучаемому признаку группы – послевоенное поколение (родившиеся в период с 1943 по 1963 гг.), советское поколение (родившиеся в период с 1963–1983 гг.); поколение перестройки (родившиеся в период с 1983–2003 гг.); современное (цифровое) поколение (родившиеся в период с 2003 г. по настоящее время).

Среди других вопросов был вопрос о том, какие памятные места являются значимыми для респондентов как представителей разных поколений.

Согласно полученным данным, участники опроса чаще всего говорили, что это место, где «я родился (лась), моя малая родина» (64,1 %). Обозначили, что это «место отдыха за городом (или в городе)», 38,2 %. Место захоронения (погребения) близких людей отметили 16,0 % респондентов. Место, где «я учился (лась) (школа, лицей и др.)» – 15,2 %. Послевоенное поколение значительно чаще выделяет для себя важность места учебы и места памяти (захоронения) (30,6 % и 44,4 % соответственно), для цифрового поколения несколько более значимо место отдыха (46,4 %), а также популярные сегодня городские культурные пространства (16,3 %). Очевидно, что у каждого человека есть памятные места, куда его «тянет», куда он приходит (возвращается) на разных этапах своей жизни.

Согласно статистическим данным, население страны, в основном горожане. По данным переписи 2019 г. 78,4 % населения – это горожане, остальные – сельские жители. Поэтому следует предположить, что горожане, в основном, являются носителями коллективной памяти. Продуктивным для понимания проблематики улучшения городской среды и возможностей городского пространства для жизни, является вопрос о том, каков образ города, что можно изменить в его облике.

«Образ города» в восприятии каждого человека особенный. Как считает белорусский автор, искусствовед Т. Г. Горанская, это связано с такими факторами, как возраст человека, его социальный статус, образование, свойства характера и др. Кроме того, важным фактором является готовность человека к восприятию иной культурной и социальной среды города. В зависимости от того, впервые происходит встреча с городом или человек постоянно живет в нем и т. д. Город огромен, и человек порой вспоминает лишь отдельные элементы городского социума. Постепенно выстраивая всю картину, он формирует образ города [4, с. 61–65].

Феномен восприятия города зависит от таких явлений, как удобная инфраструктура, наличие родных, друзей, устройство транспортных сообщений и др. К. Линч предположил, что образ города – это общий ментальный рисунок его внешнего физического мира [5]. Тем самым, он утверждает, что фиксация повседневности устами приезжих – важнейший метод, дающий возможность понять, каким представляется образ города для представителей разных поколений.

Белорусскими историками и этнографами записано тысячи интервью с жителями нашей страны. Обратимся к некоторым из них. Из воспоминаний о Минске: «Просторные и шумные улицы, большое количество транспорта, магазины, аптеки – все это вначале немного пугало...» (респондент – мужчина, 1960 г. рождения, приехал в Минск в 70-е гг.). Из воспоминаний о Гомеле: «Мы с девчонками ходили гулять в парк. Там нам нравились лебеди,

которых мы кормили хлебными крошками с моста. Правилась оранжерея, и мы рассматривали через стекла красивые и даже незнакомые для нас растения и цветы» (респондент – женщина, 1933 г. рождения, приехала в Гомель в 40–50-е гг.) [6, л. 141]. Мы видим, что мнения конкретных молодых людей выступают важным компонентом восприятия города, в данном случае Минска и Гомеля, что помогает дополнить уже известные облики данных городов новыми оттенками, как бы оживляя страницы жизни городов 60–70-х гг. XX века.

Обращаясь к идеям П. Нора, Т. Г. Горанская указывает на символизм городского пространства. Она пишет, что храмы и жилые дома, улицы и площади, кладбища и монументы, являясь свидетелями другой эпохи, создают противоречивое чувство: одновременно сопричастности к наследию прошлого (преемственности поколений) и его неприкосновенности [4, с. 141]. Тем самым автор подчеркивает сложность феномена памяти, необходимость сохранения и бережного отношения к традициям. К подобным местам памяти в Минске, к примеру, относятся следующие: пространство Верхнего города, площадь Свободы, район Замчища – улицы Немигская (Немига), Юрьевская (Раковская), Воскресенско-Татарская (Освобождения Димитрова) и Зыбицкая (Торговая), Нижний рынок и др.

Обратимся к небольшому сюжету из повседневной жизни Минска к XIX – начала XX века. Из воспоминаний о ярмарке заслуженной артистки С. М. Станюты: «...вот Низкий рынок с огромными деревянными „балеями“, до краев заполненными свежей рыбой, с железными подносами горячего распаренного боба – какое вкуснотище! ... Множество мелких магазинчиков, с торговками – горластыми и назойливыми, которые хватили людей за руки, чтобы показать свой товар...» [7, с. 262]. Или же вот мнение современника о Комаровке: «Много лет не приезжал сюда, но что я увидел? Те же огромные ряды разнообразных продуктов, которые так и «смотрят» на вас, как бы приглашая к покупке... Те же, я бы сказал, любопытные, и почти не изменившиеся покупатели, которые ищут что подешевле... Бушует торговля, шумит рынок... Комаровка – это часть постоянной жизни, ее нормального течения, без проблем...» (респондент Григорий, житель г. Гродно, 40 лет) [6, л. 141].

Архитекторы в своем профессиональном общении используют такое выражение, как «силуэт города». По мнению И. Лангбарда, «силуэт города – это первый привет для приезжающего, и прощальный – для отправляющегося. Эти два сильно действующих на человека момента фиксируются в его памяти доминантами города» [8, с. 64]. Силуэт города Минска, к примеру, связан с выдающимся памятником архитектуры и зодчества – привокзальной площадью (проект архитекторов В. Крамаренко и

М. Виноградова), которая, несомненно, является доминантой городского пространства. А вот воспоминания информатора Ирины, впервые увидевшей Минские ворота: «...я приехала в Минск из маленького местечка, расположенного в Западной части Беларуси в 70-е годы прошлого века. Я была потрясена размерами башен с часами на двух высотных зданиях. Часы завораживали и все, как и я, невольно, смотрели на свои часы – ручные, и сверяли свое время, и время на этих огромных минских часах... Казалось, здесь ощущаешь не только свой ритм жизни, но и этого огромного города» [6, л. 141].

«Силуэт города – не только пространственно существующий и зрительно воспринимаемый объект, но и широкое философское представление о нем, где соединились воедино прошлое, настоящее и будущее» – отмечает И. Лангбард [8, с. 64–65]. Восприятие города, с одной стороны, – индивидуально, его признаком является личностно-значимый характер городской среды, мест, архитектурных сооружений, а с другой – социокультурно определено статусом города, его положением среди других мест и территорий.

Восприятие, переживание и осмысление города человеком связаны, как правило, с неким определенным городом и присущими только ему характерными архитектурными, ландшафтными чертами. В то же время можно говорить об общих чертах города, т. е. о его собирательном образе. И здесь можно зафиксировать ряд отличий, в зависимости от того, какой это город – большой мегаполис, столичный город или небольшой провинциальный городок.

Огромное значение в последнее время отводится малым (провинциальным) городам как местам хранения национального наследия и традиций прошлого. В отличие от больших городов, малые города бережнее относятся к воссозданию национального и местного колорита, сохранению и презентации новым поколениям образцов устного народного творчества, фольклора, народного пения, сказок, хореографической культуры и т. д.

Большое значение для сохранения исторической памяти городов отводится историко-культурному наследию и его объектам. Охрана историко-культурного наследия является обязательным условием устойчивого развития государства, укрепления его престижа в международном сообществе, материальные и духовные ценности общества являются объектами национальной безопасности Беларуси и приоритетными направлениями культурной политики страны. На данном этапе придается внимание популяризации наследия в работе с молодёжью. Развитие получают разнообразные коммуникативные практики, когда город как место памяти становится местом «встречи» и коммуникации старших и младших

поколений. К таковым относятся праздники, не только уже известные и сложившиеся в обществе ранее, но и новые, такие как День 17 сентября.

В ходе вышеописанного опроса респондентов разных поколений выяснялось, что большинство респондентов знает о календарных праздниках, связанных с народными обычаями и обрядами. Например, таких, как Масленица, Купалье, Дзяды, Радуница, Пасха и др. Так, 39,8 % отметили вариант «Я о них знаю и стараюсь отмечать по-своему», 36,2 % – «Я о них знаю и праздную так, как праздновали мои родители и предки». Каждый пятый о них знает, но никогда не отмечал (18,6 %). Более склонны к соблюдению традиций, заложенных родителями, предками, стали представители послевоенного поколения (52,8 %).

Таким образом, город как место памяти является уникальным центром пересечения прошлого и настоящего, местом, где хранятся важнейшие объекты историко-культурного наследия, местом, где «встречаются» старшие и младшие поколения. Необходимо развивать городские пространства с учетом новых потребностей, привлекая специалистов разных сфер, тем самым воспроизводя лучшие практики прошлого и конструируя будущее.

Библиографические ссылки

1. Нора П. Проблематика мест памяти. Режим доступа: [http:// es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html](http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html). Дата доступа: 22.03. 2018.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Кравченко А. А. Социология в схемах и определениях: учебное пособие. М.: Проспект, 2013. 271 с.
4. Горанская Т. Г. Города Беларуси в изобразительном искусстве в XX – начала XXI века. Минск: Беларуская навука, 2017. 254 с.
5. Линч, К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 238 с.
6. Семья белорусов в городе: образ жизни и традиции: материалы и анализ этносоциального опроса семей белорусов. 2007 г. // Архив Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси (АИИЭФ). Фонд 6. Оп. 14. Д. 141.
7. Шыбека З. В. Минскъ сто гадоў таму. Минск: Беларусь, 2007. 304 с.
8. Дранкевич О. Г. Историко-культурное наследие малых городов Беларуси // Нарысы гісторыі культуры Беларусі: у 4 т. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / навук. рэд. А. І. Лакотка. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 63–94.

РАЗВИТИЕ ПАЦИЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОГО СЕРВИСА

П. С. Калинин

Университет ИТМО

Биржевая линия, д. 14, лит. А, Санкт-Петербург, Российская Федерация
pashkalini2000@ya.ru

Аннотация. После создания первоначальных «условий» цифровизации (сетей, систем, компьютеров) на первый план выходит вовлечение пациента в заботу о своем здоровье и перехода к концепции пациентоориентированного здравоохранения. Для такого перехода необходимо не только перестраивание методов и регламентов оказания медицинской помощи, но и создание новых технологических средств, ориентированных на пациента, – информационных систем, порталов, чат-ботов с медицинскими сервисами. В рамках развития цифровых сервисов для пациентов ФГБУ «Северо-Западный окружной научно-клинический центр имени Л. Г. Соколова Федерального медико-биологического агентства России» подчеркивается соответствие данного подхода требованиям международной методики оценки цифровой зрелости HIMSS EMRAM. Приводится описание сервиса рекомендаций в чат-боте и планируемый алгоритм его работы.

Ключевые слова: чат-бот; медицинский чат-бот; цифровые медицинские сервисы; электронное взаимодействие; цифровое здравоохранение; сервисы для пациента.

PATIENT-ORIENTED DIGITAL HEALTHCARE DEVELOPMENT: RECOMMENDATION SERVICE DESIGNING

P. S. Kalinin

ITMO University

14, Birzhevaja line, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation
pashkalini2000@ya.ru

Abstract. After creating the initial "conditions" of digitalization (networks, systems, computers), the involvement of the patient in taking care of his health and the transition to the concept of patient-oriented healthcare comes to the fore. For such transformation it is necessary not only to restructure the methods and regulations of medical care, but also to create new patient-oriented technological tools – information systems, portals, chatbots with medical services. As part of the development of digital services for patients of the Northwestern district scientific and clinical center of the Federal medical and biological agency of Russia emphasizes the compliance of this approach with the requirements of the international methodology for

assessing the digital maturity of HIMSS EMRAM. The description of the recommendation service in the chatbot and the planned algorithm of its operation are given.

Keywords: *chatbot; medical chatbot; digital medical services; electronic interaction; digital healthcare; services for the patient.*

Создание пациентоориентированных сервисов – это мировой тренд, одна из основных целей которого – вовлечение пациента в процесс оказания медицинской помощи для более тщательного контроля за состоянием своего здоровья. Рынок сервисов для пациента развивается с каждым годом все интенсивнее, что взаимостимулируется все большей заинтересованностью со стороны пациентов [1; 2].

В рамках развития сервисов для пациента в ФГБУ «Северо-Западный окружного научно-клинический центр имени Л. Г. Соколова Федерального медико-биологического агентства России» было выполнено проектирование работы сервиса рекомендаций в чат-боте с опорой на систему сертификации или модель зрелости HIMSS EMRAM (Electronic Medical Record Adoption Model – Модель внедрения электронной медицинской карты), которая оценивает уровень цифровой зрелости медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в условиях стационара [3; 4].

Сервис предполагает выдачу рекомендаций, к какому врачу записаться по симптомам, которые пользователь введет в чат-бот. Важно, что диагноз может поставить только врач, данный сервис должен помочь пациенту определиться со специалистом, а также впоследствии оптимизировать время и качество приема за счет того, что врач уже будет видеть в МИС первичные симптомы, введенные пациентом, и сможет более детально проконсультировать пациента.

Для разработки сервиса рекомендаций на первом этапе было выбрано три направления:

- кардиология;
- неврология;
- оториноларингология.

В июне 2023 года был запущен первый опрос врачей по симптоматике заболеваний по выбранным направлениям. Опрос был распространен по медицинским организациям Ленинградской области. Наиболее активное участие приняли врачи Всеволожской клинической межрайонной больницы. По каждому из трех направлений необходимо было указать семь основных симптомов, по которым можно направить человека к определенному врачу и дать некоторые рекомендации. Было получено порядка пятидесяти ответов по направлениям.

По результатам опроса будет произведен анализ симптомов по направлениям. Полученные ответы будут дополнены синонимами, взятыми из официальных источников Минздрава России, далее будет произведена обработка данных и приведение их к единому формату. В результате будет создана модель, сопоставляющая введенные пациентом жалобы с имеющимися кластеризованными данными и выдающая рекомендацию, к какому из трех направлений (кардиология, неврология, оториноларингология) наиболее вероятно относятся указанные симптомы.

Взаимодействие пользователя с сервисом рекомендаций будет выглядеть следующим образом:

1. пользователь вводит свои жалобы одним сообщением;
2. далее бот задает уточняющие вопросы с предложенными вариантами симптомов (симптомы формируются, исходя из анализа введенных пациентом жалоб);
3. пациент выбирает наиболее подходящие для себя симптомы из предложенных ботом или нажимает кнопку «другие симптомы»;
4. при нажатии на кнопку «другие симптомы» пользователю предлагается уточнить свои жалобы ответным сообщением;
5. после успешного отбора симптомов пациенту выдается рекомендация, к врачу какой специальности записаться вместе с предложением перехода в соответствующий раздел сервиса «Записаться»;
6. в случае отсутствия совпадения жалоб пользователю отправляется следующее сообщение: «Сервис рекомендаций работает в тестовом режиме, в настоящее время доступен анализ не по всем направлениям оказания помощи, за консультацией по выбору врача Вам необходимо обратиться к терапевту».

Создание пациентоориентированных сервисов в ФГБУ «Северо-Западный окружного научно-клинический центр имени Л. Г. Соколова Федерального медико-биологического агентства России» будет продолжено. Запланировано создание модуля аналитики использования чат-бота и запуск доработанного сервиса опроса пациентов.

Библиографические ссылки

1. Шахабов И. В., Мельников Ю. Ю., Смышляев А. В. Ключевые аспекты пациентоориентированной модели управления медицинской организацией // Научное обозрение. Медицинские науки. 2020. № 3. С. 34–38.
2. Through the Patient's Eyes: Understanding and Promoting Patient-Centered Care / eds. M. Gerteis, S. Edgman-Levitan, J. Daley, Th. L. Delbanco. San Francisco: Jossey-Bass, 1993. 368 p.

3. Who we are // HIMSS [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.himss.org/who-we-are>. Date of access: 16.06.2023.

4. Паничкин Н. Д., Габуня Н. Ю. Модель цифровой зрелости HIMSS EMRAM // Менеджмент качества в медицине. 2022. № 4. С. 78–83.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Д. В. Капский^{1, 2, 3}

¹ Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь
пр-т Независимости, 66, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

² Белорусский национальный технический университет

³ Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы реконструкции элементов дорожно-транспортной инфраструктуры городов и населенных пунктов для обеспечения устойчивого их развития, улучшения качества городской среды, и совокупного качества жизни горожан. Трансформация элементов дорожно-транспортной инфраструктуры (перекрестков, транспортных развязок в разных уровнях, улиц и площадей и пр.) должна осуществляться с учетом рационального использования площадей, занимаемых данными объектами, формирования оптимальной структуры реализуемых решений для развития социальных, экономических и иных возможностей по использованию данных объектов для формирования позитивного индивидуального архитектурно-художественного и инженерно-социального облика города, его благоустройства и озеленения, сохранения его историко-культурного наследия, возможностей наиболее эффективного использования площадей, отведенных под дорожно-транспортную инфраструктуру особенно в центральной и срединной зонах городов.

Ключевые слова: *город; дорожно-транспортная инфраструктура; трансформация; качество городской среды; качество жизни; устойчивое развитие.*

TRANSFORMATION OF ELEMENTS OF ROAD TRANSPORT INFRASTRUCTURE TO INCREASE THE QUALITY OF LIFE

D. Kapski^{1, 2, 3}

¹ Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus
Nezavisimosti Ave., 66, 220072, Minsk, Republic of Belarus

² Belarusian National Technical University

³ Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the issues of reconstructing elements of the road transport infrastructure of cities and towns to ensure their sustainable development, improving the quality of the urban environment, and the overall quality of life of citizens. The transformation of elements of road transport infrastructure (intersections, transport interchanges at different levels, streets and squares, etc.) should be carried out taking into account the rational use of the areas occupied by these

objects, the formation of an optimal structure of implemented solutions for the development of social, economic and other opportunities for the use of these objects for the formation of a positive individual architectural, artistic, engineering and social image of the city, its improvement and landscaping, the preservation of its historical and cultural heritage, the possibility of the most effective use of areas allocated for road and transport infrastructure, especially in the central and middle zones of the cities.

Keywords: *city; road transport infrastructure; transformation; quality of the urban environment; the quality of life; sustainable development.*

По данным Национального статистического комитета на 01 января 2022 года, численность населения Республики Беларусь составила 9 255 524 человека. При этом более трёх четвертей белорусов проживает в городах (78,1 %) и таким образом городское население составляет 7 232 095 человек. Всего в стране 115 городов и 85 поселков городского типа [1]. Процесс урбанизации сопровождается увеличением мобильности городских жителей. Такая тенденция наблюдается в условиях ограниченных инвестиционных ресурсов на транспортную инфраструктуру, ограниченных энергоресурсов для функционирования транспортных систем [2; 3]. При этом различные социальные группы имеют разные возможности по удовлетворению своих потребностей в передвижениях. В первую очередь, материальные и технические проблемы по обеспечению мобильности испытывают малообеспеченные и маломобильные слои населения, и проблема неравенства в обеспечении мобильности жителей городов еще более обостряется [4; 5].

Стало очевидно, что невозможно обеспечить темпы развития дорожно-транспортной инфраструктуры адекватные темпам роста автомобилизации. Пришло понимание: город предназначен не для автомобилей, а для людей. Города, ориентированные на личный транспорт, стали неудобными для жизни и не обеспечивают устойчивое развитие [6; 7]. Требуется создание безопасной, комфортной, «здоровой» среды обитания, удобной для жизни посредством создания оптимальной полифункциональной дорожно-транспортной инфраструктуры, позволяющей реализовывать социальную, транспортную, культурную, общественную, экономическую и иные функции города.

Важная роль в обеспечении качества жизни населения и его устойчивой мобильности отводится дорожно-транспортной инфраструктуре, которая создаёт качественно новые условия для реализации новых моделей и условий устойчивого развития города, открывает новые горизонты для самореализации его населения. По сути, ее трансформация открывает возможности для создания транзитно-ориентированных городов – создание максимальных удобств для немоторизированных участников дорожного движения [2; 7].

Традиционные элементы дизайна, такие как широкие полосы движения и недифференцированное (неразграниченное) уличное пространство, оказывают негативное влияние на восприятие участниками дорожного движения городского пейзажа (городской среды) – он кажется опасным, недружелюбным, некомфортным, приводит к увеличению скоростного режима, а также неэффективному использованию дорогого уличного пространства. На рисунке 1 изображен вариант участка улицы после ее трансформации: размещены велодорожки, защищенные упорядоченной парковкой по обе стороны улицы, причем одна велодорожка объединена со смещенным островком для посадки и высадки пассажиров автобусов, что улучшает работу ГПТ; выделена разделительная полоса, в которой «спрятаны» левоповоротные автомобили; сделаны островки безопасности для пешеходов, чтобы переход широкой проезжей части (ПЧ) осуществлялся безопасно в несколько этапов (сокращено время нахождения пешеходов на ПЧ); полоса для правоповоротного потока также смещена; сделаны меры по управлению ливневой канализацией и озеленению, обустройству велосипедных дорожек с выделением буферной зоны разметкой (рис. 1, а) либо конструктивом (рис. 1, б), устройству более широких тротуаров и элементов, уменьшающих объемы движения, упорядочиванию уличных парковок, обустройству островка безопасности для слабозащищенных участников движения, остановочных пунктов ГПТ с выделением полос для его приоритетного движения, и пр.

а

б

Рисунок 1 – Участок улицы после трансформации [8]

Следует отметить, что в городах значительная доля населения пользуется индивидуальным транспортом (20–80%), и в видимой перспективе резко существенно повлиять на транспортное поведение людей затруднительно. Количество единиц подвижного состава наземного ГПТ, например, в Минске, составляет 2,2 тыс. единиц (данные за 2021 год), тогда как общее количество зарегистрированного транспорта в городе составляло 761,0 тыс. единиц (данные за 2021 год). Т. е., доля физических единиц ГПТ не превышает 0,3% от общего количества парка транспортных средств в

городе. Поэтому значительного эффекта от снижения загрязнения воздуха городов можно также достигнуть от совместного использования электрических ГПТ и реализации государственных программ, направленных на мотивацию приобретения электромобилей.

Рисунок 2 – Нестандартный перекресток:

а – до и б – после трансформации [8]

Трансформация улиц предполагает и создание многофункциональных жилых и коммерческих зон. Перекрестки с нестандартной конфигурацией имеют малоиспользуемые участки, который можно преобразовать в социальные пространства (рис. 2, а). Трансформируемые площади генерируют пешеходные потоки, способствующие развитию бизнеса и оживлению уличной жизни (рис. 2, б). Трансформация учитывает пересечение ПЧ под углом 90 градусов (3), размещение художественных инсталляций, перформансов (1), мест торговли и общепита (2), что улучшает качество жизни и создает индивидуальность общественной площади. Исполкомы могут отдавать приоритет районам, где не хватает открытого пространства, и финансировать проектирование и строительство площади через процесс взаимодействия с населением (государственно-частное партнерство).

Надземные сооружения (эстакады, путепроводы, и т. п.) создают непривлекательные пространства для пользователей улиц. Их трансформация – перераспределение пространства на уровне земли, в то время как надземная конструкция остается неизменной. Под эстакадой размещаются магазины, рынки, кафе и оборудование для активного отдыха (1), устанавливается декоративное освещение, озеленение (2) (рис. 3 и 4).

Рисунок 3 – Вариант трансформации пространства под эстакадой [8]

Рисунок 4 – Пример пространств под эстакадой [8]

Набережные и парки по соседству являются ключевыми направлениями во многих городах. Проектирование улиц, прилегающих к этим районам, может помочь расширить общественное пространство до окружающих кварталов и пригласить большее число пользователей насладиться ими (Витебск, Брест, Могилев, Минск и т.д.). Набережную преобразуют (рис. 5) в оживленный общественный парк и активный мультимодальный коридор. Обустраивают широкие велодорожки с высокой пропускной способностью (1), широкие пешеходные дорожки, а также остановки ГПТ. Обустраиваются зоны высадки такси (2) и доступные парковочные места. Приподнятые пешеходные переходы (3) снижают скорость движения и отдают предпочтение пешеходам.

Рисунок 5 – Вариант улицы с набережной [8]

В большинстве городов мира вследствие урбанизации наблюдаются негативные последствия: образование заторов, сокращение времени на передвижения населения и увеличение энергозатрат на его мобильность, увеличение отрицательного экологического воздействия транспорта, разрушение внешнего облика города объектами дорожно-транспортной инфраструктуры, возрастание психофизиологического воздействия на участников движения и т. д. Для снижения этих последствий и повышения качества жизни населения следует проводить трансформацию дорожно-транспортной инфраструктуры, которая учитывала бы потребности человека, его интересы и здоровье, качество жизни для устойчивого развития «умных» городов. Это закладывается в планах устойчивой городской мобильности (ПУГМ). Действующие в Беларуси ТНПА пока не предполагают разработку ПУГМ, поэтому не оговорен на законодательном уровне и не очевиден состав таких работ, методика их выполнения и пр. В этом видится дальнейшая работа по совершенствованию действующего законодательства. Вместе с тем, достаточно схожим аналогом ПУГМ являются предусмотренные ТНПА – комплексные транспортные схемы населённых пунктов (КТС), КСОДД.

Библиографические ссылки

1. Население и миграция [Электронный ресурс]: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya>. Дата доступа: 04.10.2023.
2. Руководство по устойчивой городской мобильности и территориальному планированию – содействие активной мобильности. Женева: ЕЭК ООН, 2020. 222 с.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года 70/1.

Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda>. Дата доступа: 04.10.2023.

4. Капский Д. В., Богданович С. В. План устойчивой городской логистики симбиотических агломераций и развитие транспортных систем // Проблемы безопасности на транспорте: Материалы XII МНПК / под общ. ред. Ю. И. Кулаженко. Том 2. Гомель: БелГУТ, 2022. С. 111–113.

5. Устойчивая городская мобильность: теория и практика развития / А. О. Лобашов, Е. Н. Кот, Д. В. Капский [и др.]. Вологда: Инфра-Инженерия, 2023. 236 с.

6. Планирование устойчивой городской мобильности / И. Н. Пугачев, А. О. Лобашов, С. С. Семченков [и др.]. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. 147 с.

7. Капский Д. В. Проблемы городской логистики симбиотических городов // Автомобильные перевозки и транспортная логистика: теория и практика: сборник научных трудов / под научн. ред. Е. Е. Витвицкого. Омск: СибАДИ, 2021. С. 37–43.

8. Global Street Design Guide [Electronic resource] // Global Designing Cities Initiative, 2020. Mode of access: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/6560596/mod_resource/content/1/GDCI_GlobalStreetDesignGuide.pdf. Date of access: 04.10.2023.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ

Н. К. Кисель

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kiselnk@gmail.com

Аннотация. Публикация посвящена анализу междисциплинарной стратегии в развитии современной урбанистики. Репрезентацией ее выступает обращение к социальной физике, формирование которой относится к последним десятилетиям XX века. Социальная физика используется в качестве основы для создания модельных построений при решении как частных задач урбанистического профиля (модели транспортного и пешеходного движения, поведения толпы и т. д.), так и в практике проектирования отдельных городских районов и даже целых городов. Частные теоретические схемы физики (например, модель диффузии, фазовых переходов, модель переворачивающих спинов, эффекта ферромагнетиков и т. д.), сопряженные с математическим аппаратом, открывают новые возможности для компьютерной симуляции в развитии современной урбанистики. Таким образом, социальная физика выступает в качестве методологического инструментария в решении задач урбанистического профиля различной степени общности.

Ключевые слова: *урбанистика; междисциплинарность; социальная физика; постакадемическая наука; математизация науки; компьютеризация науки.*

SOCIAL PHYSICS IN THE CONTEXT OF MODERN URBANISM

N. K. Kissel

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
kiselnk@gmail.com

Abstract. The publication is devoted to the analysis of interdisciplinary strategy in the development of modern urbanism. Its representation is an appeal to social physics, the formation of which dates back to the last decades of the twentieth century. Social physics is used as a basis for creating model constructions when solving both specific urban problems (models of transport and pedestrian traffic, crowd behavior, etc.), and in the practice of designing individual urban areas and even entire cities. Particular theoretical schemes of physics (for example, the model of diffusion, phase transitions, the model of flipping spins, the effect of ferromagnets, etc.) coupled with mathematical tools open up new opportunities for computer simulation in the development

of modern urbanism. Thus, social physics acts as a methodological tool in solving urban problems of varying degrees of generality.

Keywords: *urban studies; interdisciplinarity; social physics; post-academic science; mathematization of science; computerization of science.*

Научные исследования проблем города стремительно входят в фазу оформления релевантного категориального аппарата и использования знаково-символических моделей, репрезентирующих как постановку значимых проблем, так и подходы к их решению.

Город как социокультурный феномен, несомненно, являет собой сложный полифункциональный объект, при обращении к которому перед исследователем стоит проблема выбора методологического инструментария.

Холистическая парадигма, определяющая общую интенцию развития современной науки, ориентирует методологическое сознание в выборе стратегий построения научного знания на обращение к междисциплинарному и трансдисциплинарному подходам.

Феномен междисциплинарности широкой обсуждается в современной философско-методологической литературе. К этому побуждают особенности постакадемической науки, нацеленной на освоение в научном познании сложных систем и многофакторных процессов. Междисциплинарность предполагает перенос знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных границ. Взаимодействие демонстрируют, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга отрасли науки – лингвистика и историческая наука, синергетика и демография и т. д. Усиление взаимного обмена задачами и способами их решения между сферами собственно научного и инженерно-технического исследования становится, например, основой для становления и развития современной технонауки в лице урбанистики.

Междисциплинарность исследовательских практик в современной урбанистике изначально задает основные направления ее развития. Междисциплинарная методология исследования в урбанистике по времени, с одной стороны, совпадает с появлением социальной физики, а с другой – в определенной степени является стимулом к ее становлению. Решение ряда задач урбанистического профиля предполагает построение модельных знаково-символических репрезентаций междисциплинарного характера. Одной из первых таких задач явилась, например, оптимизация потоков городского транспорта по мере увеличения интенсивности его движения в растущих городских агломерациях.

Традиционно построение модельных репрезентаций в специальном научном исследовании предполагает использование ресурса математики, а на

его основе – эвристики компьютерной симуляции. Наряду с прямым обращением к математическим формализмам, современная урбанистика демонстрирует новое проявление междисциплинарности с использованием методологического потенциала социальной физики.

Социальная физика, порывающая с предшествующими наивно-реалистическими версиями метафорического свойства, предполагает описание и модельную репрезентацию коллективных процессов в различных видах социальных систем с помощью инструментария экспериментальной и теоретической физики.

Следует обратить внимание на ряд обстоятельств, сопутствующих этому феномену:

– во-первых, междисциплинарность в данном случае предполагает использование не фундаментального физического знания, а обращение к частным теоретическим схемам, по В. С. Степину. Для анализа социальных явлений применяются, например, модель диффузии, фазовых переходов, модель переворачивающих спинов, эффекта ферромагнетиков и т. д.;

– во-вторых, имеет место не обращение к аналогиям, пусть даже очень продуктивным, а использование концептуального аппарата различных разделов физики, осуществляются, по В. С. Степину, парадигмальные прививки. Так, например, модель появления лидеров, своеобразных проводников между элитами в обществе, строится с использованием теории неупорядоченных систем с замороженным беспорядком – модели критического поведения. В социальных системах, согласно этой модели, возникают домены с минимизацией противоречий между ними, но с сохранением свойственных им внутренних противоречий. Таким способом позиционируется появление иерархии, снимающее напряжение в системе;

– в-третьих, физика всегда являла собой математизированное знание. Вместе с концептуальным аппаратом в сферу исследования социальной физики вносятся математические модели, что придает процессу математизации социогуманитарного знания новые особенности. Изначально использование математических подходов ограничивалось отсутствием, так называемой, адекватной меры, что обуславливало фрагментарный характер процесса математизации. Математические модели в единстве с концептуальным аппаратом, к которым прибегает социальная физика, в некоторой степени позволяют, если не преодолеть, то частично обойти это обстоятельство и открывают перспективы компьютеризации с использованием вычислительного эксперимента;

в-четвертых, следует обратить внимание на полисемантичесность самого концепта «социальная физика». На сегодняшний день он все чаще ассоциируется не только с физикой, но и с постакадемической наукой как

таковой. Дигитализация исследовательских практик, работа с большими данными не могли не сказаться на концептуальных построениях современной социальной физики. Ярчайшим примером поиска новых методологических ориентиров служат работы исследовательского коллектива Массачусетского технологического института под руководством А. Пентленда [1]. Обращение к дигитальным следам в социальном пространстве и работа с ними, по мнению исследователей, позволяет не только предсказывать поведение общественных групп, продуктивность новых компаний, но направлять развитие отдельных городских районов и даже целых городов.

В новой версии социальная физика демонстрирует определенный разрыв с имевшими место во второй половине XX века парадигмальными прививками как таковыми, первые из которых относятся к 50-м годам двадцатого столетия (модели автомобильного и пешеходного движения, модель неконтролируемого поведения толпы и т. д.) и чаще всего базируются на физике фазовых переходов. Сегодня она обращается к освоению возможностей, предоставляемых информационными технологиями, в частности, к работе с большими данными.

В своем развитии социальная физика сегодня сопрягается с социальной инженерией. Она позволяет отыскивать решения множества задач практического характера, начиная с расчета необходимой продуктивности работы небольших групп, отделов компаний, механизмов финансового инвестирования до рассмотрения проблем современной урбанистики в проектировании целых городов. Особую эффективность она обнаруживает в настройке различных сетей коммуникации, вплоть до интернет-сообществ.

Количественное параметрирование, к которому прибегает социальная физика в своих модельных репрезентациях, делает ее весьма востребованной и сближает с технаукой в реализации социального заказа, адресованного современным исследовательским практикам.

Таким образом, феномен социальной физики, с одной стороны, демонстрирует новый тренд в решении прикладных задач исследования и конструирования социальной реальности, а с другой – инициирует сдвиг в методологическом сознании и в развитии критической рефлексии, свойственной социальной философии в целом и социальной эпистемологии, в частности. Вместе с тем с повестки дня не снимается ряд дискуссионных вопросов относительно критериев выбора концептуальных моделей физики, математики и других областей знания для решения исследовательских задач. Требуется разработка проблема экстраполяции пределов онтологического и методологического редукционизма, соотношения между собой различных знаково-символических систем социальной физики, а также исследования механизмов корреляции между социальной физикой и не менее интересными

исследовательскими направлениями в современной социальной эпистемологии.

Библиографические ссылки

1. Пентленд А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. М.: АСТ, 2018. 352 с.

ХАРАКТЕР СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. И. Климушко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
klimush@bsu.by

Аннотация. В статье автор анализирует, систематизирует и обозначает основные отличительные факторы современной социализации молодежи. С учетом теоретического обоснования представлены результаты авторского психологического исследования характера социализации современной городской молодежи. В исследовании социализация раскрывается через показатели социально-психологической адаптации студентов.

Ключевые слова: социализация; социально-психологическая адаптация; принятие себя; эмоциональный комфорт; внутренний контроль; доминирование; эскапизм.

THE NATURE OF SOCIALIZATION OF URBAN YOUTH

E. I. Klimushko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
klimush@bsu.by

Abstract. In the article, the author analyzes, systematizes and identifies the main distinctive factors of modern socialization of youth. Taking into account the theoretical justification, the results of the author's psychological study of the nature of socialization of modern urban youth are presented. In the study, socialization is revealed through indicators of socio-psychological adaptation of students.

Keywords: socialization; social and psychological adaptation; self-acceptance; emotional comfort; internal control; dominance; escapism.

Несмотря на то, что в современной психологической науке многие вопросы социальной психологии (в том числе и понятие социализации) принято считать достаточно изученными, есть все основания полагать, что данная тема не теряет своей актуальности и по настоящее время. Основной причиной является тот факт, что социализация – процесс социальный, то есть «общественный», а общество и общественный уклад не стоят на месте, они развиваются, изменяются и трансформируются под влиянием изменяющихся внешних условий. Следовательно, вслед за самим социумом, претерпевать

различного рода изменения будут и механизмы взаимодействия индивидов в обществе, и механизмы социализации.

Так, изменение социально-экономических условий (в частности, на постсоветском пространстве) привело к изменению возможностей семьи как института социализации [1]. Это не значит, что семья потеряла свою роль и значимость как институт социализации. Это, скорее, говорит о том, что сама семья претерпевает критические изменения – в своей структуре (частые разводы, один ребенок в семье и т. д.), в своих функциях (много работающих, безразличные или инфантильные родители) и многое другое. Ввиду этих факторов семья часто оказывается неспособной успешно осуществлять социализацию своих детей, перекладывая данную обязанность на других (школы, университеты).

Второй немаловажный фактор – глобальная информатизация общества [2]. Несмотря на всю пользу и экономическую значимость данного явления в мировом масштабе, в частных случаях информатизация может иметь довольно серьезные негативные последствия. Появление различных гаджетов и их всеобщая доступность могут нарушать и тормозить социализацию личности в вышеуказанных ранее сферах – в деятельности, общении и самосознании. Так, вместо привычных для прошлого столетия видов деятельности члены современного общества все чаще и все больше предпочитают проводить свое время именно за гаджетами. Компьютеры, смартфоны и интернет являются не только инструментами деятельности, но и инструментами и целью свободного времяпрепровождения. Это влечет за собой изменения и в сфере общения – увеличивается доля опосредованной социальной коммуникации, что нарушает естественный процесс общения. В свою очередь, изменение процесса общения может повлечь за собой и изменения основных структурных компонентов Я-концепции [3].

Таким образом, исследование процесса социализации в науке становится одной из самых актуальных проблем, к которой обращаются не только психологи, но и социологи, философы, педагоги и даже политики. Это связано с тем, что в настоящее время, в связи с резким изменением социальной ситуации, наше общество значительно изменилось и продолжает изменяться, все еще не являясь стабильным. Особенности этого феномена социализации связаны и с тем, что при географической стабильности места проживания для многих групп полностью трансформировались социально-психологические координаты, ценностные ориентации и установки, принятые и получившие в свое время одобрение в обществе. Таким образом, большие группы населения вынуждены адаптироваться к новым социальным условиям, которые, в свою очередь, все еще неустойчивы ввиду

эпидемиологических, политических, экономических и иных причин [4, с. 68–69]. Следовательно, изучение процесса социализации и детерминация ключевых факторов в современном трансформационном обществе, влияющих на данный процесс, следует отнести к категории междисциплинарных проблем.

Выявление закономерностей социализации студенческой молодежи в интернет-среде осуществлялось при помощи опросника «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированного К. А. Осницким [5]. Исследование проводилось в течение 2019–2022 годов. Выборку исследования составили 243 человека – студенты Белорусского государственного университета.

Согласно результатам исследования социально-психологической адаптации студенческой молодежи, можно утверждать, что абсолютное большинство респондентов обладает достаточным уровнем адаптивности (у 57 % выборки выявлен средний уровень, а у 43 % – высокий уровень адаптивности). Результаты исследования отдельных шкал, отражающих уровень социально-психологической адаптации у студенческой молодежи, также позволили обнаружить преимущественно высокие показатели.

Так, по шкалам «адаптивность-дезадаптивность» только у 4 % испытуемых был обнаружен высокий уровень дезадаптивности, для остальных же характерен средний (57 %) и высокий (43 %) уровень адаптивности. Очень схожие результаты были обнаружены по шкалам «принятия-непринятия себя» – также только 4% испытуемых набрали высокий бал по критерию непринятия себя. А у остальной части выборки все в пределах нормы (что характерно для 45 % испытуемых) или на высоком уровне (что характерно для 55 % испытуемых). Следует отметить, что такие результаты, тем не менее, не исключают позитивного отношения к другим людям: по шкалам «принятие-непринятие других» только 2 % из выборки обнаружило низкий уровень принятия других и 8 % опрошенных – высокий уровень непринятия других; при этом в пределах средних значений согласно ключу интерпретации методики обнаружено 58 % выборки, а у 40 % обнаружен высокий уровень принятия других. Данные результаты позволяют предположить, что в целом поколение юношеского возраста обладает большей психологической гибкостью и адаптивностью, а также достаточно высоким и безусловным самопринятием вне зависимости от контекста и довольно благоприятным отношением к другим людям, что, в свою очередь, может быть одной из причин высокой адаптивности.

По субшкале «эмоционального комфорта» большая часть респондентов из выборки обладает нормальным (у 77 %) или высоким (у 15 %) уровнем выраженности данной переменной. Только для 8 % испытуемых характерен

низкий показатель. По субшкале «эмоционального дискомфорта» точно также в эквиваленте большая часть респондентов из выборки обладает нормальным (у 70 %) или низким (у 17 %) уровнем выраженности данной переменной, а у 13 % испытуемых эмоциональный дискомфорт выражен достаточно высоко. Такие результаты отражают достаточно хорошие показатели психологического благополучия у молодежи.

Отличительной особенностью данной выборки можно назвать тот факт, что у всех испытуемых был обнаружен средний (43 %) и высокий (57 %) уровни внутреннего контроля, респондентов с низким уровнем внутреннего контроля обнаружено не было. Высокий уровень внешнего контроля был обнаружен только у 4 % испытуемых, у остальных же данный показатель находится на среднем (у 81 %) либо низком (у 15 %) уровне. Такие данные позволяют предположить, что поколение юношеского возраста обладает уже сформированными и довольно устойчивыми внутренними нормами, ценностями и принципами поведения в обществе и по большей части не нуждается в контроле со стороны старшего поколения.

Значения «доминирования-ведомости» в данной выборке по большей части также находятся в пределах нормы – большая часть испытуемых обладает средними уровнями выраженности этих качеств (у 66 % и 86 % соответственно). Можно лишь отметить тенденцию к предпочтению доминирования (высокие баллы обнаружены у 30 % испытуемых) над ведомостью (высокие баллы обнаружены у 6 % испытуемых), что вполне соотносится с высокими показателями принятия себя и внутреннего контроля. Эскапизм (как уход от проблем) также у большинства респондентов выборки (а именно у 77 %) находится в пределах нормы. Такие результаты, скорее всего, косвенно свидетельствуют о самостоятельности молодежи, а также интернальном локусе контроля, ведь «доминирование» предполагает проявление своей воли, умеренное стремление влиять на других, убеждать их в своем мнении и отстаивать свои позиции. Все это напрямую свидетельствует о достаточно благоприятной социализированности студентов.

Если в целом обобщить полученные результаты, то можно отметить, что в большинстве своем студенты обладают достаточно высоким уровнем социально-психологической адаптации (следовательно, и социализации в целом), что может быть обусловлено высокой склонностью к принятию себя, преобладанием внутреннего контроля над внешним и стремлением к доминированию, а не ведомостью.

Библиографические ссылки

1. Андреева Г. М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. 160 с.
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 420 с.
4. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллективная монография / под. ред. Т. Д. Марцинковской. М.; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010. 284 с.
5. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 1999. 518 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ В УМНЫХ ГОРОДАХ

Т. А. Колобашкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая, д. 13, стр. 4, 101000, Москва, Российская Федерация
meshkova@hse.ru

Аннотация. Проведен анализ понятий «умный город», «умная нация», «умное общество». Сделан вывод о преобладающем внимании к технологической составляющей и недостаточном внимании к социальным и психологическим аспектам усиливающейся урбанизации и цифровизации. Подчеркнута необходимость сопряжения подходов, связанных с использованием человекоберегающих и цифровых технологий, особенно в условиях преодоления опыта пандемии COVID-19. Проанализированы опыт и перспективы разработки подходов к оценке благополучия в городской среде, включая существующие глобальные и национальные индексы и рейтинги. Сделан вывод, что комплексный подход к оценке благополучия человека в цифровой среде умных городов еще предстоит выработать. Основным направлением дальнейшего развития подходов к оценке благополучия в городах с перспективой локализации разрабатываемых рейтингов и индексов является сотрудничество в рамках ЕАЭС и БРИКС.

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая экономика; умный город; умная нация; умное общество; благополучие; информационно-коммуникационные технологии; урбанизация; городское развитие.*

NEW APPROACHES TO ASSESSING WELL-BEING IN SMART CITIES

T. A. Kolobashkina

National Research University Higher School of Economics
13 Myasnitskaya St., Building 4, Moscow, 101000
meshkova@hse.ru

Abstract. The concepts of “smart city”, “smart nation”, “smart society” are analyzed. It is concluded that there is a predominant attention to the technological component and insufficient attention to the social and psychological aspects of increasing urbanization and digitalization. The need to combine approaches related to the use of human-saving and digital technologies was emphasized, especially in the context of overcoming the experience of the Covid-19 pandemic. The experience and prospects for developing approaches to assessing well-being in the urban environment, including existing global and national indices and ratings, are analyzed. It is

concluded that an integrated approach to assessing human well-being in the digital environment of smart cities has yet to be developed and cooperation within the EAEU and BRICS as a promising direction for further development of approaches to assessing well-being in cities with the prospect of localizing the developed ratings and indices.

Keywords: *digitalization; digital economy; smart city; smart nation; smart society; well-being; information and communication technologies; urbanization; urban development.*

От умного города к умному обществу

Через социально-экономических кризисов последнего времени привлекла внимание исследователей и политиков к теме благополучия. Появление новых вызовов, связанных со стремительным развитием технологической и цифровой среды, несущей как новые возможности, так и риски для человека, сегодня особенно отчетливо проявляется в условиях городской среды, которая становится все более «умной».

«Умный город» – сравнительно новая концепция благоустройства социального и экономического городского пространства. Целью внедрения ИКТ технологий является улучшение условий жизни урбанизированного населения, решение многочисленных проблем развития городской среды (в том числе связанных с социальным обеспечением, развитием здравоохранения, безопасности, транспортного обеспечения, решением экологических проблем и др.) В реализации таких программ помогают различные инновационные решения, чаще всего связанные с IT-сферой: цифровые метки, системы видеонаблюдения, централизованный общественный транспорт и т. д. Мировые мегаполисы с каждым годом прилагают все больше усилий для создания по-настоящему умной среды жизни, обмениваясь опытом управления и стратегического планирования цифровизации городской среды. Так, Москва как крупнейший российский мегаполис последовательно использует лучший зарубежный опыт и мировые практики стратегического планирования умной городской среды, а также оценки благополучия и уровня достижения глобальных ЦУР: реализуется стратегия «Москва – умный города 2030» [1], ведомственный проект Минстроя России «Умный город» [2]. Столичный опыт был с успехом воспринят рядом региональных российских городов, в том числе моногородами. На этой основе ВЭБ.РФ разработал «Индекс качества жизни в городах России», о котором пойдет речь ниже.

В исследованиях умного города приоритетное внимание чаще уделяется его технологической составляющей. Социальным и психологическим аспектам усиливающейся урбанизации и цифровизации уделяется гораздо меньше внимания. Вместе с тем, необходимость сопряжения подходов, связанных с использованием человекоберегающих и цифровых технологий

стала особенно актуальной в период пандемии COVID-19 и в период постпандемийного восстановления социально-экономической сферы. Именно города в основном приняли на себя весь удар нового кризиса и вынуждены были оперативно разрабатывать инновационные меры по сохранению жизней и здоровья горожан, во многом основанные на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). Во время пандемии со всей наглядностью проявились преимущества и риски цифровизации с точки зрения влияния на благополучие горожан.

С одной стороны, цифровизация, включая использование технологий больших данных, искусственного интеллекта и др., позволяет повысить доступность, качество и объем муниципальных услуг для горожан и, соответственно, положительно влияет на уровень их благополучия. ИКТ инструменты позволяют гибко, оперативно и мобильно адаптировать городскую среду под меняющиеся потребности наиболее активной части городского населения как драйвера развития территории, отслеживать и корректировать уровень благополучия человека в городской среде. С другой стороны, нерешенной пока остается проблема растущего цифрового развития, технологической уязвимости, особенно в условиях растущей внешней конкуренции и санкций, нехватки цифровых компетенций у некоторых категорий горожан, психологические проблемы социальной фрустрации, изолированности, разобщенности, ослабления социальных контактов, в том числе внутрисемейных и др.

Минимизации возможных социально-экономически рисков цифровизации городов, необходимости сопряжению процессов технологической трансформации и развития цифровой общественной инфраструктуры (digital public infrastructure, DPI) все больше внимания уделяется на международном уровне. Так, в декларации «Группы двадцати» 2023 года подчеркивается важный вклад цифровой общественной инфраструктуры – как формирующейся концепции и комплекса общих цифровых систем, основанных на открытости, безопасности и интероперабельности данных – в преодоление цифрового разрыва и создание безопасной, надежной и устойчивой цифровой экономики [3].

Наряду с более технологизированным термином «умный город» сегодня также часто используются более социально ориентированные термины «умной нации» и «умного общества». В основе концепции «умной нации», которая первоначально была связана с инициативой правительства Сингапура 2014 года по использованию ИКТ, сетей и больших данных для создания технологических решений, лежит комплексный подход к цифровой трансформации государственного управления, городской инфраструктуры и общественной жизни, что позволило этому городу-государству в 2020 году

возглавить рейтинг Asian Digital Transformation Index [4].

Подобно античным полисам, закладывавшим основы для жизни общества и государства, современный умный город во многом становится источником опыта и образцом для совершенствования управленческих подходов и методов оценивания как технологической эффективности, так и благополучия и качества общественной жизни. Распространение и анализ опыта функционирования умных городов, объединение их в умные агломерации на основе бесшовного функционирования технологий и основанных на них сервисов, а также обмена данными, позволяет приближаться к концепции «умного общества», которая сегодня приобретает все большую популярность.

Умное общество – это общество, которое опирается на силу и потенциал технологий, чтобы сделать людей более продуктивными, позволить нам сосредоточить наши ресурсы на деятельности и отношениях, которые имеют значение, в конечном итоге – для улучшения здоровья, благополучия и качества жизни [5].

Вместе с тем, и применительно к умным городам и тем более применительно к умным обществам пока наблюдается дефицит инструментов объективной оценки уровня благополучия горожан-граждан в цифровой среде. Хотя важные шаги на этом направлении предпринимаются как на глобальном, так и на национальном уровнях.

Опыт и перспективы разработки подходов к оценке благополучия в городской среде

Среди подходов, разработанных на глобальном уровне, заслуживает внимания прежде всего Индекс городского процветания ООН. Индекс городского процветания, разработанный программой Организации объединенных наций по населенным пунктам «ООН – Хабитат» и впервые опубликованный в 2015 г., является комплексным инструментом мониторинга и оценки уровня процветания и сбалансированности развития городов мира [6]. При составлении Индекса учитываются такие комплексные показатели, как качество жизни, уровень развития инфраструктуры, равенство и социальная инклюзия, продуктивность экономики, управление и законодательство, а также степень сбалансированности между этими критериями. В Индексе 2022 года, для составления которого проводился анализ пятидесяти крупнейших городов мира, Москва была признана лучшим мегаполисом по качеству жизни и уровню развития инфраструктуры в соответствии с данным Индексом [7].

В целях реализации глобальной повестки ООН до 2030 года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2016 году в пилотном режиме запустила проект «Территориальный подход в

достижении целей устойчивого развития», направленный на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия населения. К семи городам и регионам стран-партнеров ОЭСР к проекту в 2019 году присоединилась и Москва, для которой целью участия в проекте было создание комплексной системы оценки долгосрочного развития города, соответствующей международным стандартам и принципам устойчивого развития ООН и ОЭСР [8].

С учетом опыта данного проекта ОЭСР ВЭБ.РФ совместно с консалтинговой компанией PwC и РАНХиГС при Президенте России в сотрудничестве с Агентством стратегических инициатив (АСИ) разработал Индекс качества жизни в российских городах [9] – открытую информационно-аналитическую платформу, которая позволяет оценить самые разные факторы, влияющие на жизнь человека в городе, – от доступности инфраструктуры и транспорта до размеров личного пространства и уровня доверия в обществе. Всего в Индексе представлено 115 городов (из каждого субъекта выбраны не более двух городов и исключены Москва и Санкт-Петербург). В 2023 году база данных расширилась до трехсот показателей, по которым можно сравнивать города. Для обеспечения сопоставимости городов России с международными городами в базу данных включены показатели ОЭСР. Дополнительно к данному Индексу АСИ разработало Рейтинг качества жизни регионов.

В свою очередь, Минстрой России совместно с совместно с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова в рамках ведомственного проекта «Умный город» рассчитывает для двухсот городов, участвующих в проекте Индекс «IQ городов». Он направлен на повышение конкурентоспособности городов, формирование эффективной системы управления и создание безопасных условий для жизни. Основным направлением для оценки в данном Индексе является внедрение передовых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре [10].

Индекс качества жизни населения, основанный на структуре ценностей города/горожан, разработан Университетом ИТМО и предполагает декомпозицию населения на социально-возрастные группы и оценку их обеспеченности городскими сервисами в ряде жизненных ситуаций. Данная работа проводится на стыке городской социологии и антропологии, урбанистики и информационных технологий.

Одновременно Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) разработал Индекс городской успешности, с помощью которого можно определить перспективные направления развития того или иного города. Эта система мониторинга учитывает все процессы, которые происходят в городах, с использованием российских индикаторов,

адаптированных для российской статистической системы. Агрегированная модель ежегодно обновляемого «Индекса городской успешности» выявляет конкурентные преимущества городов, а также ограничения, препятствующие их развитию, актуальные проблемы и перспективные направления. Индекс призван повысить открытость результатов работы органов власти в сфере развития городской среды и создать основу для оценки эффективности их работы в этой сфере, а также стимулировать вовлечение граждан и представителей бизнеса в реализацию мероприятий по развитию города. Индекс не только показывает рейтинговую позицию города, но и создает основу для разработки стратегии его социально-экономического развития [11].

Интересным и перспективным также является подход, лежащий в основе составления Рейтинга инновационной привлекательности мировых городов, который также разрабатывается НИУ ВШЭ, начиная с 2020 года [12]. Исследование охватывает двести глобальных городов из пятидесяти трех стран мира и базируется на оригинальной системе из семидесяти четырех показателей, рассчитанных с использованием признанных международных источников и отражающих три ключевых элемента современного инновационного города: технологическое развитие, креативные индустрии и городскую среду.

При всей важности перечисленных международных и национальных инструментов оценки необходимо заметить, что комплексный подход к оценке благополучия человека в цифровой среде умных городов еще предстоит выработать. С учетом текущих существенных ограничений для участия в международных проектах и рейтингах городов в условиях санкций, перспективным направлением дальнейшего развития подходов к оценке благополучия в городах с перспективой локализации разрабатываемых рейтингов и индексов является сотрудничество в рамках международных и региональных объединений, прежде всего в рамках ЕАЭС и БРИКС, которые уделяют большое внимание развитию цифровой повестки и вопросам устойчивого социально-экономического развития. Ведущую роль на этом направлении могут сыграть международные и национальные банки развития. Евразийский банк развития в числе прочих направлений своей аналитической и проектной деятельности уже занимается тематикой умного города, реализуя проект создания умного города, а также цифровые инициативы на территории Душанбе. Актуальной задачей является также разработка евразийских стандартов для умного города и цифрового градостроительного развития [13], инструментов оценки качества жизни в умных городах стран ЕАЭС с учетом лучшего зарубежного и национального опыта. Кроме того, сегодня обсуждаются возможности гармонизации стандартов умного города

(перечней обязательных и дополнительных показателей цифровизации городской среды) между странами БРИКС, возможности масштабирования инструментов оценочных инструментов, в том числе Индекса качества жизни в городах, разработанного ВЭБ.РФ, на страны этого объединения [14].

Библиографические ссылки

1. Москва – умный город 2030 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf. Дата доступа: 25.10.2023.

2. Умный город [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiasmartcity.ru/>. Дата доступа: 25.10.2023.

3. Делийская декларация лидеров «Группы двадцати» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903711/. Дата доступа: 25.10.2023.

4. Умная нация, или чем интересен опыт цифровой трансформации Сингапура? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/cdtocenter/articles/530154/>. Дата доступа: 25.10.2023.

5. Нетесова М. В. Smart Society: подходы и интерпретация [Электронный ресурс] // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-society-podhody-i-interpretatsii/viewer>. Дата доступа: 25.10.2023.

6. ООН – Хабитат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unhabitat.org/knowledge/city-prosperity-initiative>. Дата доступа: 25.10.2023.

7. Москва стала лучшим мегаполисом мира по качеству жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/moskva-stala-luchshim-megapolisom-mira-po-kachestvu-zhizni>. Дата доступа: 25.10.2023.

8. Территориальный подход в достижении целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20190905/1558340896.html>. Дата доступа: 25.10.2023.

9. Индекс качества жизни в российских городах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://citylifeindex.ru/>. Дата доступа: 25.10.2023.

10. Индекс «IQ городов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. Дата доступа: 25.10.2023.

11. Индекс городской успешности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://daily.hse.ru/post/848>. Дата доступа: 25.10.2023.

12. Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/824629809.html>. Дата доступа: 25.10.2023.

13. Трофименко К. Ю., Дуничкин И. В. Единые евразийские стандартов для «умного» города и цифрового градостроительного развития // Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний. М.: ВШЭ, 2023. С. 116–129.

14. Индекс качества жизни в городах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://imbricsforum.com/about-forum/programme/>. Дата доступа: 25.10.2023.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: «ВЫЗОВЫ» И РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

И. Н. Колядко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kaliadka.bsu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации основных сфер современного социума под воздействием информационно-коммуникационных технологий и процессов цифровизации. Отмечается, что особенностью современной культуры, в том числе культуры мышления, является ее сегментация, фрагментарность, мозаичность. Автор обосновывает тезис, согласно которому феномен «мозаичности культуры» возникает и поддерживается за счет развития и внедрения практически во все сферы современного общества информационно-коммуникационных технологий. Помимо очевидных позитивных результатов процесса цифровизации, выявляются и анализируются те ее аспекты, которые затрагивают социально-антропологические основания культуры, становясь своего рода «вызовами» для человека и созданной им «второй природы». Значительное внимание в статье уделено рассмотрению тех уязвимых сторон процесса цифровизации, которые инициируют возникновение кризисов и нестабильности в развитии современных модернизирующихся социумов.

Ключевые слова: *социокультурные трансформации; информационно-коммуникативные технологии; цифровизация культуры; кризис; цифровая турбулентность; «мозаичная» культура.*

DIGITIZATION OF CULTURE: “CHALLENGES” AND RISKS OF MODERN MEDIA REALITY

I. N. Kolyadko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
kaliadka.bsu@gmail.com

Abstract. The article examines the features of the transformation of the main spheres of modern society under the influence of information and communication technologies and digitalization processes. It is noted that a feature of modern culture, including the culture of thinking, is its segmentation, fragmentation, mosaic. The author substantiates the thesis according to which the phenomenon of “mosaic culture” arises and is maintained through the development and implementation of information and communication technologies in almost all

spheres of modern society. In addition to the obvious positive results of the digitalization process, those aspects of it that affect the social anthropological foundations of culture are identified and analyzed, becoming a kind of “challenges” for humans and the “second nature” created by them. Considerable attention in the article is paid to the consideration of those vulnerable aspects of the digitalization process that initiate the emergence of crises and instability in the development of modern modernizing societies.

Keywords: *sociocultural transformations; information and communication technologies; digitalization of culture; a crisis; digital turbulence; "mosaic" culture.*

В условиях формирования нового типа общества – информационного – характер динамики современных модернизирующихся социумов существенно изменяется. Вектор процессов социокультурных трансформаций выстраивается в направлении конфронтации локальных социокультурных систем по вопросу о статусе культурной, этнонациональной, политической и цивилизационной субъектности в мировом геополитическом пространстве. Формирующееся глобальное коммуникационное пространство привносит практически в каждую культуру альтернативные образы «жизненного мира» и радикальным образом трансформирует устоявшиеся, традиционные модели мышления и поведения людей. Нередко это становится источником фрагментации отдельных социальных групп и общества в целом на большое количество слабо интегрированных групп, имеющих различные критерии и параметры культурной идентификации. Данный аспект позволяет говорить о том, что процессы формирования глобального коммуникационного пространства выступают в качестве одного из факторов глобального кризиса культуры, характеризующегося прежде всего деформацией ее базисных оснований. Ситуацию существенно усугубляют процессы перманентных социальных трансформаций, в результате которых под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий появляются новые формы индивидуальной и коллективной идентификации.

В структурах идентичности происходят значимые изменения, вызванные критическим состоянием культуры и человека в условиях деформации традиционных систем социокультурной регуляции [1, с. 65–70; 2, с. 198]. В своей концепции социодинамики культуры А. Моль трактует данный процесс более широко – как вытеснение под влиянием средств массовой коммуникации традиционной «гуманитарной» культуры прошлого современной «мозаичной» культурой [3, с. 44–46]. Мозаичность современной культуры состоит, согласно ученому, в том, что «она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного

подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)» [3, с. 45].

Таким образом, существенные изменения «экрана культуры», который в своей классической версии должен иметь рациональную, сетчатую структуру, уже сегодня, под влиянием стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, претерпел существенные изменения. «“Экран культуры”, – отмечает А. Моль, – сегодня уже не выглядит как упорядоченная сеть первостепенных и второстепенных признаков, похожая на паутину или ткань. Обрывки мыслей группируются по прихоти повседневной жизни, захлестывающей нас потоками информации, из которых мы фактически наугад выбираем отдельные сообщения. “Экран знаний” можно теперь скорее уподобить войлоку (смесь частиц знаний, обрывков смысла)» [3, с. 45–46].

Важно отметить, что в процессе формирования мировоззрения на современном этапе динамики культуры активную роль играют средства массовой информации, образующие глобальное коммуникационное пространство, что, на наш взгляд, способствует виртуализации реальности и ее трансформации в медиареальность. При этом в многократно увеличивающихся информационных потоках особую остроту приобретает проблема верификации информации и критериев ее оценки. Как отмечает в этой связи В. В. Миронов, «каждый из нас уже сталкивается с этим в пространстве Интернета, заполненном фейками, т. е. ложными медийными конструкциями, которые в ряде случаев весьма трудно отличить от истины, особенно на уровне массового восприятия. Это уже не просто оптическое искажение (как в притче Платона), а воплощение современного мира теней, воспринимаемого многими людьми как реальность, которая в связи с развитием технологий становится все более убедительной. И прав Платон, утверждая, что такое восприятие деформирует понимание истины. В современной медийной пещере оно еще более проблематизируется, так как хотя взгляд человека и остается направленным в одну сторону, однако вариативность образов (теней) значительно увеличилась. Платон дал блестящее описание последствий такой привязанности, суть которой состоит в том, что человек начинает принимать за истину ее имитацию или симуляцию» [4, с. 76].

Фрагментации подвергаются все сферы жизнедеятельности современного человека, а его идентичность становится все в большей степени подвижной и размытой. Стихийное развитие информационно-компьютерных технологий и средств коммуникации существенно трансформировали традиционные каналы социализации индивида, а также оказали необратимое влияние на канонические формы трансляции

ценностных императивов и мировоззренческих структур национальной культурной традиции. Опираясь на обоснованные выводы крупнейших социальных философов, анализирующих процессы перехода современных модернизирующихся обществ в новую фазу мировой истории, следует отметить, что в условиях современного – дивергентного – этапа глобализации на первый план выходит проблема формирования и сохранения культурно-цивилизационной идентичности локальных социокультурных систем.

Кризис базисных оснований культуры и связанный с ним процесс трансформации идентификационных матриц выступают сегодня ключевыми характеристиками социокультурного развития современных модернизирующихся и переходных социумов. В настоящее время есть все основания утверждать, что под определяющим влиянием технико-технологического прогресса существенно изменяются традиционные модели идентификации, возрастает угроза как деидентификации, так и плюрализации идентификационных стратегий. Появляется такой феномен, как виртуальная, или сетевая, идентичность; формируется основанная на постмодернистских принципах децентрации и ризомы многомерная, полиструктурная модель идентификации; происходит объективное усложнение обретения идентичности в условиях ценностно-нормативного плюрализма и мозаичных стратегий социализации. Данные обстоятельства и явления со всей очевидностью выражают, по справедливой оценке исследователей, как минимум противоречивость современного этапа социокультурного развития трансформирующихся социумов.

При этом в условиях цифровизации культуры возрастает роль символически конструируемых идентичностей, а «современные средства массовой информации, на которые мы зачастую вынуждены полагаться для того, чтобы получать представления о мире за пределами нашего непосредственного окружения, создают противоречивые картины реальности» [5, с. 270]. И в современной «мозаичной» культуре идентичности конструируются и проявляются, прежде всего, в коммуникативных актах, а с позиций радикальных версий социального конструкционизма «любая идентификация – это акт категоризации, приписывания себя к той или иной общности людей, находящейся в рамках определенного дискурса» [5, с. 106]. Поэтому одним из «вызовов» техногенной цивилизации и формирующейся благодаря информационно-коммуникационным технологиям медиареальности выступает то, что «в рамках этой цивилизации проективно-конструктивная установка отношении природы, общества и человека становится доминирующей» [6, с. 177], что, в свою очередь, может привести к тому, что человек нередко становится объектом применения к нему различного рода манипулятивных технологий,

«превращая человека в запрограммированного робота, в куклу, управляемую извне» [6, с. 180]. При всей возможной конструктивной роли современных технологий и возможностях их эффективного использования в коммуникации, образовании, науке, медицине и иных сферах, «вызовы» и риски, которые они инициируют, становятся реальной угрозой для сохранения идентичности самого человека и его «жизненного мира», поскольку технологические воздействия на глубинные структуры его сознания приводят к деформациям значимых социально-антропологических паттернов.

Таким образом, следует отметить, что процесс цифровизация культуры, результатом которого становится формирование единого коммуникационного пространства и трансформация реальности в медиареальность выступает одним из ключевых факторов социокультурного развития современных обществ, в том числе переходных и модернизирующихся. Влиянию информационно-коммуникационных технологий подвергаются практически все стороны жизни общества, отдельного человека, а воздействие на структурообразующие компоненты культуры несет не только неоспоримые блага, делая жизнь человека более комфортной и, возможно, безопасной, но и инициирует возникновение кризиса идентичности и ставит ряд мировоззренческих проблем, связанных с появлением феномена современной «мозаичной» культуры и возрастанием роли медиареальности в конструировании идентичности субъекта. В такой ситуации роль философии в оценке, осмыслении и интерпретации происходящих изменений становится определяющей, поскольку именно философия имеет важную нормативную составляющую, определяя и конструируя возможные будущие состояния культурной и человеческой реальности, ориентированной на сохранение и воспроизводство подлинно человеческой идентичности и субъектности в условиях цифровизации.

Библиографические ссылки

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 324 с.
2. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / науч. ред. И. Я. Левяш. Минск: Беларус. навука, 2015. 536 с.
3. Моль, А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. Изд. 3-е. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 404 с.
4. Миронов, В. В. Платон и современная пещера bid-data // Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 62–83.

5. Труфанова, Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ Реабилитация, 2018. 320 с.

6. Лекторский, В. А. Социальные технологии и человек // Философия, познание, культура. М.: Канон+ Реабилитация, 2012. 384 с.

УНИВЕРСИТЕТ И ГОРОД: ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. С. Комаровская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Anastasha@tut.by

Аннотация. В статье представлен анализ взаимодействия города и университета в современных социальных условиях. Показано, что университет наделяется сегодня рядом характеристик, которые видоизменяют классический образ высшего учебного заведения, влияют на формирование цели и миссии университета. Обосновывается преимущественно экономический характер взаимодействия университета и города, как социально-экономических систем.

Ключевые слова: *город; университет; символический статус города; социально-экономическая система; Белорусский государственный университет; Минск.*

UNIVERSITY AND CITY: PRINCIPLES OF INTERACTION

A. S. Kamarouskaya

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
Anastasha@tut.by

Abstract. The article analyses the interaction between the city and the university in modern social conditions. It is shown that the university is endowed today with a number of characteristics that modify the classical image of a higher education institution and influence the formation of the purpose and mission of the university. The article substantiates the predominantly economic nature of interaction between the university and the city as social and economic systems.

Keywords: *city; university; symbolic status of the city; social and economic system; Belarusian State University; Minsk.*

В мировой практике университет является ключевым элементом современного города, частью его символического капитала. Зачастую город становится узнаваемым именно благодаря расположению в нем университета, как, например, Кембридж в Англии или Стэнфорд в США. Безусловно, здесь стоит учитывать специфику концепта университета, исторически формирующегося в Европе и США, который во многом определяет характер взаимодействия города и университета. Многие

университеты Европы являются своего рода градообразующими началами, то есть фактически мы имеем дело с городом при университете, где основная инфраструктура города, коммуникации и экономические задачи связаны прежде всего с функционированием университета. Для постсоветского пространства такая линия взаимодействия города и университета все еще не характерна. Опять же, это связано с исторически обусловленными причинами появления и развития городов, уровнем урбанизации региона, экономическими приоритетами городов, стран и причинами появления университетов. На территориях постсоветских стран большинство университетов, как и в Европе, относятся к категории городских, однако символический и функциональный статус университетов различен.

Так, символический статус белорусского университета наглядно демонстрирует история образования Белорусского государственного университета. Путь к университету белорусов лежал через национальное государственное строительство, отстаивание своих границ и уникальных культурных особенностей. Проект первого университета обсуждался на Всебелорусском съезде в 1917 году вместе с проектом белорусской государственности. По существу, стало понятно, что государство и университет будут носителями одних идей. В силу ряда объективных причин только 11 июля 1921 года состоялось торжественное открытие Белорусского государственного университета, а 30 октября 1921 года – начало занятий.

Смысл Первого университета заключался в обеспечении государства высококвалифицированными кадрами, продвижении государственной политики, солидаризации, научном сопровождении и разработке идей, лежавших в основании концепта новой молодой республики. Первый университет стал символом возрождения нации, символом общественного прогресса и процветания, местом формирования поколения белорусов, на чьи плечи ляжет управление государством.

Сегодня, по прошествии более ста лет, во время которых происходили кардинальные государственные преобразования, Белорусский государственный университет, находясь под влиянием глобальных процессов, все еще остается крупнейшим научным центром Республики Беларусь. Однако, университет стал привычным атрибутом массового общества. Ценность высшего образования приобрела новые границы – экономические. Потому и символический статус университета сегодня связан с его предпринимательскими способностями больше, чем возможностями подготовки кадров.

Функциональный статус университета отображает его положение в стране, области, городе; фиксирует эффективность деятельности высшего учебного заведения и экономическую целесообразность его сохранения и

развития. Речь идет о возможностях самого университета встраиваться в новую экономику знаний; развивать конкурентоспособность на рынке образовательных услуг внутри страны и на международной арене; прояснять и актуализировать миссию университета; наращивать скорость реагирования на запросы общества; формировать имидж университета и управлять им. Речь идет о качестве самопрезентации, о внутренней корпоративной консолидации и наличии общеуниверситетской цели, о ее соответствии цели государства, о готовности к внутренним трансформациям и переходу на новый уровень организации в формате социально-экономической системы. Это далеко не полный перечень критериев, отображающих реальный функционал современного университета и демонстрирующий его жизненный потенциал.

Характеристика университета как социально-экономической системы требует корректировки понимания основных принципов взаимодействия университета и локации его физического существования, чаще всего – города.

Дать определение понятия «город» крайне сложно, существует огромное количество подходов к пониманию, где за основу берутся различные критерии: начиная от плотности населения на определенной территории до обладания городом соответствующего юридического статуса. Наиболее оправданным сегодня является системный подход к определению города, в соответствии с которым город понимается как открытая, сложная, многофункциональная социально-экономическая система. Исходя из этого определения, отметим, что взаимодействие города и университета может быть представлено как взаимодействие двух социально-экономических систем, каждая из которых выстраивает комплексные, преимущественно экономические, отношения с хозяйствующими субъектами, органами государственной власти и потребителями товаров и услуг.

Опять же, на примере Белорусского государственного университета видны изменения параметров организации и функционирования учреждений высшего образования. Белорусский государственный университет стремительно преобразовывается в университет предпринимательского типа. Помимо структурных изменений – обновления программ в соответствии с запросами рынка образовательных услуг, внедрения рейтинговой системы оценки качества образовательных услуг, интернационализации показателей качества образовательных услуг, создания единого информационного пространства университета – происходит видоизменение и содержательных моментов процесса образования, в центре которого сегодня находится студент, как основной потребитель образовательных услуг.

Обозначу, что у автора нет цели анализа университета как социально-экономической системы, по этой причине в рамках данной статьи не представлены риски и негативные аспекты функционирования университета как автономной хозяйственной организации. Отмечу лишь, что эта тема детально представлена в работах М. Вебера, Т. Парсонса и Т. Веблена.

Белорусский государственный университет все решительнее предоставляет своим сотрудникам и студентам возможность коммерциализировать результаты исследовательской деятельности через взаимодействие с республиканскими и городскими властями и закрепиться в качестве профессионалов в государственных организациях. Университет становится одним из экономических кластеров Республики Беларусь, и город активно реагирует на такие преобразования соответствующими действиями по модернизации и совершенствованию городской среды. Так, например, в Минске постепенно изменяется инфраструктура города, особенно в «университетских» районах: транспортное сообщение, пространство проживания, места отдыха и досуга студенческого сообщества органично встраиваются в структуру городской территории, становятся более доступными и комфортными в использовании. Столица Республики Беларусь и центр экономического развития государства постоянно преобразует городскую среду, делая ее все более привлекательной, – удобной, безопасной, благоприятной, – для проживания, а значит и эффективной для привлечения студентов и высококвалифицированных специалистов в университет.

Взаимодействие города и университета как социально-экономических систем выстраивается по принципу взаимовыгодных экономических отношений, являясь одним из ключевых вопросов как городского, так и университетского развития. Более того, успешные результаты такого взаимодействия лежат в основе эффективного (работающего) имидж-проекта не только города и университета, но государства.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; под общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
3. Veblen T. The Theory of Leisure Class, An Economic Study of Institutions. Prometheus, 1998. 404 p.

УСПЕШНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Н. Н. Красовская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
KrasovskayaNN@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптации как важного показателя эффективности профессионального обучения людей с особенностями. Рассмотрена необходимость создания благоприятных условий не только для получения образования лицами с ограниченными возможностями, но и для их успешной социальной адаптации и интеграции в общество.

Ключевые слова: *люди с ограниченными возможностями; доступность профессионального образования; успешная адаптация; интеграция в образовательное пространство.*

SUCCESSFUL ADAPTATION AS AN IMPORTANT CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF VOCATIONAL EDUCATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES

N. N. Krasovskaya

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
KrasovskayaNN@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of adaptation as an important indicator of the effectiveness of vocational education for people with special needs. The need to create favorable conditions not only for persons with disabilities to receive education, but also for their successful social adaptation and integration into society is considered.

Keywords: *people with disabilities; accessibility of vocational education; successful adaptation; integration into the educational space.*

Постоянный рост числа людей с ограниченными возможностями требует, с одной стороны, углубленного внимания к каждому человеку, независимо от его физических, психических, интеллектуальных способностей, с другой – совершенствования представлений о ценности личности и необходимости защиты ее интересов. Суть проблемы

инвалидности заключается, прежде всего, в неравенстве возможностей при провозглашенном равенстве прав, что и определяет важность социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями и помощи в реализации их неотъемлемых прав.

Такой принципиально новый взгляд на проблему инвалидности связан, прежде всего, с переходом во второй половине XX века в общественном сознании от «культуры полезности» к «культуре достоинства». Человек с ограниченными возможностями стал рассматриваться, независимо от его способностей и полезности для общества, как объект социальной помощи и попечения, направленных на создание условий для максимально возможной самореализации и социальной интеграции в общество [1, с. 40].

На современном этапе развития общества такой подход является одним из приоритетных в социальной политике государства. Актуальность проблемы определяется наличием в социальной структуре общества значительного числа лиц с признаками инвалидности.

Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, более 1 миллиарда людей (что составляет около 15 процентов населения планеты) имеют ту или иную форму инвалидности [3]. При этом в мире насчитывается 240 миллионов детей-инвалидов [5].

В Беларуси на сегодняшний день свыше 570 тысяч человек имеют инвалидность – это 6 % от всего населения страны [2]. При том с возрастом увеличивается количество детей с различными ограничениями и не все они способны получить образование, работать, обеспечивать себя самостоятельно, тем самым оставаясь зависимыми от общества.

Сегодня очень важно оказывать содействие включению людей с особенностями в различные социальные институты, чтобы позволить им чувствовать себя нужными и полезными обществу. В процессе социализации человек с ограниченными возможностями обогащается социальным опытом, индивидуализируется, становится личностью, приобретает возможность и умение быть не только объектом, но и субъектом социальных воздействий.

Важным направлением деятельности по поддержке людей с ограниченными возможностями является приобщение их к труду, предоставление им возможности выбрать профессию, соответствующую как их склонностям и способностям, так и индивидуальным особенностям.

Возможность получения профессионального образования и дальнейшего трудоустройства не только способствует всестороннему развитию людей с особенностями, но также является важнейшим аспектом их социальной и профессиональной реабилитации, возвращения в социум и нормального функционирования в обществе. Профессиональное обучение людей с ограничениями в специально созданных условиях является важным

фактором, способствующим компенсации и восстановлению их трудоспособности, улучшению морального состояния, что положительно сказывается на их активной жизнедеятельности.

Необходимо также не создавать условия для обучения инвалидов в специализированных учреждениях, а развивать практику их обучения в обычных учебных заведениях, рядом со здоровыми людьми. Интегрированное обучение положительно влияет на социализацию обучающихся-инвалидов, создает условия для их наиболее успешной социальной адаптации [4, с. 161]. Исходя из этого, основной целью современного образования является создание благоприятных адаптивных условий для получения образования лицами с ограниченными возможностями, их успешной социальной адаптации и интеграции в общество.

Именно адаптация выступает важным критерием оценки рационального профессионального образования, успешности овладения будущей профессией или специальностью.

Адаптация – это активный процесс, в ходе которого у человека развиваются как адаптивные формы поведения в сфере образования и общения, так и формы активного участия в общественной жизни. Процесс адаптации личности всегда происходит, когда человек вступает в длительное, стабильное взаимодействие с новым социальным окружением.

Адаптация к процессу профессионального обучения – это сложный, динамичный, многоуровневый и многосторонний процесс перестройки потребностно-мотивационной сферы, имеющихся навыков, умений и привычек в соответствии с новыми задачами, целями, перспективами и условиями их реализации. Значительная часть адаптивных ситуаций возникает в результате изменения условий обучения.

Адаптация к профессиональному обучению, будучи системным образованием, включает в себя психофизиологическую, профессиональную, социально-психологическую составляющие.

Процесс адаптации к условиям профессионального обучения достаточно сложен и продолжителен. Он проявляется в определенных сдвигах физиологических систем организма, степень направленности которых характеризует физиологическую особенность приспособления к условиям учебных и производственных нагрузок. Достигнутый адаптационный эффект определяется совокупностью биологических свойств организма и факторами учебно-производственного процесса. Таким образом, комплекс учебно-производственных факторов взаимодействует с *физиологическими системами организма*, вызывая формирование целостной адаптивной реакции. Комплекс биологических свойств: состояние здоровья,

биологическая зрелость, индивидуально-типологические свойства высшей нервной деятельности, уровень развития профессионально значимых функций – является тем базисом, который обеспечивает должный уровень саморегуляции и формирование образующейся в процессе профессионального обучения функциональной системы необходимой структуры, а также определяет степень ее устойчивости к воздействию учебно-производственных факторов.

При *профессиональной составляющей* адаптации на первый план выходит удовлетворенность будущей профессией. Это связано с тем, что желание получить профессию и работать по специальности у людей с ограниченными возможностями неустойчиво, оно может исчезнуть при неблагоприятных внешних воздействиях. Субъективный фактор здесь приобретает особенно важное значение.

Социально-психологическая адаптация – это приспособление к методам организации и управления профессиональным обучением, вовлеченность в социально-психологические взаимоотношения внутри учебного коллектива, активность в решении возникающих вопросов.

Адаптация на социально-психологическом уровне приобретает двусторонний характер: с одной стороны, она предполагает изменение физиологических и социальных функций, необходимых для удовлетворения требований окружающей среды; с другой стороны, окружающая среда также изменяется в соответствии с требованиями организма.

В процессе адаптации к профессиональному обучению важную роль играют такие личностные свойства, как эмоциональная устойчивость, высокий уровень самоконтроля, спокойствие, доверчивость и рациональный комфорт. Решающим условием социально-психологической адаптации является чувство принадлежности к коллективу, которое выражается в удовлетворенности своим положением в нем и своей учебой, взаимоотношениями между обучающимися, преподавателями и коллективом в целом. Человек с ограничениями сталкивается с рядом препятствий различного свойства, он зависим и нуждается в физической, материальной, моральной помощи со стороны окружающих. Все это сказывается на психике инвалида, он становится более уязвимым, менее устойчивым к стрессовым ситуациям.

Эффективность процесса вхождения в профессию определяется, с одной стороны, активным приобретением человеком профессиональных знаний, навыков и умений, а, с другой стороны, мотивами и установками на профессиональную деятельность, а также уровнем отождествления себя с окружающей средой. Адаптация к процессу профессионального обучения зависит от того, насколько важны для человека профессия, работа, успех,

какие требования он предъявляет к себе, профессиональной подготовке, будущему месту работы, как реагирует на неудачи и трудности в учебно-профессиональной деятельности.

Таким образом, оценка адаптационных возможностей к профессиональному обучению людей с особенностями на основе углубленного клинико-функционального, психологического и психофизиологического обследования, анализа социальных и педагогических факторов позволит более точно определить доступные профессии и формы обучения и спрогнозировать успешность адаптации к выбранной профессиональной деятельности.

Для того, чтобы оптимизировать процесс адаптации молодых людей с ограниченными возможностями к профессиональному обучению, необходимо соблюдать следующие принципы:

- соответствие учебной, производственной и рабочей нагрузки возможностям организма;

- соответствие индивидуально-типологических и биологических свойств организма требованиям, которые предъявляет к ним конкретная профессия;

- направление на профессиональное обучение по результатам медико-профессионального консультирования с учетом возраста, состояния здоровья, индивидуальных психологических и физиологических особенностей;

- организация учебной и производственной деятельности лиц с ограниченными возможностями с учетом необходимости наполнения ее реабилитационным содержанием, включающим как медицинский аспект, так и формирование деловых и коммуникативных навыков, психологической, профессиональной и социальной компетентности;

- систематический контроль адаптации в процессе профессионального обучения для своевременной коррекции проявлений дезадаптации мерами медицинской, психолого-педагогической и социальной реабилитации.

Все это будет способствовать не только улучшению состояния организма, показателей психического и физического развития обучающихся, снижению заболеваемости, но и профилактике проявлений психофизиологической и социальной дезадаптации; формированию профессиональной пригодности и конкурентоспособности лиц с ограниченными возможностями в современных условиях. От этого зависит, смогут ли они стать равноправными членами общества, успешно включиться в нормальную жизнь и социальную среду.

Библиографические ссылки

1. Красовская Н. Н. Опыт социального обслуживания инвалидов за рубежом // Личность – Слово – Социум: Материалы VIII науч.-практ. конф., Минск, апрель 2008 г. / Ин-т современных знаний. Минск, 2008. С. 40–44.
2. В 2023 году появятся квоты на рабочие места для людей с инвалидностью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20191015/1571160414-v-2023-godu-poyavyatsya-kvoty-na-rabochie-mesta-dlya-lyudey-s-invalidnostyu>. Дата доступа: 20.10.2023.
3. ВОЗ: Более 1 млрд. человек в мире имеют ту или иную форму инвалидности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/воз-более-1-млрд-человек-в-мире-имеют-ту-или-иную-форму-инвалидности/2436577>. Дата доступа: 20.10.2023.
4. Красовская Н. Н. Доступная образовательная среда для людей с особенностями: проблемы и перспективы развития // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы Междун. научно-практ. конф., Минск, 25–26 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-881-234-8. С. 160–164.
5. ООН: в мире 240 миллионов детей-инвалидов – намного больше, чем предполагалось ранее [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413572>. Дата доступа: 20.10.2023.

БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О. Г. Ксёнда

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
olgaksionda@gmail.com

Аннотация. Благополучие студентов в условиях современной городской реальности связано с особенностями жизни города, местом рождения и проживания студентов до их поступления в вуз. Их субъективное восприятие благополучия включает такие сферы, как безопасность, условия проживания, транспорт и передвижение, доступность продуктов питания, медицинское обслуживание, коммуникация, эмоциональное самочувствие, свобода и самовыражение. Студенты – жители столицы хуже воспринимают свое благополучие в сфере «свобода и самовыражение», так как проживают с родителями и вынуждены следовать их требованиям к поведению, внешнему виду, а студенты – жители провинции ниже оценивают сферы «условия проживания» и «коммуникация», что связано с проживанием вне дома и ослаблением связей с родными. В целом, собственное благополучие студенты оценивают достаточно высоко.

Ключевые слова: *студенты; благополучие; субъективное восприятие; городская реальность.*

WELL-BEING OF STUDENTS IN MODERN URBAN REALITY

O. G. Ksionda

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
olgaksionda@gmail.com

Abstract. The well-being of students in the conditions of modern urban reality is associated with the characteristics of city life, the place of birth and residence of students before they enter the university. Their subjective perception of well-being includes the following areas: safety, living conditions, transport and mobility, food availability, health care, communication, emotional well-being, freedom and self-expression. Students – residents of the capital, perceive their well-being worse in the sphere of “freedom and self-expression”, since they live with their parents and are forced to follow their requirements for behavior and appearance, and students – residents of the province evaluate the spheres of “living conditions” and “communication” worse, which is associated with living away from home and weakening ties with family. In general, students rate their own well-being quite highly.

Keywords: *students; well-being; subjective perception; urban reality.*

Современная реальность оказывает множество положительных и отрицательных воздействий на человека. Последние часто связывают с политическими, экономическими, социальными и нравственными трансформациями общества. Изменения в пространстве существования человека вызывают разный психологический отклик, который сказывается на благополучии личности в разных ее аспектах: психологическом, социальном, правовом, медицинском, педагогическом. О том, насколько важна и интересна эта тема для молодежи, можно судить по материалам студенческой научно-практической конференции «Социальное благополучие человека в условиях новой общественной реальности», состоявшейся в Перми в 2022 году [1]. Студенты пытались осмыслить происходящие изменения и их влияние на благополучие человека в сфере семейных, детско-родительских отношений, в области безопасности, образования, существования в цифровой среде. Мы бы также отнесли к важным аспектам жизни студента его пребывание в условиях городской реальности, так как большая часть обучающихся приезжает в большой город для получения высшего образования из провинции, сельской местности. Молодые люди оказываются в непривычной для них среде с другими темпами жизни и способами существования.

О городской ментальности как особом феномене ученые заговорили уже давно [2]. Для ментальности больших городов характерно усиление эмоциональной холодности и отчужденности. Кроме того, с увеличением размеров города увеличивается «жесткость» исполнения социальных норм. Жители больших городов более дисциплинированы в силу вынужденной необходимости соблюдать общепринятые правила. Такие условия не всегда позитивны для восприятия студентов родом из провинции. Они атрибутируют городскую холодность как равнодушие, неискренность и отсутствие поддержки. При этом используются стереотипные речевые клише: «никто никого не знает», «соседи не знакомы», «никому ты не интересен». Безусловно, эти позиции расходятся с нормами жизни в маленьких городах и в сельской местности, где большинство жителей знакомы друг с другом через семейные и дружеские связи, образовательные учреждения, места работы. Отсюда и возможность быстро получить какую-либо помощь (интересный пример из беседы со студентами: *«Мои родители живут в городе М... Мама там родилась, училась, после института все время живет. А отец из другого города. Мой папа строитель. И вот как-то возник у них на стройке затык: нечем срочно снять большой пласт земли. Пришел домой расстроенный. А мама сказала, что эта проблема легко решаема. И папа подшутил над мамой, что она по звонку*

может через час бульдозер организовать. И вот мама берет телефон, делает звонок, пять минут разговаривает, потом кладет трубку и говорит отцу: «Завтра в 9.30 жди, бульдозер придет» (стиль автора сохранен).

Серьезное влияние оказывают на благополучие студентов и социальные стереотипы как схематичные суждения и оценки явлений и свойств, основанные на субъективном опыте, общении с другими людьми и неких обобщенных суждениях, распространенных в обществе [3].

Стереотипы о реалиях городской жизни у современных студентов, по результатам бесед, проведенных с юношами и девушками 19–20 лет (123 человека) в большей степени отражают темп городской жизни:

- «все куда-то бегут» (56,9 %);
- «очень быстро ходят» (45,5 %);
- «очень быстро надо передвигаться, иначе никуда не успеешь» (39 %).

Кроме того, по мнению студентов из провинции (68 человек), для столичных жителей характерны определенные особенности отношений:

- «им некогда общаться с семьей» (57,4 %);
- «им трудно встретиться с друзьями, все заняты или далеко живут» (51,5 %);
- «им проще по соцсетям общаться, чем в реальности» (35,3 %).

Иногда в своих высказываниях студенты отмечали, что семья для городских жителей уже не так важна. Вместе с тем, семья всегда в приоритетных ценностях у молодежи [4; 5], только создание собственной семьи в городе отодвигается на более поздний срок, в то время как в провинции этот сдвиг пока не выражен так сильно.

Описывая социально-психологический портрет современной молодежи [6], ученые отмечают, что для когнитивной сферы «характерны высокий уровень развития социальных навыков в рамках виртуальной коммуникации и социальных сетей, однако в реальности в целом они социально дезадаптивны» [6, с. 7]. По мнению авторов, молодежь хоть и выглядит как коммуникабельная и контактная, но общение ею выбирается скорее опосредованное – через социальные сети. Молодые люди склонны скорее к индивидуализму, им важно выразить свою точку зрения и обозначить свое место в мире.

В процессе бесед со студентами мы также попытались выявить с помощью метода шкалирования их субъективное представление о собственном благополучии в условиях городской среды. При помощи метода фокус-группы были выделены для оценки следующие шкалы: безопасность, условия проживания, транспорт и передвижение, доступность продуктов питания, медицинское обслуживание, коммуникация, эмоциональное самочувствие, свобода и самовыражение (шкалы были сформулированы на

основе пирамиды А. Маслоу, оценки варьировались от 1 (неблагополучие) до 10 (благополучие)).

Студенты – жители столицы (55 человек) оценивали благополучие следующим образом (средний балл по всем шкалам – 7):

1. безопасность – 7 баллов,
2. условия проживания – 8 баллов,
3. транспорт и передвижение – 5 баллов,
4. доступность продуктов питания – 9 баллов,
5. медицинское обслуживание – 7 баллов,
6. коммуникация – 10 баллов,
7. эмоциональное самочувствие – 5 баллов,
8. свобода и самовыражение – 5 баллов.

Студенты – жители провинции (68 человек) оценивали благополучие так (средний балл по всем шкалам – 6,75):

1. безопасность – 6 баллов,
2. условия проживания – 4 балла,
3. транспорт и передвижение – 5 баллов,
4. доступность продуктов питания – 9 баллов,
5. медицинское обслуживание – 9 баллов,
6. коммуникация – 7 баллов,
7. эмоциональное самочувствие – 5 баллов,
8. свобода и самовыражение – 9 баллов.

Как видим, существенные (статистически значимые по критерию X^2) различия наблюдаются в субъективном ощущении благополучия по шкалам: условия проживания (что достаточно объяснимо, так как студенты-минчане живут дома, а условия любого общежития с домашними не сравнимы), свобода и самовыражение (тоже вполне понятно: студенты-минчане часто живут с родителями и вынуждены следовать их требованиям к поведению, внешнему виду, а студенты из провинции получают свободу от родительского контроля, что и выразили в процессе исследования).

Шкала «коммуникация» оценивается жителями столицы в 10 баллов, жителями провинции – в 7 баллов, статистически эти различия на уровне тенденции. Можно предположить, что данный феномен связан с особенностями жизни в маленьких городах и селе, поэтому студентам не хватает некоторой теплоты и откровенности.

М. С. Безбогова и М. В. Ионцева отмечали, что у современной молодежи «аффективная сфера развита достаточно сильно: молодежь эмоционально открыта и контактна, однако в целом, акцентирована на самости, что может быть, как результатом неуверенности в себе и в жизни, так и влиянием информационной среды. Развитое чувство уникальности и неповторимости

является следствием увеличения возможностей для самовыражения и самопрезентации, однако при этом количество и качество людей, с которыми индивид себя сравнивает, возросло в разы, что, в свою очередь, причиной развития комплекса неполноценности или неуверенности в себе. При взаимодействии с другими людьми исходят из достаточно эгоистичных и эгоцентричных позиций, при конфликтах предпочитают стратегию ухода, поскольку имеют сложности нахождения компромиссных решений при общении с другими людьми» [6]. Наши выводы несколько отличаются от этого суждения, так как студенты часто указывали альтруистические причины взаимодействия с другими людьми, отмечали, что именно поддержка других (сокурсников, друзей, родных, посторонних людей в специфических ситуациях) дает возможность чувствовать себя благополучно.

В целом, собственное благополучие студенты оценивают достаточно высоко (6,75 – 7 баллов из 10), объясняя это тем, что в городе (столице) гораздо больше возможностей для развития, обучения, отдыха. Решение возникающих проблем дается быстрее (больше обслуживающих субъектов), а негативные переживания и ощущения можно обсудить с теми, кто рядом (друзьями, родными).

Библиографические ссылки

1. Социальное благополучие человека в условиях новой общественной реальности. Сборник материалов XIV студенческой научно-практической конференции / под общ. ред. З. П. Замираевой, Т. А. Топеха, М. И. Григорьевой. Пермь: ПГНИУ, 2022. 279 с.
2. Иванова Т. В. Социально-психологические проблемы городской ментальности. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора психол. наук. Ярославль, 2004. 51 с.
3. Коноплицкая О. В. Социальный стереотип как составная когнитивного компонента социально-психологических установок // Problems of quality of knowledge and personal selfactualization in terms of social transformations Peer-reviewed materials digest. Collective monograph, published following the results of the XCVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Psychology and Educational sciences (London, February 12 – February 17, 2015). London: IASHE, 2015. P. 85–87.
4. Мухаметдинова А. Р., Полищук М. А. Место семьи в системе ценностей современной городской молодежи // Вестник удмуртского университета. 2022. Т. 6. Вып. 1. С. 42–52. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-42-52.
5. Король Н. В. Базовые ценности современных белорусских студентов // Актуальные проблемы социализации учащейся молодежи [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / под общ. ред. И. А. Фурманова. Минск: БГУ, 2013. С. 49–56. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/110687>. Дата доступа: 23.11.2023.

6. Безбогова М. С., Ионцева М. В. Социально-психологический портрет современной молодежи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Том 4. № 6. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf>. Дата доступа: 23.11.2023.

ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО МЕСТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. В. Купчинова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Kupchinova@yandex.ru

Аннотация. Обсуждается цифровая трансформация рабочего места, роль мобильных технологий. Мобильные технологии изменили ландшафт рабочего места, привели к размыванию границ между работой и не работой, между личным и рабочим временем. Это, в свою очередь, создает предпосылки для пересмотра традиционных форм и методов организации работы и рабочего пространства. Результат работы в большей степени определяется доступом к цифровым технологиям, возможностью быстрого реагирования на потребности, комментарии руководителя, клиента. Физическое присутствие на рабочем месте в отдельных сферах не является обязательным условием со стороны работодателя.

Ключевые слова: *мобильные технологии; цифровая трансформация; рабочее место; третье место; рабочее пространство.*

WORKPLACE ORGANIZATION PRACTICES IN THE CONTEXT OF MOBILE TECHNOLOGY DEVELOPMENT

T. V. Kupchynava

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
Kupchinova@yandex.ru

Abstract. This article explores some current transformations of the workplace, the role of mobile technologies. Mobile technologies have changed the landscape of the workplace, blurring the boundaries between work and non-work, between personal and working time. This, in turn, creates prerequisites for revising traditional forms and methods of organizing work and workspace. The result of work is determined to a greater extent by access to digital technologies, the ability to respond quickly to the needs, comments of the manager, the client. Physical presence at the workplace in certain areas is not a prerequisite on the part of the employer.

Keywords: mobile technologies, digital transformation, workplace, third place, workspace.

Развитие цифровых технологий в целом и мобильных в частности повлияли не только на выбор инструментов оптимизации бизнеса, но и на представления сотрудников и руководителей об организации рабочего пространства и места.

Цифровая трансформация рабочих мест помогает рационализировать организационные процессы, расширить взаимодействие персонала, клиентов, ускорить реагирование на любые изменения внешних и внутренних факторов. Это сложный процесс, на который влияет целый ряд факторов, включая технологический прогресс, меняющиеся представления о времени, ценностях. Трансформация рабочего места требует переоценки традиционных методов работы и интеграции людей, пространства и технологий для создания более гибкой коммуникативной среды [1].

Цифровая трансформация есть трансформация бизнеса, при этом «возможность цифровой трансформации связана не только с наличием определенных технологий, но также с обеспечением в компании соответствующей стратегии, способов организации рабочих групп и рабочих процессов» [2, с. 26].

Проблематизация роли мобильных технологий в цифровой трансформации осуществлена в коллективной монографии под редакцией Ферри Аболхасана [3]. Отмечается значимость не столько самих технологий, сколько эффектов (результатов), получаемых в ходе их использования во всех сферах жизни общества.

Что представляет собой современное рабочее место? Это не только цифровые технологии, яркие лозунги, корпоративные символы, которые преследуют сотрудника по всему офисному пространству. Современное рабочее место – это, в первую очередь, среда, которая способствует сотрудничеству, поддерживает баланс между работой и личной жизнью.

Трансформацию практик организации рабочего места под влиянием развития мобильных технологий можно проследить, исходя из существующего тренда – размывания границ между работой и общественными местами (концепт «третьего места»). Так, например, мы можем говорить о размывании границ между вторым местом – работой и третьим – общественным пространствам, способствующим формированию поддерживающей среды, развитию неформальных коммуникаций (кафе, рестораны, торгово-развлекательные центры и др.).

Идея трансформации рабочего места обсуждается Андреасом Виттелем в контексте его концепции сетевой социальности. Автор отмечает такую особенность как «ассимиляция игры и работы» и делает пояснение: «Чтобы работа лучше выполнялась, она должна развлекать». Последствиями такого представления о работе становятся игровая обстановка офисов, деловые

встречи в кафе; размывание границ между работой и личной жизнью, коллегами, друзьями, клиентами. Цель такой интеграции элементов игры в работу – достижение высоких результатов при выполнении профессиональных задач. Вместе с тем А. Виттель отмечает, что «ассимиляция работы и игры происходит в обоих направлениях. Не только игра вторгается в работу, но и работа вторгается в сферу игры» [4]. Такое размывание границ между личным и рабочим временем может привести, на наш взгляд, к быстрому эмоциональному выгоранию, к ощущению постоянной усталости, депрессии.

Наличие возможности работать вне офисного пространства обеспечивается с одной стороны, за счет коммуникационных возможностей разных локаций (наличие бесплатного Wi-Fi, розеток и др.), а с другой – изменением представлений работодателей относительно организации рабочего места своих сотрудников, форм и систем оплаты труда.

На первый взгляд, предоставление сотрудникам возможности самим выбирать локацию рабочего места кажется вполне прогрессивной идеей. Поисковые системы предлагают различные локации, которые позволяют выполнять работу удаленно, в формате, который вошел в практику организации деятельности компаний во время пандемии COVID-19 и по сей день используется как один из вариантов гибкой и альтернативной формы занятости. Главное – выполнить задачи, соблюдая дедлайн, в максимально комфортной среде. Такой подход помогает компаниям идти в ногу с меняющимся технологическим ландшафтом, создавая гибкую организацию, готовую к постоянным изменениям. Вместе с тем, компаниям не нужно инвестировать в оснащение рабочего места, заботиться о технике безопасности и т. д. В результате все эти функции перекладываются на владельцев кафе, ресторанов, где часто можно встретить посетителей, которые приходят в заведение не для развлечений и отдыха, а поработать. Фактически, третье место трансформируется в офис. Тогда возникает вопрос относительно источника получения дохода собственниками кафе, ресторанов: это должна быть плата за время пребывания в заведении, оказанные услуги в виде предоставления Wi-Fi, возможности зарядить девайсы или это плата только за напитки и еду? Отметим, что если для больших заведений это не является особой проблемой, то для маленьких кофеен – это, безусловно, проблема серьезная.

Примером «размывания границ» между местами может служить и строительство многофункциональных комплексов, совмещающих в себе жилые помещения, офисные пространства, места отдыха и занятия спортом. Такая концепция «work-life balance» особенно популярна в крупных мегаполисах. В г. Минске, например, так позиционирует себя комплекс

Minsk World. Отметим, что сама по себе концепция объединения жизни, работы и отдыха является примером рационального использования времени и пространства. Вместе с тем, в реальности должны совпасть как минимум две вещи: возможность приобрести (арендовать) жилье и расположение офиса компании-работодателя. Такая ситуация возможна, как правило, когда сама компания-работодатель предоставляет жилье и рабочее место своим сотрудникам в одном комплексе.

Таким образом, мобильные технологии расширили возможности для выбора рабочего места как со стороны сотрудника, так и работодателя. Среди возможных рисков отметим вероятность размывания границ между досугом и рабочим временем, опосредованность коммуникации, снижение уровня лояльности сотрудников.

Библиографические ссылки

1. Robertson K. Work transformation: integrating people, space and technology [Electronic resource] // Facilities. 2000. Vol. 18 No. 10/11/12. P. 376–382. Mode of access: <https://doi.org/10.1108/02632770010349600>. Date of access: 05.11.2023.

2. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: АльянсПринт, 2019. 368 с.

3. The Drivers of Digital Transformation. Why There's No Way Around the Cloud / ed. by F. Abolhassan. Berlin: Springer, 2017. 135 p.

4. Wittel A. Toward a network sociality [Electronic resource] // Theory, Culture & Society. 2001. Vol. 18. No. 6. P. 51–76. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/026327601018006003>. Date of access: 05.11.2023.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Е. В. Лебедева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
lebedevaev@bsu.by

Аннотация. В статье осуществлён социологический анализ городской среды как одного из ресурсов социальных преобразований и социального развития. На основе результатов социологического исследования показывается взаимосвязь между состоянием межличностной коммуникации горожан и патриотизмом, чувством ответственности за свой город, стремлением соблюдать существующие нормы и традиции.

Ключевые слова: *городская среда; урбанизация; социальное развитие; солидарность.*

URBAN ENVIRONMENT AS A RESOURCE FOR SOCIAL DEVELOPMENT

E. V. Lebedeva

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
lebedevaev@bsu.by

Abstract. The article provides a sociological analysis of the urban environment as one of the resources of social transformations and social development. Based on the results of a sociological study, the relationship between the state of interpersonal communication of citizens and patriotism, a sense of responsibility for their city, the desire to comply with existing norms and traditions is shown.

Keywords: *urban environment; urbanization; social development; solidarity.*

Термин «урбанизация» до недавнего времени трактовался как рост городов, увеличение численности городского населения, развитие городских производственных комплексов, а сам город рассматривался не более как функция в глобальной экономической системе. Однако в конце 1990-х – начале 2000-х годов представления об урбанизации значительно расширили своё предметное поле – в фокус эмпирического анализа попали такие темы, как городская политика, гражданское общество, «право на город», городские конфликты и городские социальные движения. Активно звучали вопросы о местном самоуправлении, роли локальных сообществ, низовых

инициативах [1]. Возможность исключительно централизованного управления процессами городского развития ставилась под сомнение [2]. В работах современных урбанистов также прослеживается мысль о том, что города не только приспособливают существующие структурные особенности общества к собственным (локальным) условиям, но и сами формируют социальные структуры. Если принять во внимание классическое определение города, предложенное Робертом Парком ещё в середине прошлого столетия: «город – состояние ума, набор обычаев и традиций, а также организованных установок и чувств, которые заложены в эти обычаи и предаются посредством этих традиций» [3, с. 1], то возникает вопрос – как такое изменение роли горожанина, трансформация ключевых паттернов городской жизни влияет на развитие общества в целом? Какое общество создаёт город?

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведённого в трёх белорусских городах (Минск, Гродно и Бобруйск) в январе-феврале 2022 года. Всего было опрошено 800 человек (400 в Минске, 250 в Гродно и 150 в Бобруйске). Опрос проводился на квотной выборке, квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Расчётная величина ошибки выборки не превысила 4,8 %. Вопросы анкеты раскрывали такие темы, как городской досуг, доверие горожан друг к другу, возможность участия в развитии города.

Ранее проводимые в этой сфере исследования показали взаимосвязь между состоянием соседской коммуникации и готовностью горожан участвовать в благоустройстве [4]. Чем лучше отношения между соседями, чем чаще они общаются друг с другом (в том числе в «соседских чатах»), тем активнее горожане вовлекаются в различные практики по благоустройству своего двора. Так, среди горожан, охарактеризовавших свои отношения с соседями как плохие, никто не участвовал в благоустройстве двора, а 45,5 % отметили, что не планируют делать это в ближайшем будущем. Среди тех, кто не общается в чате со своими соседями, каждый третий не планирует участвовать в благоустройстве, а среди тех, кто общается только каждый пятый. Следовательно, хорошие отношения между соседями благотворно влияют на мотивацию тратить собственные ресурсы на улучшение окружающей среды (как минимум, в границах собственного двора).

Возникает вопрос, можно ли масштабировать такие выводы на более значительные территории – квартала, района, всего города? Влияют ли доверительные отношения между горожанами на желание принимать активное участие в жизни города, влиять на управленческие решения, нести ответственность за состояние городской среды?

В середине 1970-х гг. французский социолог, теоретик неомарксизма Анри Лефевр предложил значимую для современной урбанистики идею

«производства пространства» [5]. Эмпирически участие индивидов в «производстве пространства» может быть выражено в *ощущении причастности к созданию городской среды*, понимании того, что внешний облик города зависит также и от горожан, желание сохранить городское наследие. В ходе опроса респондентам задавался вопрос о том, чувствуют ли они ответственность за благоустройство и привлекательность своего города. Из общего числа опрошенных только 46,3 % горожан ответили на этот вопрос положительно. Однако если взять ответы тех горожан, которые ощущают поддержку со стороны своих соседей в трудных жизненных ситуациях, то уровень ответственности повышается до 71,9 %. Из всех респондентов всего 48,6 % отметили ощущение гордости за свой город и желание передать это чувство своим детям. Но среди тех, кто чувствует поддержку со стороны своих соседей гордятся малой родиной и хотят передать любовь к ней по наследству уже 74,0 %. Из общего числа опрошенных 52,0 % уверены в том, что горожане могут объединиться для решения каких-либо общих проблем, а среди тех, кто ощущает поддержку со стороны своих соседей такая уверенность свойственна 77,0 % респондентов. Существует также взаимосвязь между уровнем доверия горожан друг к другу (на уровне соседских сообществ) и отношением к своему городу: те, кто доверяет соседям, чаще испытывают гордость за свой город, готовы брать на себя ответственность за его состояние. Среди горожан, доверяющих своим соседям, 57,9 % положительно относятся к своему родному городу и не настроены на переезд (для сравнения: среди тех, кто не доверяет соседям таких только 20,5 %).

Фактически, обнаруженные выше закономерности иллюстрируют несколько качественно различных процессов социального развития:

- формирование доверительных отношений;
- появление чувства внутригрупповой поддержки;
- преобразование пассивного горожанина в активного субъекта, готового к трансформации городской среды.

Сочетание всех трёх интегрирующих процессов и образует специфический городской габитус, то есть обеспечивает превращение среды обитания (*Habitat*) в специфическую социальную среду (*Habitus*).

Таким образом, наличие устойчивой доверительной соседской коммуникации оказывает непосредственное влияние и на чувство ответственности за свой город, и на готовность предпринимать какие-либо коллективные действия в случае возникновения трудностей, то есть запускает механизмы «производства пространства», или собственной логики городского развития. В свою очередь, для городских властей самоорганизация граждан – это «шанс на экономическую разгрузку и

стабилизацию существующих систем представительной демократии» [6, с. 37].

Такой симбиоз можно обозначить как *комплементарность города и государства как характерных пространственных форм современной эпохи* – государство юридически и экономически поддерживает существование своих городов, города, в свою очередь производят социальные ресурсы (доверие, солидарность, ответственность), необходимые для существования государства. При этом воспроизводство латентной структуры города (городского габитуса) означает воспроизводство структуры общества в целом.

Подводя итог, отметим, что город в современном понимании предоставляет пространство для процессов социального развития, следующих собственной логике, обусловленным как глобальными факторами, так и локальными особенностями конкретного места. Иными словами, в городе общество ощущается наглядно и может быть зафиксировано эмпирически (по аналогии с географической картой, на которой обозначены статистические особенности, свойственные для той или иной местности). Одним из ключевых элементов долгосрочного экономического роста, помимо действующих правовых институтов защиты частной собственности, отсутствия конфликта интересов в органах государственного управления, свободной торговли и пр., является солидарное общество как полноценный партнер по открытому диалогу с бизнесом и властью. И развитие городской среды на основе поддержания собственной логики (низовой городской самоорганизации, культурно-исторических особенностей, локального соотношения ресурсов и типичных жизненных практики) является первым шагом формирования такого общества.

Библиографические ссылки

1. Яницкий О. Н. Обоснование градостроительных решений в условиях гласности // Социологические исследования. 1988. № 4. С. 19–25.
2. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2017. 220 с.
3. Park E. R. On Social Control and Collective behavior. Chicago: UCP, 1967. 267 p.
4. Лебедева Е. В. Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2021. №4. С. 123–140.
5. Лефевр А. Производство пространства. М.: Srelka Press, 2015. 432 с.
6. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / под ред. М. Делленбо [и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ли Исюань

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
a345497435@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются коммуникативные стратегии продвижения социальной рекламы в условиях развития цифровых технологий. В качестве предмета статьи избрана стратегия дизайна социальной рекламы в условиях конвергентных медиа. Рассматриваются поведенческий, эмоциональный и ситуативный аспекты стратегии, приводятся примеры их применения в процессе институализации социальной рекламы. Обсуждаются преимущества и недостатки различных коммуникативных стратегий. Делается вывод о том, что интерактивность является важной характеристикой для динамичного развития социальной рекламы в условиях конвергенции медиа.

Ключевые слова: *социальная реклама; коммуникативные стратегии, конвергентные медиа; интерактивный дизайн.*

STUDY OF COMMUNICATIVE STRATEGIES FOR PROMOTING SOCIAL ADVERTISING IN THE CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGY ADVANCEMENTS

Li Yixuan

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
a345497435@gmail.com

Abstract. The article analyzes communicative strategies for promoting social advertising in the context of digital technology advancements. The article focuses on the strategy of designing social advertising in the environment of convergent media. It examines the behavioral, emotional, and situational aspects of this strategy, providing examples of their application in the institutionalization of social advertising. The advantages and disadvantages of different communicative strategies are discussed. The conclusion is drawn that interactivity is an essential characteristic for the dynamic development of social advertising in the context of media convergence.

Keywords: *social advertising; communicative strategies; convergent media; interactive design.*

В ходе совершенствования цифровых технологий развитие социальной рекламы выходит на новый уровень, так как обнаруживаются совершенно иные возможности для трансляции содержания передаваемого сообщения и вовлечения потребителей. Во второй половине XX в. происходят существенные изменения в процессах технологизации информационной сферы. Особое значение приобретает концепция слияния медиа, приводящего к появлению новых трендов в коммуникации. Концепция опирается на предположение о том, что в перспективе медиа не будут однородными, изолированными, линейными, а станут многообразными, взаимосвязанными, нелинейными. В процессе интеграции медиа будут меняться формы, функции, средства передачи сообщения, что приведет к созданию новых способов коммуникации. Очевидно, что данные ожидания полностью оправдались, и сегодня новые медиа являются реальностью. Их специфика определяется не только технической интеграцией, но и объединением медиа на уровне содержания и пользователя.

Преимущества слияния медиа включают следующие аспекты:

1. диверсификация форм: реклама теперь варьируется от текста до видео и тем самым становится более привлекательной;
2. разнообразие каналов: реклама может распространяться через телевидение, интернет и мобильные устройства;
3. инновации в контенте: используются новые методы, такие как нарратив и геймификация;

Тем не менее, имеются и следующие сложности:

1. информационная перегрузка: из-за множества источников пользователю сложно сосредоточить внимание с целью оптимального выбора;
2. пользователи хотят быть активнее в информационном процессе, что требует развития новых форм коммуникации;
3. персонализация: необходимо адаптировать рекламу, учитывая интересы как целевых групп, так и отдельных потребителей.

Эксперты отмечают, что для повышения эффективности рекламной коммуникации нужно постоянно совершенствовать дизайн рекламы, прибегая к новым форматам взаимодействия.

Исследователь Сунь Жао Лунь предлагает обратить внимание на такую характеристику коммуникации как интерактивность. Интерактивность – это взаимодействие и взаимовлияние передатчика и получателя информации, возникающее в результате обмена информацией и обратной связи [1, с. 106]. Интерактивность является важной особенностью дизайна социальной рекламы в среде слияния СМК, что может способствовать повышению

внимания и интереса пользователей к социальной рекламе, а также содействовать пониманию и запоминанию социальных посланий, стимулировать идентификацию и поддержку пользователей в их поиске ответа на острые вопросы [2, с. 15]. Автор считает, что стратегии дизайна социальной рекламы могут быть представлены тремя аспектами интерактивных операций: поведенческим, эмпатическим и ситуативным.

Поведенческое взаимодействие – это процесс передачи информации и получения обратной связи, который достигается путем установления различных способов взаимодействия между агентами коммуникации (адресантом и адресатом). Побуждение к взаимодействию может повысить внимание и интерес пользователей к социальной рекламе, способствовать пониманию и запоминанию информации социальной рекламы, стимулировать идентификацию и поддержку пользователей темы социальной рекламы [2, с. 16]. Поведенческое взаимодействие может быть реализовано в следующих трех измерениях: *оффлайн-измерение, онлайн-измерение, сочетание онлайн и оффлайн измерений*.

Оффлайн-измерение означает, что в процессе рекламной кампании, продвигающей идеи социальной рекламы, разработчиками используются различные интерактивные устройства. Например, интерактивное устройство для продвижения целей социальной рекламы по проблеме благотворительности и сбора пожертвований под названием «Сила монеты», разработанное фондом Misereor, выглядит как игровой автомат. Включение детей и подростков как пользователей в игровое действие позволяет игрокам более осознанно отнестись к идеям пожертвования и благотворительности, понять ценность доброты и милосердия. По сравнению с формальными способами сбора пожертвований, этот процесс включенности пользователей имеет эффект «немедленного результата». Этот способ взаимодействия делает акцию более доверительной. С помощью зрительного и тактильного стимулов обогащаются измерения восприятия благотворительности, усиливается сознательность участников – от просмотра информации о благотворительности к участию в распространении благотворительности, тем самым внимание к социальной рекламе и ее возможностям становится более осязаемым.

Онлайн-измерение означает, что социальная реклама устанавливает различные интерактивные платформы или функции в сетевом пространстве, привлекая пользователей к онлайн-действиям. Например, компания Tencent разработала социальную акцию «Пожертвовать мелочью». Суть акции заключается в том, чтобы пользователь добровольно внес свой денежный взнос в полезное и общественно-значимое дело (помощь беженцам, помощь детям и пр.). Максимальная сумма пожертвований в этой акции не превышает

0,99 юаня. После завершения акции пожертвования на экране появится маленький красный цветок в знак благодарности. В рамках примера показываются преимущества данного подхода: улучшение эффективности и результативности социальной рекламы. Недостатком этого подхода является то, что он может вызвать некоторое беспокойство у пользователей, особенно для тех, кто часто использует WeChat Pay в повседневной жизни. После того, как пользователь каждый раз после оплаты видит подсказку о необходимости пожертвования, у него может наступить отторжение этого действия, даже неприятие его, невзирая на то, что сумма пожертвования минимальна и доступна каждому пользователю.

Сочетание онлайн и оффлайн измерений означает, что социальная реклама связывает оффлайн и онлайн пространства, привлекая пользователей к междоменным действиям. Примером такого сочетания может служить социальный благотворительный проект «Лес муравьев». Это проект, запущенный Alipay в 2016 году с целью поощрить пользователей к участию в более активных действиях по защите лесов. Пользователей побуждают совершать определенные шаги, чтобы углубиться в проблему и осмыслить свои возможности.

«Лес муравьев» использует цифровые технологии для преобразования поведения в действия, в активности, а именно, пользователям предлагается «выращивать» деревья в виртуальном лесу. Такой способ активизации аудитории является своеобразным ответом на конкретные вызовы, которые характерны для некоторых пустынных районов Китая, а именно, в них отсутствуют зеленые насаждения, что является угрозой не только для животного и растительного мира, но и для человека. Разработчики проекта включают в контекст задач проекта и новые понятия, которыми руководствуется пользователь, к таковым относятся «зеленая экономика», «зеленое поведение» и др. Здесь под «зеленым поведением» подразумевается использование таких способов воздействия на природные ресурсы, которые бы минимизировали вред, наносимый при их эксплуатации. Поэтому в рамках проекта обращается внимание на возможности использования при перемещении общественного транспорта, а не личного автомобиля, при покупке товара – перерабатываемой упаковки, а не пластиковой и т. д. Тем самым пользователи учатся снижать негативное воздействие потребления на природные ресурсы. По данным Alipay, на 31 августа 2023 года количество пользователей, участников социального проекта «Лес муравьев», превысило 1 млрд. Участие в проекте стимулировало посадку и выращивание деревьев в пустынных районах Китая. Всего было выращено 660 млн деревьев, покрывающих землю более чем на 300 тысяч гектаров. Эти деревья, в основном, выращиваются в таких районах Китая как Внутренняя Монголия,

Ганьсу, Нинся, Синьцзян и т. д. По мнению экспертов, каждое посаженное дерево может уменьшить площадь опустынивания на 0,3 квадратных метра, каждый год может поглощать 2,4 килограмма углекислого газа и выделять 1,8 килограмма кислорода. Лесная растительность выполняет экологические функции, такие как предотвращение ветровой эрозии и укрепление песка, сохранение водных ресурсов, поддержание биологического разнообразия и т. д. Кроме того, она также предоставляет возможности для расширения занятости и увеличения доходов местного населения.

Эмпатическое взаимодействие – это процесс передачи информации, в результате которого пользователи учатся выражать свои эмоции и сопереживать участникам социальных проектов. Эмпатическое взаимодействие может повысить доверие и симпатию пользователей к социальной рекламе, способствовать восприятию и переживанию информации социальной рекламы, стимулировать внимание и поддержку пользователей [3, с. 72]. Эмпатические чувства, вызванные содержанием социальных слоганов, являются эффективным способом взаимодействия пользователей и разработчиков социальных продуктов. Например, интерактивное устройство социальной рекламы «Сила монеты», разработанное фондом Misereor, заставляет пользователя почувствовать трудности и желания африканских детей, тем самым вызывая у пользователя эмпатию и сострадание к детям.

Ситуативное взаимодействие – это процесс передачи и имитации информации, который достигается путем разработки различных интерактивных сценариев, включающих пользователей в конкретную ситуацию. Ситуативное взаимодействие может повысить осознание проблемы и усилить запоминаемость темы социальной рекламы, способствовать пониманию социальных посланий [4, с. 46]. Например, в социальном проекте «Лес муравьев» пользователям предлагается ситуация включенности, в рамках которой необходимо выполнить определенные правила, к примеру, полить деревья, найти поврежденные ростки, узнать какие виды деревьев подходят для данной территории и др.

Таким образом, коммуникативные стратегии продвижения социальной рекламы в условиях развития цифровых технологий являются перспективными для достижения новых целей в развитии информационного общества.

Библиографические ссылки

1. Сунь Жао Лунь. Стратегии интеграции социальной рекламы в условиях новых медиа // Молодой журналист. 2017. № 26. С. 105–106.
2. Жан И. Исследование дизайна интерактивной социальной рекламы в контексте

новых медиа // Искусство и технологии. 2018. Т. 31. № 7. С.15–16.

3. Жан Ши Тин. Исследование трансмедийного повествования телевизионной социальной рекламы с точки зрения экологической эстетики // Китайское телевидение. 2021. № 5. С. 71–75.

4. Сюн Цян. Исследование дизайна социальной рекламы на основе городского опыта // Инженерное дело в упаковке. 2018. Т. 39. № 10. С. 46–50.

DIGITAL ANTHROPOLOGY OF THE URBAN ENVIRONMENT

A. I. Loiko

Belarusian National Technical University
Nezavisimosti Ave. 65, 220113, Minsk, Republic of Belarus
loiko@bntu.by

Abstract. The reasons for the growing role of digital anthropology in the study of the urban environment, which is actively saturated with Internet technologies, are described. One of the manifestations of the new urban environment is digital traces that are of interest to sociologists and philosophers. In this subject field, digital anthropology interacts with visual anthropology and digital ethnography.

Keywords: *digital anthropology; urban environment; digital technologies; digital traces.*

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет
пр-т Независимости 65, 220113, Минск, Республика Беларусь
loiko@bntu.by

Аннотация. Описаны причины роста роли цифровой антропологии в изучении городской среды, которая активно насыщается интернет-технологиями. Одним из проявлений новой городской среды стали цифровые следы, которые интересуют социологов и философов. В данном предметном поле цифровая антропология взаимодействует с визуальной антропологией и цифровой этнографией.

Ключевые слова: *цифровая антропология, городская среда, цифровые технологии, цифровые следы.*

The subject of digital anthropology research has become urbanism [1]. Digitalization of space creates new qualities and dimensions of urban life. These are types of spaces, everyday practices, material objects and symbolic environment. The intensity and scale of penetration of digital technologies into city life have given rise to talk about digital routine and the digital unconscious of the modern city. Evidence of the introduction of technology into everyday life is its invisibility [2]. Technology is woven into everyday life and becomes indistinguishable.

Changes are determined by the introduction of digital code into various areas of everyday life. The phenomenon of digital logic creates unique objects and

spaces. Logical objects record and store traces of their own activities. They have the ability to self-adjust and self-renew. They are part of information database systems. Mobile phones, tablets and scoreboard information systems play a role. A digital archive of everyday life is automatically generated.

The creativity of users their ability to creatively adapt technology to their needs and cultural contexts form specific scenarios for the use of modern technologies that were not originally included in them.

The inclusion of digital technologies in public and everyday life occurs on the basis of existing institutions, social and cultural conventions, as well as rules of communication in various social groups.

As a result, the subject of digital anthropology is not only the parameters of the digital environment of physical spaces, but also the variety of interfaces and digital neural components with which the human brain is in constant contact. A special topic is digital ecosystems and metaverses [3]. They form a trend towards increasing the role of virtual and augmented reality in urban everyday life. This is not only an external digital network of the urban environment in the form of screens and displays, but also a tendency for the human nervous system to become as close as possible to the components of the hardware environment of possible worlds.

As a result, the subject of digital anthropology has become new digital technologies, virtual communities created by technology, and the impact of technology on everyday culture – language, communication, social structures and cultural identity. Collectively, they are social digital ecosystems [4].

The question of how to study virtual objects turned out to be important. Used concepts and methods developed in science. The subject of the study was social and cultural transformations caused by the spread of mobile devices, the Internet of things and digital technologies. The influence of new technologies on the human psyche and brain, on the manner and style of communication was studied. Telecommunications companies have become investors in research. As a result, groups of digital people were identified.

There is a large group of passive consumers who do not blog and do not have their own pages on social networks, but regularly go online. Shy users prefer regular mail and rarely use Internet services. Their opposite is the digital active users of Twitter and Flickr. They are constantly in touch. They regularly update their social media profiles.

The possibilities of professional activity and the accompanying threats have expanded. The new list of occupations included web designers, hackers and spammers, bloggers and copywriters, website administrators and system administrators. As a result, the subject areas of the anthropology of professions have expanded. Anthropologists have become interested in the formation of

professional communities and identities and the practices associated with them. Many offline professions have changed. The use of keyboards and interfaces has been found to change the nature of human communication.

Strange algorithmic languages and new written traditions emerged. Communities of lovers of new genres of cybernetic poetry emerged [5]. Topics include digital technologies and the body, comparative studies of social networks, virtuality and materiality, games, digital technologies and political relations, digitization of museum collections, anthropological approaches to big data. Subject topics are developed through the joint efforts of sociologists, historians, philosophers, linguists, media and technology researchers, and anthropologists.

The subject of digital anthropology is not design tasks, but human behavior online and assessing the impact of digital technologies on culture and society. Using a specially trained neural network

Data sets are analyzed and text structures and patterns are identified.

Digital anthropology analyzes what happens to a person when he turns on a computer or picks up a smartphone. The study of digital traces has become in demand, since texts, photographs, and likes reflect cultural values, norms, and traditions of people.

The software is used to study digital traces. The result is quantitative and qualitative data that allows us to formulate some hypotheses. These hypotheses can be tested using surveys and interviews. Digital traces have limitations associated with access to the Internet. Digital footprints mainly tell how space is used by young and affluent citizens.

One of the areas of digital anthropology was visual anthropology, which was formed long before digital anthropology and is closely related to photography and documentary film.

Digital technologies have managed to shape several digital generations. There has been a change in the usual view of the world around us, a new set of rules and ideas. The thesis that the norm is dynamic and changeable has acquired key importance. The consequence was a new ecological system of child development. It is considered on the basis of the cultural-historical approach of L. S. Vygotsky. They started talking about digital childhood. Digital socialization refers to the process of mastering and appropriating social experience by an individual, mediated by information technology. It is acquired in online contexts and reproduced in mixed offline and online realities.

The techno system is built into the cognitive social system of a person, integrated, acts as its part and changes this system. The study of digital socialization takes place in such areas as psychological well-being and mental health, individual personal characteristics, user activity, image of the digital world, digital citizenship.

An important dimension of digital socialization is mixed reality. The boundaries between online and offline are blurring. There is a constant convergence between them. Mixed reality existence and internet connectivity have formed the basic and defining characteristics of the “new normal”.

Another dimension of digital socialization is new sociality. The individual’s consciousness merges with various digital devices and online spaces, which mediate not only mental processes, but also new types of interaction, activity formats, social order, social and cultural practices, as well as the dynamics of their constant changes.

Thus, digital anthropology has become a research platform for a whole range of sciences. It has become a new integrative knowledge.

Bibliography

1. Гафарова Ю. Ю. Цифровая антропология: установки и принципы // Человек в социокультурном измерении. 2022. № 2. С. 10–14.

2. Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4 .С. 41–54.

3. Loiko A. I. Technology of digital ecosystems // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С.49–56.

4. Лойко А. И. Социальные цифровые экосистемы: тренды эволюции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 17. М.: ИНИОН РАН, 2022. Ч. 1. С. 180–182.

5. Лойко А. И. Смарт-общество в категориях индустриального и информационного измерения // Инновации. Интеллект. Культура. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. С. 137–140.

ТРАНСПОРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Л. Е. Лойко

Академия МВД Республики Беларусь
пр-т Машерова 6, 220004, Минск, Республика Беларусь
larisa.loiko@tut.by

Аннотация. Исследованы особенности трансформации транспортных коммуникаций городской среды с учетом того, что в них появились новые способы перемещения арендным и личным транспортом. Эти модификации электрического мобильного транспорта заняли пешеходные коммуникации и создали новые риски для пешеходной логистики. Возникла проблема диапазона обзора, а также встали вопросы о необходимости субординации дорожного движения в разных частях городской среды.

Ключевые слова: *городская среда; транспортные коммуникации; пешеходная часть; мобильный электрический транспорт.*

TRANSPORT COMMUNICATIONS OF THE URBAN ENVIRONMENT

L. E. Loiko

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
Masherova Ave. 6, 220004, Minsk, Republic of Belarus
larisa.loiko@tut.by

Abstract. The features of the transformation of transport communications in the urban environment have been studied, taking into account the fact that new ways of moving by rental and personal transport have appeared in them. These electric mobility modifications have occupied pedestrian communications and created new risks for pedestrian logistics. The problem of viewing range arose, and questions also arose about the need to coordinate traffic in different parts of the urban environment.

Keywords: *urban environment; transport communications; pedestrian part; mobile electric transport.*

В современном городе наблюдается трансформация городской среды в более комфортную. В общественном сознании сформировался очевидный запрос на подобную урбанизированную среду. Комфортная городская среда предполагает отсутствие барьеров для передвижения не только людей с ограниченными возможностями, но и лиц пожилого возраста, а также детей. Препятствия зачастую создают заборы, бордюры, лестницы, подземные переходы, широкие дороги.

Угроза терроризма также детерминировала в разных странах на государственном уровне задачу разработки строгих мер безопасности в городах (ограждения, осмотры транспортных средств). Традиционно используются и запретительные меры.

На современном этапе был обнаружен еще один момент. Он связан с экологической логистикой. Стал пропагандироваться отказ от личного автотранспорта и переход к общественному транспорту. Многие центральные улицы стали пешеходными зонами.

Вместе с тем, городское пространство ограничено конкретной территорией. Эта территория имеет тенденцию уплотнения. Стал даже использоваться термин «урбанистическое гетто». В основном он применим к западным мегаполисам, в которых сформировались кварталы с низким качеством жизни населения, которому сопутствуют криминал, наркотики, бедность.

Белорусским городам удалось избежать подобной стратификации. Приоритетом стали технологические решения. Место ограждений занимают открытые пространства и камеры. Важную роль играют сотрудники органов внутренних дел.

В городах Беларуси приоритетом пользуются пешеходы и пассажиры общественного транспорта. В использовании же личного транспорта обнаружились технические границы. Поездки на легковых автомобилях стали неудобными: пробки, платные стоянки, строгие критерии получения талона на въезд на территорию организаций и офисов. Произошло физическое отделение (выделение) общественного транспорта и снижение скорости автомобилей посредством укладки «дорожных полицейских». При этом многие города достигли высоких результатов по показателям снижения дорожной смертности и аварийности.

Изменение городской среды формирует тактический урбанизм. Уличная мебель (кадки с цветами, раскрашивание тротуаров и дорог), площадки для пешеходов на проезжей части у остановок общественного транспорта и переходов стали относительно недорогими решениями. В крупных городах запрещен транзитный проезд транспорта. Он перенаправлен на кольцевые дороги. Вокруг Минска их две. Они позволили улучшить городскую среду, освободив ее от транзитных и крупногабаритных транспортных потоков.

В последние годы в городской среде появился новый вид транспорта, использование которого стало регулироваться в Республике Беларусь дорожными правилами, которые ранее распространялись только на пешеходов. Это различные современные виды мобильного транспорта, использование которого разрешено на пешеходных тротуарах и дорожках, –

велосипеды, самокаты и их современные технологические разновидности (электрические самокаты, гироскутеры, моноколеса, сегвей).

У значительной части пешеходов это стало вызывать опасения относительно безопасности нахождения в пешеходной зоне. Эти опасения нашли ответ в изменениях Правил дорожного движения Республики Беларусь. В частности, в них был введен термин – «средство персональной мобильности». Средство персональной мобильности – это устройства либо приспособления, не являющиеся транспортным средством, приводимые в движение двигателем и предназначенные для индивидуального или совместного использования пешеходами [1]. При совместном использовании такие устройства должны иметь специально оборудованные сиденья. В первую очередь они должны двигаться по велосипедным дорожкам. При отсутствии таковых разрешается движение по тротуарам, пешеходным дорожкам или обочинам, при этом они должны предоставлять преимущество другим пешеходам. Пересекать проезжую часть на средстве персональной мобильности следует в местах, предусмотренных для велосипедистов. Это значит – по велосипедному проезду либо велосипедной дорожке с соблюдением условий, предусмотренных для велосипедистов. Если таких мест нет, то пересекать в иных местах, отведенных для движения пешеходов. К ним относятся пешеходный переход, линия обочины, тротуаров. При передвижении на роликовых коньках, лыжах, другом спортивном инвентаре, средствах персональной мобильности пешеходы обязаны пересекать проезжую часть дороги со скоростью идущего шагом пешехода, убедившись, что выход (выезд) на проезжую часть безопасен. Лица, передвигающиеся на таких устройствах, не должны находиться в состоянии опьянения. Скорость движения таких средств не должна превышать 25 км/ч. Запрещается передвигаться на таких устройствах лицам до 14 лет, за исключением пешеходных и жилых зон. Средство персональной мобильности должно иметь исправную тормозную систему и рулевое управление при его наличии. При движении на средстве персональной мобильности в темное время суток или при недостаточной видимости пешеход обязан иметь фликеры (световозвращатели), на устройстве должна быть установлена фара. Устанавливается возрастное ограничение на использование средств персональной мобильности – с 14 лет. Но оно не будет действовать в жилых и пешеходных зонах [2].

Отдельную тему комфортности городской среды формирует личный экологический велосипедный транспорт. В городской среде Минска для него создана уникальная инфраструктура в виде специальных коммуникаций, которые имеют автономный характер двустороннего движения. В эту инфраструктуру входят центры проката велосипедов, что повышает

массовость перехода населения разных возрастов на экологический вид транспорта. Велосипедные транспортные коммуникации регулируются в Республике Беларусь правилами дорожного движения.

Нормативно-правовые решения в значительной степени способствуют оптимизации процесса использования мобильных транспортных средств. Вместе с тем, рост количества этих средств в городах актуализирует проблему реализации правовых предписаний в реальной жизни, а, значит, и проблему правоприменения в данной сфере. Иными словами, правонарушение необходимо зафиксировать. Это функция компетентных субъектов, которые обязаны конкретизировать общие предписания для индивидуального случая.

На автомобильных дорогах Беларуси правонарушения фиксируются стационарными и мобильными датчиками контроля нарушений, системами вычисления средней скорости, центрами фиксации правонарушений, стационарными и мобильными пунктами контроля и оплаты. В целом система контроля нарушений обеспечивает соблюдение Правил дорожного движения транспортных средств, фиксацию правонарушений и передачу данных о нарушениях в подразделения МВД Республики Беларусь. Правонарушения же при использовании мобильных транспортных средств в пешеходных зонах в значительном количестве случаев фиксируется только самими пешеходами. Техническими средствами фиксации большинство тротуаров и пешеходных дорожек не оборудованы. Решить эту задачу в полном объеме в большом городе невозможно. Присутствие сотрудника ГАИ или любого сотрудника ОВД, уполномоченного зафиксировать правонарушение, сопряжено с фактором случайности.

Следовательно, в данной области проблема фиксации правонарушений и правоприменения требует дальнейшего изучения в аспекте организационно-правового регулирования безопасности граждан в современном городе.

Библиографические ссылки

1. БрестСИТИ. Новости. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brestcity.com/blog/pravila-ispolzovaniya>. Дата доступа: 01.11.2023.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/august/71319/>. Дата доступа: 01.11.2023.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ТРАНСФОРМАТОР ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В. С. Малафеевская

Белорусский государственный университет
просп. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
malafeevskaya.veronika@gmail.com

Аннотация. За последнее десятилетие технологии, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, научились справляться со все более и более сложными задачами. Теперь человек сталкивается с технологиями искусственного интеллекта на каждом шагу: от голосовых помощников и программ для перевода и распознавания речи до дронов и беспилотных автомобилей. В данной статье будут рассмотрены возможности и риски использования беспилотных транспортных средств в городской среде.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; умный город; современная городская инфраструктура; беспилотные автомобили; дорожно-транспортная инфраструктура.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS TRANSFORMER OF URBAN ENVIRONMENT

V. S. Malafeevskaya

Belarusian State University
Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus
malafeevskaya.veronika@gmail.com

Abstract. Over the last decade technologies based on artificial intelligence algorithms have learned to cope with more and more complex tasks. Nowadays, humans encounter artificial intelligence technologies at every step: from voice assistants and programs for translation and speech recognition to drones and unmanned cars. This paper will discuss the opportunities and risks of using unmanned vehicles in urban environments.

Keywords: *artificial intelligence; smart city; modern urban infrastructure; unmanned vehicles; road transportation infrastructure.*

В последние десять лет большое распространение получило высказывание «Будущее – за умными городами». За это время число людей, живущих в городах, увеличилось на 4,4 % по отношению людям, живущим в сельской местности. На современном этапе 56,9 % населения земли проживает в городах [1]. Согласно информации, предоставленной ООН, к 2050 году урбанизация населения приблизится к 70 % [2]. Из небольших и

слаборазвитых регионов люди предпочитают перебираться в современные города и мегаполисы.

Что же такое умный город? Как написано в утвержденной в 2019 году типовой концепции развития «умных городов» в Республике Беларусь, к «умному городу» можно отнести те города, которые занимаются разработкой и внедрением инновационных решений для управления городской инфраструктурой, обеспечивают сбор и обработку больших массивов данных, анализ которых позволяет прогнозировать «поведение» отдельных объектов инфраструктуры, предотвращают опасные ситуации, оказывают жителям и гостям города многочисленные услуги, повышая комфорт их жизнедеятельности в сферах жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, безопасности, градостроительства, образования, здравоохранения, инструментов и способов взаимодействия с гражданами [3].

Российская компания АО «ТРАССКОМ», которая занимается внедрением интеллектуальных транспортных систем в различных регионах России и была задействована в реализации Федеральных целевых программ «Модернизация транспортной системы России 2002–2018 г.», «Повышение безопасности дорожного движения 2013–2020 г.», а также Национального проекта «Безопасные качественные дороги», выделяет одиннадцать технологий, делающих города умными [2]. К ним относятся: дата-центр с единой базой данных, дающей возможность сопоставлять и применять различную информацию; универсальное городское приложение, объединяющее в себе всю необходимую населению информацию; беспилотные автомобили; умные парковки; умное освещение; солнечные батареи; камеры; умный общественный транспорт; противопожарные датчики; умные урны, позволяющие исключить распространение неприятных запахов и при заполнении самостоятельно отправляющие сообщение в мусороуборочные компании; открытая информация, дающая доступ жителям к информации о транспортной системе, состоянии окружающей среды и прочим статистическим показателям, которые удалось собрать благодаря умным датчикам.

В данной статье будет рассмотрено использование искусственного интеллекта и умных технологий для формирования интеллектуальной транспортной системы на автомобильных дорогах.

Умные автомобили имеют долгую историю становления. Первый действительно умный автомобиль был создан немецким инженером Эрнстом Дикмансом в 1980 году. Собрав команду изобретателей, он смог сконструировать на базе фургона Mercedes-Benz Vario беспилотник, который

мог придерживаться заданного направления движения, перестраиваться и совершать повороты без участия человека [4].

В начале 2000-х годов прорыв в области искусственного интеллекта, нейронных сетей и машинного обучения дал толчок в развитии беспилотной техники [5]. В 2005 году прошло первое соревнование с участием беспилотных автомобилей, на котором робот из Стэнфорда выиграл соревнование автомобилей-роботов (DARPA Grand Challenge, финансируемое правительством США), проехав автономно 131 миль вдоль пустынной трассы. А в 2007 году, в рамках соревнования Urban Challenge DARPA беспилотная машина продемонстрировала автономную навигацию на трассе в 55 миль в городской среде [6].

Летом 2018 года Яндекс начал тестировать такси без водителей, а в начале 2019 года Waymo (проект компании Google) запустил первый в мире сервис с беспилотным такси. Уже к 2021 году компания планировала начать массовое производство автомобилей для обеспечения данного сервиса, однако и по сей день проект не получил массового внедрения. В 2019 году китайская компания DeepBlue Technologies начала поставку беспилотных автобусов в Европу, хотя и они сейчас не используются в больших масштабах.

Несмотря на все достижения, на данный момент разработчики добились лишь частичной автоматизации вождения, а не полной автономности, как они планировали. Беспилотные автомобили сейчас могут передвигаться только в определенных условиях и требуют постоянного внимания со стороны человека.

Сейчас ведутся разработки по увеличению автономности самоуправляемых транспортных средств с помощью сетей связи нового поколения – 5G. Автомобили планируется оснастить сенсорами, которые смогут считывать всевозможную информацию об обстановке на дороге: расположение ближайших транспортных средств, дорожных знаков, сведения о погодных условиях, состоянии асфальта и др. На основе этих данных управление поездкой можно осуществлять в автоматическом режиме.

На данный момент технологии управления беспилотными автомобилями не настолько развиты, чтобы они могли полноценно заменить человека. Так, в феврале 2016 года в штате Калифорния впервые произошло ДТП, виновником которого стал беспилотный автомобиль компании Google. Перестраиваясь в левый ряд, беспилотник не уступил дорогу автобусу. В результате столкновения никто не пострадал, а машины получили лишь незначительные повреждения. Однако уже через три месяца было зафиксировано первое ДТП с участием беспилотника со смертельным исходом. ДТП произошло в штате Флорида из-за беспилотного автомобиля

Tesla, который в режиме автопилота протаранил грузовик с прицепом. Жертвой данного инцидента оказался водитель автомобиля, который не успел вовремя перехватить управление.

Еще одной проблемой, которой может привести внедрение беспилотных автомобилей, является появление заторов на дорогах. По результатам проведенного специалистами из американского Университета штата Северная Каролина исследования, опубликованного в журнале *Transportation Research Record*, был сделан следующий вывод: велика вероятность того, что беспилотные автомобили могут привести к ухудшению ситуации на дорогах общего пользования, в случае, если автомобили не будут постоянно обмениваться данными между собой. Беспилотные автомобили, которые не будет обмениваться данными, будут склонны осторожнее передвигаться по автомобильным дорогам и медленнее проезжать перекрестки. Это вызвано заложенной в программе беспилотника функцией, где безопасность стоит на первом месте [7].

Кроме того, открытым остается вопрос о создании необходимой инфраструктуры для использования беспилотных транспортных средств. Это и интеллектуальные центры в городах, и бортовые вычислительные комплексы, без которых качество работы беспилотного транспорта ставится под сомнение.

Еще одним не менее интересным примером использования ИИ в транспортной сфере являются роботы на дорогах. Так, власти китайского города Шэньчжэнь начали применять особых дорожных роботов для борьбы с пробками в утренние часы пик: по команде с пульта управления роботизированные ограждения перемещаются по проезжей части, высвобождая необходимое количество полос движения, что позволяет увеличить пропускную способность дороги на 12,1 %.

Таким образом, на данный момент беспилотные автомобили находятся на стадии разработки. Транспорт, как и его пользователи, встречаются с большим количеством проблем и препятствий, из-за которых беспилотный транспорт до того, как проблемы с его технологиями и программным обеспечением будут окончательно решены, будет встречать сопротивление людей и сталкиваться с их нежеланием использовать данные транспортные средства.

Библиографические ссылки

1. Доля городского и сельского населения в странах мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/gorod-selo.php>. Дата доступа: 23.10.2023.

2. Умный город: концепция, технологии, примеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trasscom.ru/blog/umnyj-gorod#1>. Дата доступа: 23.10.2023.

3. Типовая концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/uploads/files/Tipovaja-Kontseptsija-Umnyj-gorod.PDF>. Дата доступа: 23.10.2023.

4. История беспилотных машин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://auto.rambler.ru/other/41813135-istoriya-bespilotnyh-mashin/>. Дата доступа: 23.10.2023.

5. Режепа В. От самоходных мин первой мировой до Tesla: как развивались беспилотные автомобили [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gagadget.com/science/21853-ot-samohodnyih-min-pervoj-mirovoj-do-tesla-kak-razvivalis-bespilotnyie-avtomobili/>. Дата доступа: 23.10.2023.

6. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: КомНьюс Групп, 2019. 368 с.

7. Ставицкий А. Беспилотные автомобили обвинили в создании пробок [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2023/08/15/self_driving/. Дата доступа: 23.10.2023.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГОРОДАХ БРИКС

С. С. Малышева, К. А. Мирзаханян

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая 6, 117198, Москва, Российская Федерация
1032225930@pfur.ru

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение концепции «умного города» в странах объединения БРИКС на основе анализа статистических данных Всемирного Банка, анализа Индекса сетевой готовности, Индекса Умного Города, рейтинга Минстроя России. В ходе работы над статьей были изучены цифровые проекты, предлагаемые странами-партнерами БРИКС для продвижения инициативы «Умные города». Исследовав соответствующие данные, удалось выявить страны-лидеры БРИКС в области цифровизации городов. Ключевыми цифровыми инициативами для повышения значимости «умных городов» в странах БРИКС являются: доступность интернет-соединения для граждан, развитость электронной коммерции, «Большие данные» в цифровой экономике города, «Интернет вещей», система Блокчейн. В рамках статьи были даны рекомендации странам-лидерам в сфере цифровой трансформации, касающиеся помощи отстающим странам.

Ключевые слова: *умный город; БРИКС; цифровая экономика; большие данные; цифровизация.*

DIGITALIZATION IN BRICS CITIES

S. S. Malysheva, K. A. Mirzakhanyan

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
st. Miklouho-Maklaya 6, 117198, Moscow, Russian Federation
1032225930@pfur.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the concept of a “smart city” in the BRICS countries by studying statistical data from the World Bank, analyzing the Network Readiness Index, the Smart City Index, and the rating of the Russian Ministry of Construction. While working on the article, we studied the digital projects proposed by the BRICS partner countries to promote the smart cities initiative. Having studied the relevant data, it was possible to identify the leading BRICS countries in the field of digitalization of cities. The key digital initiatives to increase the importance of “smart cities” in the BRICS countries are: the availability of Internet connections for citizens, the development of e-commerce, “Big Data” in the city’s digital economy, the “Internet of Things”, and the Blockchain system. As part of the

article, recommendations were given and proposals were made to leading countries in the field of digital transformation to help lagging countries.

Keywords: *smart city; BRICS; digital economy; big data; digitalization.*

Актуальность

Актуальность изучения цифровизации городов в странах БРИКС заключается в том, что экономики этих стран являются одними из самых быстроразвивающихся экономик в мире. Страны сталкиваются с вызовами урбанизации, демографическим ростом и изменением потребностей городских жителей. Цифровизация городов основана на инновационном подходе к обеспечению эффективного управления городской инфраструктурой, повышению качества жизни граждан и устойчивому развитию экономики. Исследование и анализ опыта стран БРИКС в области цифровизации городов позволяет выявить успешные практики, разработать эффективные стратегии внедрения цифровых технологий для достижения устойчивого и инновационного развития городов.

Количество опубликованных работ российских ученых по рассматриваемой тематике позволяет утверждать, что степень разработанности по направлению цифровизации «умных городов» в странах БРИКС низкая. Но стоит отметить, что в последние годы отмечается значительное повышение внимания к данной теме, что также подтверждает высокую актуальность данного исследования.

Цифровизация горожан в БРИКС

В нынешних реалиях цифровизация [7] – это синоним слова «развитие». Разрыв в цифровизации означает разрыв в развитии в целом. Больницы, школы, предприятия и другие учреждения не могут эффективно работать без цифровых инструментов. Цифровизация – это важный процесс, который является основой роста и развития государства. «Умный город» [13] – такой город, который опирается на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), то есть технологии, используемые для наиболее эффективного управления, использования критической инфраструктуры и ресурсов, предоставления наибольшего количества и наилучшего качества услуг, прогнозирования на основе осознанных решений своих жителей.

Обращаясь к метаданным, в первую очередь стоит рассмотреть использование Интернета в странах БРИКС. По данным Всемирного Банка [8], среди государств-членов организации Россия в 2022 г. имеет самый большой процент населения, обладающий доступом к Интернету – 90 %. Далее по убыванию идут Бразилия (81 %), Китай (76 %), ЮАР (72 %) и Индия (46 %). Большинство стран БРИКС имеет довольно высокие

показатели. Исключением стала Индия, где по-прежнему для большей части страны остро стоит проблема абсолютной бедности [1].

Опираясь на данные Всемирного Банка [8], можно сделать вывод о том, что страны БРИКС практически полностью охвачены технологиями мобильной связи. Этот показатель помогает оценивать очевидный рост доступа к информации в БРИКС на 2021г. по сравнению с 2010г.

Один из важных индексов для оценки уровня цифровизации в БРИКС – Индекс сетевой готовности. Это составной показатель, отражающий степень развития ИКТ и цифровой экономики в различных странах мира. Китай находится на 23 месте в данном рейтинге (на момент 2022 г.) [9] и является лидером среди стран БРИКС. Далее идут Россия – 40 место, Бразилия – 44 место, Индия – 61 место, ЮАР – 68 место. Для объективной оценки необходимо описать динамику. По сравнению с 2019 годом Китай и Индия поднялись на 18 мест, Россия поднялась в рейтинге на 8 мест, Бразилия на – на 15 мест, а ЮАР – на 4 места [10]. Этот показатель отражает положительный сдвиг в использовании возможностей, предоставляемых информационными и коммуникационными технологиями.

Электронная коммерция – важный сегмент цифровой экономики [11]. Доля глобальных розничных онлайн-продаж в общем объеме выросла с 16 % в 2019г. до 19 % в 2021г., чему способствовала пандемия COVID-19. Страны БРИКС являются крупными рынками электронной коммерции. Однако доля онлайн-покупателей различается: она варьируется от 20 % в Индии и Южной Африке до 40 % в Бразилии и России и до 75 % в Китае.

Кроме того, важно оценить актуальность цифровых платежей в членах-государствах БРИКС [11]. Более 77 % жителей в России, Китае, Южной Африке и Бразилии совершают или получают цифровые платежи, в Индии этот показатель оценивается в 35 %.

Большие данные (Big data) – это объемные, сложные и разнообразные наборы данных, которые требуют особых методов и инструментов анализа и обработки. Они отличаются от традиционных данных по своей большой объемности, скорости поступления и разнообразию источников. Большие данные играют важную роль в развитии «умных городов». Например, платформа Smart Community Service в Китае интегрирует систему сбора данных об услугах, используя мобильную измерительную систему Trimble MX7 на транспортных средствах, а также собственную разработку системы съемки городских пространств SMUC и другие передовые технические средства для сбора информации и предоставления интеллектуальных услуг [9]. Эта платформа позволяет организациям и гражданам взаимодействовать в режиме реального времени, используя голос, графику и текст, а агентства обеспечивают услуги сообществу.

Страны БРИКС имеют опыт работы с большими данными и искусственным интеллектом [14], который качественно обрабатывает Big Data. Например, на форуме «Большие данные для устойчивого развития» (состоялся в 2022 году) Международный исследовательский центр больших данных представил спутниковые данные, которые могут способствовать развитию стран БРИКС. Исходные наборы данных о городах с населением более 300 тысяч человек были обработаны на облачной платформе для вычисления больших данных с использованием модели машинного обучения. В результате были получены данные о застройке городов БРИКС, показавшие замедление экспансии застройки и увеличение эффективности использования земли. Этот опыт доказывает эффективность совместной работы в сфере обработки больших данных и дальнейшего их применения для развития «умных городов».

Мировой рейтинг Умного Города

В 2019 г. Всемирный Центр Конкуренентоспособности расширил исследования в области изучения цифровых технологий и углубился в изучении «умных городов», создав Рейтинг Умного Города [12], который отображает экономические, технологические сферы «умных городов», а также качество жизни, окружающую среду и инклюзивность.

В 2023 г. Всемирный Центр Конкуренентоспособности опубликовал четвертое издание Индекса Умного Города. Из всех стран-членов БРИКС по количеству «умных городов» в рейтинге лидирует Китай: Пекин (12), Шанхай (25), Нанкин (58), Чжухай (60). Следующей идет Индия: Дели (105), Мумбаи (109), Бангалор (110). В рейтинге Умного Города от ЮАР был представлен только один город – Кейптаун (125). В Бразилии «умные города» оказались практически на завершающих позициях рейтинга: Бразилиа (128), Сан-Паулу (130), Рио-де-Жанейро (136). В связи с ситуацией на Украине Россия не включена в рейтинг в 2023 г. [13].

Предложения о сотрудничестве в рамках объединения БРИКС для улучшения состояния цифровизации «умных городов»

В каждой из стран предпринимаются попытки запуска стартапов «умный город». Целями таких нововведений являются: цифровая трансформация, автоматизация процессов, повышение эффективности городской инфраструктуры.

Минстрой России предложил проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». Инициатива базируется на пяти основных принципах: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды.

Несмотря на то, что Россия не была включена в рейтинг Умных Городов от Всемирного Центра Конкурентоспособности, по анализу Минстроя России можно выделить пять городов-лидеров по проекту «Умный город»: Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Ханты-Мансийск, Нижний Новгород [3].

В Индии активно развивается Национальная миссия – «Умные города» при поддержке Министерства городского развития Индии [15]. Цель программы – трансформация ста городов в «смарт-ситис». Для этого Индия следует шести принципам, на которых основана Национальная программа «умных городов»: устойчивое развитие, технологии, конвергенция, участие в программе городов-конкурентов, большее из меньшего, общество – высшая ценность.

В Бразилии был создан рейтинг (Connected Smart Cities) [16], состоящий из 75 показателей, определяющих «умный город». Исследуемые направления: мобильность, урбанизация, окружающая среда, технологии и инновации, предпринимательство, образование, здоровье, безопасность, энергия, управление, экономика.

Китай – мировой лидер по инициативам «умных городов». Сегодня в Китае реализуется около восьмиста программ области «смарт-сити». Внедрение программы «City Brain» в городскую инфраструктуру, работа искусственного интеллекта способствует улучшению реагирования аварийных служб, выявлению дорожно-транспортных происшествий [17].

На данный момент ЮАР не сформировала единую Национальную программу, которая могла бы ускорить рост «умных городов» в стране и создать конкуренцию между городами посредством общепринятых показателей «смарт-сити».

Программы «интернет вещей», блокчейн в логистике, здравоохранении, идентификация на основе блокчейн являются программами, ведущими к трансформации «умных городов» в странах БРИКС.

Индия активно инвестирует в инициативу IoT (Internet of Things), Интернет вещей [4] – это система взаимосвязанных вычислительных устройств, которые могут собирать и передавать данные по беспроводной сети без участия человека. Интернет вещей распространен в таких областях, как государственные услуги, связь между транспортными средствами, умная розничная торговля, умный дом.

В России примером программы может стать система «умный дом» от «СберБанка» или «Ситилинк».

Китай сформировал относительно полную мобильную отраслевую цепочку Интернета вещей, охватывающую чипы, модули, терминалы, программное обеспечение, платформы и услуги. К концу 2022 г. количество интернет-соединений между «вещами» составило 3,528 млрд [18].

Продвижение программы «Интернет вещей» в других странах БРИКС также происходит активно. Бразилия в 2023 г. выручила на инициативе более 5 млрд долл. Национальное правительство Бразилии продолжает совершенствовать программу, в период 2023–2028 гг. прогнозируется рост выручки от введения «Интернета вещей» на 13,19 % ежегодно и к 2028 г. достигнет 30,94 млрд долл [19].

В Южной Африке развитие инициативы «Интернет вещей» только планируется. Одной из ключевых проблем выхода Южной Африки на рынок «Интернета вещей» является дефицит чипов, которые необходимы для бесперебойного функционирования программы [20]. Для ЮАР содействие стран-партнеров БРИКС в этом вопросе поможет стране войти на рынок и запустить систему «Интернет вещей». Более того, запуск «Интернета вещей» в ЮАР может стать Национальной программой развития «умных городов» и впоследствии продвинуть страну в рейтинге Умных Городов.

В Бразилии запускается новая национальная программа идентификации на основе технологии блокчейн. Программа, разработанная государственной ИТ-компанией Serpro [21], впервые будет запущена в Рио-де-Жанейро, Гоясе и Паране. По официальным данным национального правительства, более 214 млн человек будут использовать технологию блокчейн для самоидентификации [22].

В Китае утвердили стратегию развития блокчейна в госсекторе. Она была разработана 31 июля 2023 г. в Шанхае с целью усиления применения блокчейна в государственных услугах, городском управлении, а также для удовлетворения стратегических целей городской цифровой трансформации Шанхая. Полный запуск программы прогнозируется к 2025 г. [23].

На примере Китая другие страны-участницы БРИКС в рамках объединения могли бы воспользоваться китайскими технологиями блокчейна и интерпретировать их в свои национальные экономики. Такое сотрудничество повлияет на общее развитие «умных городов» в странах БРИКС.

Эксперты из стран-представителей БРИКС полагают, что в рамках объединения страны могут добиться лучших показателей в области цифровой экономики, тем самым поспособствовав всестороннему росту «умных городов».

В 2017 г. в России был учрежден Международный комитет цифровой экономики БРИКС, который будет содействовать развитию цифровой экономики на территории стран БРИКС. В рамках комитета были представлены проекты Blockchain Status Leader – инновационный ресурс избирательных технологий стран участниц ООН, Цифровой паспорт

кандидатов на выборные должности Digital Dangers Index-DDI, индекс стрессогенности глобального информационного пространства и др. [5].

Странам-участницам объединения необходимо обратить внимание на проекты, предлагаемые Международным комитетом цифровой экономики БРИКС. Кроме того, для активного сотрудничества обязательным является вступление в комитет экспертов из стран-партнеров. Такое взаимодействие послужит сближением позиций стран БРИКС и поспособствует развитию «умных городов» на территории всех стран-участниц объединения.

В 2019 г. по предложению России в перечень сфер, в которых страны БРИКС будут совместно развиваться, было внесено положение о национальных системах цифровой идентификации, больших данных для государственной политики, национальных системах управления данными и «умных городах» [6].

Заключение

Таким образом, цифровизация в странах БРИКС играет действительно важную роль в развитии направления «умные города», обеспечивая более эффективное управление, использование ресурсов и предоставление качественных услуг жителям. Страны БРИКС уже достигли результатов в области цифровой трансформации: развиваются электронная коммерция, цифровые платежи, используются большие данные. Однако существует множество потенциальных возможностей дальнейшего развития и сотрудничества в данной области. Применение цифровых технологий позволит странам БРИКС строить «умные города», которые могут прогнозировать потребности жителей, улучшать качество жизни и содействовать устойчивому развитию.

В Китае постоянно создаются более современные проекты, модернизирующие программу «смарт-сити». Страна является глобальным лидером в области цифровизации городов. Россия и Индия активны в этой сфере, инвестируют в национальные программы развития «умных городов». Бразилия также проявляет интерес к концепции «умных городов», однако ей еще предстоит предпринять больше действий для достижения прогресса в этой области. ЮАР пока не сформировала единой национальной программы развития «умных городов», однако потенциал роста в этом направлении велик, в том числе благодаря поддержке стран-партнёров БРИКС.

Библиографические ссылки

1. Проблема бедности и пути ее решения в современной Индии в условиях либеральных реформ [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. Режим доступа: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-02/india-poverty-problem>. Дата доступа: 06.10.2023.

2. Забузов О. Н. «Умные города»: опыт России и Китая. Режим доступа: <https://e-cis.info/upload/iblock/9f0/9f0bad29910e905b4d79aba5a1b40deb.pdf>. Дата доступа: 11.09.2023.
3. Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город» [Электронный ресурс] // Минстрой России. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyu-gorod/>. Дата доступа: 23.10.2023.
4. Что такое интернет вещей? Определение и описание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot>. Дата доступа: 16.10.2023.
5. Международный комитет цифровой экономики БРИКС [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ukros.ru/archives/24272>. Дата доступа: 16.10.2023.
6. Сотрудничество стран БРИКС в сфере ИКТ по предложению России расширено четырьмя новыми направлениями [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/39262/>. Дата доступа: 15.10.2023.
7. Digital Development [Electronic resource] // The World Bank. Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/topic/digitaldevelopment/overview#1>. Date of access: 15.09.2023.
8. Open data [Electronic resource] // The World Bank. Mode of access: <https://data.worldbank.org/>. Date of access: 18.09.2023.
9. The Network Readiness Index 2022: Stepping into the New Digital Area [Electronic resource]. Mode of access: <https://networkreadinessindex.org/>. Date of access: 23.09.2023.
10. The Network Readiness Index 2019: Towards a Future-Ready Society [Electronic resource]. Mode of access: <https://networkreadinessindex.org/>. Date of access: 23.09.2023.
11. BRICS Digital Economy Report 2022 [Electronic resource]. Mode of access: <https://intracen.org/resources/publications/brics-digital-economy-2022>. Date of access: 23.09.2023.
12. World Competitive Center [Electronic resource] // Smart City Observatory. Mode of access: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/>. Date of access: 22.10.2023.
13. IDM Smart City Index Report 2023 [Electronic resource]. Mode of access: <https://imd.cld.bz/IMD-Smart-City-Index-Report-20231>. Date of access: 23.09.2023.
14. The Sustainable Development Data Products for BRICS Countries [Electronic resource]. Mode of access: https://data.casearth.cn/thematic/brics_2022. Date of access: 09.10.2023.
15. Smartcities [Electronic resource] // About Smart Cities. Mode of access: <https://smartcities.gov.in/about-the-mission>. Date of access: 23.10.2023.
16. Smart Cities in Brazil: what it is Applications and Trends [Electronic resource] Master // Mode of access: <https://master.org.br/en/news/smart-cities-brazil/>. Date of access: 23.10.2023.

17. City Brain: A New Model of Urban Governance Catalyzed by Big Data [Electronic resource] // The Citytech Group. Mode of access: <https://www.venturousgroup.com/resources/city-brain-a-new-model-of-urban-governance-catalyzed-by-big-data/>. Date of access: 23.10.2023.

18. На мобильный Интернет вещей в Китае приходится 70 % мировых мобильных подключений к Интернету вещей [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2023-01/30/content_5739121.htm. Дата доступа: 16.10.2023.

19. Internet of Things [Electronic resource] // Statista. Mode of access: <https://www.statista.com/outlook/tmo/internet-of-things/brazil>. Date of access: 15.10.2023.

20. What to expect from IoT in South Africa in 2023 [Electronic resource] // Mybroadband. Mode of access: <https://mybroadband.co.za/news/internet-of-things/479253-what-to-expect-from-iot-in-south-africa-in-2023.html>. Date of access: 15.10.2023.

21. Serpro [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjagvuKlfiBAxUzKxAIHfoDBUwQFnoECAoQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.serpro.gov.br%2F&usg=AOvVaw1ZzuTgytF5il3qPT3xyZPX&opi=89978449>. Date of access: 15.10.2023.

22. Brazil to introduce a digital identity card based on blockchain technology [Electronic resource] // TV BRICS. Mode of access: <https://tvbrics.com/en/news/brazil-to-introduce-a-digital-identity-card-based-on-blockchain-technology/>. Date of access: 15.10.2023.

23. Шанхай продвигает план реализации проекта городской системы цифровой инфраструктуры блокчейн (2023–2025) [Электронный ресурс] // Муниципальное народное правительство Шанхая. Режим доступа: <https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20230731/74d21b6a0d7e4f909168ad372c2b4f82.html>. Дата доступа: 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АГЕНТСТВА ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ «АЗИЯ- ПЛЮС»)

Б. С. Мансурова

Российско-Таджикский (славянский) университет
ул. Мирзо Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
maryam_mansurova_19@mail.ru

Аннотация. Создание частных информационных агентств в Таджикистане совпало с эпохой развития глобальной сети Интернет. На площадке Интернета информационные агентства через свои сайты и порталы стали непосредственно выходить на массовую аудиторию. Этот фактор обусловил их трансформацию из вспомогательного вида средства информации в самостоятельный тип средств массовой коммуникации. В условиях технологического прогресса и конвергенции каналов доставки информации современная журналистика характеризуется новыми требованиями. Автором указывается, что журналисты признают трансформацию своей профессии. Перед журналистами конвергентных редакций стоит сложная задача по переходу от платформенного подхода к информационному. Анализ показывает, что в редакции «Asia-Plus» востребованы универсальные журналисты, так как процесс конвергенции базируется на единовременном производстве контента и последующем его тиражировании на разных информационных платформах.

Ключевые слова: *Таджикистан; «Азия-Плюс»; сетевое издание; мультимедийная конвергентная редакция; анализ; интернет; мышление; редакционная политика; контент; исследование.*

TAJIKISTAN'S NEWS AGENCIES IN THE CONTEXT OF MEDIA CONVERGENCE (ON THE EXAMPLE OF «ASIA-PLUS»)

B. S. Mansurova

Russian-Tajik (Slavic) University
Mirzo Tursunzade str. 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
maryam_mansurova_19@mail.ru

Abstract. The creation of private news agencies in Tajikistan coincided with the era of the development of the global Internet. On the Internet, news agencies began to reach a mass audience directly through their websites and portals. This factor caused their transformation from an auxiliary type of media into an independent type of mass communication media. In the

context of technological progress and convergence of information delivery channels, modern journalism is characterized by new requirements. The author points out that journalists recognize the transformation of their profession. Journalists of convergent editorial offices face a difficult task of moving from a platform approach to an informational one. The analysis shows that universal journalists are in demand in the Asia-Plus editorial office, since the convergence process is based on the one-time production of content and its subsequent replication on different information platforms.

Keywords: *Tajikistan; "Asia-Plus"; online publication; multimedia convergent editorial; analysis; Internet; thinking; editorial policy; content; research.*

За последние тридцать лет развития СМИ Республики Таджикистан, информационные агентства превратились в неотъемлемую часть системы средств массовой информации. Помимо единственного государственного информагентства «Ховар» (в советские годы – «ТаджикТА»), начиная с 90-х годов прошлого века в Таджикистане началось создание частных информационных агентств, которые постепенно меняли массово-информационный ландшафт страны.

В Республике Таджикистан за короткий период времени резко возросло число пользователей сети Интернет. Развитие онлайн-журналистики в Таджикистане в первом десятилетии двадцать первого века способствовало росту сетевых информационных ресурсов в стране. Успешная работа агентств зависит также и от использования средств коммуникации. Без компьютерных сетей, спутниковой связи невозможно достичь должного уровня оперативности, а значит быть конкурентоспособным. Крупные агентства имеют возможность вести работу в режиме реального времени: сообщения о наиболее важных событиях поступают адресату буквально через несколько минут после того, как они произошли.

Информационно-аналитические порталы Таджикистана являются ресурсами, дополняющими материалы информационных агентств в Интернете, представляя собой сетевые аналоги газет и журналов.

В процессе развития сетевой журналистики в системе СМИ Республики Таджикистан происходят определенные изменения. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение различных аспектов деятельности информационных агентств как ведущих онлайн-ресурсов Таджикистана для составления полноценной картины о данном типе источников информации в стране. В ходе исследования были сформулированы особенности сетевых информационных ресурсов Таджикистана.

Явление, возникшее в связи с объединением медиа в интернет-пространстве, – это повышение роли видео [7, с. 89]. Сейчас и периодические издания, и радиостанции стараются иметь в интернете свой видеораздел. Это

один из способов конвергенции СМИ в условиях новых информационных отношений, которые, к счастью, заинтересовали в этом нововведении отечественные СМИ, деятельность которых не связана с видео. Радио «Азия-плюс» освоило в этом контексте новую, свежую форму. Их программы «Третья смена», «Камбэк Шоу» и «Парвоз 107 FM» транслируется в прямом эфире с приглашением певцов, музыкантов и юмористов в специализированной студии. Видеозапись передач размещена на YouTube.

Мультимедиа на таджикском языке стала популярной благодаря феноменам – мультимедиа и конвергенции. Формируется единая система СМИ под руководством юридического лица, которую в журналистике часто называют «медиахолдингом». Ярким примером медиахолдинга в Таджикистане является «Asia-Plus». Анализ показывает, что медиахолдинг демонстрирует конвергентные модели.

После 2012 года интегрированные свойства новых и классических медиа столкнулись с рыночными, аудиальными и идеологическими столкновениями. Такое отсутствие вовлеченности является свидетельством того, что классические таджикские СМИ не были готовы адаптироваться к новому типу медийности [1, с. 142]. Судя по всему, обладатели СМИ не предвидели, что медиаконкуренция вскоре приобретет такую форму. В то же время, новые медиа пока не могут достичь финансовой независимости. Подобная «недружелюбность» является испытательным сроком для обоих типов СМИ. Процесс конвергенции, который наблюдается сейчас, позволит в будущем конкурентоспособным веб-сайтам появиться в киберпространстве и построить собственный информационный бренд.

Среди независимых СМИ медиа-группа «Asia-Plus» занимает доминирующую позицию, поскольку обладает возможностью на нескольких языках (таджикском, русском, английском) покрывать информационное пространство Таджикистана и Центральной Азии. «Asia-Plus» является независимым агентством, входящим в одноимённую медиа-группу. Агентство было зарегистрировано осенью 1995 года Министерством юстиции Республики Таджикистан. Агентство создано журналистом Умедом Бабахановым. В апреле 1996 года агентство выпустило первый номер информационно-аналитического бюллетеня. Бюллетень получился актуальным и насыщенным. Как пишет исследователь К. Комилов, «под рубриками «Власть», «Инвестиции», «Оборона и безопасность», «Приватизация», «Телекоммуникация», «Кто есть кто в Таджикистане» печатались материалы о приватизации, реформе в сельском хозяйстве, в законодательстве, о состоянии науки, медицины, образования, самое главное – о жизни простых людей» [6, с. 108].

Сегодня «Asia-Plus» является единственным негосударственным агентством, имеющим своих корреспондентов или представителей во всех областных центрах республики, а также в России, США и Великобритании. «Asia-Plus» сохраняет статус надежного агентства, приобретая новые современные черты, обусловленные изменениями в политике доступа к информации и внедрением новых информационных технологий. ИА «Asia-Plus» способствовало восполнению информационного вакуума страны.

«Asia-Plus» смело можно считать офлайновым информационным агентством, транслирующим эксклюзивную информацию и имеющим большую читательскую аудиторию. Агентство имеет собственный интернет-портал <https://www.asiaplustj.info/ru> (ранее www.news.tj), который пользуется большим спросом и по числу читателей является бесспорным лидером в интернет среде тж. Как пишет «Asia-Plus», «Нас читают, слушают, смотрят во всем мире. Совокупный охват платформ «Азия-Плюс» более 10 миллионов в месяц». Материалы вебсайта служат источником качественной и достоверной информации. Доступ к любым материалам ИА «Asia-Plus» является бесплатным [1, с. 142].

В условиях мультимедийной конвергентной редакции деятельность журналиста ИА «Asia-Plus» осуществляется максимально оперативно. Агентству необходимо не только функционировать в конкурентной среде и обеспечивать читателей информацией, но и отвечать требованиям потребителя. В современных условиях читатель имеет доступ одновременно к нескольким цифровым носителям [9, с. 67]. Увеличение количества средств массовой информации, конечно, приводит к взаимной конкуренции между ними за место на информационном рынке, но большинство этих информационных институтов вступают в эту сферу без достаточного капитала, что не всегда приводит к их эффективной деятельности. «Asia-Plus» принимает разнообразные приемы графического оформления текстов, различные по размеру и написанию шрифты, варьируется длина строк, интерлиньяж, используется жирный шрифт, подчеркивание, курсив и т. д. [6].

Анализ публикаций агентства позволяет выделить на их страницах следующие основные тематические группы: публикации на политические темы; публикации на экономические темы; публикации на социальные темы; публикации о происшествиях и чрезвычайных событиях и публикации, отражающие события культурного характера.

Как пишут исследователи И. Хамидиён и Ф. Низом, в новых условиях Интернет все настойчивее предъявляет свое право на формирование облика современных СМИ и меняет формы существования журналистики. Технологии настолько интенсивно внедряются в СМИ, что все чаще ведутся

дискуссии о том, что из центра многократно возросшего информационного потока журналисты переместились на периферию коммуникационных интересов потребителей [10, с. 69].

Наш анализ показывает, что в редакции «Asia-Plus» востребованы универсальные журналисты, так как процесс конвергенции базируется на единовременном производстве контента и последующем его тиражировании на разных информационных платформах.

Библиографические ссылки

1. Абдучалилов Ф. Журналистикаи конвергентӣ ва иртиботи он бо онлайн-журналистика // Номаи донишгоҳ. 2015. № 3 (44). С. 140–144.
2. Баранова Е. А. Процесс конвергенции СМИ глазами российских журналистов-практиков // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 91–100.
3. Бокиева Л. Ф. Формирование общественного мнения в русскоязычных СМИ и интернет-ресурсах Республики Таджикистан: дис. канд. филол. наук: 10.01.10. Душанбе, 2015. 163 с.
4. Вырковский А. В. Менеджмент СМИ в условиях конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 3. С. 112–120.
5. Калмыков А. А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становления, развитие, профессионализация. автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2009. 14 с.
6. Комилов К. И. Место независимых информагентств «Asia-Plus» и «Фергана» в информационном пространстве Таджикистана: дис. канд. филол. Наук: 10.01.10. Душанбе, 2016. 172 с.
7. Копылов О. В. Особенности творческой деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции: дис. канд. филол. Наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2013. 185 с.
8. Кулакова В. Интернет в системе средств массовой информации Таджикистана: дис. канд. филол. наук: 10.01.10. Душанбе, 2017. 180 с.
9. Муқим Ҷ. Журналистикаи мултимедиявӣ. Душанбе, 2016. 128 с.
10. Ҳамидиён И., Низом Ф. Журналистикаи интернетӣ дар Тоҷикистон: ташаккул, мушкилот ва дурнамо. Душанбе, 2022. 268 с.

ГОРОДСКАЯ МОДА И СТИЛЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ИНФЛЮЕНСЕРОВ: ВЛИЯНИЕ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

У. П. Масалович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
ulyana.masalovich@gmail.com

Аннотация. Современные модные тенденции в эпоху цифровых инфлюенсеров претерпевают значительные изменения. Увеличение количества лидеров мнений в цифровой среде порождает формирование новых правил взаимодействий в цифровом пространстве, создает новые стандарты поведения, генерирует тренды, воздействующие на поведение потребителя. Инфлюенсеры, активно транслирующие свои предпочтения, формируют дополнительную перспективу для рассмотрения городских модных тенденций вне зависимости от географии проживания. Автор в статье рассматривает феномен цифровых инфлюенсеров, причины их возникновения, оказываемое ими влияние на городскую моду и стиль. В работе рассматриваются основные аспекты, связанные с институтом цифрового влияния, взаимосвязь моды и влияния на общественное поведение, приводится пример использования цифровых инфлюенсеров в рамках рекламных кампаний.

Ключевые слова: *цифровые инфлюенсеры; сетевая коммуникация; цифровое общество; мода; цифровое влияние.*

URBAN FASHION AND STYLE IN THE ERA OF DIGITAL INFLUENCERS: IMPACT ON CONSUMER BEHAVIOR

U. P. Masalovich

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
ulyana.masalovich@gmail.com

Abstract. Modern fashion trends in the era of digital influencers are undergoing significant changes. The increasing number of opinion leaders in the digital environment generates the formation of new rules of interactions in the digital space, creates new standards of behavior, and produces trends that influence consumer behavior. Influencers actively broadcasting their preferences form an additional perspective to consider urban fashion trends regardless of the geography of residence. The author in the article examines the phenomenon of digital

influencers, the reasons for their emergence, the impact they have on urban fashion and style. The article discusses the main aspects related to the institution of digital influence, the relationship between fashion and influence on social behavior, and gives an example of the use of digital Influencers in advertising campaigns.

Keywords: *digital influencers; network communication; digital society; fashion; digital influence.*

Современное общество находится на стадии фундаментальных изменений, касающихся области взаимодействий индивида и социальных групп, вызванных активным внедрением элементов цифрового мира в повседневность. Ориентируясь на теорию социального конструирования реальности [1], отметим, что субъективные представления современного человека об окружающем мире, восприятие собственного образа и выбор модели взаимодействия базируются на системе ценностей, взглядов и убеждений, формирующихся в рамках социального пространства и зависящих от системы связей, существующей на данном пространстве.

В процессе внедрения цифровых технологий происходят изменения образа отдельного индивида, возникают дополнительные измерения, используемые для рассмотрения перспектив построения новых типов взаимодействий и социально-ролевых моделей. Современный человек выстраивает отношения с виртуальным миром, не только поддерживая систему связей в рамках виртуальной среды, но и эксплицируя свой опыт в реальном мире. Формирование связей происходит с момента рождения человека и может завершаться периодом физической смерти. Однако погруженность современного индивида в виртуальное пространство позволяет развивать сеть и после смерти человека. С момента существования цифровой реальности и сетевых сообществ стало возможным обретение статуса «бессмертия» и трансформация телесности.

Данный феномен раскрывает возможности для изучения влияния цифровой среды на формирование личной и социальной идентичности, сфер взаимодействия участников цифровой среды, продуктов коммуникации, происходящей в рамках существующего пространства, соизмеримости реальности и виртуальности по различным параметрам. Понимание происходящих процессов имеет высокую степень значимости для адаптации социальных теорий и социологических гипотез к динамичному развитию цифровой среды, восприятию Я-образов и Мы-образов в контексте формирования различных уровней идентичности.

Обычным для любого общества, элементом формирования социальной и личной идентичности в нем является процесс следования моде как принятие ряда популярных ценностей и установок, транслирующих и

отождествляющих индивидуальные или коллективные позиции. Первые теории моды, которые пытались объяснить суть этого явления и причины его возникновения, возникли в конце XVIII в. Первоначально моду относили исключительно к эстетической сфере, считая, что она представляет собой изменения эстетического вкуса и проявление художественного стиля, а смену мод объясняли старением канонов и идеалов. Такой позиции придерживались и некоторые ученые XX столетия (Дьёрдь Лукач и другие) [2, с. 248].

Существует множество внешних факторов, воздействующих на моду и стиль опосредованно, через изменение уклада и образа жизни общества. Особенность таких факторов – длительность сроков их проявления и действие в отдельных регионах или государствах. К ним можно отнести, например:

- изменения общественно-экономических формаций;
- масштабные экономические и политические кризисы;
- затяжные военные конфликты, охватывающие крупные регионы;
- международную изоляцию и санкции против отдельных государств и т. п. [3].

Исследователи, изучающие особенности человеческого поведения и развития в рамках общественных объединений, считают, что такое явление как мода зародилась среди привилегированных слоёв общества, которые посредством демонстрации внешних атрибутов «закрепляли» за собой положение в обществе, а также могли приобретать власть и влияние за счёт повышения статуса и социальной значимости [4, с. 45]. Стоит отметить, что мода и власть имеют между собой не очевидную, но значимую связь, так как фигуры, обладающие авторитетом в области моды, могут являться лидерами мнений в социальной среде, быть объектом внимания и следования.

С момента развития института цифрового влияния, а именно с момента активного появления и развития таких субъектов Интернета как блогеры (иначе их называют инфлюенсерами), можно отметить рост тенденции к фолловерству, следованию за определённой фигурой или образцом поведения. Процесс «следования» лежит в основе традиционных форм влияния на общественное мнение, описанных Полом Лазерсфельдом в двухступенчатой модели коммуникации [5]. Инфлюенсеры являются частью городского населения, глазами блогеров обычный пользователь может видеть различные заведения, места для посещения, экстраполируя на себя чувства, эмоции и мнение автора при просмотре контента. Безусловно, реакция смотрящего будет зависеть от того, насколько на первоначальном этапе индивид соотносит себя с наблюдаемым субъектом.

Благодаря повсеместному развитию и неограниченному доступу к социальным сетям, инфлюенсеры получили возможность обращаться к своей

аудитории практически мгновенно, формируя тренды, создавая или меняя потребительское поведение пользователей социальных сетей. Важно зафиксировать, что влияние инфлюенсеров совершенно не ограничивается сферой моды и красоты (рекомендацией брендов одежды, косметики или ювелирных украшений), они могут иметь также влияние, уровень которого зависит от размера аудитории и степени близости с аудиторией, на формирование общественного мнения по социально-значимым вопросам, в том числе экономического, культурного и политического характера. Важно зафиксировать, что понятие моды в рамках данной работы может рассматриваться не только как совокупность привычек и вкусов, господствующих в определённой общественной среде в определённое время, но и как сфера жизни, ориентированная на получение эстетического удовольствия от предметов одежды и аксессуаров.

Говоря о тенденции трансляции повседневной жизни в социальные сети и формировании моды и модных тенденций, важно упомянуть о разных типах блогеров. Стоит отметить, что имеет значение тип площадки, на которой транслируется допустимый формат контента (это может быть видео, фото, или текстовый вариант), размер аудитории (нано-, микро-, макро или миллионная аудитория), тематика контента, производимого автором (развлекательного, познавательного, провокационного); направление деятельности автора (лайф-стайл, семейная жизнь, мода, здоровый образ жизни, профессиональная сфера и иное) [6, с. 24].

Возникновение новых видов инфлюенсеров стало следствием динамичного развития цифровой среды. Так и появились цифровые инфлюенсеры, в большинстве своем – это компьютерно-сгенерированные персонажи, которые создаются с помощью специальных программ и алгоритмов, и затем используются для продвижения товаров, услуг и идей в социальных сетях и других цифровых медиа-платформах. Они обладают схожими с реальными людьми-инфлюенсерами характеристиками и поведенческими паттернами, но при этом не имеют реальной физической формы [7, с. 188].

Рассмотрим в качестве примера воздействия цифрового инфлюенсера цифровую модель и блогера – Лил Микела (Lil Miquela) [8]. Это цифровой инфлюенсер, имеющий более 2 миллионов подписчиков в социальной сети Инстаграм, а также присутствующий на разных медиа-платформах. Лил Микела выпускает песни и является амбассадором ряда брендов. В октябре 2023 года Лил Микела стала участницей промо-кампании электромобиля BMW, которая прошла под слоганом «Make it real» [9]. Проведение данной PR-кампании позволило бренду открыть новые возможности в коммуникационной стратегии, а также стать пионером среди крупных

брендов, пользующимся услугами популярных цифровых моделей, задав модный тренд на «погружение в виртуальную реальность», «стирание границ» и свободу самовыражения. Стоит отметить, что в случае с Лил Микелой BMW – не первый крупный бренд, использующий её фигуру в рамках промо-кампаний. В 2019 году она стала амбассадором смартфона Samsung, став частью #TeamGalaxy наравне с актрисой Милли Бобби Браун, диджеем Стивом Аоки, профессиональным геймером Ninja [10]. В том же 2019 году она снялась с известной моделью Беллой Хадид в рекламном ролике бренда Calvin Klein [11]. Все кампании, проводимые с участием цифрового инфлюенсера, делали отсылку к совмещению двух миров – «виртуального и реального», а также к стиранию границ и предоставлению равных возможностей для всех участников коммуникации в любом «мире». Безусловно, новизна и необычный формат рекламной кампании обеспечивает бренду дополнительное внимание со стороны потребителей. Для самого же цифрового инфлюенсера ведение подобной рекламной кампании – это стратегия сближения с целевой аудиторией, а также возможность транслировать и продвигать интересы определенных компаний, формировать тренды и настроения аудитории.

Подводя итог, важно отметить, что, говоря об инфлюенсерах в сфере моды, мы также должны понимать, что не только данный тип инфлюенсеров может являться амбассадором взглядов и ценностей. География воздействия инфлюенсера не ограничивается регионом проживания, так как современные медиа-платформы позволяют охватывать разрозненные аудитории со схожими интересами. Любой из описанных ранее типов инфлюенсеров может являться транслятором модных тенденций. Рассматривая деятельность инфлюенсеров, необходимо учесть то, каким образом транслируется информация, есть ли коммуникация с аудиторией и какую роль аудитории отдает автор контент. Если автор контента отвечает на комментарии пользователей, принимает обратную связь и корректирует свой контент в соответствии с ней, такие действия могут оказать благоприятный эффект при коммуникации с последователями данного автора. Рассматривая данную ситуацию в социологическом аспекте, мы можем отметить возможные угрозы, возникающие при возрастании роли цифрового влияния в контексте формирования модных тенденций, среди которых – растворение границ собственной личности в личности следуемого субъекта, «прирастание» к жизни наблюдаемого субъекта, обретение зависимости от выпускаемого контента, «зацикленность» на моде и стилевых характеристиках автора контента, отсутствие ощущения осознанности потребительского выбора. Подобные явления могут вызывать девиантное поведение у участников процесса коммуникации, так как привыкание к позиции наблюдателя может

отразиться на реальной жизни наблюдающего. Вполне вероятно подмена явлений реальной жизни на элементы виртуальной. Однако, исходя из текущего статуса развития цифровых взаимодействий, можно полагать, что институт цифрового влияния демонстрирует усиление тенденции воздействия на формирование и развитие модных трендов в различных сферах общества – от классической моды до сферы автомобильного производства и технологий. Этот феномен нуждается в детальном изучении и применении результатов проведенных исследований в решении социально-значимых вопросов, а также в формировании маркетинговых и коммуникационных стратегий брендов.

Библиографические ссылки

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Васильев А. Русская мода. М.: Гранд, 2004. 301 с.
3. Уварова Л. В. Обзор механизмов эволюции моды и стиля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-mehanizmov-evolyutsii-mody-i-stilya>. Дата доступа: 24.10.2023.
4. Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля: Теория моды. СПб. Речь, 2009. 234 с.
5. Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal influence [Electronic resource]. Mode of access: <https://pracownik.kul.pl/files/37108/public/KatzE.pdf>. Date of access: 26.10.2023.
6. Яновская Г., Кочеткова О., Остапенко А. Молодежные блогеры как проводники идей и смыслов в подростковой среде // Новое в массовой коммуникации: Альманах Воронежского государственного университета. 2017. № 7–8. С. 17–31.
7. Brown K. A., Kozinets R. V., Shultz C. J. Virtual Brand Agents: Emergent Communicative and Relational Strategies // Journal of Marketing Management. 2021. No 37 (3–4). P. 185–203.
8. Личный профиль Lil Miquela [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instagram.com/lilmiquela?igsh=dTNuaHNldmdyenNl>. Дата доступа: 20.10.2023.
9. Рекламная кампания BMW [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CyQWL9TIwPm/?igsh=MW85NTYxY3hoanYzNA==>. Дата доступа: 20.10.2023.
10. Рекламная кампания Samsung #TeamGalaxy [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shortyawards.com/12th/samsung-teamgalaxy&_ Дата доступа: 20.10.2023.
11. Рекламная кампания Calvin Klein [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=JuTowFf6B9I_ Дата доступа: 20.10.2023.

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИКИ УЛУЧШЕНИЯ ЭТОГО ВЛИЯНИЯ

О. А. Медведева

менеджер проектов, тренер по нейроинтеграции, г. Москва, Россия

tg @OM8811

Аннотация. Урбанизация, растущая во всем мире, приносит как положительные, так и отрицательные тенденции в здоровье, состоянии и благополучии жителей больших городов. Данные тенденции должны рассматриваться с разных точек зрения: медицинских, психологических, социальных, демографических, политических, экономических и других. Помимо положительного влияния, наблюдается большое количество отрицательно влияющих факторов, которые необходимо минимизировать. В статье рассматриваются основные проблемы влияния городской среды на состояние и здоровье человека и варианты их решения, в первую очередь с точки зрения психолого-медицинских факторов, основываясь на том, что состояние жителей – это основной фактор, влияющий на остальные процессы, происходящие в социальной, экономической жизни городов.

Ключевые слова: *урбанизация; влияние; движение; состояние; среда; спорт; депрессия; стресс.*

THE IMPACT OF THE URBAN ENVIRONMENT ON HUMAN WELL-BEING AND PRACTICES TO IMPROVE THIS IMPACT

O. Medvedeva

project manager, Neurointegration Trainer, Moscow, Russia

tg @OM8811

Abstract. Urbanization, growing worldwide, brings both positive and negative trends in health, well-being, and wellbeing of residents in large cities. These trends should be examined from various perspectives, including medical, psychological, social, demographic, political, economic, and others. Alongside the positive impact, there is a significant number of factors negatively affecting health that need to be minimized. The article discusses the main problems of the urban environment's influence on human well-being and health, along with potential solutions, primarily focusing on psycho-medical factors. It emphasizes that the residents' well-being is the main factor influencing other processes in the social and economic life of cities.

Keywords: *urbanization; movement; wellbeing; environment; sport; depression; stress.*

Растущая урбанизация во всем мире (на текущий 2023 год количество жителей городов на Земле составляет 57,5% населения, к 2030 году эта цифра составит 68,6% по среднему варианту прогноза ООН) помимо решения многих задач городских жителей приносит новые вызовы. Предлагаю кратко рассмотреть положительные стороны, отрицательные и варианты решений.

Положительное влияние на жизнь индивида в городах оказывает большое количество возможностей для развития потенциала как физического, так и умственного. Развитие медицины, образования, разнообразных сервисов, позволяющих тратить время не на решение бытовых задач, а на более полезные вещи – такие, как спорт, обучение, культурное развитие.

С другой стороны, масса факторов оказывает негативное влияние на развитие как индивида, так и, соответственно, общества в целом. Поэтому основной задачей видится снижение влияния негативных факторов в городах, с учетом роста количества городского населения во всем мире.

Позитивные факторы:

- решение бытовых задач, освобождение времени и сил: доставка продуктов и готовой еды, развитый общественный транспорт, клининг, прачечные и другие сервисы

- возможности для физического развития, медицина, спорт, большой выбор товаров и услуг для здоровья и движения, для увеличения продолжительности активной и здоровой жизни

- широкие возможности для смены видов деятельности, культурного и интеллектуального развития: музеи, экскурсии, университеты, курсы, лекции, библиотеки, концерты, школы

Негативные факторы:

- информационная перегруженность

- нарушение биоритмов: освещенность, движение, шум, большое количество транспорта, много времени в дороге не способствуют природному режиму жизнедеятельности

- архитектурная среда: спальные районы, однообразие строений, четкие геометрические линии, серый фон создают дополнительный стресс, поскольку далеки от природных естественных видов, способствуют развитию близорукости, агрессивности, снижению интеллектуальных способностей

- социальный стресс: изоляция и одиночество (несмотря на множество людей вокруг), нет принадлежности к единому сообществу ежедневно – например, в доме, в подъезде большинство людей незнакомые. Развитие удаленной работы в последние годы еще снижает плотность связей в коллективе, что по данным ряда

исследований повышает риск развития депрессии, хронической тревожности и даже шизофрении

- экология: высокий уровень загрязнения воздуха также повышает риск развития депрессии, тревожности и других аффективных расстройств

- шум (в основном от транспорта) отвлекает, мешает сосредоточиться, вызывает изменения функционального состояния центральной нервной и сердечно-сосудистой систем. Ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, повышение содержания холестерина в крови встречаются чаще у людей, проживающих в шумных районах. Под воздействием шума нарушается сон, после пробуждения люди чувствуют усталость, головную боль. Со временем это приводит к переутомлению, снижению работоспособности, болезням.

Что предлагают современные подходы в решении данных проблем?

В первую очередь необходимо заботиться о состоянии жителей (психологическом и физическом), создавая возможности для естественного отдыха организма, близкие к естественным, природным: зеленые насаждения, парки, скверы, пруды, водоемы, где поют птицы, живут звери – общение с природой предоставляет отдых для глаз и нервной системы, снижение стресса и тревоги. Немаловажно наличие мест для принятия солнечных ванн в условиях северных регионов.

Цветовое оформление также физиологически влияет на состояние: яркие или пастельные цвета, близкие к природным, способствуют расслаблению. Строительство «городов для всех», то есть доступных и благоприятных для людей всех возрастных групп, принесет преимущества всем городским жителям, ведь инклюзивная среда способствует снижению агрессии и увеличению социализации.

Важным фактором являются возможности для смены вида деятельности, поскольку большая часть работы в городах умственная, сидячая. Поэтому площадки для спорта, прогулок, велодорожки, аренда велосипедов – то, что под рукой, легко доступно и будет использоваться. Поощрение физической активности и здорового образа жизни помогает улучшить физическое и психологическое здоровье.

Возможности для заведения питомцев можно считать важным фактором улучшения психологического состояния – выгул, ветеринария, доступная среда (можно входить во многие общественные пространства с небольшими животными).

Снижение транспортной загруженности крайне важно для экологии, шумового загрязнения, перегруженности и экономии времени. Необходимо

уменьшение количества личного транспорта, подземные паркинги, дворы без машин, развитие общественного транспорта и альтернатив – таких, как дорожки для велосипедов.

Повышение социализации достигается созданием и доступностью клубов и секций здоровья, фитнес-центров, вовлечение в общение и движение (прогулки, беговые клубы, йога, фитнес, занятия в парках). Социальные механизмы автоматически приводят людей к тому, что для них знакомо: если на улицах много бегунов и велосипедистов, это становится привычным и мотивирует «вливаться в среду». Не менее важны клубы по интересам и хобби, ведь разнообразный досуг и творчество заметно снижают уровень стресса, выгорания, депрессий и тревожности.

Четкое расписание и привычная отработанная рутина (дорога на/с работы, магазин, детский сад, школа и другие места) снижают когнитивную нагрузку. Транспорт по расписанию, доставка продуктов, другие сервисы также способствуют этому. В то же время разнообразить, активизировать функции мышления необходимо с помощью указанных выше способов.

Итак, основные решения, с помощью которых можно значительно снизить негативное влияние городских условий жизни на людей:

1. Большое количество зеленых насаждений (по некоторым данным, не менее 25% от общей площади).
2. Места для прогулок в каждом районе (скверы, бульвары, детские площадки, площади без движения автомобилей).
3. Доступные спортивные площадки.
4. Распространение велосипедных и беговых дорожек.
5. Развитие сервиса аренды велосипедов и самокатов (снижение выбросов от личных, арендованных автомобилей и такси, шумового загрязнения, более подвижный образ жизни).
6. Развитие метро и других видов общественного транспорта (в том числе электротранспорта).
7. Организация досуга для пожилых граждан.
8. Возможности для организации проведения активного досуга в парках (ходьба, занятия йогой, бегом).
9. Жилые комплексы с подземными паркингами и дворами без машин с мягким покрытием для детей и занятий спортом.
10. Разнообразие застройки городского пространства: возведение разнообразных жилых комплексов и зданий, индивидуальное цветное и стилистическое оформление.
11. Площадки для выгула собак.
12. Шаговая доступность социальных учреждений в каждом районе (поликлиники, сады, школы).

13. Искусство на благо развития городской среды (привлекает внимание, снижает стресс от однообразия).
14. Снижение этажности городской застройки (в идеале до 3-4 этажей).
15. Закрытые жилые комплексы с дворами без машин способствуют снижению уровня шумового загрязнения и социализации жителей.
16. Ландшафтный дизайн.
17. Доступность выходов к воде, создание и оформление водоемов.
18. Социальные пространства, где люди могут общаться, социализироваться.
19. Инклюзивность городской среды (для маломобильных групп населения: инвалидов, пожилых, людей с детьми).
20. Культурные учреждения, легко доступные в каждом районе.

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ В ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ УПРАВЛЕНИИ ГОРОДОМ

А. С. Метелева, О. Г. Филатова

Университет ИТМО

Кронверкский пр., 49, 197101, Санкт-Петербург, Россия

metelyovalina@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7–9, 199034, Санкт-Петербург, Россия

o.filatova@spbu.ru

Аннотация. Ценностно-ориентированное управление территорией нацелено на учёт ценностей населения, проживающего на этой территории. В свою очередь, ценности неразрывно связаны с потребностями, на формирование которых в условиях цифровой трансформации общественной жизни влияют в том числе цифровые сервисы. Экосистема городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург» объединяет цифровые сервисы, сортируя их согласно ролевой модели и соответствующим каждой роли потребностям. Способность Экосистемы городских сервисов адаптироваться к новым потребностям жителей города позволяет отследить изменение роли цифровых сервисов в ценностно-ориентированном управлении городом. Планируются исследования, направленные на оценку результативности цифровых сервисов и на формирование экосистемы взаимодействия граждан и властных структур.

Ключевые слова: *ценностно-ориентированное управление; общественная ценность; цифровые сервисы; умный город; управление городом.*

DIGITAL SERVICES IN VALUE-BASED CITY MANAGEMENT

A. S. Meteleva, O. G. Filatova

ITMO University 49 Kronverksky Av, 197101, St. Petersburg, Russia

metelyovalina@mail.ru

Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb, 199034, St

Petersburg, Russia

o.filatova@spbu.ru

Abstract. Value-based management of the territory is aimed at taking into account the values of the population living in this territory. In turn, values are inextricably linked with needs, the formation of which in the conditions of digital transformation of public life is influenced, among other things, by digital services. The ecosystem of urban services in St. Petersburg combines digital services, sorting them according to the role model and the needs corresponding

to each role. The ability of the ecosystem of urban services to adapt to the new needs of city residents allows us to track the changing role of digital services in the value-based city management. Studies are planned to assess the effectiveness of digital services and to form an ecosystem of interaction between citizens and government.

Keywords: value-based management; public value; digital services; smart city; city management.

В современном городе все большую роль и значение приобретают цифровые сервисы. Так, например, в Санкт-Петербурге в настоящий момент внедряется новая модель предоставления услуг горожанам в цифровом виде – Экосистема городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург», включающая в себя мобильные приложения, цифровые сервисы от государственных и сторонних разработчиков, а также приложения и чат-боты в соцсетях и мессенджерах (см.: <https://petersburg.ru/>). Такая цифровая трансформация модели оказания электронных услуг влечет за собой изменения в системе взаимодействия граждан и власти и имеет важные эффекты, требующие изучения. На наш взгляд, весьма перспективным представляется изучение взаимосвязи цифровых сервисов и ценностно-ориентированного управления городом.

Понятие ценностно-ориентированного управления (value-based management) изначально характерно для бизнес-среды: оно отражает вид управленческой деятельности, нацеленной на увеличение стоимости компании, максимизации её ценности [1]. В территориальном управлении ценностно-ориентированный подход обращён к ценностям жителей определённой местности и направлен на повышение качества их жизни [2, с. 25].

Ценности как явление и предмет научного познания не имеют общепринятого определения и единой классификации. Так, например, Ш. Шварц разработал теорию базовых индивидуальных ценностей человека, подразумевая под ними абстрактные жизненные идеалы, и сначала выделил 10 ценностей [3], а затем уточнил их количество до 19 [4]. Среди них – такие ценности, как «Гедонизм», «Достижение», «Репутация», «Традиция» и др. [4, с. 48]. М. Рокич понимал под ценностями устойчивые убеждения и выделил терминальные (убеждения о предпочтительных целях существования) и инструментальные (убеждения об предпочтительном способе поведения) ценности [5]. Д. Дильтей неразрывно связывает ценности и чувства, переживаемые человеком [6].

Влияние ценностей населения территории на её экономическое развитие, сферу управления, благосостояние её жителей и пр. отражено в концепции ценностей Р. Инглхарта. Исследователь считает, что ценности

людей подвержены изменениям и способны оказывать воздействие на сферы общественной жизни [7]. В частности, концепции ценностей Р. Инглхарта в работах о ценностно-ориентированном управлении в умном городе придерживаются исследователи из Университета ИТМО (Санкт-Петербург, Россия): авторы предлагают способы «агрегации персональных и социальных ценностей в городскую жизнь» [8].

Отдельную роль играет теория общественных ценностей, применимая к государственному сектору. Автор теории, М. Мур, считает, что одним из основных направлений деятельности государственных институтов является создание определённых публичных ценностей, что в конечном итоге ведёт к укреплению положительного образа государственной власти [9]. Развиваясь, понятие общественных ценностей стало использоваться не только в том контексте, где государство является единственным создателем ценностей, но и в условиях диалога власти и общества по созданию публичных ценностей [10, с. 20-21].

Не стоит забывать, что ценности во многом определяются существующими потребностями, важную роль в формировании которых играют цифровые сервисы. В частности, команда разработчиков Экосистемы городских сервисов «Цифровой Петербург» как раз создаёт площадку для востребованных и качественных сервисов, каждый из которых соответствует той или иной социальной роли пользователя и удовлетворяет соответствующие потребности. Например, роль «Я родитель» закрывает потребности в оформлении первых документов ребёнка, в получении льгот и выплат, записи в детский сад или школу с помощью соответствующих образовательных платформ, информационных сервисов и чат-ботов. А флагманское мини-приложение Экосистемы городских сервисов «Я здесь живу» родилось сразу из многих важных потребностей, необходимых для повседневной комфортной городской жизни: благоустройство дома и района, информирование об отключениях горячей воды, список администраций города, пункты сортировки отходов вокруг заданного адреса и многие другие.

Разработчики утверждают, что экосистема способна видоизменяться за счёт добавления новых социальных ролей и потребностей жителями города. На сайте Экосистемы есть кнопка «Добавить социальную роль», а также в сообществе ВКонтакте создана дискуссионная площадка, на которой горожане могут задавать вопросы и подавать заявки на включение сервиса в экосистему, тем самым развивая диалог власти и общества и делая городскую жизнь для каждого человека удобнее.

Важным элементом проекта развития городских цифровых сервисов является грамотное выявление ролей и потребностей. Все роли,

представленные на данный момент в Экосистеме, были сформированы с помощью фокус-групп и экспертов. Для дальнейшего эффективного развития цифровых сервисов и выявления их роли в ценностно-ориентированном развитии города необходимы новые исследования, которые планируется проводить в рамках трехлетнего научного проекта, поддержанного Российским научным фондом и Санкт-Петербургским научным фондом в 2023 году. Значимыми критериями в вопросе измерения эффективности деятельности могут выступать оперативность, степень вовлечения граждан, факт решения поступающей проблемы, организационное и нормативно-правовое обеспечение рабочих процессов.

Основываясь на реальных эмпирических данных, собранных как для города в целом, так и для конкретных районов, будет разработана модель экосистемы взаимодействия граждан и власти с выделением технически различных типов основных медийно-коммуникационных сред: среда веб-сайтов (порталов), среда социальных сетей, среда мобильных платформ и службы обмена сообщениями. Постоянное развитие таких сред ведет к большему разнообразию возможностей взаимодействия и участия, изменяя и усложняя тем самым поведенческие предпочтения городских жителей и их отношение к институтам городского управления. Недостаточный учет подобных изменений снижает пользу (общественную и индивидуальную), эффективность и результативность имеющейся и перспективной экосистемы цифровых сервисов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Библиографические ссылки

1. Jensen M. Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function // *Journal of Applied Corporate Finance*. 2001. Vol. 7, № 3. P. 297-317.
2. Лаптев Д.Е. Ценностно-ориентированный подход как концептуальная основа управления стратегическим развитием регионов в современных условиях // *International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education*. 2016. № 15 (25). С. 24-27.
3. Schwartz S. Universal in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // M. Zanna. *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65.

4. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
5. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
6. Дильтей В. Описательная психология. СПб: «Алетейя», 1996. 153 с.
7. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
8. Митягин С.А., Горнова Г.В., Дрожжин А.И., Сокол А.А. Ценностно-ориентированное управление в умном городе // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9, № 12. С. 104–110.
9. Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
10. Дмитриева Н.Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллект. моногр. / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 30 с.

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В. К. Милькаманович

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
milkamanovich@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены социально-гигиенические проблемы современного города и медико-социальные проблемы городского населения. Рассмотрены основные направления профилактики болезней урбанизации.

Ключевые слова: *цивилизация, урбанизация, социально-гигиенические проблемы, медико-социальные проблемы.*

URBAN LIFESTYLE AS A MEDICAL AND SOCIAL PROBLEM

V. C. Milkamanovich

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
milkamanovich@yandex.ru

Abstract. The publication presents the social and hygienic problems of the modern city and the medical and social problems of the urban population. The main directions of prevention of urbanization diseases are considered.

Keywords: *civilization, urbanization, social and hygienic problems, medical and social problems.*

К сожалению, приходится констатировать, что достижения цивилизации нередко являются факторами риска, а порой и причиной развития многих болезней [2]. Сегодня эти болезни стали одними из самых распространенных во всем мире. Среди наиболее распространенных болезней цивилизации можно назвать сахарный диабет 2 типа, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, ожирение, артериальную гипертонию, хронические заболевания дыхательных путей, остеопороз, проблемы со зрением, депрессию и многие другие. Эти болезни наносят серьезный вред здоровью и могут привести к инвалидности и смерти, поэтому важно знать, как предотвратить их развитие.

Такое состояние здоровья происходит из-за гипокинезии (сидячего образа жизни и низкой физической активности), нерационального и

неправильного питания, вредных привычек (курение, неумеренное потребление алкогольных напитков). Появление этих болезней связано также с увеличением численности населения, улучшением медицинской помощи и увеличением продолжительности жизни.

Серьезным медико-социальным последствием научно-технического прогресса является *урбанизация*. Урбанизация (от лат. urbanus – городской) – процесс повышения роли городов в развитии общества.

В результате урбанизации возникают такие неблагоприятные социально-гигиенические проблемы современного города, как:

- недостаток водопроводной воды;
- возрастающее загрязнение атмосферного воздуха;
- усиливающийся уличный шум;
- недостаток зеленых насаждений и мест отдыха;
- затруднение с внутригородским транспортом;
- растущие масштабы уличного травматизма.

Социально-гигиенические проблемы города в свою очередь создают опасные для здоровья медико-социальные проблемы для городского населения. *Первая медико-социальная проблема* крупного города – это нейропсихическое состояние человека: эмоциональные стрессы, угнетенное состояние, тоска, страх, депрессия, тревога и другие эмоциональные проявления. При этих состояниях легче возникают и тяжелее протекают артериальная гипертензия (гипертоническая болезнь) ишемическая болезнь сердца (ИБС), язвенная болезнь, болезни кожи и обмена веществ, невроты и психические расстройства. Социально-медицинская проблема психологического фактора риска при урбанизации состоит в разработке общественной психопрофилактики.

Вторая медико-социальная проблема крупного города – это рост заболеваемости. В городе в 2-4 раза чаще встречаются болезни сердечно-сосудистой, нервной системы, органов дыхания, грипп и инфекционные заболевания, язвенная болезнь желудка и травмы

Третья медико-социальная проблема города – это гиподинамия. В настоящее время лишь 1% энергии вырабатывается мускульной силой, остальные 99% – результат автоматизации и механизации. В результате энергетический природный потенциал человека оказался ненужным. Автобус, трамвай, троллейбус, лифт, кресло приводят в конечном итоге к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, болезней нервной системы, суставов, связок, позвоночника. Неизбежные следствия ослабления мышечной активности – артриты, артрозы и частые мучительные страдания по поводу поясничных болезней. В результате урбанизации большая часть жизни людей проходит в закрытых помещениях.

Четвертая медико-социальная проблема города – несовершенный дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их максимально пригодными к пользованию людьми с ограниченными возможностями здоровья без необходимости адаптации или специального дизайна. Универсальный дизайн создает продукты, места и системы, которые уменьшают потребность в специальных помещениях и многих дорогих вспомогательных устройствах, а также снижает сегрегацию, помещая людей с инвалидностью вместе и в одинаковых условиях с другими категориями населения [1].

Серьезным препятствием для человека с инвалидностью является отсутствие или неполноценность безбарьерной среды. Даже в тех случаях, когда лицо с физическими ограничениями имеет средства передвижения (протез, кресло-коляска, специально оборудованный автомобиль), организация городской жилой среды и транспорта не всегда является «дружественной» к нему [3].

Профилактика медико-социальных проблем урбанизации включает в себя широкий спектр мер. Важная роль отводится превентивным мерам, направленным на повышение осведомленности и образованности городского населения. Эти меры включают информационные кампании о здоровом образе жизни, важности правильного питания и регулярных физических упражнений [4].

Профилактика болезней городского населения также включает меры на государственном уровне – такие, как улучшение общественной инфраструктуры и создание условий для активной жизни. Это может включать развитие парков, велодорожек и других спортивных объектов, а также регулирование потребления вредных продуктов.

Важную роль в профилактике играет индивидуальная ответственность. Люди должны принимать на себя ответственность за свое здоровье и принимать меры для поддержания здорового образа жизни. Это может включать здоровое питание, избегание вредных привычек, регулярные физические нагрузки, достаточный отдых, соблюдение правил гигиены, контроль стресса и регулярные медицинские осмотры.

Библиографические ссылки

1. Лазовская Н.А. Универсальный дизайн открытых пространств, зданий и сооружений. – Минск: Ковчег, 2016. – 144 с.
2. Медик В.А., Юрьев В.К. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. – М.: Професионал, 2009. – 432 с.
3. Милькаманович В.К. Организация доступной городской среды для граждан с инвалидностью // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и

инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 197-200. <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272399>.

4. Милькаманович В. К. Профилактика инвалидности и реабилитация лиц с инвалидностью / М-во труда и социальной защиты Республики Беларусь, Республиканский ин-т повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Минск: Минский гос. ПТК полиграфии, 2021. – 75 с.

SWOT-АНАЛИЗ В УРБАНИСТИКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РИСКА

К. С. Михасёв

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
posledniya.minuta.solntsa@gmail.com

Научный руководитель: **С. В. Воробьева**,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В статье раскрыты методологические аспекты применения SWOT-анализа, связанные с оценками риска в решении урбанистических проблем. Актуальность темы обусловлена растущим значением данного маркетингового инструмента, который активно используется в урбанистике и связан со стратегическим планированием. В результате проведенного исследования были раскрыты два существенных аспекта методологии SWOT-анализа применительно к урбанистической сфере. Согласно первому аспекту, выявляемые противоположности выступают маркерами изменений и развития и составляют картографию для выявления и оценки рисков. Согласно второму аспекту, для повышения эффективности применения SWOT-анализа в урбанистике необходимо придерживаться неклассических трактовок логических законов. Раскрыты два его этапа, на первом из которых осуществляется полный анализ положительных и отрицательных сторон факторов, на втором – выстраивается стратегия успешного развития на основе объединения противоположностей.

Ключевые слова: *SWOT-анализ; урбанистика; диалектика; закон непротиворечивости; формальное противоречие; диалектическое противоречие; противоположности; оценки риска.*

SWOT-ANALYSIS IN URBANISM: METHODOLOGICAL ASPECTS OF RISK ASSESSMENT

K. S. Mikhasiou

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
posledniya.minuta.solntsa@gmail.com

Abstract. The article reveals the methodological aspects of the use of SWOT analysis related to risk assessments in solving urban problems. The relevance of the topic is due to the growing importance of this marketing tool, which is actively used in urban planning and is associated with strategic planning. As a result of the study, two essential aspects of the SWOT

analysis methodology in relation to the urban sphere were revealed. According to the first aspect, the identified opposites act as markers of change and development and constitute a cartography for identifying and assessing risks. According to the second aspect, to increase the efficiency of using SWOT analysis in urban studies, it is necessary to adhere to non-classical interpretations of logical laws. Two of its stages are revealed. At the first stage, a full analysis of the positive and negative sides of the factors is carried out, at the second, a strategy for successful development is built based on the combination of opposites.

Keywords: *SWOT-analysis; urbanism; dialectics; law of consistency; formal contradiction; dialectical contradiction; opposites; risk assessments.*

Актуальность темы обусловлена растущим значением SWOT-анализа в качестве маркетингового инструмента, применимого в решении урбанистических проблем [1; 2]. Его использование обусловлено неклассическим подходом в построении объяснительных и понимающих моделей стратегий мышления и коммуникации. Такие модели необходимы в стратегическом планировании, которое невозможно без оценок, коррекций и модификаций движущих и сдерживающих факторов, например, в развитии городской среды, функционировании городского управления, организации рекреационных зон. Поэтому цель заключается в раскрытии методологических аспектов применения в урбанистике SWOT-анализа, связанного с оценками риска.

Прежде всего следует расшифровать аббревиатуру. Аббревиатурное именование *SWOT-анализ* происходит от четырех слов: *Strength, Weakness, Opportunities, Threats*. Они переводятся соответственно как *сила, слабость, возможности, угрозы*. Их содержание является диалектическим, поэтому важным в выявлении методологических аспектов SWOT-анализа является контекст диалектики. Контекст диалектики в проведении SWOT-анализа подразумевает учет противоположностей, образующих целостность. Диалектика как философская теория представляет собой, во-первых, систему всеобщих законов развития природы, человеческого общества и мышления, во-вторых, это, как определили Ф.Т. Михайлов и Т.Х. Керимов, «логико-философский метод рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречия его мыслимого содержания» [3]. Поскольку SWOT-анализ следует рассматривать как инструмент (метод) познания изменяющихся социальных явлений, постольку для его эффективного применения необходимо четко понимать особенности диалектических условий интерпретаций. Диалектические условия, в которых существуют явления и события, подразумевают, с одной стороны, их взаимосвязь, а с другой – их относительную независимость или автономность существования. Поэтому диалектический контекст логики SWOT-анализа опирается на учет,

во-первых, единства, целостности и непрерывности явлений и событий, во-вторых, – их расчлененности, структурированности, дискретности. Например, диалектика медиатекста подразумевает его «включенность в систему глобальных информационных потоков и многоуровневых отношений», и в этом случае можно рассуждать о его свойстве открытости, т. е. «связанности медиатекста и отображаемых в нем событий с другими медиатекстами и событиями в информационно-цифровом пространстве». При этом «диалектика открытости приводит к созданию гипертекстов, в которых исходная тема развивается непредсказуемо» [4, с. 97]. С другой стороны, медиатекст является конкретным, автономным, имеющим свою дискретную специфику.

Наличие дискретности и автономности в структуре какого-либо целого позволяет фиксировать необходимые для SWOT-анализа условия и абстрагироваться от других условий, выявлять признаки (свойства и отношения), которые являются значимыми для данной совокупности условий. Исследователь в маркетинге выбирает условия с таким расчетом, чтобы интересующее его явление обнаруживало себя в «чистом» виде. Для этого определяются условия, при которых интересующие исследователя признаки и качества играют фундаментальную роль, и сфокусировать внимание на этих признаках и качествах. Например, З.С. Шашин и А.Е. Шилова на примере конкретных проектов, связанных с темой локальной идентичности и урбанистики, наметили пути решения проблемы обезличивания городов, связанной с тем фактом, что «у жителей остается незакрытая потребность идентифицировать себя с местом». В результате, рассмотрев «проекты, посвященные истории города, его благоустройству и волонтерской деятельности», они выявили «свободную платформу для нового проекта», определили «его направление и основные черты для его успешности» [1, с. 752].

Центральной методологической категорией в SWOT-анализе выступает диалектическое противоречие, отличающееся от противоречия формального. Формальное противоречие подразумевает наличие двух высказываний – *A* и *не-A*, которые не могут быть, согласно закону непротиворечивости, одновременно истинными, т.е. одно из них будет обязательно ложным [5, с. 59]. Диалектическое противоречие не может быть проинтерпретировано в категориях классической двужначной логики, например, диалектическая несовместимость силы и слабости в определении возможностей и угроз. Поэтому применение SWOT-анализа в решении урбанистических проблем опирается на неклассические трактовки основных логических законов, которые детерминируют его основные свойства: определенность, последовательность, непротиворечивость и обусловленность [5, с. 223-224].

Основу SWOT-анализа составляют логические конструкты – «схемы обратимости, двойственности и альтернативности», которые воспроизводят «статические или динамические объекты в естественном языке» [5, с. 223]. Раскроем их смысл. Конструкт обратимости говорит о присутствии прямых и обратных логических преобразований, стремящихся к балансу, поддерживающих некоторую ясность и точность, или полное сходство предмета рассуждения самому себе. Конструкт двойственности указывает на наличие в аргументации явных или скрытых противопоставлений. Они дают возможность увидеть и зафиксировать точку равновесия, раскрыть основные свойства тождества/различия. Конструкт альтернативности означает построение взглядов или мышления через объединяющие и разделяющие признаки. Благодаря этим схемам очевидными становятся способы репрезентации целостной либо дискретной определенности, или сохранности, объектов [5, с. 224].

Указанные конструкты составляют диалектические основания SWOT-анализа как способа профессионального стратегического менеджмента, связанного с выявлением противоположностей как маркеров изменений и развития [4, с. 98]. Суть SWOT-анализа заключается в выработке правильной стратегии развития путем выявления основных направлений развития компании, т.е. определения внутренних (сильных и слабых сторон) и внешних (возможностей и угроз) характеристик или факторов и установления взаимосвязей между ними [6–9]. Проработка внутренних характеристик или факторов позволяет обозначить отличительные ресурсы организации, внешних – потенциальные источники успеха и пути продвижения компании [6]. Одновременное использование внутреннего и внешнего потенциалов компании говорит о том, что SWOT-анализ – это корпоративная стратегия, обеспечивающая диалектический подход к исследованию организации как открытой системы, а ее развитие – как сложный, многоэтапный процесс.

В SWOT-анализе важно различать следующие этапы [2; 8], которые вполне применимы к урбанистической сфере. Вначале осуществляется подготовка входных таблиц для двух пар (силы/слабости и возможности/угрозы) с указанием группы факторов (капитал, вид организации, политическое положение общества и т. д.). На втором этапе происходит выделение силы/слабости и возможности/угрозы и ранжирование данных (обозначение наиболее важных сил/слабостей и возможностей/угроз). После этого составляется расширенная матрица SWOT-анализа – таблицы, в которых визуализируются пересечения характеристик: сила и возможность, слабость и возможность, силы и угроза, слабость и угроза. Заключительный этап – анализ полученных групп: обозначение идеи будущего развития.

Для успешного использования метода необходимо ответить на четыре типа вопросов. Первый – *Каковы конкурентные преимущества, и как их можно использовать?* – используется для соотношения сила/возможность. Второй – *Каковы слабые стороны, и как использовать конкурентные преимущества для устранения или проработки слабых сторон?* – используется для соотношения слабость/возможность. Третий – *Каковы конкурентные преимущества и как, используя их, защититься от угроз?* – для соотношения сила/угроза. Четвертый – *Каковы слабые стороны, и какие из них необходимо развивать, а какие исключать?* – используется для соотношения слабость/угроза [9; 10].

Таким образом, раскрытые методологические аспекты SWOT-анализа, применяемого для оценки рисков при решении урбанистических проблем, позволяют реконструировать его логику в контексте диалектики. Согласно первому методологическому аспекту необходим эвристический поиск и обоснование противоположностей, выступающих маркерами изменений и развития. Разработанная система противоположностей позволяет составить картографию, способствующую выявлению и оценке рисков. Согласно второму аспекту, следует придерживаться неклассических трактовок логических законов, что усиливает результативность SWOT-анализа в оценке рисков. Для достижения эффективных результатов SWOT-анализ включает два этапа: полный анализ положительных (сильные стороны и возможности) и отрицательных (слабые стороны и угрозы) факторов; выстраивание стратегии успешного развития на основе объединения противоположностей.

Библиографические ссылки

1. Шашин З.С., Шилова А.Е. Сравнительный анализ медиапроектов, посвященных локальной идентичности и урбанистике // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020). Сб. ст. XX Всероссийской научно-практической конференции. В 2 т. Т. 1. Киров: Вятский государственный университет. 2020. С. 752–758.
2. Михайлов Ф.Т., Керимов Т.Х. Диалектика // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6984#t1>. Дата доступа: 12.10.2023.
3. Воробьева С.В. Концептуальные основания медиатекста в синергизме диалектики и прагматики // Антропологический поворот: теории и практики: сборник трудов международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. Орёл: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. С. 93–106.
4. Воробьева С.В. Логика: Теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
5. Шамаев И.А. Анализ для выбора верной стратегии развития // [Электронный ресурс] URL: <https://sendpulse.com/ru/blog/swot-analysis>. Дата доступа: 20.04.2021.

6. Левина М.В. Стратегия развития сельскохозяйственного предприятия // Наука и Образование. 2021. Т. 4. № 3. С. 74–88.
7. Попова В.Б. Формы проведения SWOT-анализа организации АПК // Вестник Университета Российской академии образования. 2021. № 4. С. 112–122.
8. SWOT-анализ и выработка стратегии развития // [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/management/00341465_0.html.. Дата доступа: 17.10.2023.
9. Майсак О.С. SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. № 1 (21). С. 151–157.
10. Benzaghta M. A., Elwalda A., Mousa M. M., Erkan I., Rahman M. SWOT analysis applications: An integrative literature review // Journal of Global Business Insights. 2021. № 6 (1). P. 55–73. URL: <https://www.doi.org/10.5038/2640-6489.6.1.1148>.

**ОЦЕНКА ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ И
ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ ОБРУЧЕВСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ:
ОПЫТ ПОЛЕВОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

К. И. Мулялина, В. А. Бахтина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, д. 6., 105005, Москва, Россия
1132221641@rudn.ru

(научный руководитель: **И. Н. Алов**, к. г. н., кафедра региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ассистент. E-mail: alov-in@rudn.ru)

Аннотация. Весной 2023 г. студентами первого курса экономического факультета РУДН им. Патриса Лумумбы было проведено полевое исследование Обручевского района Москвы на предмет влияния его инфраструктуры на здоровье жителей и людей, временно находящихся на его территории. Это исследование является частью совместного проекта с Национальным медицинским исследовательским центром терапии и профилактической медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации. Данная организация подготовила методологическую и техническую основу для проведения исследования. В его рамках студенты прошли всю территорию Обручевского района и выявили основные объекты инфраструктуры (магазины, рестораны, кафе, зеленые зоны, спортивные площадки, тематическая реклама и др.), оказывающие влияние на здоровье тех, кто проводит время в районе. К ним относятся не только жители, но и работники, и студенты – Обручевский район является одним из наиболее «студенческих» в Москве за счет концентрации сразу нескольких крупных вузов.

Ключевые слова: *городское здоровье; риски; полевое исследование; геоинформационные системы.*

**ASSESSMENT OF INFRASTRUCTURE AND ITS IMPACT ON THE
LIFESTYLE AND HEALTH OF THE POPULATION OF THE
OBRUCHEVSKY DISTRICT OF MOSCOW: EXPERIENCE OF FIELD
ECONOMIC- GEOGRAPHICAL RESEARCH**

K. I. Mulyalina, V. A. Bakhtina

RUDN University named after Patrice Lumumba
Miklouho-Maklaya st., 6., 105005, Moscow, Russia
1132221641@rudn.ru

Abstract. In the spring of 2023, first-year students of the Faculty of Economics of the RUDN University named after Patrice Lumumba conducted a field study of the Obruchevsky district of Moscow regarding the impact of its infrastructure on the health of residents and people temporarily staying on its territory. This study is part of a joint project with the National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation. This organization prepared the methodological and technical basis for the study. As part of it, students walked the entire territory of the Obruchevsky district and identified the main infrastructure facilities (shops, restaurants, cafes, green areas, sports grounds, thematic advertising, etc.) that affect the health of those who spend time in the area. These include not only residents, but also workers and students – Obruchevsky district is one of the most “student” districts in Moscow due to the concentration of several large universities.

Keywords: *urban health; risks; field research; geographic information systems.*

Всемирная организация здравоохранения выделяет четыре группы основных хронических неинфекционных заболеваний, которые обуславливают как социальный, так и экономический ущерб в большинстве стран мира, к ним относятся: сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования, хронические болезни органов дыхания и сахарный диабет. К модифицируемым факторам риска развития этих заболеваний среди населения вне зависимости от пола и возраста относятся нерациональное питание, недостаточная физическая активность, психоэмоциональное перенапряжение, курение и потребление алкоголя. Высокая распространенность хронических неинфекционных заболеваний в мире обусловлена возрастающим воздействием поведенческих факторов риска. Вклад факторов риска в заболеваемость и смертность основных хронических неинфекционных заболеваний определяется, в том числе, социально-экономическими факторами [3]. Поскольку на сегодняшний день, по разным оценкам, в городах живет около 55% населения мира, особую важность приобретает именно здоровье горожан, а также социально-экономические факторы риска.

Образ жизни – ключевой фактор, влияющий на состояние здоровья, качество и продолжительность жизни населения. Здоровый образ жизни, под которым понимается высокая подвижность, занятия спортом, потребление полезных продуктов питания и отсутствие вредных привычек, зачастую менее доступен горожанам, нежели «соблазны», связанные, например, с потреблением фастфуда, алкоголя и табака.

К факторам, влияющим на формирование риска основных ХНИЗ, кроме традиционных факторов риска и образа жизни, относят районный контекст (neighborhood environment) [2]. Это пространство в непосредственной близости, в шаговой доступности (в среднем до 400 метров) от места

жительства или долгосрочного пребывания (среды обитания) человека, а также социальные характеристики района проживания, его инфраструктура, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на здоровье человека [1]. В этом отношении Обручевский район Москвы представляет собой интересный кейс: здесь крупные жилые микрорайоны соседствуют с университетскими кампусами и студенческими общежитиями. При этом крупнейший вуз района – РУДН, отличающийся максимально разнообразным составом студентов (они представляют более 100 стран). В связи с этим данная территория представляет интерес не только как пример плотно населенного городского района с обилием факторов риска, но и как арену взаимодействий между очень разными социальными группами.

В настоящее время накоплен значительный зарубежный опыт проведения исследований по оценке влияния городской инфраструктуры на здоровье проживающего населения. Результаты этих исследований, свидетельствуют о значительном влиянии элементов инфраструктуры: застройки, транспорт, дизайн улиц, общественные пространства, а также доступ к таким ресурсам инфраструктуры, как здоровое питание, зоны для отдыха и места для занятий физической активностью на здоровье проживающего населения.

Все эти составляющие районного контекста изучались студентами РУДН в ходе полевого исследования. Объектами исследования были выбраны следующие элементы инфраструктуры муниципалитета:

- Медицинские организации (в том числе негосударственные): поликлиники, сосудистые центры, центры здоровья, отделения/кабинеты медицинской профилактики, многопрофильные клиничко-диагностические центры, медицинские лаборатории, аптеки.

- Спортивные объекты: воркауты, физкультурно-оздоровительные комплексы, бассейны, стадионы, скверы, парковые зоны с возможностями для бега, спортивной ходьбы, прогулок, велодорожками, баскетбольными, волейбольными площадками, фитнес-клубы, спортивные залы, велопрокаты.

- Магазины: продуктовые магазины, ярмарки/рынки с выбором свежих овощей и фруктов, отделы алкогольной продукции в магазинах и супермаркетах, отдельные магазины, специализирующиеся на продаже алкоголя, точки продажи табака и табачных изделий, в том числе кальянов и продукции для кальянов, кальянные; точки продажи вейпов и электронных сигарет.

- Предприятия общественного питания: точки быстрого питания (фастфуды, стритфуды) рестораны, кафе, столовые.
- Реклама: билборды, на транспорте, в магазинах, в объектах питания.
- Промышленные предприятия: заводы, энергокомплексы.

Инструментом для проведения исследования является специализированное программное обеспечение, разработанное НМИЦ.

Терапии Минздрава России, размещенное на планшете и позволяющее с помощью фотофиксации в реальном времени визуализировать данные на карте муниципалитета. Студенты обошли территорию района, заранее разбитую на 24 полигона, фиксируя в этом приложении все вышеперечисленные объекты.

В результате было выявлено, что Обручевский район, во-первых, весьма неоднороден с точки зрения факторов риска, во-вторых, отчасти противоречив. Его неоднородность связана с тем, что значительная часть бизнеса ориентирована не на местных жителей, а на транспортные артерии, станции метро и особенно – потоки студентов и работников. Такой бизнес, как правило, не является «здоровым»: это преимущественно фастфуд и магазины с легким доступом к табакосодержащей продукции. В то же время район является одним из наиболее зеленых в Москве за счет обилия скверов, парков и даже лесопарков. Впрочем, большинство из них недостаточно благоустроены, особенно для маломобильных групп граждан. Поскольку в районе живет немало людей пенсионного возраста, это является существенным недостатком. Также специфической проблемой следует назвать высокую барьерность среды, формируемую ограждениями строящихся домов, элитных жилых комплексов, полузакрытых территорий медицинских учреждений. Из-за этого жителям зачастую удобнее пользоваться теми услугами, что расположены на потоках, которые, как было сказано ранее, не ориентированы на здоровое питание.

Библиографические ссылки

1. Анциферова А.А., Концевая А.В., Муканеева Д.К. Neighborhood environment: влияние доступности точек по продаже алкоголя и табака на здоровье людей, проживающих на определенной территории // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2021 – Т. 20, вып. 6. – С. 29-59.
2. Estruch R., Ruilope L. M., Cosentino F. The year in cardiovascular medicine 2020: epidemiology and prevention // European Heart Journal. – 2021. – Vol. 42 (8). – P. 813-821.

3. Yusuf S., Joseph P., Rangarajan S. Modifiable risk factors, cardiovascular disease, and mortality in 155 722 individuals from 21 high-income, middle-income, and low-income countries (PURE): a prospective cohort study // *Lancet*. – 2020. – Vol. 395. – P. 795-808.

ДОМ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГОРОДА

И. М. Наливайко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
niminna3@gmail.com

Аннотация. Целью данного доклада является обоснование эвристического и прагматического потенциала исследования феномена дома как архетипического образа города. Исследование проводится на основе определения онтологического статуса дома посредством теоретической экспликации его пространственно-темпоральных характеристик. Методологической базой доклада выступают наиболее релевантные для осуществления заданной цели концепции А. Лефевра, В.В. Розанова, Г. Башляра и М. де Серто, позволившие раскрыть генетическую и смысловую связь концептов «город», «место», «дом» и определить роль данных феноменов в конструировании так называемого социального пространства. В докладе обосновывается вывод о том, что витальность современных городов зависит от возможности удержания или воссоздания архетипического образа дома.

Ключевые слова: *город; дом; архетипический образ; место; городское пространство; социальное пространство; повседневность.*

HOME AS AN ARCHETYPICAL IMAGE OF THE CITY

I. M. Nalivaika

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
niminna3@gmail.com

Abstract. The purpose of this paper is to substantiate the heuristic and pragmatic potential of studying the phenomenon of home as an archetypical image of the city. The research is carried out on the basis of determining the ontological status of home through the theoretical explication of its spatiotemporal characteristics. The methodological foundations of the report are the most relevant for this goal concepts by A. Lefebvre, V.V. Rozanov, G. Bachelard and M. de Certeau, that made it possible to reveal the genetic and semantic connection of the concepts “city”, “place”, “home” and determine the role of these phenomena in the construction of the so-called social space. The paper substantiates the conclusion that the vitality of modern cities depends on the ability to retain or recreate the archetypal image of home.

Keywords: *city; home; archetypical image; place; city space; social space; the everyday.*

«...Всякое истинно обитаемое пространство содержит в себе концентрированное понятие дома...»
(Г. Башляр «Поэтика пространства»)

Концепт «архетипический образ», который в своем лексическом выражении восходит к юнгианской теории архетипа (хотя сам Юнг указывал на то, что слово встречается еще в средневековых мистических трактатах), вошел в гуманитаристику как одна из категорий современного литературоведения, отсылающая к возможности аккумуляции и проявления в литературном произведении многовекового культурного опыта посредством единичного символа. Символическая связь дома и городского пространства фиксируется как в городской мифологии, так и в литературных текстах и литературоведческих штудиях. Для подтверждения этого факта достаточно напомнить широко известные в русскоязычном контексте цветаевские строки «какой огромный странноприимный дом» или попытки представителей русской формальной школы в литературоведении сравнивать роль и судьбу двух исторических столиц через противопоставление площади и дома как формообразующего принципа городского пространства.

Поскольку современные урбанистические теории, активно работающие с темой городского пространства в различных ее аспектах, носят ярко выраженный междисциплинарный характер, перенесение термина, получившего первоначальное распространение в литературоведении на философские и культурологические исследования города представляется оправданным и продуктивным.

На сегодняшний день существуют различные методологические и дисциплинарные подходы к изучению городского пространства, но значительная часть современных урбанистических теорий опирается на проведенное в свое время Анри Лефевром разделение так называемого естественного и социального пространства. В отличие от естественного, которое неминуемо задано природным ландшафтом, всякое социальное пространство, в том числе городское, является результатом целенаправленной деятельности различных субъектов, обусловленной характером общественных отношений. Это разделение стало отправной точкой для создания им теории «производства пространства» и реализации ее значимого объяснительного и эвристического потенциала [Подробнее см. 1 и 2].

Для экспликации архетипической связи города и дома следует обратиться к короткому этимологическому экскурсу. Во многих языках, в том числе славянских, слово «город» отсылает либо к ограждению, городскому валу, который очерчивает безопасное пространство, либо

собственно к феномену места. То есть сама семантика слова указывает на жилое место, обжитое пространство. Но, в отличие от других поселений, формообразующей единицей города являются не сельскохозяйственные угодья, а прежде всего, жилые, производственные и административные строения, причем в современном городе доминируют первые и последние. В силу этого сам феномен города как места неразрывно связан с жильем, домом. Вероятно, можно даже утверждать, что генезис и динамика дома и города могут быть изоморфны как филогенез и онтогенез. Однако не всякое жилое место можно трактовать как дом, в силу чего прояснение экзистенциально-онтологического статуса места и дома должно стать первой теоретической задачей данного исследования.

Как известно, проблематизация места начинается уже в древнегреческой философии. Аристотель, опираясь на телесные интуиции греков и доминантную для его собственной теории тему движения дает определение места как внешней границы объемлющего тела. Здесь тело подобно сосуду, который вмещает и создает возможность перемещения, то есть движения. Место ограничивает, то есть придает стабильность и форму, фиксирует некий опыт космического и социального порядка, но оно же служит и потенциальным источником движения. Не имея в рамках кратких тезисов возможности раскрыть глубинную связь такого понимания места со спецификой полисной культуры, ограничусь лишь упоминанием о том, что подобный опыт порядка является производной от публичного характера социальных отношений. В рамках такой социальной модели дом как сфера приватного лишен статуса смыслового центра человеческого существования, что подчеркивается маргинальным местом данной тематики в классической философской мысли.

Однако, по очень глубокому замечанию Мишеля де Серто, место – это палимпсест, где научный анализ видит только самый недавний текст [3]. Остальные слои скрыты и требуют для своего проявления не отвлеченного теоретизирования, а растворенных в реальной повседневной жизни практик вживания и обживания места. Именно таким местом является дом. Впервые такая экзистенциально-онтологическая проблематизация места как дома осуществляется в философии повседневности Василия Розанова. Проводя реабилитацию повседневности как мира частной жизни, разворачивающейся в пространстве дома, Розанов проводит разграничение так называемого «внешнего места» как навязанной индивиду формы социальной репрезентации и дома как обжитого пространства, в котором царит «энергия собирания», творящая мир человека через его телесно-душевно-сознательное единение с другими людьми, окружающими вещами и сферой сакрального [Подробнее см. 4]. Дом, по Розанову, – это тоже, прежде всего, опыт

человеческого упорядочивания мира, но опыт особого рода, который очень хорошо описывается концептом «хаокосмос». Энергия собирания, хаокосмос – концепты, подчеркивающие, что дом – это место, которое характеризует не только стабильность, статика, но и динамика. Розанов был, пожалуй, первым европейским мыслителем, которому удалось дать в рамках осмысления онтологического статуса дома «феноменологическое понятие о мире».

Равнозначную по настроению и глубине трактовку онтологической значимости дома дает автор вышеупомянутого концепта Гастон Башляр, который не только утверждает «изначальную полноту домашнего бытия», но и утверждает, что дом представляет собой космос в самом полном смысле этого слова [5]. Но наиболее принципиальным для данного исследования является его фраза, вынесенная мною в эпиграф.

Город, который как было показано выше, даже этимологией самого слова указывает на обжитое пространство, исторически неразрывно связан с феноменом дома. Как бы ни была стратегически выверена картография города, его подлинная жизнь неразрывно связана с домом. Но дом – это не просто строение, ограничивающее и закрывающее от внешних сил. В некоторых языках даже нет этого синонимичного совпадения двух понятий – дом как здание и дом как приватное жилье. Дом как мир человека, как особый опыт порядка, космос, содержит в себе не только пространственные характеристики. Это еще и место пульсации памяти, рождения историй и легенд, осуществления темпоральности и историчности экзистенции. И, прежде всего, в этом качестве дом выступает архетипическим образом города.

Но это касается некой идеальной модели города, его «эйдоса» в платоновском смысле, который зачастую разрушается логикой выстраивания современного отчужденного урбанистического (не путать с городским!) пространства. Унифицированный подход к формированию и администрированию городского пространства стирает уникальность человеческого мира через стандартизацию его места обитания – от предельной обезличенности архитектуры, до уничтожения уникальных исторических городских ансамблей, за каждым из которых стоят свои воспоминания и своя история, из коих, собственно, и складывается город как живой организм, а не технический конструкт. Здесь уместно будет привести обширную цитату из книги де Серто «Изобретение повседневности». Говоря об этом символическом пласте города, который разрушается посредством вытеснения памяти, городских историй и легенд, он отмечает:

«Они – жертвы охоты на ведьм, в силу самой логики техноструктуры. Но их уничтожение (как и уничтожение деревьев, лесов и уголков, где живут эти легенды) превращает город в «невостребованные символы». Обитаемый

город оказывается отмененным. И тогда, как говорит одна жительница Руана, «больше уже нет никаких особенных мест, кроме моего дома, и это все... Больше ничего нет». Больше нет ничего «особенного»: ничего отмеченного, того, что открывается воспоминанием или сказкой, что отмечено знаком кого-то другого. Остается достоверным только убежище дома, еще способного некоторое время впитывать легенды, еще наполненного тенями. За этим исключением, по словам другого горожанина, есть только «места, где уже ни во что нельзя верить» [3, с.205-206].

Таким образом, можно констатировать, что витальность современных городов зависит от возможности удержания или воссоздания в них описанного выше архетипического образа дома, т.е. от осознания необходимости комбинирования стратегического планирования городского пространства с пространственно-темпоральными повседневными практиками горожан, которые с необходимостью содержат в себе характеристики дома как человеческого «космоса».

Библиографические ссылки

1. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
2. Наливайко И.М. Пространственная размерность повседневности //Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2018. № 2. С. 38–42.
3. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
4. Nalivaika, I., *Alternative Subjectivity // Phenomenology of the Everyday*. Oslo: Novus Press, 2014. P. 61–100.
5. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ad Marginem Press, 2020.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДАХ ЕВРОПЫ В 2013-2023 ГОДАХ

А. О. Неведомская, В. В. Сотникова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Российская Федерация
1132226666@pfur.ru

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Российская Федерация
1132222997@pfur.ru

Научный руководитель: **М. Н. Миронова**, доцент, кандидат географических наук, доцент каф. региональной экономики и географии Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация. Проведено сравнение уровня загрязнения городов Европы в 2013 и 2023 годы по индексу загрязнения и выявлены города с наиболее и наименее благоприятной экологической ситуацией. На базе картографического анализа определено, что наиболее «грязные» города расположены на юго-востоке, а «чистые» – на северо-западе региона, что связано в основном с ведущими направлениями их экономической деятельности. Анализ динамики индекса загрязнения показал, что экологическая ситуация в большинстве европейских городов за 10 лет улучшилась. Выделены города с максимальным улучшением и ухудшением экологической ситуации. Главной причиной этих изменений явились активность проведения экологической политики и общественных движений. Наблюдались следующие пространственные тенденции: улучшение экологической ситуации наиболее характерно для городов юго-восточной, а ухудшение – восточной части Европы.

Ключевые слова: *Европа; города; индекс загрязнения; экологическая ситуация; экологическая политика.*

Публикация выполнена в рамках проекта №060508-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

SPATIAL FEATURES OF THE DYNAMICS OF THE ECOLOGICAL SITUATION IN EUROPEAN CITIES IN 2013-2023

A. O. Nevedomskaya, V. V. Sotnikova

student of PFUR; Miklukho-Maklaya st., 6, 117198, Moscow, Russia
1132226666@pfur.ru

student of PFUR; Miklukho-Maklaya st., 6, 117198, Moscow, Russia
1132222997@pfur.ru

Scientific supervisor: **M. N. Mironova**, Associate Professor, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Geography, Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

Abstract. The level of pollution of European cities in 2013 and 2023 was compared by the pollution index and the cities with the most and least favorable environmental situation were identified. Based on the cartographic analysis, it was determined that the most "dirty" cities are located in the south-east, and the "clean" ones are located in the north-west of the region, which is mainly due to the leading directions of their economic activity. Analysis of the dynamics of the pollution index showed that the environmental situation in most European cities has improved over 10 years. The cities with the maximum improvement and deterioration of the ecological situation are highlighted. The main reason for these changes was the activity of environmental policy and social movements. The following spatial trends were observed: the improvement of the ecological situation is most typical for cities in the south-eastern part, and the deterioration is in the eastern part of Europe.

Keywords: *Europe; pollution index; environmental situation; cities; environmental policy.*

Европа – регион с высокой плотностью населения и хозяйственной активности в городах, что негативно влияет на окружающую среду и приводит к экологическим проблемам. Цель статьи – определение тенденций изменения экологической ситуации в городах Европы в 2013-23 годы в территориальном аспекте. Основным источником информации работы – индекс загрязнения, ежегодно публикуемой базой данных Numbeo [1], который учитывает различные виды загрязнения: почвы, воды и атмосферы, шумовое, световое и др.

За период 2013-2023 годов в городах Европы в целом снизились показатели индекса загрязнения. Его максимальное значение в 2013 году составляло более 100 мкг/м³ в городе Пловдив (Болгария), а в 2023 году – 83,1 в Скопье (Северная Македония) [1].

В 2013 и 2023 гг. Скопье, Бухарест, София, Сараево и Милан оставались наиболее загрязненными городами в Европе [1]. В этих городах высокая численность населения сочетается с высокой плотностью застройки, концентрацией загрязняющих промышленных видов экономической деятельности и транспортными проблемами. В Софии, например, присутствуют предприятия тяжелой обрабатывающей промышленности [2]. Неблагоприятная экологическая ситуация в ряде европейских городов (например, в Кракове и Вроцлаве) осложнена низким качеством

используемого топлива [3]. В Милане находится много заводов (включая химическую промышленность), выбросы которых негативно влияют на загрязнение воздуха, а также город находится на пересечении оживленных транспортных магистралей, что усугубляет ситуацию [4, 5].

Восемь из десяти городов с самой благоприятной экологической ситуацией имели низкий уровень загрязнения в оба рассматриваемых года: Гаага, Дублин, Лиссабон, Франкфурт, Рига, Братислава, Прага и Минск [1]. Они отличаются преобладанием отраслей экономики третичного сектора, в них сосредоточены органы управления, университеты, банки, организации науки и культуры, развиты сфера туризма и развлечений, много зеленых насаждений. Например, в Праге запрещено использование бурого угля на электростанциях, введена сортировка и переработка мусора по стандартам ЕС, много парков и зеленых зон [6].

Наиболее загрязненные города располагаются в основном в восточноевропейских странах, преимущественно на юге-востоке Европы – например, в Болгарии, Румынии и Польше. Такие страны характеризуются наличием крупных промышленных предприятий с энерго- и ресурсоемкими производствами во многих городах, которые испытали серьезный экономический кризис в годы перестройки [7]. Большинство городов с наилучшей экологической ситуацией расположены главным образом на северо-западе и центре Европы. Они имеют преимущества из-за приморского географического расположения и воздействия ветров из Атлантики, отличаются постиндустриальным характером экономики, длительным сроком эффективного экологического регулирования и применением новейших эко- технологий [8].

Были выделены 5 типов городов по изменению индекса загрязнения в 2013-2023 годы: 1 тип – с максимальным ухудшением экологической ситуации: изменение от +10% до +30% (5 городов); 2 тип – с ухудшением: от 0% до +9% (7 городов); 3 тип – с улучшением: изменение от -9% до 0% (6 городов); 4 тип – со средним улучшением: изменение от -29% до -10% (14 городов); 5 тип – с максимальным улучшением: изменение от -30% до -50% (4 города). В 24 из 36 европейских городов отмечены улучшение экологической обстановки за это десятилетие.

Наибольшие положительные изменения в экологическом состоянии наблюдались в Гааге, Пловдиве, Яссах, Москве и Варне. Это обусловлено проведением действенных мер экологической политики и повышением экологического сознания граждан. Производство электромобилей и энергосберегающих технологий стало приоритетом, а субсидии правительств это поддерживают [9]. Во многих городах отказываются от вредных источников энергии, регулируют количество частных и грузовых

автомобилей в центральных частях, проводят программы озеленения. Например, в Москве для снижения уровня загрязнения активно строятся дороги-дублеры для разгрузки основных трасс, развивается метро и все больше общественный транспорт работает на электричестве. За последние 10 лет создано 30 новых особо охраняемых природных территорий [10]. Особенно заметно улучшение экологической ситуации происходило в юго-восточных и восточных городах Европы (Болгарии, Румынии и России).

Максимальные отрицательные изменения за рассматриваемый период отмечены во Вроцлаве, Дублине, Братиславе и Минске, в которых менее успешно проводилась в эти годы экологическая политика. Большинство городов с ухудшением экологической обстановки располагались в восточной части Европы – например, в Польше, Беларуси, Словакии.

Таким образом, в 67% городов Европы за последние 10 лет произошло улучшение экологической ситуации. Это было достигнуто благодаря успехам «зеленых» мер, которые были приняты на уровне Европейского Союза, отдельных стран и городов.

Библиографические ссылки

1. Numbeo [Электронный ресурс]: Индекс загрязнения по городам. Белград, 2009-2023. URL: <https://www.numbeo.com/pollution/rankings.jsp> (дата обращения: 13.04.2023)
2. Норина В.Н. Экономическая география Болгарии – 2022. URL: https://spravochnick.ru/geografiya/ekonomicheskaya_geografiya/ekonomicheskaya_geografiya_bolgarii/#selskoe-hozyaystvo-bolgarii (дата обращения: 04.07.2023)
3. Федерация профсоюзов Беларуси. [Электронный ресурс]: Почему качество воздуха в Польше одно из худших в Европе? 2022. URL: <https://1prof.by/news/v-mire/pochemu-kachestvo-vozduha-v-polshe-odno-iz-hudshih-v-evrope/?ysclid=lpjg5ixxzu940707437> (дата обращения: 03.07.2023).
4. Строительный портал. Стройка под микроскопом [Электронный ресурс]: Три отрасли международной специализации Италии. Промышленность италии. 2023. URL: <https://building.ru/doors-and-windows/tri-otrasli-mezhdunarodnoi-specializacii-italii-promyshlennost-italii.html> (дата обращения: 04.07.2023).
5. CETMO [Электронный ресурс]: Ключевые особенности и вызовы для Средиземноморского коридора. 2021. URL: <https://www.cetmo.org/covid-19-impact-logistics-mediterranean-corridor/> (дата обращения: 05.07.2023).
6. Sodul development [Электронный ресурс]: Экология Праги и Чехии. 2023. URL: <https://sodul.com/articles/ekologija-pragi-i-chexii.php>. (дата обращения: 05.07.2023).
7. Студми. Учебные материалы для студентов. [Электронный ресурс]: Экономика стран восточной Европы в 1945-1990 гг. 2013-2023. URL:

https://studme.org/48361/politekonomiya/ekonomika_stran_vostochnoy_evropy_1945-1990?ysclid=ljpfytzu79896840849 (дата обращения: 03.07.2023).

8. Национальное информационное агентство Экология. [Электронный ресурс]: В Голландии придумали метод очистки рек с помощью воздуха. 2021. URL: <https://nia.eco/2021/10/14/22584/?ysclid=ljpflik137149337513> (дата обращения: 04.07.2023).

9. Tadviser [Электронный ресурс]: Электромобили (рынок Европы). 2021. URL:[https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электромобили_\(рынок_Европы\)?ysclid=ljpf9a2glf180646830](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электромобили_(рынок_Европы)?ysclid=ljpf9a2glf180646830) (дата обращения: 04.07.2023).

10. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс]: На благо природы: какие экологические проекты реализуют в столице. Москва, 2021. URL: <https://www.mos.ru/news/item/91799073/?ysclid=lgzj74o9sm130449286> (дата обращения 27.04.2023).

КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕГО МИРА

О. В. Новикова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
novikovaov@bsu.by

Аннотация. В статье рассматривается феномен коллективизма в жизни городских сообществ древности. Автор обращается к теоретико-методологическим стратегиям универсализма и индивидуализма, применяемым для анализа социальной реальности в социально-философском знании и базирующимся на категориях общего и единичного. Истоки этих стратегий обнаруживаются в установках коллективизма и индивидуализма в общественном бытии: первая утверждает доминанту общества/группы над индивидом, вторая рассматривает ценность личности как приоритетную в отношении коллектива. Автор прослеживает становление коллективизма как установки и жизненной стратегии в городском пространстве древнего мира, акцентируя специфику греческих и римских городов.

Ключевые слова: *коллективизм; универсализм; индивидуализм; город; философская урбанистика.*

COLLECTIVISM AS A LIFE STRATEGY IN THE URBAN SPACE OF THE ANCIENT WORLD

V. U. Novikava

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
novikovaov@bsu.by

Abstract. The article examines the phenomenon of collectivism in the life of urban communities of antiquity. The author turns to the theoretical and methodological strategies of universalism and individualism, used to analyze social reality in socio-philosophical knowledge and based on the categories of the general and the individual. The origins of these strategies are found in the attitudes of collectivism and individualism in social life: the first asserts the dominance of society/group over the individual, the second considers the value of the individual as a priority in relation to the collective. The author traces the formation of collectivism as an attitude and life strategy in the urban space of the ancient world, emphasizing the specifics of Greek and Roman cities.

Keywords: *collectivism; universalism; individualism; city; philosophical urbanism.*

В социальной философии для интерпретации концептуальных представлений о социальной реальности используются стратегии теоретико-методологического универсализма и индивидуализма. Первая отталкивается от категории общего, применяя в рассмотрении социальной реальности принцип холизма: «целое больше суммы своих частей». Вторая исходит из приоритета категории единичного, отстаивая тезис о том, что целое – это совокупность уникальных элементов, каждый из которых привносит в него специфические характеристики.

Эти стратегии могут быть применены для интерпретации не только социальной реальности, то есть, общества в целом, но и для ее отдельных фрагментов, в число которых входит город. Причем использование этих стратегий может осуществляться на двух уровнях: обозначим первый как уровень философско-урбанистического исследования, а второй – как уровень повседневности города, раскрывающийся через историю городской культуры.

На первом уровне речь пойдет о коллективизме и индивидуализме, представленных как жизненные стратегии общества в целом, городских сообществ и человека. Коллективизм предполагает доминанту общества/сообщества над индивидом, значимость которого обусловлена исключительно принадлежностью к этой социальной группе, а в качестве социально одобряемых мотивов действий выступают групповые ценности, претендующие на статус общезначимых. Индивидуализм связан с убеждением на уровне как индивидуального, так и общественного сознания в ценности отдельной личности в совокупности ее интеллектуальных, морально-психологических и социально значимых характеристик; ее частные интересы, мотивы и социальные действия являются определяющими.

Доминанты индивидуализма город не знает как минимум до становления капитализма в период Нового времени. Древний город – восточный и западный – характеризуется коллективистскими установками, в которых роль референта социальной идентичности городского жителя далеко не всегда принадлежала городу. Сам феномен городской общины – явление отнюдь не повсеместное: оно возникает на Западе и в некоторых регионах Передней Азии. Китайский горожанин принадлежит в первую очередь роду (а через него – деревне, из которой род происходит), индийский – своей варне, т.е. социальная идентификация обусловлена происхождением человека. Соответственно, ценности горожанина древнего мира – это изначально ценности рода, касты – и, в случае ряда греческих городов, – города как сообщества. М. Вебер указывает, что для возникновения городской общины необходимо было, чтобы поселение не только имело

достаточно выраженную торгово-ремесленную направленность, но и обладало наличием «1) укрепления; 2) рынка; 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права; 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономии и автокефалии, то есть управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане» [1, с. 34-35]. Такие права влекли за собой обоснование определенных сословных привилегий для группы горожан, из которой в итоге вырастет то, что впоследствии будет названо бюргерским сословием.

Формирование идентичности горожанина в античном мире так же определяется коллективистскими установками. Аристотель указывает, что для полиса характерна ориентация на слияние общественного и частного, социального, культурного, экономического, политического и иных начал. Выделяя правильные и неправильные формы устройства полиса, он подчеркивает, что если для неправильных форм характерно преследование правящими кругами личных интересов, то для правильных – общее благо.

Телет в диатрибе «Об апатии» рассказывает о спартанке, потерявшей сына на поле брани: один вопрос задала она: «Как он сражался?» – и узнав, что пал он как отважный воин, воскликнула: «Как славно, дитя. Ради того я тебя и родила, чтобы ты был полезным и храбрым защитником своей родной Спарты» [2, с. 200]. Геродот рассказывает историю спартанского царя Аристодема: «самым доблестным из всех бойцов, по нашему мнению, безусловно был тот Аристодем, который только один из 300 воинов спасся при Фермопилах и за это подвергся позору и бесчестию» [3, с. 422]; желая смыть пятно бесчестия, Аристодем совершил ряд подвигов и погиб при Платеях, однако подвиги его для спартанцев ценности не имели, поскольку он искал смерти из-за чувства вины, то есть по личным причинам – даже если в их основе лежала необходимость следовать долгу перед городом.

Основа социокультурной идентичности римлян лежала в римском гражданстве, которое обеспечивало определенные привилегии и права, такие как участие в политической жизни и право на судебную защиту. Городские общины – муниципии – были организованы на основе римского права и имели собственные законы, суды и правительство. Коллективистские ценности при этом рассматривались, как и у греков, как основополагающие, однако на практике коллективизм мог оставаться чистой декларацией. Историк М. Бирд, цитируя Полибия: «римское государство воспитывает граждан, которые готовы вынести все, лишь бы пользоваться в отечестве славою доблестных мужей», – пишет, что это «взгляд сквозь розовые очки: на самом деле необузданная конкурентная борьба больше разрушала, чем поддерживала Республику» [4, с. 226].

Можно ли рассматривать несоответствие коллективистской установки поступкам государственных частных лиц, преследующих свои интересы, в античном мире, как возникновение индивидуалистической стратегии? Все же нет: для того, чтобы зарождение индивидуализма стало возможным, были необходимы и развитая идея личности, и определенный уровень экономической свободы горожан, и ряд других факторов, становление которых придется на эпоху средневековья.

Библиографические ссылки

1. Вебер, М. Город / Пер. с нем.; 2-е изд. – М.: Strelka Press, 2018. – 252 с.
2. Телет. Диатрибы // Антология кинизма. – М., Изд-во «Наука», 1984. – 400 с.
3. Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест; 2004. – 438 с.
4. Бирд, М. SPQR: История Древнего Рима / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 696 с.

ЧАСТНОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Е. Г. Павлова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
kitipav@gmail.com

Аннотация. В статье на основе концепции П. Бурдьё о социальном пространстве и символической власти рассматривается, как частное домохозяйство конструирует социальное медиaproстранство города, а габитус частного домовладения выражается в символическом капитале, воплощённом в медиaproстранстве городской среды. Социализационная матрица человека включает дом и домашнее хозяйство как ключевые составляющие организации жизненного пространства. Принцип организации семейного быта отражает статусные характеристики семьи как фундамента социальной системы. Широкое распространение новых медиакоммуникационных технологий определяет изменения в структуре социальной реальности, корректирует практики повседневного взаимодействия людей – ведения домашнего хозяйства и организации городской среды. При анализе влияния генерируемых медиареальностью визуальных образов на особенности конструирования повседневной городской реальности выделяются такие аспекты, как психосоциальный, этический и экономический.

Ключевые слова: *медиапространство города, габитус частного домовладения, социализация, медиакоммуникационные технологии.*

PRIVATE HOUSEHOLDING IN DESIGNING OF CITY SOCIAL MEDIASPACE

E. G. Pavlova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
kitipav@gmail.com

Abstract. Based on P. Bourdieu's concept of social space and symbolic power, the article examines how a private household constructs the social media space of the city, and the habitus of private household ownership is expressed in symbolic capital embodied in the media space of the urban environment. The socialization matrix of a person includes home and household as key components of the organization of living space. The organizational principle of home mode of life reflects the status characteristics of the family as a basement of social system. The wide development of new media communication technologies determines changes in social structure,

corrects practice of everyday interaction of people, it means conducting of private household and organization of city space. Visual images influence the peculiarities of designing of every day city reality in next aspects: psychological, ethical, economical.

Keywords: *media space of the city, gabitus of a private household, socialization, media communication technologies.*

Взяв за методологическое основание концепцию П. Бурдьё о социальном пространстве и символической власти, мы рассмотрим, как частное домохозяйство конструирует социальное медиапространство города. а габитус частного домовладения выражается в символическом капитале, воплощённом в медиапространстве городской среды. П. Бурдьё говорит о том, что социология должна включать в себя социологию восприятия социального мира, т.е. социологию конструирования воззрений на мир, которые в свою очередь участвуют в конструировании этого мира. Исследование инвариантных форм восприятия или конструирования социальной реальности скрывает различные вещи: во-первых, это конструирование не происходит в социальном вакууме, но подвергается структурному давлению; во-вторых, структурирующие структуры, когнитивные структуры сами являются социально структурированными, поскольку имеют социальный генезис; в-третьих, конструирование социальной реальности – это не только индивидуальное предприятие, оно может стать и коллективным.

Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиций (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, взятого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта пребывания в некоторой позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система их восприятия и оценивания. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла [1]. Рассмотрим способы ведения домашнего хозяйства, включённого в городскую среду как способ организации социального пространства, в категориях П. Бурдьё, где габитусом выступает символический капитал домашнего пространства, создаваемого каждым конкретным индивидом, каждой конкретной семьёй, проживающей в городе.

Социализационная матрица человека включает дом и домашнее хозяйство как ключевые составляющие организации жизненного пространства. Принцип организации семейного быта отражает статусные характеристики семьи как фундамента социальной системы. Способ организации и ведения домашнего хозяйства носит интровертивный характер как альтер-эго социальных связей человека, направленных вовне. Дом исторически предстаёт как убежище от внешнего мира. В доме существует свой особый, индивидуальный для каждой семьи микроклимат, включающий не только социально-психологическое взаимодействие членов семьи, но и предметы домашнего обихода, мебели, организационно-пространственные решения.

Специфика домашнего хозяйства как социального института вытекает из специфических характеристик семьи. В современном текучем социуме дом как укрытие выполняет функции охраны личной территории. Предметы личной собственности, мебель, одежда, бытовая техника, домашняя утварь и т.д. составляют личное пространство человека и семьи как группы индивидов, живущих под одной крышей. Вторжение в личное пространство нарушает психосоциальный климат и ведёт к перестройке биохимических характеристик помещения. Поэтому советские традиции групповых застолий и частых походов в гости в современных условиях упраздняются. Пришёл в твой дом враг или друг? Принёс он в качестве подарка благо или зло? Что происходит с предметами, внесёнными в твой дом посторонними людьми? Какой энергетикой они пронизаны? А если в личное пространство вторгается индивид с нарушениями физиологических функций (инвалидность), какой посыл он может принести с собой в твой дом? Если в личное пространство вторгается злой или завистливый индивид, с нарушениями психо-моральных ориентиров? Какой след он оставит после себя на мебели, бытовых приборах, кухонной утвари? Как символически организовать свой быт и свой дом как охрану себя, своей семьи и своего личного пространства в городе? [2]

Построим социологическую классификацию современного жилищного фонда, в основе которой лежит различие в видах застройки. 1) Частные застройки делятся на: коттеджи в черте города; коттеджи в деревнях; деревенские дома за чертой города. 2) Панельные дома различаются по характеру собственника: государственные, частные, кооперативные. 3) Отдельно выделим квартиры в коммуналках, поскольку они обладают своим сакральным бытом. В основе классификации жилфонда лежит различие в водо- и энергоснабжении, а также канализационном обеспечении. По сути, это и есть отражение статуса и престижа современного индивида как субъекта и объекта домашнего хозяйства в качестве социального института.

Широкое распространение новых медиакоммуникационных технологий (телевидения, интернета, мобильной связи и др.) обуславливает изменения в структуре социальной реальности, корректирует практики повседневного взаимодействия людей – ведения домашнего хозяйства и организации городской среды. Техническую основу медиакоммуникации составляют повсеместная информатизация, компьютеризация, оцифровка и автоматизация процессов, происходящих в городе, что неизбежно оказывает влияние на психические, физиологические, социальные характеристики индивидов. Актуализируется вопрос субъектности человека, его способности сохранять личную идентичность в визуально-виртуальном пространстве под напором массы предлагаемых зрелищ и образов, где имеет место сознательное запутывание человека как потребителя зрительной информации со стороны заинтересованных агентов. Структуры визуализации (изображение, видеоклип, упаковка, имидж, бренд и т.д.) вырывают индивида из социальной ткани в асоциальное измерение искусственно созданных визуальных образов через рекламу «подлинного», «настоящего», «самого лучшего». Визуализация порой доминирует в ущерб словесности и традиционной интерактивности, с которыми исторически была связана передача социального опыта.

Свойство современного визуального медиакоммуникационного пространства – выступать тем каналом, благодаря которому человек раскрывает самого себя, идентифицирует себя с тем или иным образом частного домохозяйства. Визуальные модели, шаблоны, рамки, форматы, клипы и т.п. структурируют виртуальную реальность. Транслируемые по каналам медиа, они превращают частное домохозяйство в полую емкость, способную быть заполненной любым жанром или быть упакованной в любую упаковку. Так, современная социально-культурная индустрия производства символов подменяет содержание формой. Социальный мир она стремится превращать в моделируемую матрицу, по которой работает формат (жанр) и которая зависит от возможностей управляемого откуда-то компьютера. Чаще всего эффект зрелищной индустрии возникает благодаря тому, что индивид, ведущий частное домохозяйство (не осознавая этого), жаждет «самозаполнения», измеряя себя рейтингом и спросом на якобы свой имидж и имидж своего дома [3].

Понятие социализации в городской среде сегодня должно включать как важную составную часть адаптацию не только к социальным связям, но и к информационным посредникам. Рассматривая влияние генерируемых медиареальностью визуальных образов на особенности конструирования повседневной городской реальности, выделим следующие аспекты: психосоциальный, этический, экономический [4].

Психосоциальный аспект. Наиболее опасными источниками угроз интересам и здоровью личности считают существенное расширение возможности манипулирования сознанием человека за счёт формирования вокруг него виртуального информационного пространства, а также возможности использования различных технологий воздействия на его психическую деятельность.

Этический аспект. Опасным источником угроз интересам государства и личности в медиапространстве являются неконтролируемое распространение контента как информационно-психологического оружия для ведения информационных войн. Среди видов информационно-психологического оружия упоминают системы комплексного воздействия на психику пользователя – мультимедийные сайты в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «горячей», «сенсационной» информацией.

Экономический аспект. Новые электронные медиа обладают почти безграничными возможностями передачи любой информации любым её отправителем в различных направлениях, но медийные потоки формируются в интересах владельцев транснациональных информационных агентств. Процесс монополизации на медиарынке приводит к угрозам манипулирования общественным мнением по отношению к значимым событиям и, что ещё более серьёзно, к деформации моральных устоев общества и его национальной культуры путём навязывания ему чужих ценностей. Западные ценности общества потребления проникают в сознание современного индивида через просмотр видеороликов, рекламы, картинок «престижного», «модного», «желанного» образа жизни, внешности, домашнего и рабочего интерьера, пространства городской среды.

Библиографические ссылки

1. Бурдые П. Начала. – Москва: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Павлова Е.Г. Домашнее хозяйство как социальный институт // Вестник Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова. Серия А – Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С.62-68.
3. Мальковская И.А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2008. – № 4. – С. 45-49.
4. Владимирова, Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // СОЦИС. – 2011. – № 5. – С. 123-129.

«ОДИНОЧКИ В ГОРОДАХ»: ПРОБЛЕМА ИЛИ ВЫБОР?

А. О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет, 690922, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, г. Владивосток, Приморский край, Россия
panfilova.ao@dvfu.ru

Аннотация. В тексте рассматривается феномен одиночества человека, живущего в сложных и многофакторных условиях современного города. Научные исследования показывают актуализацию этого феномена в социальных и социально-психологических практиках горожан, оформление одинокого образа жизни как ценности и как практики, сопряженной с определенным материальным благосостоянием. Методологическими основаниями анализа выступают социальные концепции одиночества; концепция сложного общества, элементы социопространственного подхода и урбанистический дискурс в социологии. В статье подчеркивается влияние объективных социальных условий жизни в современном городе на переживание одиночества его жителями. Основная идея заключается в том, что урбанизация является знаковым фактором увеличения количества одиноких людей в мире и одновременно генерирует одинокий образ жизни как желательный.

Ключевые слова: *одиночество, город, урбанизация, сложное общество, одинокий (сингулярный) образ жизни.*

«SINGLES IN CITIES»: PROBLEM OR CHOICE?

A. O. Panfilova

Far Eastern Federal University, 690922, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU
Campus, Vladivostok, Primorsky Region, Russia, 690922
panfilova.ao@dvfu.ru

Abstract. The text examines the phenomenon of loneliness of a person living in the complex and multifactorial conditions of a modern city. Scientific research shows the actualization of this phenomenon in the social and socio-psychological practices of city residents, the designation of a lonely lifestyle as a value and as a practice associated with a certain material well-being. The methodological basis for the analysis is the social concepts of loneliness; the concept of a modern complex society, elements of the socio-spatial approach and urban discourse in sociology. The text emphasizes the influence of objective social conditions of life in a modern city on the experience of loneliness by its residents. The main idea of the article is that urbanization is a significant factor in the increase in the number of lonely people in the world and at the same time generates a lonely lifestyle as desirable.

Keywords: *loneliness, single lifestyle, city, urbanization.*

Одиночество – это состояние или переживание, понятное практически каждому на уровне обыденной логики, причем понятность эта присутствует практически независимо от возраста, уровня образования и т.д. Его «можно рассматривать как наиболее фундаментальный антипод самим основам человеческого общежития, гуманным межличностным отношениям, в конечном счете – самой сущности человека» [1, с. 47]. Научный анализ этого феномена очень актуален в контексте современных социокультурных реалий и изменений. «За кажущейся простотой данного явления скрываются глубинные изменения внутреннего мира человека, которые являются отражением острых социальных, духовных, личностных конфликтов, разъединяющих людей. В современном атомизирующемся обществе проблема одиночества приобретает все более острый характер, причины которого требуют постоянного серьёзного осмысления» [2, с. 57].

В научной литературе представлены различные дискурсивные интерпретации сущности и природы этого состояния; с различных методологических позиций анализируются его причины, факторы, следствия и риски. Примем за основу понимание одиночества как переживание «разорванности» отношений с миром [3]; ощущение внутренней, проблемной обособленности от мира. Это состояние в его проблемном переживании способно угрожать субъективному благополучию человека, а также способствовать эмоциональной депривации. Несложно заметить «психологичность» такого понимания; также отметим и то, что до сих пор в гуманитарной науке не принят единый подход к пониманию его сущности. На сегодняшний день имеется множество точек зрения на природу одиночества, в том числе и включающие его социальную детерминированность.

В таком ключе оно позиционируется через призму углубившихся в современном обществе неравенства и дифференциации; общее ослабление и девальвацию традиционных ценностей, примат индивидуалистических ориентаций и практик, социальную атомизацию. «Развитие одиночества среди горожан – тот ракурс проблемы, который сегодня имеет актуальный статус, во-первых, в силу системной значимости города и урбанизации в современной жизнедеятельности человека. Во-вторых, формы и практики одиночества последних десятилетий, получившие, по мнению ряда исследователей, характер «пандемии», показывают, как и насколько на современном этапе общественной жизни меняются ее ценностные основания, происходит радикальный пересмотр ранее единственно приемлемых способов бытия» [4, с. 192].

«Эпидемия одиночества» в экономическом плане чаще всего выражается через большие цифры сингулярных домохозяйств (с одним проживающим человеком). Бесспорно, что возрастание числа таких домохозяйств является очень характерным. Так, исследователями фиксируется «снижение среднего размера домохозяйств (среднего числа людей, приходящихся на одно домохозяйство; рост числа несемейных домохозяйств, в первую очередь состоящих из одного человека, – атомизация домохозяйств) [5, с. 44].

Данные предыдущих переписей населения РФ также показали рост числа таких домохозяйств. В 2002 г. их насчитывалось 11,7 млн, в 2010 г. их количество составило уже 14,02 млн (это 25,7 % всех домохозяйств и 10 % населения страны)... Заметный вклад в картину социальной дифференциации «домохозяйственных» субъектов одиночества вносит фактор урбанизации... Основная группа регионов сконцентрирована по доле одиноких частных домохозяйств в городской местности России...» [6]. Авторами также отмечается, что «наивысшее число домохозяйств с одним проживающим человеком в основном находится в городских зонах» [6].

Тенденция к росту домохозяйств, состоящих из одного человека – общемировая. Так, Евростат приводит распределенные межстрановые данные (2006-2019 гг.), подтверждающие выраженную тенденцию этого роста [7; 8]. По данным Евростата и European Union Labour Force Survey (EU-LFS), за период с 2009 по 2021 гг. количество домохозяйств в ЕС, состоящих из одного взрослого, живущего с детьми или без детей, выросло на 27,4 %. Число домохозяйств, состоящих из одного человека и не имеющего детей, в ЕС увеличилось на 28,5 %. Эти же источники указывают на рост числа одиноких взрослых во всех возрастных группах в 2021 году по сравнению с 2009 годом. Рост составил более 15 % для всех категорий [7; 8; 4, с. 194-195].

Необходимо заметить тем не менее, что данный тренд, выраженный в таком формате, не однозначен. Так, помимо прочего, «большую роль играет фактор его добровольной или вынужденной практики» [4, с. 195]. «Большая доля добровольно одиноких людей способствует экономическому росту, тогда как рост вынужденного одиночества имеет разрушительные экономические последствия» [9]. К такому выводу пришли А. Родригес-Позе и К. Бурлина в своём исследовании 2021 г. [10].

Показательно, что ряд исследований показывает также важную связь одиночного проживания «с общим ростом благосостояния в мире» [11]. Этот образ жизни «часто выбирают люди, которые могут себе это позволить» [12]. Приводятся экономические обоснования таких выводов. Так, В. Демьяненко, обобщая материалы современных западных исследований [11, 12], в частности, показывает, что «корреляция между уровнем доходов и числом одиноко живущих людей сохраняется и на внутривыбранном уровне» и

отмечает, что «одинок больше в тех регионах, где кипит деловая жизнь, а внутри городов таких людей особенно много в самых богатых районах» [13].

Собственно город как основание и фактор социального дискурса одиночества может быть представлен следующими тезисами. Во-первых, ряд авторов – М. Кастельс, Д. Харви, С. Сассен, Э. Сойя, Р. Сеннет и другие – «признают неадекватность одномерного представления о городе. Они отмечают наложение производительной деятельности на новые виды компетентной деятельности, на со-присутствие различных классов, социальных групп, национальностей и культур, на разительный контраст между богатством и роскошью с одной стороны и крайней нищетой – с другой, на множественность временных и пространственных параметров различных способов приобретения средств к существованию в городе [14, с. 209]. Это также подчеркивает сложный и неоднозначный характер как городского социального, так и современного социума вообще.

Во-вторых, жизнь в современном городе предоставляет человеку обширные возможности – в первую очередь, выборные. «Город – современный, модерновый город – это, прежде всего, уникальная возможность для человека как раз не быть частью никакого сообщества. Город – это уникальная культурная лаборатория, которая позволяет человеку быть одному» [15, с. 19].

В-третьих, укажем на существенное изменение, касающееся самого понимания «того, что означает «жить в городе». На смену «обитанию» (*inhabit*) как комплексу практик (социальная и культурная активность, способность к коллективному действию, самоорганизация, участие в жизни сообществ) пришло «жилище» (*habitat*) – отчуждение, разобщённость и подозрительность [16]. Иными словами, при сохранении прежней территориальной дистанции степень эмоциональной и социальной вовлечённости горожан значительно снизилась, а социальное (связующее) значение дворовой территории ушло на второй план» [17, с. 46]. В исследовании Е.В. Лебедевой анализируются дворовые сообщества как социально-пространственный элемент современного города, но данный тезис отражает и факторную роль этих изменений применительно к городскому образу жизни вообще. Собственно, он отсылает нас к редукции социальных связей и прежних форм идентичностей и солидарности, к тому, что «отчуждение и неравенство на уровне жилого двора (как частный случай) стремится воспроизводить себя на более высоких уровнях (в масштабах города или страны в целом)» [17, с. 60]. Ослабленность социальных связей как важный фактор жизни в современном мире отмечал З. Бауман [18].

В таком контексте одиночество выступает своего рода «побочным», но закономерным эффектом жизни в мегаполисе, социальный ландшафт

которого «конструируется через феномены «текучей» современности – формы неравенства, отчуждения, аномии, персонифицированного и краткосрочного поля взаимодействий, атомизации домохозяйств» [4, с. 198]. «В маркировке современного социума как сингулярного фиксируется, с одной стороны, непрерывная и тотальная коммуникация всего со всем и, с другой стороны, разорванность социального бытия, бесконечный полилог безгранично одиноких и сосредоточенных на себе социальных субъектов» [19, с. 9].

Таким образом, основной проблемный вопрос, вытекающий из заявленных рассуждений – приобрело ли одиночество горожан в условиях «сложного» социума, в глобальных социокультурных реалиях новую социальную форму и ценность? И если да, то как соотносится «новое ценное» одиночество с идеями о необходимости развития социального доверия, прочных связей, коллективных идентичностей, социальной солидарности вообще? Это также стимулирует и вопросы о гармоничности отношений человека с городским пространством, о поиске решений, способствующих качественному улучшению этих отношений. С одной стороны, мы имеем дело с безграничными информационными потоками, виртуализацией самих социальных оснований жизни, с другой – деструкцией привычного и традиционного, ослаблением социально-связующих элементов на фоне выраженной отчужденности и индивидуализации. Ряд авторов прямо отмечает, что «сейчас как никогда важно противодействовать атомизации, т.е. речь идёт не об идеале соборности или народности, а о сохранении человеческих связей как средства защиты своей личности» [20, с.113-114].

Так, «разделяемые позитивные опыты и эмоции, вызываемые к жизни совместными действиями, творческими интервенциями, случайными событиями – действенный «социальный клей» нового образца. Именно он позволяет горожанам, усвоившим «право на одиночество» как императив городской жизни [21], создавать временные сообщества или новые общности, воспроизводящие теплоту и заботу традиционных сообществ, но с гораздо более дистанцированными отношениями, нередко и вовсе воображаемыми» [22, с. 33].

Библиографические ссылки

1. Пузанова Ж.В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2003. – № 4-5. – С. 47-58.
2. Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 56-69.
3. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. – М.: КДУ, 2009. – 242 с.

4. Панфилова А. О. Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 191–211.
5. Эченике В.Х. Тенденции и перспективные оценки численности домохозяйств в РФ // Население и экономика. – 2018. – Т.2. – № 3. – С. 42-69.
6. Берзин Б.Ю., Кузьмин А.И., Пышминцева О.А. Траектории воспроизводства институтов социальной изоляции отдельных групп населения в регионах России // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 123-133.
7. Distribution of households by household size – EU-SILC survey // Eurostat. Data Browser. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_LVPH03__custom_1443305/default/table?lang=en – Дата обращения: 21.10.2023.
8. Household composition statistics // Eurostat Statistics Explained. Data extracted in May 2022. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Household_composition_statistics#Increasing_number_of_households_consisting_of_adults_living_alone – Дата обращения: 21.10.2023.
9. Кувшинова О., Демьяненко В. Экономика двух одиночеств // ЭКОНС. Экономический разговор. – 22 декабря 2021 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomika-dvukh-odinochestv/?bx_sender_conversion_id=1091579&utm_source=newsletter&utm_medium=mail&utm_campaign=ekonomika_dvukh_odinochestv_riski_borby_s_riskami_koronakrizis_i_set_finansovoy_bezopasnosti – Дата обращения: 16.10.2023.
10. Burlina C., Rodríguez-Pose A. Alone and Lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe // Environment and Planning A: Economy and Space. April 2023. DOI: 10.1177/0308518X231169286
11. Snell K. The rise of living alone and loneliness in history // Social History. 2017. Vol. 42. Iss. 1. P. 2–28. DOI: 10.1080/03071022.2017.1256093.
12. Ortiz-Ospina E. The rise of living alone: how one-person households are becoming increasingly common around the world // Our World in data. December 2019. – URL: <https://ourworldindata.org/living-alone> – Дата обращения: 19.10.2023.
13. Демьяненко В. Мир самодостаточных одиночек // ЭКОНС. Экономический разговор. – 21 октября 2021 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/mir-samodostatochnykh-odinochek/> – Дата обращения: 20.10.2023.
14. Трифт А. Внятность повседневного города // Логос. – 2002. – № 3. – С. 209-233
15. Куренной В.А. Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? – М.: Стрелка-Пресс, 2017. – 216 с.
16. Lefebvre H. Writing on cities. – Blackwell Publishers, 1996. – 272 p.

17. Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. – 2022. – Том 13. – № 1. – С. 44–66.
18. Бауман З. Ретротопия. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 160 с.
19. Пилюгина Е. В. Современная социальная реальность: панмифологизация, информационные войны и кризис постмодерна // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3(23). – С. 7-15
20. Рудыка А. Н. Ценности в контексте современных коммуникационных процессов // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2022. – № 6(95). – С. 109-114.
21. Tonkiss F. Space, the City and Social Theory: Social Relations and Urban Forms. – Cambridge: Polity Press, 2005.
22. Микроурбанизм. Город в деталях / Отв. ред. О. Бредникова, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 352 с.

ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МЕГАПОЛИСА

Н. А. Патутина

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»,

129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, Москва, Российская Федерация
info@mgpu.ru

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о потенциале влияния муниципального управления на дискурсивные практики городской среды мегаполиса. Отмечается, что под влиянием современных концепций государственного управления происходит активное изменение инструментов взаимодействия органов муниципальной власти с населением. Названы отличительные свойства мегаполисов, оказывающие влияние на специфику городских практик. Отмечается, что одной из специфичных черт управления в Москве, как ярком представителе мегаполисов, является сочетание на одной территории механизмов государственного и муниципального управления. Обосновано понимание и свойства дискурсивных практик, присущих городу. Названы современные инструменты коммуникации, обеспечивающие относительно направленное влияние муниципального управления на дискурсивные практики городской среды мегаполиса.

Ключевые слова: *Муниципальное управление; городская среда; мегаполис; дискурсивные практики; взаимодействие с населением; муниципальные депутаты.*

THE INFLUENCE OF MUNICIPAL GOVERNANCE ON DISCOURSE PRACTICES IN THE URBAN ENVIRONMENT OF A MEGACITY

N. A. Patutina

Moscow City University

129226, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, Russian Federation
info@mgpu.ru

Abstract. The article discusses the potential influence of municipal government on the discursive practices of the urban environment of a metropolis. It is noted that under the influence of modern concepts of public administration, there is an active change in the instruments of interaction between municipal authorities and the population. The distinctive properties of metropolises that influence the specifics of urban practices are named. It is noted that one of the specific features of management in Moscow, as a prominent representative of megacities, is the

combination of state and municipal management mechanisms on one territory. The understanding and properties of discursive practices inherent in the city are substantiated. Modern communication tools are named that provide a relatively directional influence of municipal government on the discursive practices of the urban environment of the metropolis.

Keywords: *Municipal administration; urban environment; megapolis; discursive practices; interaction with the population; municipal deputies.*

Тенденции развития сферы государственного и муниципального управления связаны с изменением характера взаимосвязи власти и общества. Современные концепции государственного управления – такие, как концепция нового государственного менеджмента (New Public Management) и концепция качественного управления (Good Governance) определяют вектор смены ценностей и инструментов публичной власти, ориентируя ее на клиентность, открытость и понимание гражданина как активного соучастника процесса управления. Происходящие изменения несут в себе существенный потенциал развития общественных отношений и социальных практик. Новые форматы реализации актуальной управленческой парадигмы создаются эксплицитно или возникают имплицитно – прежде всего, в городской среде мегаполисов, в виде управленческих инноваций. И в дальнейшем наиболее жизнеспособные из них распространяются на другие территории. В связи с этим мегаполисы представляют исследовательский интерес для урбанистики как флагманы и локомотивы развития социальных практик, формирующихся в поселениях других типов.

Мегаполисы занимают особое место среди городов по ряду характеристик. Согласно документам ООН, такими территориальными образованиями считаются города с населением свыше 10 млн. человек. В России относят к мегаполисам также города с количеством жителей свыше 1 млн. человек (города мегаполисного типа – крупнейшие города) [1]. Такие города обладают спецификой, обусловленной значительным показателем численности населения; существенным разнообразием содержания и структуры деятельности жителей города; интенсивностью трудовой маятниковой миграции; большой культурной, образовательной, экономической и политической значимостью этих городов; высокой плотностью населения и застройки; вариативностью зонирования территории города. Наиболее ярко эти характеристики проявляются в Москве, численность населения которой по данным переписи 2020 года составляет более 13 млн. человек.

Помимо названных особенностей, для Москвы характерно определенное соотношение государственной и муниципальной власти. В силу того, что город имеет статус субъекта Российской Федерации (город федерального

значения), управление мегаполисом, административными округами и районами города осуществляет государственная власть. На территории одного района действуют органы как государственной власти (управа района), так и муниципальной власти (муниципалитет внутригородского муниципального образования). В настоящей статье не стоит задача анализа соотношения государственной и муниципальной власти в Москве. Отметим лишь, что муниципальная власть, в том числе в лице муниципальных депутатов, наиболее приближена к жителям и имеет значительное влияние на содержание их активности по развитию городской среды.

В сфере урбанистики в последнее десятилетие активизировался интерес ученых, экспертов и практиков к проблематике городской среды. При этом можно отметить, что вопросы определения этого понятия в науке практически не обсуждаются. Терминологическая неопределенность характерна и для нормативного поля. С началом реализации в Российской Федерации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды», а затем федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» понятие «городская среда» стало активно использоваться в официальных коммуникациях. При этом ни один документ не дает четкого объяснения, что представляет собой городская среда. Вместе с тем, в методике формирования индекса качества городской среды есть указание на то, что городская среда может быть охарактеризована как совокупность природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду жизнедеятельности города на определенной территории и определяющих комфортность проживания на этой территории. С учетом этого и на основе исследований городской среды [2] считаем возможным остановиться на понимании городской среды как совокупности материальных, социальных, духовных образований, характеризующих жизнедеятельность города, обладающих витальным и экзистенциальным потенциалом, являющихся факторами благополучия горожан.

Специфика мегаполиса отражается также в социальных, в том числе дискурсивных, практиках городской среды. Социальные практики отражают и характеризуют повседневность. Их сущность исследователями определяется посредством совокупности тех объектов и событий, которые являются для человека обыденными в привычной социокультурной обстановке и связанными, обусловленными различными ситуациями взаимодействия [3; 4].

Важными свойствами социальных практик является их фоновый характер и раскрывающая способность. С одной стороны, они выступают «задним планом» происходящего действия и зачастую не замечаются субъектами, являются для них естественной рутинной ситуацией. При этом

фоновые практики представляют собой деятельностный контекст, который позволяет интерпретировать происходящее. С другой стороны, раскрывающий характер социальных практик состоит в том, что они «конституируют и воспроизводят идентичности или "раскрывают" основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории» [3, с.22].

Анализ исследований [2; 5] позволяет утверждать, что разновидностью социальных практик являются дискурсивные практики. Они описывают ту часть социальной реальности, которая связана с коммуникативной деятельностью в контексте определенных условий, особым образом порожденных и воспринимаемых. Дискурсивные практики динамичны. Они подвержены изменениям под воздействием социальных, экономических и культурных факторов. Для современных дискурсивных практик характерны интердискурсивность и интеркодировость [5]. Это связано с использованием разнообразных, в том числе не характерных для конкретной ситуации, коммуникативных каналов и носителей; с объединением различных дискурсивных феноменов общей стратегией или модальностью (например, игровой интенцией); с представленностью в определенном типе дискурса совокупности единиц разных семиотических систем. Вместе с тем дискурсивные практики выступают фактором влияния на социальную реальность посредством трансляции знаний (информации), воздействия на эмоциональное состояние участников коммуникативного события, побуждения их к действию и управления действием.

Названные свойства дискурсивных практик актуализируются в контексте городской жизни. В исследованиях по этой проблематике обсуждается вопрос о роли горожан и городских сообществ в развитии городской среды. Несмотря на разнообразие подходов к решению этого вопроса, исследователи сходятся во мнении, что горожане являются субъектами развития города [6]. Их коммуникативная активность обеспечивает вектор городского развития. Управление такой интеракцией лежит в плоскости задач муниципальной власти.

Муниципальное управление, как наиболее приближенное к городским сообществам (гражданам), является важным фактором относительно направленного влияния на дискурсивные практики горожан. Усиление значимости этого фактора связано с происходящими концептуальными изменениями в публичной власти [7; 8]. Так, одним из постулатов концепции качественного управления выступает идея сотрудничества и совместной работы граждан и власти. Именно в русле этой концепции активно развивается и внедряется инструментарий электронного и открытого правительства, существенно меняющий дискурсивные практики населения

вообще и горожан в частности. Этот инструментарий активно применяется в муниципальном управлении. Он направлен на повышение социальной активности граждан в решении вопросов жизнедеятельности на конкретной территории. Важным условием развития этого механизма является готовность (социальная и технологическая) населения.

В Москве такие современные инструменты создаются и реализуются интенсивнее, чем в поселениях других типов. Они активно используются в коммуникации органов исполнительно-распорядительной власти муниципального образования с населением. Анализ практики показывает, что приоритетными направлениями такой деятельности является представление информации о планируемых и прошедших событиях на официальном сайте муниципалитета и на специальной странице социальной сети «ВКонтакте». Также эти цифровые ресурсы предоставляют возможность жителям дать обратную связь или обратиться по интересующему вопросу. Вместе с тем, следует отметить следующее. Несмотря на то, что эти каналы коммуникации приближают субъекта управления к населению, они характеризуются высоким уровнем формализации, что снижает их возможность обеспечения интерактивности граждан. Они, скорее, направлены на решение задачи информирования населения.

Другой вектор коммуникации реализуется представительной властью посредством активности муниципальных депутатов. Изучение практики их работы в Москве показывает, что депутатское взаимодействие и коммуникация с населением реализуются в разнообразных форматах. Помимо традиционных приемов граждан в запланированное время, территориальных встреч с населением и формального сообщения о некоторых из них на официальной странице муниципалитета ВКонтакте, наиболее активные представители депутатского корпуса в своей работе используют возможности современных мессенджеров, в частности, Telegram. Интерес представляют персональные публичные Telegram-каналы депутатов, в которых они предоставляют информацию о волнующих жителей вопросах, о своей работе по решению актуальных проблем, с которыми обращаются граждане, о результатах такой работы. К этому каналу может обратиться любой житель района и оставить свои комментарии для депутата. В этом же мессенджере создается чат для непосредственного общения с депутатом. Эти инструменты существенно сокращают дистанцию между гражданами и муниципальной властью, повышают уровень взаимного доверия и сотрудничества. Предпосылками для интенсификации их применения является популярность среди жителей мегаполиса Telegram для получения информации и реализации оперативной коммуникативной активности по интересующим их вопросам.

Такие инструменты позволяют целенаправленно задавать вектор обсуждения значимых для развития городской среды проблемных зон и формировать активность граждан по их разрешению во взаимодействии с местной властью. Это обеспечивает относительно направленное влияние на дискурсивные практики городской среды мегаполиса. При этом анализ ситуации использования коммуникативных технологий муниципальными депутатами Москвы во взаимодействии с населением показывает, что применение названных инструментов является, скорее, исключением, а не правилом. Такая ситуация открывает возможности для специальных научных исследований, разработки обучающих и консалтинговых программ для муниципалитетов.

Библиографические ссылки

1. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Мегаполисы и феномен мегаполисности в России // Регион: Экономика и Социология. – 2017. – № 1(93). – С. 42-77.
2. Зачесова И.А. Повседневные дискурсивные практики городской среды мегаполиса // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – С. 1803-1811.
3. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 297 с.
4. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд. Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 496 с.
5. Георгинова Н.Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-intertekstualnost-polifoniya-k-sootnosheniyu-ponyatiy> (проверено 19.10.2023).
6. Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-strategii-upravleniya-razvitiem-goroda-i-formirovaniem-gorodskoy-sredy-v-trudah-t-m-dridze-i-v-sovremennoy-rossii> (проверено 12.09.2023).
7. Охотский Е.В. Государственное управление: трудности преодоления бюрократической гравитации // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2017. – № 1. – С.3-28.
8. Патутина Н.А., Кривошеин Н.В. Особенность и резервы развития организационной культуры в сфере государственного и муниципального управления // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 6. – С. 45-56.

ДАННЫЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАРШЕРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ

И. В. Пинчук, И. А. Никитин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
PinchukIV@bsu.by

Аннотация. Авторы рассматривают цифровые данные каршеринга как инструмент оценки благополучия городских районов в крупных мегаполисах на примере г. Москвы. Фактические данные позволяют фиксировать не только средний чек по стоимости поездок, но и расстояния, а также наиболее востребованные локации в будние и выходные дни. Опираясь на внутренние данные оператора каршеринга BelkaCar, формируются оперативные метрики, позволяющие выделить корреляцию между частотой поездок и уровнем городского развития отдельных районов. В рамках проведенного исследования по классификации районов по масштабу агрегирования были выделены значимые параметры, выделяющие классы: уровень спроса; доля поездок в гексагон из отдаленных гексагонов; доля поездок из гексагона в отдаленные гексагоны. В рамках кластерного анализа по данным параметрам были определены шесть классов районов.

Ключевые слова: *каршеринг; экономика совместного потребления; уровень благополучия районов; классификация районов.*

DATA OF THE USE OF CAR SHARING AS A TOOL FOR ASSESSING THE WELL-BEING OF URBAN AREAS

I. V. Pinchuk, I. A. Nikitin

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
PinchukIV@bsu.by

Abstract. The author examines digital car sharing data as a tool for assessing the well-being of urban areas in large cities using the example of Moscow. Actual data allows us to record not only the average bill for the cost of trips, but also distances, as well as the most popular locations on weekdays and weekends. Based on the internal data of the car sharing operator BelkaCar, operational metrics are formed that make it possible to highlight the correlation between the frequency of trips and the level of urban development of individual areas. As part of the study conducted on the classification of districts by scale of aggregation, significant parameters were identified that distinguish classes: level of demand; proportion of

trips to a hex from distant hexes; proportion of trips from a hex to distant hexes. As part of the cluster analysis, six classes of districts were identified based on these parameters.

Keywords: *car sharing; sharing economy; level of well-being of areas; district classification.*

За последние годы концепция каршеринга, основанная на принципе экономики совместного потребления, стала значимым элементом в транспортной инфраструктуре крупных мегаполисов. Принято выделять две основные модели каршеринга:

– Free-Floating (свободный), позволяющий пользователям арендовать и возвращать автомобиль в любое место на определенной территории;

– Station-to-Station (стационарный – от станции до станции), включающий в себя фиксированные места аренды автомобилей и поездки в обе стороны с завершением в начальной точке аренды автомобиля [1].

Возможность совместного доступа к автомобилю, при отсутствии существенных затрат на приобретение личного транспортного средства, набирает популярность, о чем свидетельствует расширение автопарка компаний, оказывающих данную услугу. В 2014–2018 годах в СНГ были запущены крупнейшие игроки. Так, парк каршеринга в Москве является крупнейшим городским парком в мире с более чем тридцатью тысячами автомобилей [2]. Согласно данным транзакций Тинькофф банка за 2022 год, средний чек в Москве составил 440 российских рублей (примерно 15,3 белорусских рубля), что на 24 % выше, чем в 2021 году [2]. Для сравнения, по данным Белгазпромбанка, средний чек аренды автомобилей в Минске в третьем квартале 2023 года составил 16,28 белорусских рублей (прирост по сравнению с 3 кварталом 2022 года – 13,13 %) [3].

При этом электронный формат взаимодействия клиента с сервисом позволяет сопоставлять не только финансовые результаты. Каршеринг, как в случае VelkaCar в Москве, предлагает модель, при которой автомобили доступны для краткосрочной (поминутной) аренды. Анализ пользовательской базы VelkaCar показывает, что типичный профиль пользователей каршеринга включает молодых профессионалов и городских жителей: средний возраст пользователя каршеринга составляет 32 года, 78 % пользователей – мужчины, 22 % – женщины.

Анализ использования каршеринга в различных районах Москвы, благодаря активному профилю использования, а также природе этих перемещений, может выступать эффективным и быстрым способом оценки уровня развития отдельных районов города. Опираясь на данные, доступные в агрегирующей сервисе, обогащенные внутренними данными VelkaCar, становится доступным формирование оперативных метрик такого рода

оценки. Проведенный анализ демонстрирует корреляцию между частотой поездок и уровнем городского развития отдельных районов.

На текущий момент наиболее распространенные методологии анализа городской среды и благосостояния сконцентрированы в основном на оценках не отдельных районов города, а городских агломераций суммарно, что налагает существенные ограничения на применимость данных методов. Среди существующих методологий оценки отдельных районов города можно выделить такие как Urban Liveability Index или Community Well-Being Index, разработанные Университетом Бирмингема, которые учитывают более локальные факторы, включая доступность и качество инфраструктуры, уровень образования и здоровья, а также социальное благополучие. При этом методы, основанные на внутренних данных каршеринга и других формах новой мобильности, позволяют получать схожие оценки и сведения о классах районов города более быстро, используя агрегированные данные по поездкам за относительно короткие периоды времени, например, одну-две недели.

Данные каршеринга позволяют выделить устойчивые зоны / классы в городе, опираясь на информацию о начальных и конечных точках поездок, модели использования транспорта в разное время суток, времени и форматах его использования в разные дни недели, а также частоте и интенсивности обращения к услугам в разных районах. В рамках проведенного нами исследования по классификации районов на масштабе агрегирования Н9 [4], (площадь 0.1 квадратного километра) были эксплицированы следующие значимые параметры, выделяющие классы:

- уровень спроса;
- доля поездок в гексагон из отдаленных гексагонов;
- доля поездок из гексагона в отдаленные гексагоны.

В рамках кластерного анализа по данным параметрам были определены шесть классов районов:

- 1) бизнес-центры с высоким уровнем спроса на короткие поездки;
- 2) жилые районы с доминированием длительных поездок;
- 3) рекреационные зоны с высокой долей выходных поездок;
- 4) промышленные районы с утренними и вечерними пиками;
- 5) туристические и культурные зоны с высокой вариабельностью спроса;
- 6) периферийные районы с преобладанием длительных поездок на большие расстояния.

Агрегирование данных из тысяч поездок помогает также выявить наиболее часто используемые маршруты, пиковые времена поездок и популярные направления. Эта информация полезна для оптимизации маршрутов общественного транспорта, снижения загруженности дорог и

планирования будущего развития инфраструктуры. Эти данные могут послужить основой для дальнейших исследований.

Таким образом, данные о каршеринге являются релевантным инструментом для градостроителей, обеспечивающим доступ к сведениям о моделях и потребностях городской жизни. Их применение охватывает оценку уровней развития и помощь в стратегическом планировании более эффективного и устойчивого городского будущего, с опорой на примеры и подходы, которые могут быть разработаны и запущены, будучи более чувствительными и показательными, чем их аналоги.

Библиографические ссылки

1. Разработка политики устойчивой городской мобильности в рамках инициатив по каршерингу и карпулингу Таджикистан [Электронный ресурс] // ЕЭК ООН, 2023. Режим доступа: [https://unece.org/sites/default/files/2023-09/Car %20Sharing %20Tajikistan_R_pdf_web.pdf](https://unece.org/sites/default/files/2023-09/Car%20Sharing%20Tajikistan_R_pdf_web.pdf). Дата доступа: 18.10.2023.

2. Рынок каршеринга в России в 2022 году. Борьба за выживаемость [Электронный ресурс] // Mobile-Review.com. Режим доступа: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/rynok-karsheringa-v-rossii-v-2022-godu-borba-za-vyzhivaemost/>. Дата доступа: 19.10.2023.

3. Аналитика банка для Вашего бизнеса. Исследования на основе Big Data [Электронный ресурс] // ОАО «Белгазпромбанк». Режим доступа: https://belgazprombank.by/lp/issledovaniya_big_data/. Дата доступа: 20.10.2023.

4. Tables of Cell Statistics Across Resolutions [Electronic resource] // Hexagonal hierarchical geospatial indexing system. Mode of access: <https://h3geo.org/docs/core-library/restable/#edge-lengths>. Date of access: 20.10.2023.

**БРЕНД ГОРОДА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕГО ВИДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖА:
ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

А. Д. Плахотнюк

Магистрант, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО),
Биржевая линия, д. 14, 199034, Санкт-Петербург, Россия
whynot_ap@mail.ru

Научный руководитель: **А. И. Дрожжин**, заместитель директора Института
дизайна и урбанистики

Аннотация. В статье поднимаются и изучаются вопросы территориальной идентичности и брендинга городов через взаимодействие академического и практического подходов. Проблематика брендинга города актуальна, так как существует разрыв между практическим подходом к созданию бренда города через визуальные образы в архитектуре и дизайне и академическим при понимании формулировок и их взаимосвязей в практическом применении. Цель данной работы – сформировать методологию брендинга города/территории в отношении к визуальным образам-идентификаторам через адаптацию академического подхода к практической применимости, которая выстраивает бренд города как репрезентацию его видения в контексте согласованности городской идентичности и имиджа.

Ключевые слова: *бренд города; бренд территории; брендинг; идентичность; имидж (репутация); видение; образ-идентификатор; визуально-образные инструменты брендинга.*

**CITY BRAND AS A REPRESENTATION OF ITS VISION IN THE
CONTEXT OF CITY IDENTITY AND IMAGE:
A PRACTICAL APPROACH**

A. D. Plakhotniuk

Master's student, St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO), Birzhevaya Liniya, 14, 199034, St. Petersburg, Russia
whynot_ap@mail.ru

Scientific supervisor: **A. I. Drozhzhin**, Deputy Director of the Institute of Design and Urbanism

Abstract. The article raises and studies issues of territorial identity and city branding through the interaction of academic and practical approaches. The issue of city branding is relevant, since there is a gap between the practical approach to creating a city brand through visual images in architecture and design and the academic approach to understanding the formulations and their relationships in practical application. The purpose of this work is to formulate a methodology for city/territory branding in relation to visual identifiers through the adaptation of the academic approach to practical applicability, which builds the city brand as a representation of its vision in the context of the consistency of urban identity and image

Keywords: *City brand; territory brand; branding; identity; reputation; vision; identifier image; visual branding tools.*

Территориальный брендинг как самостоятельный и осознанный процесс сформировался в XX веке на основе различных методов управления городом и его развития, а также на основе предшествующих практик по созданию бренда компании и продукта. С меньшей степенью осознанного подхода брендингом территорий общество занялось еще в период развития активных связей по производству и продаже различных материалов – так, образы городов Шелкового пути едва ли не самый глобальный пример первого проявления территориального брендинга. Дэвид Аакер – один из первопроходцев-специалистов в области маркетинга, рекламы и брендинга – определяет бренд как многомерный ассортимент функциональных, эмоциональных, психологических и стратегических элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций в общественном сознании [1]. Из этого определения возможно выделить такие важные составляющие, как «элементы, формирующие набор ассоциаций», что является в некоторой степени идентичностью, и «в общественном сознании», что подразумевает трактовку и восприятие предложенных ассоциаций – имидж. И так как между территориальным брендингом и корпоративным определенно существует нечто общее, то можно рассматривать процесс создания бренда города в контексте программного менеджмента, из основ которого взято понятие «видение» – жизненно важный фокус и средство обеспечения заинтересованности, мотивации и согласованности действий сообщества заинтересованных сторон [2].

Таким образом, в разрабатываемой методологии предложено следующее определение *бренда* города/территории – это уникальное сочетание материальных и нематериальных образов, формирование, существование и развитие которых представляет видение города, разрабатываемое на основе согласованности между идентичностью города и его имиджевыми показателями (основанными на восприятии места другими) с целью положительного восприятия места субъектами внутри и вне границ такового.

Брендинг же, как стратегический процесс, является программой, управление которой – это согласование взаимосвязанных проектов с целью достижения результатов и выгод, увязанных со стратегическими целями инициаторов создания и развития бренда города, среди которых, как правило, выступают представители местного, регионального управления, и его участников (жители города, представители бизнеса, конкретные общины, а также внешние стороны – инвесторы, туристы). Проектами являются:

- создание системы устойчивых и узнаваемых визуальных и социально-коммуникативных образов-идентификаторов города/территории
- формирование знаний о городе/территории, методов их трансляции
- разработка и реализация стратегии коммуникации и интеграции бренда.

Исходя из данного определения, бренд города, его идентичность и имидж (репутация) – это НЕ взаимозаменяемые понятия, а понятия разного уровня: бренд, являясь целенаправленной конструкцией по презентации видения, создается на основе «сырьевого материала» [3] – идентичности, которая в свою очередь не создается, а определяется. Стоит отметить, что в разрабатываемой методологии подразумевается, что каждый город обладает идентичностью, которая не является конструируемой, а существует неделимо с самим городом и не всегда может быть выражена сильными уникальными элементами. Такое определение идентичности отличается предложенной адаптацией академического подхода к практической применимости от ряда существующих академических подходов в отношении поиска и определения идентичности города.

Определение идентичности – это процесс раскрытия конкретных образов, явлений, который происходит как стихийно, неосознанно на протяжении существования города (на основе этого в свою очередь складывается имидж города/территории), так и вполне целенаправленно, согласно конкретной задаче и конкретному временному периоду. Это, в свою очередь, может как укрепить сложившийся имидж, так и кардинально его изменить при наличии или создании разорванности между таковым и идентичностью города. Последующее формирование бренда на основе идентичности города и его имиджа может аналогично как укрепить устоявшийся образ, так и расширить, изменить мнение о городе. В представленном взаимодействии (согласованности идентичности и имиджа) может быть выстроена следующая схема по созданию бренда:

- при максимальной степени согласованности: (идентичность влияет на имидж, который раскрывает идентичность), на основе чего формируется бренд, который утверждает и расширяет имидж города;

- при минимальной степени согласованности: (идентичность НЕ влияет на имидж, который НЕ раскрывает идентичность, в результате чего возникает разрыв между идентичностью и имиджем), отчего следует, что необходимо определение и усиление более «позитивных» элементов идентичности или имиджа, чтобы сформировать бренд, который в свою очередь формирует согласованность между идентичностью и имиджем.

Также возможна и третья схема, при которой отсутствуют (либо крайне мало выражены) яркие, уникальные элементы идентичности в отдельно взятых городах, так как, например, города представляют из себя малые и молодые пространственные образования на территории, объединенной единым смыслом. В таком случае предлагается создание бренда общего пространства, объединяющего ряд городов, которые отображаются как взаимосвязанные, но при этом отдельные элементы территориального брендинга, т.е. происходит расстановка акцентов в определении идентичности не только *на различиях*, но и *на сходствах*. Например, ряд городов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов одинаково могут быть определены как города нефтегазодобывающей промышленности на выраженной территории малых коренных народов севера (ханты, манси, ненцы) и так как города довольно молодые, то едва ли возможно определить в каждом из них достаточно сильный образный идентификатор – несмотря на то, что отличия, разумеется, присутствуют. Схема такой ситуации представлена ниже:

- (общая идентичность влияет на общий имидж), на основе чего формируется бренд, который выделяет (отдельную идентичность 1,2...), формируя (отдельный имидж 1,2...).

Так как в предложенной методологии определение идентичности – это своего рода раскрытие ее структурных элементов, то рассмотрим таковые элементы, их влияние на имидж города и последующий брендинг – в отношении к визуальным образам-идентификаторам. В качестве основы принята система, представленная ниже, так как она позволяет определять идентичность города визуальными образами, а также легко трансформируется согласно другим компонентам брендинга, например, социально-коммуникативным образам-идентификаторам города [4]. Система выделяет три группы элементов городской идентичности:

- элементы идентичности, происходящие из природных форм, окружающей среды – условия топографии, климата, геологическое и общее расположение города, территории (Венецианские каналы, Стамбул как граница между Азией и Европой, Салехард как единственный в мире город, расположенный на линии Северного полярного круга).

- элементы идентичности, происходящие из окружения человека и включающие его самого – личность и общество, демографическая структура, институциональная и культурная структуры. Например, карнавал в Рио-де-Жанейро, Кремниевая долина в целом и Купертино в частности – как центр высокотехнологичных корпораций.

- элементы идентичности, происходящие из рукотворного ландшафта – искусственная среда, создаваемая в результате постоянной человеческой деятельности в городе («небоскребы» Шibaма (Йемен), Голландские ветряные мельницы и мельницы Миконоса и Ойи (Греция), кремли Москвы, Великого Новгорода, Казани и других городов России, Брестская Крепость в черте города Брест (Беларусь)).

Различная степень взаимодействия представленных элементов идентичности позволяет выделить два вида таковой, первый из которых обращен к устойчивому, традиционному образу, второй – к ситуационному, фрагментированному [5]. Так, традиционная идентичность включает в себя элементы, которые могут быть описаны как «пожизненные», «универсальные», «признанные всеми», «принятые как правило», «данные, а не выбранные», «общие, коллективные», «укоренившиеся в культуре и истории». Ситуационная же идентичность соответственно состоит из элементов «внепространственных», «размытых в пространстве», «связанных с конкретными образами и явлениями», «подвижных», «фрагментированных до отдельной индивидуальности», «выбранных», что влечет за собой большую ответственность при формировании брендинга на основе таковой идентичности, так как вносит больше субъективного, чем объективного характера в ее определение.

Так, традиционная идентичность позволяет создавать более стационарные и узнаваемые большим количеством людей визуальные образы, а дополнение структурной системы идентичности подходом «геокультурного брендинга» Дмитрия Замятина [6] способствует более точному определению уникальных черт в тех городах, где они сильно скрыты. Ситуационная идентичность, в свою очередь, позволяет создать отдельные элементы брендинга, которые взаимодействуют с конкретной аудиторией и меняются согласно изменениям таковой. Следовательно, «ситуационная» идентичность способствует не только выражению образов-идентификаторов, но и адаптации города и общества к происходящим изменениям.

Как уже говорилось выше, определенные структурные элементы идентичности города способствуют формированию его имиджа, в свою очередь раскрывающего для большего круга людей идентичность города. Следовательно, имидж воспроизводится для и внутри внешних сторон, тогда как идентичность – более внутреннее явление. И так как происходит

вышеописанное разделение сторон, то в соответствии с ним могут быть выделены следующие степени согласованности, на основе которой формируется и развивается бренд города. Так, идентичность в большей степени способствует:

- эмоциональной привязанности и бережливому отношению к городу/территории, что может быть выражено в возможности «одушевить» и полюбить место благодаря взаимодействию с отдельными визуальными и социально-коммуникативными образами-идентификаторами,

- объединению горожан, а также представителей управления и бизнеса, что выражается в чувстве принадлежности к общности целей по поддержанию и развитию города через единый образ визуальных материалов и возможности совместной коммуникации и участия.

Имидж в большей степени способствует:

- региональной/городской конкурентоспособности по привлечению и удержанию разного рода ресурсов, что может быть выражено через достижение и последующей трансляции высокого уровня экономического развития, мероприятия по сохранению экологии, по благоустройству города, действий по повышению качества жизни (развитие транспортной инфраструктуры, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, наличие жизненных удобств).

Идентичность и имидж в равной степени способствуют

- формированию эмоционально-чувственной связи человека с архитектурно-пространственной средой, выраженной через уровень освоенности территории, уникальность образа города, развитость мест приложения труда и самореализации, туристической привлекательности.

После определения идентичности и имиджа/репутации города, происходит работа по формированию и развитию непосредственно самого брендинга. Согласно предложенной методологии, брендинг должен отвечать следующим требованиям, которые сформулированы в соответствии с их применимостью и необходимостью проработки с точки зрения визуальных образов-идентификаторов:

- Наличие видения – обязательная формулировка того, какой территория/город должна быть согласно мнению участников брендинга и согласно экономическим, региональным и другим критериям. В отсутствие видения заинтересованные стороны не знают, что связывает их вместе. Яркий пример сформулированного территориального видения – это Saudi Vision 2030 (Видение Саудовской Аравии 2030) [7].

- Высокий уровень взаимодействия заинтересованных сторон, согласно которому учитываются все мнения, в ходе чего разрабатывается компромиссное решение – что нужно изобразить и как нужно изобразить [8].

Это, пожалуй, одно из самых сложных требований, так оно как требует тщательного анализа и проработки множества эстетических предпочтений разных сторон, которые при этом должны учитывать функциональность, эргономичность, ясность и достоверность образов. Возможные методы по данному критерию – это предварительное и последующее исследование ценностей участников брендинга, выполнение проектов специалистами с их последующей оценкой участниками, соучастное проектирование.

- Наличие преемственности, адаптивности к изменениям в ходе формирования, реализации и развития брендинга.

- Наличие конкретной и ясной программы действий, учет всех преимуществ брендинга и анализ возможных угроз – неясная трактовка внешними сторонами, фиксирование и увеличение разрыва между идентичностью и имиджем города/территории. А также наличие четкого набора атрибутов, на основе которых будет возможно эффективное выражение уникального характера города [9].

- Привлечение внешних участников с целью избежать предубежденности и замкнутости образов, так как беспристрастный подход приглашенных специалистов к формированию брендинга позволит достичь большей ясности и привлекательности создаваемых образов-идентификаторов в глобальном пространстве [10].

- Создание ценности для заинтересованных сторон. Так как брендинг – это программы по управлению взаимосвязанными проектами, то на основе этой взаимосвязанности должны увеличиваться преимущества, превышая тем самым отдельные выгоды отдельных проектов и создавая ценности для всех участников – способность вещей удовлетворять потребности [11].

В завершении разрабатываемой методологии необходимо отметить, как могут проявляться визуальные образы-идентификаторы, которые сформировались на основе согласованности идентичности и имиджа, чтобы отвечать всем требованиям брендинга. В первую очередь, это адаптированные отображения элементов идентичности, которые могут прослеживаться от дизайн-кода, айдентики до интеграции в городскую среду и создание в ней пространственных объектов, отображающих и взаимодействующих с таковыми элементами. При этом обязательно учитывать ясность образов, так как в большей степени такие образы выступают как репрезентация знаний о городе.

Во-вторых, это визуальные образы, при создании которых обеспечивается возможность их изменяемости жителями города и городскими сообществами, что дает возможность для проявления творческого потенциала креативного класса, его формирования и поддержания – и это в свою очередь позитивно влияет на имидж города [12].

Следующий пункт созвучен второму, однако является более общим, так как формируется на высокой степени согласованности и требует строго соблюдения всех требований, тогда как второй пункт более лоялен к требованию конкретной программы (сложно заранее спрогнозировать, как креативный класс проявит себя, поэтому это должно быть учтено в угрозах). Итак, третий пункт – это создание образов-идентификаторов, которые больше ориентированы на чувственный опыт жителей и гостей города. Здесь аналогично возможно проявление дизайн-кода и пространственных форм, меняется только их контекст – со «знания о месте» на «ощущение места»: обращение к органам восприятия (зрение, обоняние, слух) и к коммеморативным практикам (образы для генерации эмоций и социального взаимодействия). И, наконец, это образы-идентификаторы сходства, которые создают синергию между различными городами и формируют возможности для сотрудничества, действуя как механизм согласования через функциональные и географические границы.

Библиографические ссылки

1. Аакер Д. Создание сильных брендов. – Москва: Изд. дом Гребенникова, 2004.
2. MSP: Managing Successful Programmes // MSP: Управление успешными программами, 2023. – URL: <https://www.axelos.com/certifications/propath/msp-programme-management/> (дата обращения 30.09.2023).
3. Zamparini A., Gualtieri G., Lurati F. Iconic buildings in the making of city identity: The role of aspirational identity artefacts. – Sage Journals, v. 60 (12). – 2023.
4. Kodal G. Bridge in terms of the elements of urban identity. – Karadeniz Technical University Graduate Thesis. – 2014.
5. Terlouw K. Rescaling Regional Identities: Communicating Thick and Thin Regional Identities. Studies in Ethnicity and Nationalism, 9(3). – 2009.
6. Замятин Д. Геокультурный брендинг городов и территорий. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019.
7. Saudi Vision 2030 // Видение Саудовской Аравии 2030, 2023. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/> (дата обращения 16.10.2023).
8. Родькин П. Брендинг территории: к проблеме репрезентации и бренд-идентификации. – Современные проблемы сервиса и туризма. – № 4 (12). – 2018.
9. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – Москва, ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
10. Замятин Д. Геокультурный брендинг городов и территорий. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019.
11. Gustavo Adolfo Pérez Rojas. Beyond a logo: City branding for local governance. – Discussions Between Economic Agents: Recent Issues. – 2023.

12. O'Connor J., Xin Gu, Kho Lim M. Creative Cities, Creative Classes, and the Global Modern City. – Culture and Society, v. 21. – 2020.

КОЛЛАЖ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет
Ул. Карла Маркса, 1, 664003, Иркутск, Россия
okwook@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития публичных пространств городов. Выделяется технология социального исследования, моделирования и управления урбанистическими пространствами – коллаж. Обосновывается актуальность применения технологии коллажа для развития современной городской среды.

Ключевые слова: *публичное пространство, коллаж, город, креативность, урбанизм, урбанистическое управление.*

COLLAGE OF PUBLIC SPACE OF THE CITY

O. A. Polyushkevich

Irkutsk State University
St. Karla Marksa, 1, 664003, Irkutsk, Russia
okwook@mail.ru

Abstract. The article discusses the development of public spaces in cities. The technology of social research, modeling and management of urban spaces – collage – is highlighted. The contemporary relevance of using collage technology for the development of the urban environment is substantiated.

Keywords: *public space, collage, city, creativity, urbanism, urban management.*

Публичное пространство любого города неоднородно – в силу исторических условий, социокультурных особенностей, разных управленческих урбанистических стратегий, особого менталитета и других весомых факторов, определяющих формат современных городов. Все чаще в этом ключе говорится о креативных задачах и возможностях, которые меняют мировоззрение и сознание жителей и создают новые условия для творческого проявления и фиксации нетипичного восприятия городской реальности.

Креативные возможности и потенциал нетрадиционного и нетипичного развития есть в любом городе. Надо учитывать, что при этом имеются и достаточно традиционные и формализованные

пространства, которые остались «наследием» от советского прошлого типовой застройки и организации публичных мест. Поэтому, формируя управленческие задачи и организуя технические условия креативного развития публичного пространства городов, стоит говорить о коллаже данных территорий. Впервые этот термин использовали К. Роу и Ф. Кеттер в одноименной книге, обозначив соединение противоположных по смыслам и сюжетам городских территорий [2].

Делать нечто из ничего – уже известная технология. На сегодняшний день становится более актуальным соединять не соединяемое, формировать единое из разнообразного. Коллаж реализуется как форма соединения пространства «на бумаге», а затем и в реальных форматах различных архитектурных и дизайнерских решений на практике. Более того, коллаж реальных публичных пространств современных городов становится формой притяжения разных сообществ в различные пространства города, где могут формироваться спонтанные улицы художников и музыкантов, стритрейсеров и паркурщиков и т.д.

Коллаж формируется не формально, по логике объединения каких-то территорий и выделенных пространств (скверов, площадей, коворкинг-центров), а согласно логике смыслов и значений, формирования ценностей и мировоззрения в определенном месте и времени конкретного города – вернее, локального места конкретного города. Это место обладает самобытностью, своим культурным и ментальным кодом, притягивает своим колоритом определенный контингент людей (свою целевую аудиторию) и создает условия именно для их максимальной реализации в имеющихся условиях.

На соседней территории так же могут объединяться и другие сообщества, консолидированные своими ценностями и взглядами, мировоззрением и философией. В работах Р.Г. Ардашева [1] указывается эфемерность таких форм, а у В.А. Скуденкова [3, 4] подчеркивается, как пространство улиц влияет на социальное самочувствие жителей и гостей городов. Коллаж как технология управления (и, собственно, создания новых форм и форматов жизни) есть территория смыслов. Во многих моментах эта технология действует в формате «здесь и сейчас» (возможно, скорость проживания настоящего времени влияет или быстрая сменяемость социальных задач различных социальных институтов), что делает публичное пространство актуальным в данный момент. Оно может быть актуально и завтра, но тогда это уже станет традиционной формой организации неформальных или формальных публичных мест городов, потеряв эффект новизны и спонтанности, нового взгляда на обычное.

Коллаж создает состояние и смыслы, применимые и необходимые в данный момент исторического и социокультурного развития социального пространства публичных мест в городах. Локальное воспроизводство смыслов важно и применимо здесь и сейчас, а в другом городе или в другое время эти же эти формы и образы будут иметь совершенно иное содержание и контекст – как следствие, иначе влияя на горожан, иначе формируя их городскую идентичность и солидарность сообществ. Публичные пространства даже одного города могут существенно отличаться друг от друга – определяемые теми, кто там находится, что делает, думает и какие внешние формы способствуют их активности. При опросе иркутян (n=1200), проведенном в 2023 году на тему креативного будущего Иркутска, более 44% указывали на роль самих жителей в реализации креативного потенциала; 38% – на значимость инициативы органов власти и архитектурных решений как практической формы реализации их воли; 18% – на зависимость от внешних условий (инвестиций, климатических изменений, политического курса и демографии).

Креативность перспектив развития города более половины иркутян (53%) видят в коллаже (не называя этот термин, но приводя примеры именно его применения), соединяя иркутскую историю и современность, национально-территориальную уникальность и стратегическое развитие региона и т.д. И в развитии нового города (по принципу строительства Лос-Анжелеса), соединяющего старый Иркутск и Новый Иркутск мостом, сквером и другими фиксированными формами (34%). А также в сохранении традиционного уклада, но при использовании новых технологий (13%). Публичные места для 74% жителей выступают местами «живой силы», «духом города», «символом внутренней жизни города». Для остальных (26%) эти смыслы имеют личные места значимости (место жительства в детстве, романтических прогулок и т.д.).

Публичные места всегда обладают личными символами и смыслами, которыми наделяют это место органы власти или другие горожане, но эти смыслы созвучны с личными переживаниями и принятием этого посыла, что приводит к солидарному восприятию данных мест как мест консолидации жителей города. Естественно сложившиеся публичные места отражают традиции и менталитет горожан, а специально созданные представителями власти – результат урбанистических управленческих решений. Поэтому коллаж как формат развития современных городов выступает одной из реальных объяснительных схем понимания того, что объединяет людей в разных

сообществах и территориях, а также эффективной стратегией управления городом.

Коллаж публичного пространства города может выступать рабочим механизмом изучения и моделирования процессов городского самосознания, городской идентичности, городского управления. Этот механизм становится инструментом и формой узнавания и решения локальных и глобальных проблем городских публичных пространств. Развивая данное видение управленческих и социальных задач, можно выйти на новый уровень урбанистического развития.

Библиографические ссылки

1. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск, ИГУ, 2021. – С. 193-197.
2. Роу К., Кеттер Ф. Город-коллаж. – М.: Strelka Press, 2019. – 208 с.
3. Скуденков В.А. Улица в городе: социологический этюд // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Иркутск, ИГУ, 2023. – С. 116-118.
4. Скуденков В.А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, ИГМУ, 2019. – С. 69-79.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. Е. Попов, М. Н. Миронова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Российская Федерация
1132220953@pfur.ru

Аннотация. В статье рассматривается современный образовательный потенциал городских поселений Рязанской области. На основе анализа их количества и численности студентов выявлено, что в Рязани сосредоточен основной образовательный потенциал области – все университеты и крупнейшие техникумы региона, большинство студентов. Основными направлениями подготовки ВУЗов являются клиническая медицина, образование и педагогика, экономика и управление, электроника и радиотехника, сельское хозяйство, юриспруденция, ветеринария, информатика. В других городах региона расположены преимущественно техникумы – по их количеству, кроме явного превосходства Рязани, выделяются Касимов, Скопин и Сасово. Техникумы в основном готовят кадры по техническому обслуживанию и ремонту транспорта, технологов различных направлений, а также медицинский и педагогический персонал, программистов, бухгалтеров. Установлено, что предприятия и организации региона являются партнерами университетов и техникумов по наиболее востребованным и популярным специальностям.

Ключевые слова: *Рязанская область; Рязань; города; образовательный потенциал; университеты; техникумы; направления подготовки.*

Публикация выполнена в рамках проекта №060508-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE TOWNS OF THE RYAZAN REGION

G. E. Popov, M. N. Mironova

People's friendship university of Russia
Miklukho-Maklaya st., 6, 117198, Moscow
1132220953@pfur.ru

Abstract. The article examines the modern educational potential of urban settlements in the Ryazan region. Based on an analysis of their number and the number of students, it was revealed that the main educational potential of the region is concentrated in Ryazan - all universities and the largest technical schools in the region, the majority of students. The main

areas of training at universities are clinical medicine, education and pedagogy, economics and management, electronics and radio engineering, agriculture, law, veterinary medicine, and computer science. In other cities of the region, there are mainly technical schools; in terms of their number, in addition to the obvious superiority of Ryazan, Kasimov, Skopin and Sasovo stand out. Technical colleges mainly train personnel for the maintenance and repair of transport, technologists in various fields, as well as medical and teaching staff, programmers, and accountants. It has been established that enterprises and organizations in the region are partners of universities and technical schools in the most in-demand and popular specialties.

Keywords: *Ryazan region; Ryazan; cities; educational potential; universities; technical schools; areas of training.*

Университеты и техникумы обеспечивают образовательный потенциал развития городов и регионов России, играют важнейшую роль для обеспечения кадрами предприятий и организаций и тем самым способствуют социально-экономическому развитию территорий. В городах своего месторасположения они часто способствуют повышению культурного и образовательного уровня населения и его возрастного состава, формируют комфортную городскую среду. Цель статьи – выявить роль образовательного потенциала университетов и техникумов Рязани и других городов в обеспечении кадрами своего региона. Задачи статьи: определение различий городов области по подготовке студентов университетов и техникумов, выявление наиболее развитых направлений обучения в них, характеристика основных вузов и оценка их связей с ведущими предприятиями и организациями по подготовке кадров. Основные материалы исследования – информация сайта Главного информационно-вычислительного центра Российского технологического университета [1], статистические данные Всероссийской переписи населения 2020 г. [2] и Росстата [3].

В Рязанской области на 1 января 2023 г. проживало 1,1 млн человек (45 место по численности населения РФ). В регионе 12 городов, самый крупный – областной центр (г. Рязань) концентрирует 48% населения [2]. Другие города – преимущественно малые, с числом жителей до 25 тыс. человек. Кроме Касимова (28,4 тыс. чел.) и Скопина (26,3 тыс. чел.), это Сасово, Ряжск, Новомичуринск, Рыбное, Кораблино, Михайлов, Спасск-Рязанский, Шацк, Спас-Клепики [3]. Доля ВРП области – 0,5 % от общего ВРП субъектов РФ в 2022 г. В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости в 2020 г. наибольшая доля приходилась на обрабатывающие производства (24%), оптовую и розничную торговлю (14%) и сельское хозяйство (11%), на образование приходится 4,6%, что выше среднероссийского показателя [4, 5]. В 2021 г. основными подотраслями обрабатывающей промышленности являлись (согласно структуре объема

отгруженной продукции): нефтеперерабатывающая промышленность – 24,8%, производство компьютеров, электронных и оптических изделий – 16,9%, пищевая промышленность – 14,5 %, производство неметаллической минеральной продукции – 12,6 %, металлургическое производство – 10,3%, производство химических веществ и продуктов – 7,2 %, машиностроение – 5,3% [17]. Доля оборота обрабатывающих производств от общего оборота организаций в 2022г. составила 58% (454,4 млрд руб.), организаций, занимающихся торговлей – 27% (211,1 млрд руб.) и действующих в сфере сельского хозяйства – только 5% (42 млрд руб.) [7].

Рязанская область заняла 42 место по количеству компаний и 39 место по их выручке в России в 2022 г. В г. Рязани располагались 72% от всех компаний области и производилось 80% от их выручки, а также 8 из первых 10 по выручке, преимущественно промышленных [6]: Рязанский завод цветных металлов (104 млрд руб.) – производство свинца и его сплавов; ООО «Альфа Рязань» (Красное & Белое) – розничная торговля алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах (51 млрд руб.); завод «Технофлекс» – производство изделий из асфальта (38 млрд руб.); ООО «Скопинфарм» – производство лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии (36 млрд руб.), Скопинский район: ООО «Рельеф центр» – торговля оптовая писчебумажными и канцелярскими товарами (32 млрд руб.), г. Рыбное; ООО «Завод Техно» – производство минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий (26 млрд руб.); ООО «Энтрада» – деятельность холдинговых компаний (18 млрд руб.); ООО «Русская аграрная группа» – производство молока (кроме сырого) и молочной продукции (16 млрд руб.); ООО «Газпром межрегионгаз Рязань» – торговля оптовая твердым, жидким и газообразным топливом и подобными продуктами (14 млрд руб.); ООО «Завод Техноплекс» – производство пластмассовых плит, полос, труб и профилей (14 млрд руб.).

Все 8 университетов (5 государственных и 3 частных) области находятся в г. Рязань, в них обучается 29 тыс. человек (0, 71% от всех по РФ в 2022 г.). В частных ВУЗах обучались лишь 7% от всех студентов региона. Большинство студентов ВУЗов специализируется на таких направлениях, как клиническая медицина, образование и педагогические науки, экономика и управление, электроника, радиотехника и системы связи, сельское, лесное и рыбное хозяйство, юриспруденция, ветеринария и зоотехния, информатика и вычислительная техника [8]. Самый крупный университет – Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (29% от общего количества студентов области, которые преимущественно обучаются по специальности «образование и педагогические науки» (54,2% от всех в 2022г.). ВУЗ связан

с региональными компаниями-партнерами, с ними заключены договора на подготовку специалистов: ООО «Рельеф центр», ФПК «Инвест» (в том числе АО «Точинвест» – 25 место по выручке в регионе в 2022 г) [6, 8, 11, 15]. Второе место – Рязанский государственный медицинский университет (20% от всех студентов). Основное направление подготовки – клиническая медицина (85,4% учащихся). Компании-партнеры: ООО «Скопинфарм», ООО «Форт» (производство лекарственных препаратов и материалов (15 место по выручке) [6, 12, 14]. Третье место – Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина (19% от всех студентов) готовит кадры для промышленных предприятий, в основном по направлению «электроника, радиотехника и системы связи» (36,6%). Компания-партнер: АО «Точинвест» (производство строительных металлических конструкций, 25 место) [6, 12]. Рязанской государственный агротехнологический университет – четвертый по числу студентов, которые преимущественно обучаются по специальностям: сельское, лесное и рыбное хозяйство – 37,1%, ветеринария и зоотехния – 29,7%. Компании-партнеры: ФПК «Инвест», АО «Окское» (разведение сельскохозяйственной птицы, 16 место), ООО «Русская аграрная группа», ООО «Форт» [6, 13]. На 5 месте – филиал Московского Политеха, в котором наибольшее количество студентов – будущие специалисты в следующих областях: техника и технологии строительства (37,3%), экономика и управление (20,4%). Компании-партнеры: ПАО «Тяжпрессмаш» (производство кузнечнопрессового оборудования, 26 место), ООО «Завод Шинглас» (производство изделий из асфальта, 23 место), АО «Рязаньавтодор» (строительство автомобильных дорог, 21 место) [6, 16].

В Рязанской области – 40 техникумов с 25,9 тыс. учащихся (0,76 от РФ), 92%. Их подавляющее число расположено в 11 из 12 городов, при этом выделяется Рязань (19 техникумов и 66% от всех студентов). Высоким образовательным потенциалом обладают Касимов, Скопин и Сасово среди других городов: в них 15% от общего числа техникумов и учащихся. В городах Михайлов, Шацк и Спас-Клепики расположено по 2 техникума и 2% студентов, в Ряжске – 1 и 4% соответственно, а в Новомичуринске, Кораблино, Спасск-Рязанский – лишь по 1 и 1% [9, 10]. Большинство студентов техникумов проходили подготовку по следующим направлениям: техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей (14% от обучающихся на наиболее популярных специальностях в 2022 г.), информационные системы и программирование (13%), экономика и бухгалтерский учет (12%), сестринское дело (12%), поварское и кондитерское дело (10%) [9]. Техникумы обеспечивают предприятия и организации региона кадрами, партнерами многих техникумов часто

являются те же компании, что и университетов. Однако с техникумами обычно заключают договоры на подготовку кадров небольшие предприятия – например, МП «Хлебозавод №3 г. Рязани» (545 место по выручке в регионе 2022 г.), ООО «Кондитерская «Римские каникулы» (1927 место) [6, 18, 19].

Итак, основной образовательный потенциал области приходится на г. Рязань, ведь здесь сосредоточены все университеты региона и 56% техникумов, обучается 85% от всех студентов [8, 9]. Но их роль в образовательном потенциале области разная и по качественным параметрам. ВУЗы и техникумы Рязани являются основными поставщиками кадров для крупнейших промышленных предприятий и различных организаций области. ВУЗы готовят дипломированных специалистов. Техникумы осуществляют подготовку медицинских сестер, бухгалтеров, обеспечивают трудовыми ресурсами ремонтную сферу, пищевую промышленность, сельское хозяйство и пр. Потенциал городов области связан с получением среднего специального образования (в них находятся 20 из 37 техникумов). В будущем основные специальности в рассматриваемых учебных заведениях региона будут прежними, так как в 2022 г. они соответствуют стратегии развития экономики области до 2030 г. [20, с. 49].

Библиографические ссылки

1. Главный информационно вычислительный центр Российского технологического университета [Электронный ресурс]. URL: <https://monitoring.miccedu.ru> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 01.10.2023).
3. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://62.rosstat.gov.ru/folder/30448> (дата обращения: 01.10.2023).
4. Промышленное производство [Электронный ресурс]. URL: <https://admrzn.ru/ekonomika-i-biznes/pokazateli-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/promyshlennoe-proizvodstvo> (дата обращения: 01.10.2023).
5. Полный рейтинговый отчет по Рязанской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acra-ratings.ru/press-releases/2235/?lang=ru> (дата обращения: 01.10.2023).
6. Компании Рязанской области [Электронный ресурс]. URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/61000000000> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Регионы России: социально – экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 01.10.2023).
8. Характеристика системы высшего образования [Электронный ресурс]. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10310 (дата обращения: 10.10.2023).

9. Характеристика системы среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_spo/material.php?type=2&id=10310 (дата обращения: 10.10.2023).
10. Закон об административно-территориальном устройстве Рязанской области [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819015823> (дата обращения: 05.10.2023).
11. Партнеры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rsu.edu.ru/main/our-partners/> (дата обращения: 11.10.2023).
12. Центр трудоустройства РГРТУ [Электронный ресурс]. URL: <http://job.rsreu.ru/job> (дата обращения: 11.10.2023).
13. Наши партнеры [Электронный ресурс]. URL: <http://rgatu.ru/trudoustrojstvo> (дата обращения: 11.10.2023).
14. Подбор вакансий [Электронный ресурс]. URL: <http://cstv.rzgm.ru/vacancy/> (дата обращения: 11.10.2023).
15. Структура холдинга [Электронный ресурс]. URL: <https://fpkinvest.ru/structure> (дата обращения: 11.10.2023).
16. Партнеры [Электронный ресурс]. URL: <https://rimsou.ru/partnery/> (дата обращения: 11.10.2023).
17. Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в 2021г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwid0vae pviBAxVLHBAIHXwgDmgQFnoECA4QAQ&url=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2F%2F2023%2F04-19%2FCL39IrZQ%2FRR_pokaz_13-05_2022.xlsx&usg=AOvVaw2Z2wGfDoq9Ee8dPbBmuOGB&opi=89978449 (дата обращения: 16.10.2023).
18. Станкостроительный колледж [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rssk.ru> (дата обращения: 16.10.2023).
19. Рязанский технологический колледж [Электронный ресурс]. URL: <https://rgtc.ru/o-kolledzhe/nashi-partneryi.html?ysclid=lnrohyp8t5723900360> (дата обращения: 16.10.2023).
20. Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://mineconom.ryazan.gov.ru/upload/iblock/b6b/Strategiya-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Ryazanskoj-oblasti-do-2030.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

ГЕРОНТОВОЛОНТЕРСТВО В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Похомова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
pakhom@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена «серебряного волонтерства» (геронтоволонтерства) в современном белорусском обществе. Актуальность данного направления волонтерской деятельности обусловлена тенденциями старения белорусского общества и увеличения численности старшей возрастной группы в структуре населения страны. Отмечаются функции геронтоволонтерства на микроуровне в отношении пожилых граждан, участвующих в волонтерской деятельности.

Ключевые слова: *серебряное волонтерство; геронтоволонтерство; социальная политика; пенсионеры; активное долголетие; социальная активность.*

GERONTOVOLONTEERING IN THE URBAN ENVIRONMENT OF BELARUS: STATUS AND PROSPECTS

A. A. Pokhomova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
pakhom@bsu.by

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of silver volunteering (gerontovolunteering) in modern Belarusian society. The relevance of this area of volunteer activity is due to the trends of aging of the Belarusian society and the increase in the number of the older age group in the structure of the country's population. The functions of gerontovolunteering at the micro level in relation to senior citizens participating in volunteer activities are noted.

Keywords: *silver volunteering; gerontovolunteering; social policy; pensioners; active longevity; social activity.*

В Республике Беларусь все большую актуальность приобретает социальная работа, связанная с представителями старшего поколения, что обусловлено динамикой возрастной структуры населения страны. Согласно статистическим данным, по состоянию на 1 января 2023 года каждый шестой гражданин Беларуси находится в возрасте 65 лет и старше (1517148 человек).

Из них более 66% – женщины [1]. Тенденции старения населения, по прогнозам экспертов, будут усиливаться, что детерминирует необходимость пересмотра роли пожилых людей в белорусском обществе. После наступления пенсионного возраста и прекращения трудовой деятельности актуальным становится вопрос о качественном старении: адаптации к изменению социального статуса и новым жизненным обстоятельствам, обеспечения качества жизни, способах проведения досуга и организации повседневности. Исследователи также отмечают изменения в интенсивности социальных взаимодействий людей пенсионного возраста [2]. В силу этого актуализируются проблемы социальной изоляции и возникает необходимость преодоления социальных барьеров, инклюзивного участия граждан старшего возраста в жизнедеятельности белорусского общества. Немаловажным аспектом выступает преодоление социальных стереотипов о данной возрастной группе [3; 4].

Все чаще артикулируется потребность в проведении мероприятий, направленных на стимулирование и достижение активного долголетия населением старшего возраста. В 2020 году в Беларуси была утверждена Национальная стратегия «Активное долголетие-2030», которая включает рекомендации по формированию пищевых привычек, мониторингу состояния здоровья, борьбе с вредными привычками, стимулированию двигательной активности пожилых граждан, а также развитию позитивного мышления и социальной активности. Идея активного долголетия предполагает формирование у старшего поколения активной жизненной позиции, саморазвитие и самообразование. Для реализации социальной включенности и разностороннего участия пожилых граждан в жизни популяризируется идея волонтерской активности. Согласно результатам статистического мониторинга, в 2022 году «серебряные волонтеры» в возрасте 65-74 года составили 14,8% среди всех участников волонтерской деятельности за указанный период [1].

В Республике Беларусь состояние и популярность «серебряного волонтерства» как общественно полезной активности пожилых во многом обусловлено деятельностью территориальных центров социального обслуживания населения и общественных организаций. Среди крупнейших общественных объединений, развивающих в том числе и «серебряное волонтерство», стоит отметить такие, как Белорусский Красный Крест, Белорусская ассоциация социальных работников и др. По инициативе Белорусской ассоциации социальных работников функционирует Минский университет третьего возраста, среди задач которого – стимулирование образовательной и волонтерской активности среди пожилых граждан. Аналогичные функции выполняет Университет «золотого века» в Гродно, в

рамках которого пожилые люди могут выступать не только в роли слушателей курсов, но и волонтеров–преподавателей. Опыт работы университетов третьего возраста, привлекающих в качестве волонтеров–преподавателей преимущественно молодых людей, демонстрирует возможность преодоления межпоколенного барьера и социальных стереотипов, раскрывает современность с точки зрения новых возможностей для самореализации пожилых людей.

Организация волонтерской деятельности среди пожилых граждан территориальными центрами социального обслуживания населения позволяет приобщать граждан «серебряного возраста» к решению значимых проблем на локальном, региональном или республиканском уровнях. Так, согласно имеющимся данным, «серебряные волонтеры» оказывают помощь животным, участвуют в работе общественных организаций, занимаются благоустройством территорий [1]. При этом, с одной стороны, для «серебряных волонтеров» характерны те же черты, которые присущи волонтеру как таковому: добровольность, социальная значимость деятельности, бескорыстность, инициативность; с другой стороны, на организацию геронтоволонтерской деятельности существенное влияние оказывают социально-демографические барьеры.

В научных работах отмечается, что мотивация «серебряных волонтеров» чаще носит альтруистический характер по сравнению с волонтерами других возрастных групп [5]. Альтруистические мотивы включают в себя желание быть полезным (организации, городу, региону, стране, обществу в целом), помогать другим людям, нуждающимся в помощи (обучение, информационная поддержка, оказание услуг и выполнение работ), реализовать имеющиеся временные и трудовые ресурсы для общественного благополучия.

Дискуссионным в научном сообществе является определение возрастных границ «серебряных волонтеров» (геронтоволонтеров, волонтеров «серебряного возраста»), что может быть объяснено как относительной новизной феномена «серебряного волонтерства», его признания и распространения в обществе, так и различиями в установлении пенсионного возраста в разных странах. Так, нижняя возрастная граница «серебряных волонтеров» может устанавливаться на уровне 55 лет. В этом случае акцентируется внимание на волонтерской активности людей предпенсионного и пенсионного возраста. Также можно встретить показатели в 60 и 65 лет в качестве демаркационного возраста «серебряных волонтеров». Тем не менее для «серебряных волонтеров» возраст как демографическая характеристика имеет второстепенное значение, а более

значимым является статус пенсионера, который обуславливает возможность участия в волонтерских проектах и мероприятиях в дневное «рабочее» время.

Включенность в волонтерское движение имеет для людей старшего возраста важное функциональное значение, отличное от функций, например, молодежного волонтерства. Так, можно выделить коммуникационную, инклюзивную, статусную, образовательную функции, функцию преодоления возрастных стереотипов, повышения социальной активности, адаптационную и социализационную функции. Участие в волонтерской деятельности лиц старшего возраста способствует интенсификации общественной жизни пожилых граждан, увеличению их социального капитала и преодоления социальной изоляции, одиночества, повышению уровня удовлетворенности качеством жизни, инклюзии в целом.

Таким образом, содействие развитию «серебряного волонтерства» в белорусском обществе в рамках социальной политики способствует решению ряда задач, связанных с реализацией концепции активного долголетия, ориентированной на качественное старение, обеспечение адаптации граждан, достигших пенсионного возраста, к жизни, обусловленной новым социальным статусом и его возможностями. В силу наличия жизненного и профессионального опыта, состоявшейся самореализации в трудовой и семейной жизни, «серебряные волонтеры» чаще демонстрируют альтруистическую мотивацию.

В настоящее время в белорусском обществе «серебряное волонтерство» можно рассматривать как социальную технологию работы с пожилыми гражданами, реализуемую как общественными объединениями, так и государственными организациями. Как правило, наибольшую активность «серебряные волонтеры» проявляют именно в городской среде, что обусловлено, с одной стороны, концентрацией пожилых граждан в городах (72,4%), а с другой стороны – расположением в городах общественных объединений и их филиалов.

Библиографические ссылки

1. Статистический обзор ко Дню пожилых людей [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2023.pdf. – Дата доступа: 12.10.2023.
2. Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 119–135.

3. Исследование отношения к пожилым людям и уровня эйджизма в стране. Социологические исследования [Электронный ресурс] // SATIO. – Режим доступа: <https://satio.by/case/ageism-in-belarus/>. – Дата доступа: 12.10.2023.
4. Сафина З.Н. «Серебряное волонтерство» как стимул для развития межпоколенных коммуникаций // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – №3. – С. 124-129.
5. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 35-47.

БИОФИЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ДЛЯ СОЗДАНИЯ ДРУЖЕЛЮБНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ю. А. Протасова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
protasovay@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение биофильного дизайна в формировании дружелюбной городской среды. Интеграция природных элементов в планировку и застройку городов способствует физическому и эмоциональному благополучию жителей. Определение принципов биофильного дизайна в городской среде позволит формировать более дружелюбные городские пространства для всех жителей. Анализируются примеры проектов, в которых реализованы принципы биофильного дизайна (Хай-Лайн в Нью-Йорке, Сады у Залива в Сингапуре, Суперкилен в Копенгагене), иллюстрирующих эффективность биофильного дизайна в городе. Статья направлена на распространение принципов биофильного дизайна для создания дружественной городской среды, способствующей улучшению качества жизни горожан.

Ключевые слова: дружелюбная, комфортная городская среда; биофилия; биофильный дизайн; биофильные города; общественные городские пространства; озеленение; физически ослабленные люди; дети.

BIOPHILIC DESIGN TO CREATE A FRIENDLY URBAN ENVIRONMENT

J. A. Protasova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
protasovay@mail.ru

Abstract. The article discusses the use of biophilic design in the formation of a friendly urban environment. Integrating natural elements into urban planning and development promotes the physical and emotional well-being of residents. Defining the principles of biophilic design in the urban environment will create more friendly urban spaces for all residents. Examples of projects that implement the principles of biophilic design illustrating the effectiveness of biophilic design in the city (the High Line in New York, Gardens by the Bay in Singapore, Superkillen in Copenhagen) are analyzed. The article is aimed at disseminating the principles of biophilic design to create a friendly urban environment that helps to improve the quality of life of citizens.

Keywords: *friendly, comfortable urban environment; biophilia; biophilic design; biophilic cities; public urban spaces; landscaping; physically weakened people; children.*

С ростом урбанизации (по состоянию на 2020 г., в городах проживает 56,2% населения Земли) все более актуальным становится вопрос создания комфортной, удобной, безопасной, дружелюбной городской среды. Формирование урбанизированной среды отражается на:

- здоровье горожан: качественная общественная инфраструктура городских пространств, доступность озелененных пространств, качество воздуха и воды способствуют активности, общению горожан, влияют на снижение заболеваемости и повышение качества жизни;

- устойчивом развитии: создание городской среды, способствующей сохранению природы и сокращению негативного воздействия на окружающую среду, является ключевым фактором для обеспечения устойчивого и благополучного будущего населения;

- социальной интеграции: доступность и равенство пространств для всех создает условия для общения горожан, содействует созданию инклюзивного общества;

- экономической привлекательности: комфортная городская среда способствует привлечению туристов и развитию бизнеса;

- климатическом изменении: города адаптируются к изменению климата путем расширения озелененных территорий, использования малых зеленых пространств и элементов биофильного дизайна.

Целью данного исследования является определение роли биофильного дизайна в формировании дружелюбных общественных пространств городов.

Существует мнение, что «комфортная городская среда – это чувство и состояние здоровья человека в условиях города» [1, с. 542]. Наиболее полно идея создания дружелюбной городской среды нашла отражение в Хартии Нового урбанизма, основывающейся на принципе «города для людей», когда городской дизайн формируется в соответствии с потребностями горожан, а городские пространства обрамлены архитектурой и ландшафтным дизайном, которые прославляют местную историю, климат, экологию и строительную практику [2]. Ключевыми понятиями «при культурном моделировании общественных пространств ... являются: открытость, комфорт, связь/доступность» [3, с. 7].

В 50 странах мира (с 1975 г.) в процессе реализации «Проект общественных пространств» выработался комплексный подход к созданию пространств, включающий 11 принципов создания отличных общественных мест [4]. Согласно этим принципам «люди всех возрастов, способностей и социально-экономического происхождения могут не только получить доступ

к месту и наслаждаться им, но и играть ключевую роль в его идентичности, создании и поддержании» [5]. Городская среда должна быть дружелюбным ко всем пользователям.

Наибольшее внимание при проектировании городских пространств в последние годы уделяется доступности среды для физически ослабленных лиц [6] и детей [7]. Более 20 лет существует движение Child Friendly Cities Initiative и фонд Child in the city, целью которых является развитие городской инфраструктуры, ориентированной на потребности детей. Эксперты уверены, что «городская среда станет комфортной для всех жителей города, если будет учитывать потребности и детей, и взрослых одновременно. Необходимо сделать городскую среду комфортной для всех жителей города вне зависимости от их возраста» [7].

Одним из важных компонентов жизни горожан является общение с природой, поэтому озелененные пространства были и остаются значимыми элементами городской среды. Так в 1980-х г. возникает *философия биофилии*, предложенная биологом Э. Уилсоном. В 2008 г. С. Келлерт, Дж. Хеерваген и М. Мадор предлагают концепцию *биофильного дизайна* – проектирования пространств в соответствии с природными законами [8]. Проживающим в больших и крупных городах людям не хватает зелени, они постоянно заняты работой, ведут не здоровый образ жизни, биофильный дизайн становится все более популярным.

Движение биофильного дизайна охватывает города, показывая, что «природа, будь то комнатные растения или естественный свет, полезна для вашего здоровья» [9]. Биофилия подразумевает связь человека с природой, а идея *биофильного города*, описанная Т. Битли в 2010 г., предполагает включение природы в инфраструктуру города и возможность доступа каждого жителя города к природе. Это течение развивается и в 2013 г. создано международное сообщество «Биофильные города», включающее на сегодняшний день 30 городов-партнеров [10].

С помощью биофильного дизайна возможна интеграция элементов естественной природы в архитектуру и городскую среду [11]. В первую очередь, это зеленые насаждения, освещение, натуральные материалы, водные элементы, а также использование биомимикрии (природных форм и процессов в дизайне). Наличие природных элементов, как показывают исследования, способствуют физическому и психологическому здоровью жителей, снижают уровень стресса, способствуют повышению концентрации внимания. Многочисленные исследования показали, что общение с природой поддерживает психическое и физическое здоровье людей [12]. Рассмотрим несколько принципов биофильного проектирования:

1. *Присутствие природы.* Создание парков, скверов, и др. пространств с природными элементами в городской среде для улучшения качества воздуха, снижения уровня шума в городе, улучшения физического и психологического состояния здоровья людей. Озелененные территории должны находиться в 15-минутной доступности, при этом важен доступ не обязательно к озелененным массивам большого размера (парки) – это могут быть и небольшие пространства до 3 га (сквер, сад, карманный парк).

2. *Создание мультисенсорной среды.* Применение разных природных образов, фактур, материалов, звуков позволяет получать новые впечатления.

3. *Наличие естественного освещения.* Максимальное использование природного освещения, остекления большой площади для проникновения света внутрь помещений и в то же время – для вечернего освещения общественных пространств. С помощью правильной ориентаций и высоты зданий, использования остекления можно формировать дружественные пространства.

4. *Доступ к водным пространствам.* Пространства около акватории являются местом отдыха и релаксации населения. Движение, звук воды всегда имело релаксационный эффект.

5. *Применение водных элементов.* Интеграция водных элементов (фонтаны, водопады, пруды, сухие фонтаны и т.д.) в городскую среду придают чувство спокойствия, умиротворения, релаксации.

6. *Визуальная связь с природой* – вид из окна как здоровый образ жизни. Самые популярные интерьеры имеют вид на реку, озеро или парк, где есть возможность наблюдать за сменой времен года. Исследования показывают, что возможность видеть зелень из своего дома (или в нем) уменьшает симптомы тревоги и депрессии.

7. *Использование натуральных материалов* (дерево, камень, глина и т.д.), формирующих природную эстетику, создают ощущение природной привлекательности, способствуют экологической устойчивости.

8. *Использование форм биомимикрии* как подражание экосистемам.

Также можно выделить несколько *принципов биофильного дизайна* в городском планировании:

- *доступ к опыту, а не доступ к объектам.* Необходимо обеспечить всем группам населения доступ к озелененным и водным пространствам. Такие пространства дают возможность больше узнать о природе. Все группы людей могут посещать такие пространства, изучать различные компоненты, наблюдать за изменениями природы и т.д.

- создание комфортных пространств в любое время года предусматривает формирование мест, способных трансформироваться в зависимости от природных условий.

Приведем несколько примеров таких проектов. Первым «общественным пространством нового типа, где на практике реализовались теоретические постулаты нового урбанизма» [3, с. 8] и биофильного дизайна стал парк Хай-Лайн в Нью-Йорке. Он является примером успешной интеграции биофильного дизайна в городскую среду – это уникальное озелененное пространство, сочетающее в себе природу, культуру и архитектуру. Линейный парк, расположенный на эстакаде, дает возможность людям обозревать городские пейзажи с высоты 10 м, а также демонстрирует уважение к истории.

Сады в небе в Сингапуре – пример интеграции растительности в сочетании уникальной архитектуры. В парке, состоящим из трех набережных, реализован один из принципов биофильного дизайна – разнообразие форм и видов озеленения на разных уровнях. Уникальные вертикальные городские оазисы (сверхдеревья высотой до 50 м) доминируют в ландшафте садов, имитируя деятельность растений. Там же созданы детский сад в виде домика на деревьях, предоставляя возможность детям обрести интересный опыт, сады «Растения и люди» и «Растения и планета», демонстрирующие разнообразие растительности на планете и предоставляющие людям возможность обретения нового опыта и отдыха.

«Суперкилен» в Копенгагене (Дания) – уникальное общественное пространство, объединяющее разные культуры с помощью биофильного дизайна. Здесь особое внимание уделено оборудованию территории (скамьи, фонари, люки). Разные природные материалы, растения, скульптуры являются визуальным выражением биофильного дизайна. В зеленой зоне представлена богатая зеленая инфраструктура, создано привлекательное пространство для отдыха, прогулок людей разных возрастов и национальностей.

Эти и другие примеры показывают, как природные компоненты могут быть интегрированы в городскую среду, создавая разнообразные пространства, комфортные для жизни людей разных возможностей. Вероятно, дальнейшее изучение региональных особенностей внедрения биофильного дизайна в городскую среду будет способствовать формированию дружелюбных городских пространств, учитывающих особенности жителей разных возрастов и возможностей.

Библиографические ссылки

1. Степанова Е.М. Необходимость формирования комфортной городской среды и факторы, препятствующие этому процессу в России // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 542-545. <https://moluch.ru/archive/287/64825/> – Дата доступа: 23.10.2023.
2. Хартия нового урбанизма. – Режим доступа: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism>. – Дата доступа: 21.10.2023.
3. Иванова А.П. Дружелюбная городская среда: ландшафтный дизайн и временная архитектура. – Хабаровск, Издательство ТОГУ, 2016. – 152 с.
4. Одиннадцать принципов создания отличных общественных мест [Электронный ресурс]: <https://www.pps.org/article/11steps>. – Дата доступа: 22.10.2023.
5. Что такое создание мест? [Электронный ресурс]: Project for Public Spaces. – Режим доступа: <https://www.pps.org/about>. – Дата доступа: 21.10.2023.
6. СН 3.02.12-2020 Среда обитания для физически ослабленных лиц = Асяроддзе пражывання для фізічна аслабленых асоб. Введ. 13 ноября 2020. – Минск, 2021. – 25 с.
7. Дружелюбное городское пространство для семьи с ребенком. – Режим доступа: <https://prizma.mgpu.ru/druzhelyubnoe-gorodskoe-prostranstvo-dlya-semi-s-rebenkom> – Дата доступа: 21.10.2023
8. Kellert S.R. Biophilic design: the theory, science, and practice of bringing buildings to life / SR. Kellert, J. Heerwagen, M. Mador // Hoboken: Wiley; 2011. – 400 с.
9. Что такое биофильный дизайн и может ли он сделать нас счастливее? [Электронный ресурс]: RB.RU. – Режим доступа: <https://rb.ru/story/biophilic-design/> – Дата доступа: 23.10.2023.
10. Partner Cities [Электронный ресурс]: Biophilic Cities. – Режим доступа: <https://www.biophiliccities.org/partner-cities>. – Дата доступа: 22.10.2023.
11. Cabanek A. Biophilic streets: a design framework for creating multiple urban benefits/ A. Cabanek, M. E. Zingoni de Baro, P. Newman // Sustainable Earth (2020) 3:7. – p. 17.
12. 14 Patterns of Biophilic Design. Improving Health and Well-Being in the Built Environment. – Режим доступа: <https://www.terrabinbrightgreen.com/reports/14-patterns/#nature-health-relationships>. – Дата доступа: 23.10.2023.

ЭКОСИСТЕМА ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ: РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ И ПОТРЕБНОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

М. И. Равчик, А. В. Чугунов

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Красноармейская, д. 25/146, 190005, Санкт-Петербург, Россия
mravchik1@gmail.com

Университет ИТМО
Биржевая линия, д. 14, лит. А, 199034, Санкт-Петербург, Россия
chugunov@itmo.ru

Аннотация. Экосистема городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург» представляет собой интегрированную среду, направленную на удовлетворение потребностей горожан и развитие городской цифровой инфраструктуры. Она объединяет сервисы, учитывая потребности пользователей с помощью ролевой модели, включающей 26 позиций, в том числе «Я пенсионер». В концепции развития ЭГС обозначена задача гибкой адаптации к изменяющимся потребностям людей, что отличает ее от традиционных сервисов и позволяет учитывать реальные потребности пользователей, не ограничиваясь потребностями, продиктованными стереотипами о пожилых. Такой подход повышает качество жизни пожилых горожан и способствует их интеграции в цифровое пространство, сокращая цифровой разрыв между поколениями и раскрывая новые возможности для активного старения. В докладе представлены промежуточные результаты исследования и направления для дальнейшего изучения специфики адаптации пожилых к использованию цифровых сервисов «Умного города» в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: *экосистема городских сервисов, цифровая интеграция, потребности, социальная роль, пожилые люди, качество жизни.*

ECOSYSTEM OF URBAN SERVICES: ROLE MODEL AND NEEDS OF THE OLDER GENERATION

M. I. Ravchik, A. V. Chugunov

Sociological Institute of FCTAS RAS
25/14b, Krasnoarmejskaja st., 190005, Saint Petersburg, Russia
mravchik1@gmail.com
ITMO University
14, Birzhevaja line, 199034, Saint Petersburg, Russia
chugunov@itmo.ru

Abstract. The Ecosystem of urban services (EGS) "Digital St. Petersburg" represents an integrated environment aimed at meeting the needs of citizens and developing the city's digital infrastructure. It combines services while considering user needs through a role model comprising 26 positions, including "I am a pensioner". The development concept of the EGS outlines the task of flexible adaptation to changing human needs, setting it apart from traditional services. This approach allows for the consideration of real user needs without being confined to those dictated by stereotypes about the elderly. Such an approach enhances the quality of life for elderly citizens and promotes their integration into the digital space, reducing the digital divide across generations and revealing new opportunities for active aging. This report presents interim research results and directions for further study of the specifics of the elderly's adaptation to using digital services in the "Smart City" framework in St. Petersburg.

Keywords: *Urban Services Ecosystem, digital integration, needs, social role, elderly people, quality of life.*

Экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург» (далее ЭГС или Экосистема) представляет собой интегрированное пространство взаимодействия разнообразных сервисов с жителями города, нацеленное на удовлетворение их потребностей и содействие развитию цифровой инфраструктуры городской среды. Экосистема представляет собой объединение платформ-сервисов, предлагающих различные услуги, в рамках общего цифрового пространства на сайте [1] или с помощью мини-приложений в социальных сетях. Для более точной организации сервисов в соответствии с конкретными нуждами пользователей в Экосистеме разработана ролевая модель, основанная на социальных ролях. Эти роли выражены в формате «Я родитель», «Я здесь живу» или др. подобными утверждениями и включают в себя соответственные наборы потребностей, базирующиеся на социокультурных контекстах. На данный момент ролевая модель ЭГС насчитывает 26 ролей, что дает пользователям возможность найти отражение собственной социальной идентичности, повышая вовлеченность и позволяя конкретизировать сервисы, исходя из потребностей, характерных для каждой роли.

Рассматривая роль «Я пенсионер», следует учитывать демографический контекст Санкт-Петербурга. Количество пожилых жителей города постоянно растет. Согласно данным Росстата, за период с 2019 по 2022 гг. количество проживающих в городе людей в возрастном диапазоне от 65 до 69 лет выросло на 13 тыс. человек, а в процентном соотношении количество пожилых людей от 65 лет и старше составляет около 18%, группа же пожилых от 70 и старше значительно превосходит остальные возрастные группы (на 1 января 2022 года – около 12%) [2, 3]. Тем не менее, Санкт-Петербург является одним из лидирующих городов в сфере цифровой

трансформации. Сочетание этих факторов обуславливает необходимость уделять особое внимание пользователям третьего возраста при развитии цифровых сервисов.

В сравнении с традиционными для пожилых людей сервисами, сконцентрированными в основном в рамках сложившейся системы социального обеспечения и обслуживания, Экосистема демонстрирует большую гибкость в адаптации к изменяющимся потребностям пожилых людей. Учитывая тенденции смещения возрастных рамок, ряд экспертов прогнозируют актуализацию в пожилом возрасте тех социальных и культурных смыслов, которые в массовом сознании присущи людям среднего возраста.

Однако существующие в Экосистеме механизмы для мониторинга актуальности имеющихся сервисов не позволяют оперативно вносить изменения в потребности, соотнесенные с определенной ролью. С целью решения этой проблемы организован совместный инициативный исследовательский проект в рамках сотрудничества Социологического института РАН с Санкт-Петербургским информационно-аналитическим центром – разработчиком ЭГС. Комбинируя анализ данных и социологические методы, можно добиться учета реальных потребностей пожилых людей, что выделяет роль «Я пенсионер» на фоне других площадок для пожилых, так как те чаще всего опираются на представления о потребностях, продиктованные социальным конструктом старости.

Именно способность адаптации ЭГС к изменяющимся потребностям своей целевой группы позволит пожилым людям получать актуальные услуги, соотносящиеся с их потребностями, не продиктованными стереотипом о пожилом возрасте. Подобный индивидуальный подход способствует улучшению качества жизни пожилых людей посредством расширения возможностей для планирования индивидуальной траектории старости.

В настоящий момент роль «Я пенсионер» в ЭГС представлена следующими потребностями [4]:

- записаться на бесплатные события и курсы;
- записаться на курсы лечебной физкультуры;
- записаться на курсы финансовой грамотности;
- записаться на курсы цифровой грамотности;
- купить или забронировать билеты на культурные мероприятия со скидкой;
- получить льготы: куда обратиться, необходимый список документов;
- получить социальные услуги;

- сравнить стоимость жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП);
- узнать о способах защиты от мошенников;
- узнать про активное времяпрепровождение для пенсионеров.

Другое важный аспект роли «Я пенсионер» ЭГС – возможности для интеграции пожилых людей в цифровое пространство. Несмотря на возрастающее количество пожилых в глобальной сети, многие из них только проходят адаптацию к интернет-пространству [5, с. 40]. По нашему мнению, контексте функционирования Экосистемы именно сервисы, учитывающие реальные потребности пожилых людей, обладают наибольшим потенциалом стать средством интеграции пожилых людей в цифровую среду и общество. Распространение доступных и недорогих смартфонов, мобильного интернета, а также развитие цифровых платформ, ориентированных на нужды пожилых горожан, могут существенно сократить цифровой разрыв между поколениями. Это позволит пожилым более успешно адаптироваться к реалиям цифрового общества, а также положительно повлияет на активизацию их личного потенциала, открывая новые возможности для старения, в соответствии с собственными потребностями.

В докладе представлены промежуточные результаты исследований в рамках проекта и направления для дальнейшего изучения специфики адаптации пожилых к использованию цифровых сервисов «Умного города» в Санкт-Петербурге.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя зрелость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Библиографические ссылки

1. Цифровой Петербург [Электронный ресурс] // Экосистема городских сервисов Цифровой Петербург. – Режим доступа: <https://petersburg.ru/mainPortal/homepage>. – Дата доступа: 22.10.2023.
2. Возрастно-половой состав населения Санкт-Петербурга на 1 января 2019 года / отв. сост. Е.В. Чуприна. СПб.: Петростат, 2019.
3. Возрастно-половой состав населения Санкт-Петербурга на 1 января 2022 года / отв. сост. Е.В. Чуприна. СПб.: Петростат, 2022.
4. Сервисы. Цифровой Петербург [Электронный ресурс] // Экосистема городских сервисов Цифровой Петербург. – Режим доступа: <https://petersburg.ru/mainPortal/services;role=9>. – Дата доступа: 22.10.2023.

5. Григорьева И. А. Включение пожилых в мир цифровых технологий в условиях «новой социальности» // Интернет и современное общество: Сборник тезисов докладов. Труды XXV международной объединенной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 года. – СПб., 2022. – С. 40-42.

DEVELOPMENT OF A VERTICAL GARDENING SYSTEM IN MINSK CITY

U. A. Rondak

Belarusian State University

4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus

rondakulyana@gmail.com

Abstract. A vertical gardening system has been developed for the State Educational Institution «Gymnasium № 74 of Minsk» administrative building. A spatial analysis of Minsk's territory was carried out, during which ecological and urban planning features of city's administrative districts were studied. A map of optimal territories for creating a vertical gardening system within Minsk city borders has been obtained. A detailed phytomodule design process was developed, which included several paragraphs responsible for each element of the system. A metal frame equipped with pocket-type containers and a drip irrigation system became the basis of the vertical plant installation. Vermiculite and perlite mixture was selected as a main substrate, and the plant assortment includes 24 species classified into several functional categories.

Keywords: *green spaces; vertical gardening system; spatial analysis; urban infrastructure; urban planning techniques.*

Urban territory represents a place with a high concentration of many factors adversely affecting environment ecological state and local population health. The most common method of rectification the current situation is green spaces system creation capable of realizing irreplaceable functions for the city. The improvement is happening with the help of vegetation cover multifunctionality – capability of carrying out sanitary-hygienic, structural-planning, recreational, decorative and other valuable functions [1]. However, in the conditions of modern urbanization, the number of existing green spaces is decreasing while high building density don't allow creating new green territories. In order to solve this problem, one of the most modern ways of using vegetation in urban infrastructure has been developed – the creation of vertical gardening systems.

Vertical gardening – is the cultivation of various plants on the vertical surfaces of buildings and engineering structures constructed close to the wall, on a slope or special holders in order to improve the urban environment state [1]. This method of involvement plants in urban architecture has been used since ancient times, gradually becoming an actively demanded urban planning technique. Despite the fact that initially these installations were exclusively decorative in

nature, soon plant phytomodules began to be used in order to optimize urban environment state. Currently, with the prevalence of this technology all over the world, there're only few similar gardening systems in the Republic of Belarus. Basically, they represent either outdoor vertical projects based on climbing plant species, or indoor phytomodules on walls.

Due to the newness of such plant installations in our country, it's necessary to choose the most relevant object for creation vertical plant system, which will act as starting point for future development of discussed topic and its implementation in practice. This task was solved by conducting a spatial analysis of Minsk territory, including consideration both ecological state of the city and its urban planning features data. Among the indicators of environmental situation, the model included the following information about the city:

1. Average atmospheric air temperature distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 7,1-7,4 °C, the best – 8,5-8,7 °C;

2. Carbon monoxide atmospheric air pollution distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 0,1-0,5 Maximum permissible concentration (MPC), the best – 3,2-3,5 MPC;

3. Nitrogen dioxide atmospheric air pollution distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 0,23-0,89 MPC, the best – 5,53-6,19 MPC;

4. Non-methane volatile organic compound atmospheric air pollution distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 0,1-0,8 MPC, the best – 6,1-6,9 MPC;

5. Inorganic dust atmospheric air pollution distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 0,0-0,3 MPC, the best – 3,3-3,7 MPC;

6. Sulfur dioxide atmospheric air pollution distribution indicators in Minsk with a ranking of 9 classes where is the worst range of values for installing vertical gardening system – 0,2-0,4 MPC, the best – 1,4-1,6 MPC.

As the main urban planning indicators were used:

1. Building density indicators of Minsk with a ranking of 6 classes, where the worst range of values – 0-500 м²/га, the best – more than 25 000 м²/га;

2. Distribution of green spaces indicators of Minsk with a ranking of 9 classes, where the worst range of values – 18,01-19,80 %, the best – 3,60-5,41 %;

3. Provision of public green spaces of Minsk with a ranking of 9 classes, where the worst range of values – 30,60-34,00 м²/чел, the best – 3,50-6,81 м²/чел;

4. Territorial accessibility of public green spaces, landscape and recreational areas of Minsk, expressed by the distance (in meters) of any city territory to the nearest green public spaces, where the worst value is the minimum distance, the best is the maximum distance.

The analysis was carried out in Geoinformation System (GIS) program – ArcGIS using the additional Spatial Analyst module, the result of which became a map of recommended territories for creating a vertical gardening system in Minsk. The suitability of the territory for a given purpose is expressed in score from 1 to 6, where 6 is the highest indicator. The most favorable conditions for creating a vertical plant system (territories with score of 5 and 6 points), are widespread within the borders of the Moskovsky (33.5% of the district), the Oktyabrsky (30.5%) and the Frunzensky (25.5%) administrative districts of Minsk. The greatest concentration of optimal sites is observed in Moskovsky district. However, the territory with the highest suitability score is located on the territory of the Oktyabrsky district – quarters within the boundaries of Mogilevskaya, Zhukovsky, Voronyansky and Volodko streets. The building of the State Educational Institution «Gymnasium № 74 of Minsk», located within the boundaries of the mentioned streets, was chosen as the main object of designing vertical plant system. In addition to analysis results, the building was also chosen based on its administrative purpose, proximity to major highways, the presence of blank walls and low aesthetic characteristics.

Achieving the best effect from the vertical phytomodule functionality is possible only with the competent development of discussed plant system. Such design represents a fairly extensive plan with many points responsible for each component of the plant installation: the selection of frame, containers for plantings, substrate, assortment of plants and also a list of additional elements. Meanwhile, the choice of each object is influenced by both natural-ecological and architectural-urban area characteristics.

At first, shape and size of a modular frame consisting of two different sizes structural parts were selected. A rectangular metal frame with a grid became the basis of the system the total area of which was 69,35 m². Further development required selection of irrigation systems and plant containers: in this case, it was necessary to focus on the most practical options that require the least maintenance and small monetary costs. It's more expedient to make closed irrigation system with water circulating, and attach the tanks for excess water to the bottom of the frame. The main volume of primary water is rationally to provide from the existing building water supply system, which envisages the installation of a pump and the creation of an additional water supply channel. The vertical system itself is also equipped with drip irrigation hoses, which must be connected by special holes to each plant container. Among containers, preference is given to pocket-type

installations, representing a fabric canvas with cells (pockets) formed on its surface. The area size of one pocket is 450 sm², consequently, the total number of pockets for the projected phytomodule will be about 1540 cells.

The next development stage is responsible for substrate selection. A responsible approach is also needed to this issue, as precisely because plant growth will depend on the root environment conditions. The technology of vertical gardening has long moved away from classical soil usage. The most common variant of the technology is plant cultivation by a groundless method, often using a variety of substrates consisting of different solid and liquid natural components and their substitutes mixture. Coconut fiber, sawdust and sphagnum moss can be used as organic substrates. Also widespread the exploitation of polyamide fiber felt, even special varieties of cotton wool are produced, for example, «Grodan», which is characterized by high hygroscopicity and chemical inertia. It's more expedient to select the substrates necessary for container filling on the basis of existing studies on the relevant topic. Thus, it's most effective to use a mixture of landless fillers – vermiculite and perlite [2].

After selecting the substrate, it's advisable to proceed to the main part of vertical gardening installation – the selection of plant assortment. Vegetation used in such installations is selected on the basis of the required functional value, as well as by its biological and decorative characteristics. At the same time, it's important to remember about the reverse influence of the environment on the vertical installation, as well as about the mutual influence of different plant species of the system on each other. In general, the selection of suitable plant species and their combinations is based on the following principles: ecological, functional, decorative and systematic [3]. At this development stage, area climatic indicators, literature data, as well as own experimental studies conducted jointly with Central Botanical Garden of National Academy of Sciences of Belarus were taken into account first of all.

The final vertical system drawing is presented by a complex mosaic figure and implemented by plants belonging to two categories: main (M) and complementary (C). Main types, as the name implies, form the basis of vertical gardening system, create the main background and structure of vertical garden. In the quality of such species following were selected: *Athyrium filix-femina* (M1), *Festuca cinerea* (M2), *Soleirolia Soleirolii* (M3), *Carex comans* (M4), *Lonicera Pileata* (M5), *Sarcococca confusa* (M6), *Brunnera macrophylla* (M7), *Hosta albomarginata* (M8). Further, flowering species were added to the main plant background, as well as representatives who create additional volume due to their lush phytomass. Such bright inclusions complicate the drawing and make it more vibrant and aesthetically attractive. White, orange, purple and light pink were chosen as the leading color shades for such «islands». The most suitable flowering

species are: *Aster alpinus* (C9), *Veronica spicata* (C10), *Iberis sempervirens* (C11), *Cetastium hiebersteinii* (C12), *Coreopsis drummondii* (C13), *Gazania rigens* (C14), *Vinca major* (C16), *Convolvulus Cneorum* (C17), *Erigeron glaucus* (C18), *Impatiens walleriana* (C19), *Gaillardia grandiflora* (C20), *Dimorphotheca hybridum* (C21), *Hyssopus Officinalis* (C22), *Arctotis stoechadifolia* (C23), *Osteospermum Volta* (C24). To add volume, it's recommended to use *Carex oshimensis* (C15). The final visualization of the project was carried out in 3D modeling programs – SketchUp Pro and Lumion 12.

Due to the location of building for the projected system in a climatic zone characterized by the presence of negative temperatures, it's necessary to provide seasonal insulation of the system. Heating system construction may not be financially justified, therefore, insulation must be carried out with the help of heat-insulating materials. With the cold season onset, the system should be covered with a multilayer bubble wrap, tightly attached to the frame of the installation. Thus, the plants will be provided with heat due to the greenhouse effect created here, as well as the necessary rest period.

Thereby, vertical gardening system is an actual urban planning technique, by which it's possible to expand green spaces system of the city without allocating additional space for them. At the same time, the vertical gardening system retains all the functionality of classic green spaces, optimizing the urban environment and improving its condition through sanitary, structural, planning, recreational and other abilities. The development of the vertical plant system itself is an extensive plan with many points, each of which is responsible for a separate installation element. The choice of each object is influenced by both natural and ecological, as well as architectural and urban planning characteristics of the area. At the same time, it's very important to take into account the interconnection of all system elements. The described algorithm for developing a vertical gardening system can be used as a universal tool for further creation of similar phytomodules in urbanized areas with different characteristics.

Bibliographic references

1. Tetior A.N. Urban ecology: textbook a manual for students of higher educational institutions. – Moscow: Publishing Center «Academy», 2008. – 336 p.
2. Shutova A.G., Rondak U.A. Evaluation of the effectiveness of various substrates in vertical gardening // Introduction, conservation and use of biological diversity of flora. In two parts. Part 2. National Academy of Sciences of Belarus. – Minsk: Beltamozhservice, 2022. – p. 416-419.
3. Bragina V.I. Vertical planting systems of buildings and structures / V.I. Bragina, Z.P. Belova, V.M. Sidorenko. – Kiev: Budivelnik, 1980. – 127 p.

УНИВЕРСИТЕТ КАК ФРАГМЕНТ И ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В. С. Сайганова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье описываются типы организации университетских пространств и их взаимодействие с городской средой. Белорусский государственный университет относится к синтетической модели университетского пространства и рассматривается как фрагмент и фактор развития городской среды Минска. Делается вывод о том, что БГУ оказывает социокультурное, экономическое влияние на районы города, способствует консолидации научно-технического потенциала города, развитию инфраструктуры, культивированию креативного класса горожан.

Ключевые слова: *университет; город; городская среда; университетское пространство; Белорусский государственный университет.*

THE UNIVERSITY AS A FRAGMENT AND FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)

V. S. Saiganova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus

Abstract. The article describes the types of organization of university spaces and their interaction with the urban environment. The Belarusian State University belongs to the synthetic model of university space and is considered as a fragment and factor in the development of the urban environment of Minsk. It is concluded that BSU has a sociocultural and economic impact on the city's districts, contributes to the consolidation of the city's scientific and technical potential, infrastructure development, and cultivation of the creative class of citizens.

Keywords: *university; city; urban environment; university space; Belarusian State University.*

В современных междисциплинарных исследованиях городов с определенной долей однозначности отображается роль университетов как одних из главных акторов развития городской среды. В историческом контексте можно утверждать, что эволюция высшего образования напрямую

связана с урбанизационными процессами и формированием инфраструктуры городов.

История Белорусского государственного университета отображает не только аспекты становления белорусской государственности, но и повествует о преобразовании Минска, темпах градостроительства, модернизации городской инфраструктуры, о процессах притока интеллектуального ресурса и формирования научно-технического потенциала города. Например, в ноябре 1921 г. на трех факультетах БГУ (рабочем, медицинском и общественных наук) обучалось более 1300 студентов и работало всего около 80 сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава. В 1925 г. был построен корпус физического института (нынешнее здание ректората БГУ), а осенью 1927 г. в центре Минска началось обширное строительство университетского городка. Уже к 1930 г. были возведены четыре новых учебных корпуса – медицинского, анатомического, биологического и химического факультетов.

К тому времени в составе университета было уже 6 факультетов (рабочий, педагогический, медицинский, народного хозяйства, права и советского строительства, химико-технологический), а штат профессорско-преподавательского состава значительно вырос и насчитывал более 140 профессоров, доцентов и преподавателей, а также порядка 300 научных сотрудников [1]. Это свидетельствует о том, что функционирование БГУ инициировало не только изменение архитектурного ландшафта центральной части Минска, но и явилось фактором развития культурно-образовательной среды города, став за первые 10 лет своего существования базой для создания в Минске ряда иных вузов и научно-исследовательских институтов.

По мере становления и развития в городе университетов процессы концентрации и консолидации научно-технического потенциала на университетских территориях способствуют преобразованию инфраструктуры и повышению качества градостроительной среды в целях обеспечения социального запроса на образование. В современных городах именно университеты выступают системообразующими факторами креативной среды городов, продуцируя творческий класс горожан, частью которого в том числе являются учёные, преподаватели, научные сотрудники, а также студенты ВУЗов [2, с. 4]. Образ жизни представителей креативного класса в свою очередь инициирует разнообразие форм социальной, культурной жизни, условий сервисного, рекреационного и культурного обслуживания города.

В процессе своего расширения и последовательной концентрации университетские пространства предстают в виде городков, кварталов или кампусов, которые становятся неотъемлемой частью города, фрагментом

городской среды. Такие университетские части города формируют не только культурно-историческое наследие современных городов, но и влияют на экономические показатели районов, их инвестиционную привлекательность.

Существуют разные модели организации университетских пространств, выделение которых зависит от типа размещения университета в городе, от уровня концентрации и целевого назначения его основных объектов, от развития инфраструктуры и типов связи между объектами. Так, можно выделить модели обособленного университетского пространства за городом, обособленного университетского пространства в городе, университет с несколькими пространствами по всему городу и синтетическая модель, включающая элементы всех предыдущих моделей.

Обособленное университетское пространство за городом зачастую представляет собой несколько изолированный кампус за чертой города, с характерными для него высоким уровнем взаимодействия внутри университета, развитой внутренней коммуникацией, высокой концентрацией объектов разного целевого назначения (учебные корпуса, общежития, спортивные площадки, университетские кафе и др.). Наиболее ярким примером может служить Дальневосточный федеральный университет, который с 2013 года размещается отдельно на острове Русский за пределами основного городского пространства Владивостока. Особенности такого устройства университета являются слабая связь с городом, низкий уровень взаимного влияния университета и городской среды, недоступность университетских сервисов для горожан.

Обособленное университетское пространство в городе часто выглядит как большой замкнутый городской квартал с высокой консолидацией основных частей университета, плотным размещением объектов, развитой внутренней коммуникацией и тесной связью с городом. Данная модель университета имеет высокий уровень зависимости от городской инфраструктуры, властей города, а значит и низкий уровень самостоятельности в плане принятия имущественных решений. Однако взаимно обуславливающий характер университета и городской среды здесь может быть максимально реализован. Примерами такого пространства может служить ряд китайский вузов, а также запланированный неокампус «Кантиана» Балтийского федерального университет имени И. Канта, который позиционируется как интеллектуальное пространство будущего и расположится в Калининграде на городском участке площадью 29 гектар.

Университеты с несколькими пространствами, размещенными по всему городу – наиболее часто встречающиеся модели университетского пространства в постсоветских городах. Для таких университетов характерна слабая территориальная связность, разбросанность основных объектов,

низкий уровень консолидации и нарушенная внутренняя коммуникация. Порой хаотичное размещение зданий университетов по разным районам города затрудняет процесс общения между сотрудниками и студентами, нарушает социокультурные внутриуниверситетские связи. Влияние университета такого типа на городскую среду не ярко выраженное, в то время как зависимость университета от городской инфраструктуры (транспортная система, объекты питания и др.) высокая.

Наконец, синтетическая модель университетского пространства, включающая в себя элементы всех предыдущих моделей, наиболее ярко представлена Белорусским государственным университетом. БГУ – уникальный пример сочетания обособленных кварталов-кампусов внутри города (университетский городок, университетский дворик в центре города, где располагается большинство факультетов и объекты управления, студенческий городок на ул. Октябрьская), университетского пространства за городом (филиал БГУ Роща) и автономных корпусов в разных районах Минска (ул. Кальварийская, ул. Академическая, ул. К. Марска, ул. Долгобродская, ул. Менделеева, ул. Ульяновская, ул. Комсомольская и др.).

Данная модель отражает исторические особенности интенсивного развития и расширения БГУ, перманентное введение новых объектов университетского назначения в городскую среду, интегрируясь в неё и одновременно формируя её. Университет синтетической модели максимально вовлечен в социальные, экономические и культурные процессы города, оказывает влияние на формы городской жизни, являясь важнейшим фактором истории, экономики и культуры. В представлениях горожан синтетический университет является неотъемлемым фрагментом городской среды: например, исторически закрепленные названия остановок общественного транспорта по названию объектов университета, университетские объекты питания, доступные для горожан и т.п. Эффективное функционирование университета синтетического типа обеспечивается управленческим центром, консолидацией основных университетских объектов, системой корпоративной коммуникации.

Таким образом, Белорусский государственный университет в силу своей особенности организации университетского пространства является фрагментом и фактором городской среды – оказывая социокультурное, экономическое влияние на многие районы Минска, он способствует консолидации научно-технического потенциала города, развитию инфраструктуры, культивированию креативного класса горожан.

Библиографические ссылки

1. История университетского городка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.bsu.by/ru/museum-bsu/istoriya-universitetskogo-gorodka.html>. – Дата доступа: 10.11.2023.
2. Кулешова Г.И. Университет и город. Очерк эволюции связи университетской институции с городской средой. Часть 1. Мировой опыт. // Архитектура и строительство. – 2021. – № 4. – С. 70–79.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

А. Я. Сарна

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
alsar.05@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности блокчейн как технологии распределенных сетей на основе криптографических протоколов, способствующей координации взаимодействий в городских сообществах и принятию общественно значимых решений на местном уровне. Показана значимость данной технологии как инструмента социального управления и самоуправления, который в целом призван обеспечить условия прозрачности процессов взаимодействия при создании и совместном использовании ресурсов на основе репутации участников, их автономной идентичности и взаимном доверии. Однако этого пока недостаточно для оценки перспектив новой социальной и политической ассоциации, создаваемой в рамках распределенных сетей, поскольку имеется опыт использования блокчейн государством для локализации и изоляции отдельных сообществ вне общественно значимых инициатив.

Ключевые слова: *блокчейн, цифровая платформа, «умный контракт», гражданское участие, городское самоуправление.*

DIGITAL URBAN TOOLS SELF-GOVERNMENT

A. J. Sarna

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
alsar.05@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of blockchain as a technology of distributed networks based on cryptographic protocols, facilitating the coordination of interactions in urban communities and the adoption of socially significant decisions at the local level. The importance of this technology is shown as a tool of social management and self-government, which in general is designed to provide conditions for the transparency of interaction processes in the creation and sharing of resources based on the reputation of the participants, their autonomous identity and mutual trust. However, this is not yet enough to assess the prospects for a new social and political association created within distributed networks, since there is experience in the use of blockchain by the state to localize and isolate individual communities outside of socially significant initiatives.

Keywords: *blockchain, digital platform, smart contract, civic participation, city self-government.*

В публичной сфере современного мегаполиса все большую роль начинают играть технологии, используемые как цифровые инструменты, ориентированные на повышение эффективности процессов управления и самоуправления – большие данные, нейросети, «облачные» вычисления, платформенные сервисы и пр. Одним из важнейших инструментов такого рода является блокчейн (англ. blockchain, от block – «блок» и chain – «цепь») – технология передачи, распределения и защиты данных при взаимодействии пользователей в рассеянной, децентрализованной и бессерверной архитектуре сети, выступающей как коммуникационная платформа с максимальным уровнем безопасности всех интеракций и гарантией их конфиденциальности. В основе блокчейн лежит процедура достижения согласия сторон, опирающаяся на базы данных общего пользования и средства криптографической проверки идентичности, что позволяет не обращаться к услугам посредников, в роли которых обычно выступают, например, юристы или банковские служащие. База данных как универсальный реестр со свойствами прозрачности и устойчивости включает в себя транзакции, которые варьируются от денежных переводов до сделок и договоров в форме т.н. «умных контрактов» (smart contracts), условия которых сформулированы однозначно в том же коде, который управляет их исполнением. По задумке автора-разработчика данной системы криптографа Н. Сабо, надежность «умного контракта» обеспечивается напрямую самим механизмом его выполнения, встроенным в архитектуру сети. Процесс транзакций в рамках «умного контракта» реализуется последовательно, по «цепочке» в виде системы блоков, выступающих в качестве основных информационных элементов системы, хранящих данные по всем достигнутым соглашениям.

Особую роль в разработке и реализации системы блокчейн нового поколения сыграл инженер-программист из России В. Бутерин, который в ноябре 2013 г. опубликовал аналитический протокол по разработке Ethereum – гибкой, многофункциональной вычислительной инфраструктуры как платформы для различных сетевых приложений. В ней «умный контракт» используется как основа децентрализованной автоматизации всех соглашений, которая способна связывать сетью обязательств самых разных пиров, независимо от того, кто они – люди, машины или институты. Это позволяет осуществлять безопасное, верифицируемое и прозрачное перемещение по блокчейн от одной стороны к другой любых данных – активов и долгов, соглашений и обязательств, ставок и голосов, билетов и

претензий. Так открываются новые возможности для сферы управления и взаимодействия различных организаций, сообществ и институтов.

При исследовании потенциала блокчейна в политической сфере вопросы гражданского участия городских сообществ в цифровом пространстве приобрели особую значимость и способствовали накоплению практического опыта использования распределенных сетей в решении вопросов территориального развития и публичной политики. Хотя эти платформы нацелены главным образом на информирование граждан о возникающих проблемах на местном уровне и оценку общественного мнения по актуальным вопросам, популяризация соответствующих мобильных приложений создает возможности для использования механизмов электронного голосования – например, за лучшее название улицы или станции метро. Этот этап разработки электронных платформ (в том числе блокчейн) предполагает повышение осведомленности, компетентности и вовлечения граждан в «умные» сети для принятия политических решений. Важный показатель успеха использования блокчейн-платформ в политических процессах на местном уровне – возможность «быть услышанным» для разных социальных групп и отсутствие прямого контроля со стороны государственных институтов.

В рамках традиционной политической системы это может быть воспринято как вызов, способный послужить стимулом для перехода на новые принципы цифровой управляемости государством со стороны общества. «Гражданское участие способствует развитию «текучей демократии» (liquid democracy) в местных сообществах, когда субъекты политики выбирают и голосуют по важным вопросам – и это свидетельствует о том, что данный вопрос начинает входить в политическую повестку дня. Такой тип демократии не только позволяет прямое участие в процессах принятия решений, но и формирует условия, при которых репрезентация интересов приобретает характер «связанной репутации», обеспеченной соучастием в производстве политических решений» [1, с. 263].

Одним из центральных вопросов в различных сценариях использования блокчейна остается отсутствие ясности относительно нового характера социальной организации и, следовательно, управления и управляемости в распределенных сетях – включая их использование в публичной сфере. Это важно для понимания характера принятия решений в рамках теории общественного выбора. Выступая в качестве новой институциональной технологии общественного выбора, блокчейн обеспечивает «чистую процедурную справедливость» (Дж. Ролз), базирующуюся на таких организационных принципах, как гласность, первоначальная незаинтересованность и консенсус. Технология распределенных сетей на

основе криптографических протоколов в целом призвана обеспечить условия прозрачности процессов взаимодействия при создании и совместном использовании ресурсов. Прежде всего такие условия включают репутацию, автономную идентичность и доверие.

Репутация означает способность оценивать значимость статуса партнера по сделке на основе различных источников информации в рамках транзакционных издержек. Репутация в блокчейне формируется в процессе взаимодействия P2P (peer to peer) с использованием криптопротоколов и подтверждается возможностью открытых проверок, получения различных баллов и самой криптовалюты. Так, Ethereum использует управление репутацией в процессе заключения «умных контрактов» или создания и функционирования децентрализованных автономных организаций. Как отмечают многие разработчики и пользователи распределенных сетей, репутация заключается в неизменности информации о пользователе и невозможности ее подделать, что позволяет предупреждать злоупотребления в виде различных форм нарушения честности (сговора, рефинансирования, подделки идентичности и пр.) [1, с. 268].

Автономная идентичность в блокчейне соответствует идее одного из ведущих теоретиков кибердемократии Дж. Ролза о «завесе неведения», когда участники переговоров не учитывают статусные характеристики в своих предпочтениях и не могут сформировать исчерпывающее мнение о других. «Люди взаимодействуют через приложения блокчейна и могут теоретически действовать через «завесу неведения» – в том смысле, что они наслаждаются высоким уровнем «псевдоанонимности», и технология структурно не способна подвергнуть дискриминации то, кем они являются» [3, р. 140]. Конечно, анонимность может нести с собой и ряд угроз при использовании нелегальных каналов связи в криминальных целях, однако здесь важнее сохранить условия анонимности в качестве исходного состояния, из которого вырастает возможность доверия.

В этом отношении доверие выступает третьим важным условием сотрудничества. Блокчейн предоставляет определенный режим доверия, основанный на технологии, поэтому часто подчеркивается, что именно последняя способствует организации сотрудничества и создания консенсуса без «централизованного доверия», но на основе распределенного участия. Доверие к технологии можно считать исходной предпосылкой для обеспечения блочной сетью процедурной справедливости, которая определяется консенсусом при стремлении к почти аподиктической истине, а не силе или власти. Такое доверие в сочетании с автономией способствует кажущемуся утопией достижению объективности общественного выбора. У Дж. Ролза «одно из обстоятельств, обеспечивающих объективность и

попытку сформулировать наши моральные концепции и суждения с общей точки зрения, состоит в том, что мы с большей вероятностью предполагаем достижение соглашения» [2, р. 453].

Таким образом, сотрудничество посредством блокчейна базируется на чисто процедурной справедливости, позволяющей достичь взаимовыгодного соглашения для всех участников – прежде всего потому, что оно исключает затраты на услуги посредников и обеспечивает равный доступ к возможностям сети. Учитывая характеристики сотрудничества, можно отметить, что данная технология обещает предоставить новый формат для координации социальных действий, особенно в экономике. В публичной же политике эффект может быть еще более впечатляющим из-за того, что блокчейн создает пространство справедливости для честных решений и взаимной ответственности за их реализацию. Однако этого недостаточно для оценки перспектив новой социальной и политической ассоциации, создаваемой в рамках распределенных сетей.

Ранее большинство исследователей были убеждены в том, что блокчейн – это не просто технология, которая способствует координации взаимодействий и обеспечивает условия принятия общественно значимых решений, но институт, создающий новые возможности для экономического производства и политического участия. Однако итоги последних трех-пяти лет свидетельствуют о возможностях использования блокчейн для локализации и изоляции отдельных сообществ вне общественно значимых инициатив, предпринимаемых со стороны государственных органов и институтов. Поэтому более взвешенная оценка потенциала и возможностей блокчейн позволяет определить его не как институт, но лишь как инструмент социального управления, позволяющий организовать сообщества на микроуровне, достаточном для того, чтобы обойтись без обращения к госструктурам для принятия политически значимых решений.

Библиографические ссылки

1. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 349 с.
2. Rawls J. *Theory of Justice*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. – 538 p.
3. Reijers W., Brolchain F., Haynes P. *Governance in Blockchain Technologies & Social Contract Theories*. // *Ledger*. 2016. Vol. 1. № 1. P. 134-151.

ФЕНОМЕН ГОРОДА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ НАСИЛИЯ

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Iri_na2000@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются две методологические программы исследования города как социально-культурного феномена в проблемном поле философии культуры и философии насилия. Первая программа фокусирует внимание на коммуникативных взаимоотношениях человека с городом в системе координат «захвата – дара – воспоминания»; вторая на примере постколониальных исследований выявляет значимость множественности пространства и раскрывает специфику феномена города в контексте проблемы отстаивания «права на город». Делается вывод о том, что в представленных методологических программах осмысление города как коммуникативного топоса и пограничья определило значимость проблематики локального в современном социально-гуманитарном знании и позволило говорить о таком направлении, как новая культурная география.

Ключевые слова: *город; пространственный поворот; топос; философия культуры; философия насилия; постколониальные исследования; право на город.*

CITY PHENOMENON IN THE PROBLEM FIELD OF PHILOSOPHY OF CULTURE AND PHILOSOPHY OF VIOLENCE

I. N. Sidorenko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
Iri_na2000@rambler.ru

Abstract. The author of this article analyzes two methodological programs of the study of the city as a socio-cultural phenomenon in the problem field of philosophy of culture and philosophy of violence. The first program focuses on the communicative relationship between man and the city in the system of coordinates «grab – gift – memory»; the second, on the example of postcolonial studies, reveals the significance of the multiplicity of space and reveals the specificity of the phenomenon of the city in the context of the problem of defending the «right to the city». It is concluded that in the presented methodological programs the comprehension of the city as a communicative topos and borderland has determined the

significance of the problem of the local in modern socio-humanitarian knowledge and allowed us to talk about such a direction as a new cultural geography.

Keywords: *city; Spatial turn; topos; philosophy of culture; philosophy of violence; postcolonial studies; right to the city.*

Актуализация дискурса «места/топоса» в последней трети XX – начале XXI вв. обусловлена «пространственным поворотом» в социально-гуманитарном знании, сутью которого стало обоснование пространства как продукта социального конструирования (М. Фуко, П. Бергер, Т. Лукман, А. Лефевр и др.). Пространство начинает пониматься как социальный продукт, результат экономического и культурного производства, который при этом скрывает условия своего формирования и предстает как естественный. Город как объект исследования – сложный и полифункциональный комплекс, требующий всестороннего изучения в фокусе междисциплинарности, предметная и методологическая целостность которого выстраивается в рамках новой культурной географии. Город – это исторический и социально-цивилизационный, культурный пространственный объект, формирующий специфическое сообщество горожан и организующий их деятельность, продуцирующий новые формы организации общественной жизни, задающий определенные темпы и ритмы жизнедеятельности, определяющий направленность и скорость протекания социальных процессов. Учитывая многогранность города как объекта исследования, раскроем несколько основных методологических направлений его изучения на стыке проблематики философии культуры и философии насилия.

Первое направление акцентирует внимание на коммуникативных взаимоотношениях с городом в системе координат «захвата – дара – воспоминания». Современная философия претерпевают изменения в методологии с усилением позиций пространственно-географической компоненты. Мышление временными координатами подменяется пространственными подходами в рассмотрении социокультурных процессов, что означает отход от исследования феноменов в их исторической развертке. Пространственный поворот в философии отражает топофилию современной культуры в целом, которую правомерно понимать как эмоциональную окрашенность человеческого отношения к месту, экзистенциальную заостренность проблемы поиска своего места. При этом топофилия выступает одновременно как культурный феномен и как исследовательская стратегия [8]. Любовь к родному месту и интерес к «чужим» местам находит отражение и в художественной литературе. Так, популярны исследования такого литературного жанра, как «травелог», т.е. «романа места» – в частности, в парадигме постколониальных исследований. Травелог строится

на репрезентации экзистенциального пространства. «Париж XIX столетия» и «Московский дневник» В. Беньямина, «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя, «Петербург» А. Белого, «Горад Сонца» А. Клинова – характерные примеры топофилической прозы. В отличие от жанра путешествий, «такая проза склонна всматриваться в пространство как интегральную часть существования человека в культуре и обществе. Для нее, как и человеческая идентичность или «природа», пространство и пространственность оказываются сконструированными; в качестве места «человеческого бытия» топос пространства, в свою очередь, оказывается топосом человеческого существования в культуре» [1].

Так, например, в своих археологических исследованиях В. Беньямин делал основной акцент на коммуникативном взаимоотношении культурно-исторической реальности и создаваемого человеком определенного образа мира, города. Разговор с городом – это не передача сообщения о том, где что находится, а проникновение в смысловое пространство, которое предлагает включиться в игру воспоминаний (Берлин), открыто для диалога (Париж) или сопротивляется ему (Москва), отгораживаясь от человека льдом, обманном обещанием дара [2, с. 72–73]. Негласное сопротивление города (Москва) вызывает в собеседнике-наблюдателе настойчивое желание его властно захватить, сделать частью собственного пространства, что реализуется в страсти коллекционирования. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся гостеприимность и комфортабельность Парижа, он также несет в себе опасность захвата, таящуюся во всемирных выставках, как «местах паломничества к товарному фетишу», как товарных вселенных, высвечивающих меновую стоимость товара и создающих ситуацию, в которой их потребительская стоимость отступает на второй план. Так создается фантазмагория, в которую человек попадает, чтобы развлекаться. «Индустрия развлечений облегчает его положение, поднимая его на уровень товара. Он вверяет себя ее манипуляциям, наслаждаясь отчуждением от себя самого и от других» [3, с. 149]. Результатом такого отчуждения является потеря реальности: чужак ощущает здесь себя как дома, потому что это дом бездомных, – ведь фланер нигде не ощущает себя как дома. Отсюда такой повышенный спрос на интерьер, который становится основой жизненного пространства и собирает, центрирует в себе то, что уже удалено от человека в пространстве и времени.

Различны у В. Беньямина и образы городов. Прибегая к лирике Бодлера, немецкий мыслитель видел Париж и Москву в образах женщины и ребенка, однако если Париж представал как обещание дара, то Москва раскрывалась как утрата женщины и ребенка. Тотальная деприватизация жизни, к которой России еще предстояло прийти в 30-40-е гг. XX века, сказывалась на личном

пространстве В. Беньямина как автора и наблюдателя. Москва манила обещанием дара, сводя все к невозможности самого дарения. Это подтверждают и слова М. Рыклина в его эссе, посвященном «Московскому дневнику» В. Беньямина: «Дар всегда обещан и не приносим одновременно, точнее, он приносим только в обещании. ... Беньямин, тем не менее, твердо отказывается довериться логике дара, как это делают окружающие его «русские» [4, с. 209]. Москва – это пространство организации, исключаящей обмен чего бы то ни было. Сама организация этого пространства предстает как безлично структурно организованный порядок, в котором теряет силу любой магический ритуал, любой обмен, любая жертва.

В отличие от Парижа и Москвы, раскрываемых В. Беньямином как одушевленные пространства, Берлин предстает у него как призрачное царство, в котором «скорее больше, а не меньше, чем в некоторых иных городах, мест и моментов, говорящих о мертвых, показывающих, что они полны мертвыми» [5, с. 185]. Здесь захват/насилие пространства Беньямин раскрывает двояко. С одной стороны, сам Берлин оказывается объектом захвата памяти, стремящейся представить его как топографию воспоминаний о детстве. С другой стороны, Берлин, сопротивляясь такому насилию, скрывается за обманчивым обещанием исполнится как целостный образ. Однако два этих вектора захвата оставляют нас с пустыми руками, так как пространство Берлина – это пограничное, пороговое пространство между сознанием и бессознательным, между детством и совершеннолетием, между дном общества и классом буржуазии, между индивидуальным и коллективным. Такое пороговое пространство ведет в никуда. Вместе с тем, не поддается представлению то, что само является декорациями, пространством памяти. Берлин для В. Беньямина – декорация, в которой разворачивается процесс его воспоминания о детстве в пространстве между сном и явью.

Второе направление – это исследование феномена топоса в постколониальных исследованиях, где значимым в рамках указанной темы выступает концепт «право на город». Влияние на топофилию философии культуры оказали постколониальные исследования, проблематизирующие ситуацию пограничья и стремящиеся к преодолению угнетающей системы подчиненного центра (европоцентричного в постколониальных штудиях) мироустройства посредством порождения дискурса эмансипации. В рамках современной философии «новая культурная география» представляет инструментарий для политического участия тем социальным субъектам, которые связаны с детерриториализацией современного пространства и новой демографией.

Эвристический потенциал постколониальных исследований заключается в раскрытии критического потенциала эмансипации угнетенных групп, децентрации социального пространства и освобождения его от диктата метрополии. Таким образом, постколониальные штудии предстают как дискурс освобождения, дискурс обоснования множественности пространства без его фрагментаризации. Так выработывается единая концепция множественных пространств – концепция пограничья.

Постколониальный и пространственный повороты в социально-гуманитарных науках поставили под сомнение возможность адекватного конструирования единого глобального мира. В современности глобальное можно понимать лишь как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность, т. е. множественное пространство. Реализация данного понимания глобального демонстрируется в деколониальных текстах, где реконструируется «неевропейская» и ставится под сомнение европейская современная оптика. Воплощением данной концепции глобального является теория «пограничья», разработанная в тексте «Местонахождение культуры» Хоми Бхабха [6], сутью которой является то, что самоопределение субъекта во временном континууме должно быть дополнено акцентуацией его пространственного осуществления. Учитывая, что современный человек переживает кризис идентичности и включен в свободный процесс ее театральной репрезентации, получается, что это пространство множественное, состоящее из разрывов и лакун.

В конце XX – начале XXI вв. любая культура обнаруживает себя «за пределами», в переходном состоянии, где происходит наслоение культур и в то же время ясно проявляются разрывы между ними – культурные различия. Другими словами, это пространство (пространство пограничья) является местом встречи «Я» и «Другого», а индивиды, находящиеся в нем, имеют доступ к обеим этим идентичностям. Поворот к пониманию пространства как пограничья противостоит фрагментаризации пространства, основанной на угнетающей практике «власть – знание» и диктате дискурса «колонизатор – угнетаемый».

Иллюстрацией новой оптики культурной географии является концепция и стратегия «право на город», предложенная французским мыслителем А. Лефевром [7] и в последующем получившая развитие в работах американского исследователя Д. Харви, отмечавшего, что «мы живем в расколотых городах. Прежде всего, так называемые “глобальные” города расколоты в социальном отношении между финансовыми элитами и огромными массами низкооплачиваемых работников сферы услуг, смешивающихся с маргиналами и безработными» [8, с. 84]. В рамках

пространственного поворота подчеркивается, что социальные отношения граждан остаются нереализованными до тех пор, пока не получают материального и символического выражения в городском пространстве. Поэтому общество, не имеющее возможности осуществлять свое право на город, живет в атомизированном состоянии фрагментарности. Право на город осуществляется путем социальной мобилизации. В духе постмарксистской теории стратегия «права на город» представляет собой процесс революционного преобразования общества и возвращение угнетенным субъектам их прав касательно города. Гражданское общество предполагает включенность граждан в решение общих значимых вопросов, касающихся их города, и из такого взаимодействия создается «социальное тело» города.

Таким образом, раскрытые методологические ракурсы исследования города как социально-культурного феномена на пересечении проблемных полей философии культуры и философии насилия актуализировали осмысление города как коммуникативного топоса, мыслимого как гибридность и пограничье. Полагаем правомерным заключить, что это в определенной степени определило значимость проблематики локального в современном социально-гуманитарном знании и позволило говорить о таком направлении, как новая культурная география.

Библиографические ссылки

1. Соболев Д.М. «Топофилия»: Культурная география как жанр современной художественной прозы // Международный журнал исследований культуры. – Спб: «Эйдос», 2011. – С. 136–155.
2. Сидоренко И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
3. Беньямин В. Париж. Столица девятнадцатого столетия // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
4. Рыклин М. Две Москвы. «Московский дневник» 70 лет спустя // Беньямин В. Московский дневник. – М.: Ad Marginem, 1997. – 264 с.
5. Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.
6. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Минск: ЕГУ, 2005. №3–4. – С. 161–191.
7. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
8. Харви Д. Право на город: пер. с англ. А. Смирнов // Логос: Философско-литературный журнал. – М.: Территория будущего, 2008. – №3. – С. 80–94.

АТТИТЮДЫ В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Ю. С. Смирнова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
smiry@bsu.by

Аннотация. В статье анализируются различия в аттитюдах об электронных социальных сетях у представителей разных поколений. Отмечается, что выявленные различия могут быть обусловлены не только принадлежностью к разным поколениям, но и возрастом пользователей. На основе эмпирических данных предпринимается попытка отследить вклад каждого из этих факторов по отдельности. Подчеркивается необходимость изучения интердетерминации возраста и поколенческой принадлежности пользователей как факторов формирования аттитюдов в отношении различных электронных социальных сетей.

Ключевые слова: *электронные социальные сети; интернет; аттитюды пользователей; поколение; возраст; интердетерминация.*

ATTITUDES TOWARDS ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS: AGE FEATURES AND INTERGENERATIONAL DIFFERENCES

Y. S. Smirnova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
smiry@bsu.by

Abstract. Differences in attitudes about electronic social networks among representatives of different generations are analyzed in the article. It is noted that these differences may be due not only to the different generation affiliation, but also to the age of the users. Based on empirical data, an attempt to determine the contribution of each of these factors separately is made. The need to study the interdetermination of users' age and generation affiliation as determinants of attitudes towards various electronic social networks is emphasized.

Keywords: *electronic social networks; Internet; user attitudes; generation; age; interdetermination.*

Популярность электронных социальных сетей, рост числа пользователей и их вовлеченности в электронную коммуникацию сопряжены с усилением

интереса ученых к изучению данной проблемной области. Предметом социально-психологических исследований, история которых является к настоящему времени уже достаточно продолжительной, выступают психологические особенности пользователей социальных сетей, виртуальная среда как ресурс социального развития личности, ее влияние на самосознание, социальную идентичность, жизненные ценности и аттитюды пользователей, закономерности формирования и функционирования виртуальной личности и ее виртуальной идентичности [1, 2], потребности интернет-пользователей и мотивы использования электронных социальных сетей [2, 3], психологические факторы проблематичного использования сети интернет [1, 4], психологические особенности электронной коммуникации в социальных сетях, специфика проявления в них агрессии, помогающего поведения и других форм социальной активности, особенности самопрезентации, формирования и развития социального капитала личности [1, 4], психологические факторы межличностной аттракции [5], механизмы, эффекты и закономерности психологического воздействия в виртуальной среде [1, 2, 4], психологические особенности функционирования электронных групп и сетевых сообществ, а также особенности проявления межгрупповых отношений, массовых психологических феноменов [1, 4] и т.д.

Этот перечень изучаемых вопросов, будучи далеко не полным, отражает стремительно нарастающую цифровизацию современного общества, в которую наиболее активно оказываются вовлеченными жители крупных городов. Именно в них ускоренными темпами растет доля отраслей, притягивающих к себе передовые разработки и инновации информационно-коммуникационных технологий [6, с. 304]. Так, результаты социологических исследований демонстрируют, что горожане овладели многими новыми технологиями и активно используют их в жизнедеятельности. Это касается в первую очередь так называемых городских профессионалов, т.е. людей с высшим образованием, занятых квалифицированным трудом. Так, по данным опроса 2021 г. электронные социальные сети постоянно используют 83,7% минчан [6, с. 306]. В связи с растущей цифровизацией жизни общества следует отдельно выделить область исследования психологических факторов эффективного использования электронных ресурсов, включая социальные сети, в различных сферах жизнедеятельности и профессиональной практики – экономике, политике, управлении, медицине, торговле, туризме, образовании, науке, психологии, урбанистике и т.д. [1, 2, 4].

Одним из факторов, который следует учитывать, планируя использовать ресурсы социальных сетей в решении различных практических задач организации городской жизни, является содержание аттитюдов

пользователей в отношении используемых социальных сетей. Такие аттитюды формируют образ социальной сети, объясняют ее популярность среди представителей различных социальных категорий, а также помогают определить барьеры на пути их эффективного использования. Так, аттитюды пользователей отражают не только преимущества той или иной социальной сети, ее соответствие их актуальным потребностям и интересам, но и сопряженные с использованием социальной сети риски и угрозы. По данным социологического исследования, «40% минчан согласны, что цифровые технологии не позволяют людям быть ближе друг к другу, и не повышают уровень сплоченности и доверия», а 60% «признали, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым» [6, с. 305].

Исследования также демонстрируют, что наиболее активными пользователями электронных социальных сетей являются представители более молодых поколений. Так, среди студентов 53,2% используют электронные социальные сети каждый день, а 39,7% делают это постоянно, практически на протяжении всего дня [3, с. 83]. Обратимся к результатам исследования аттитюдов студентов в отношении различных социальных сетей, выполненного под нашим научным руководством в 2016-2017 гг. [7]. В нем приняло участие 136 студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Согласно возрастным периодизациям, этот возрастной диапазон приходится на период ранней взрослости, а согласно теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува, адаптированной в России, респонденты представляют поколение Y. Для сбора данных использовался частный семантический дифференциал, шкалы которого были подобраны по итогам предварительного исследования. Изучались аттитюды в отношении социальных сетей «ВКонтакте», «Instagram» и «Twitter». На момент проведения исследования они относились к популярным в Беларуси электронным социальным сетям, что справедливо в их отношении и в настоящее время [3, с. 83].

Электронную социальную сеть «ВКонтакте» студенты характеризуют как «приятную» и «расслабленную», а также наделяют такими признаками, как «светлый», «привлекающий», «активный», «быстрый», «доброжелательный», «полезный», «радостный» и «лживый» (средняя выраженность). «Instagram» характеризуется как «сильный», «активный», «быстрый», «светлый», «приятный», «лживый»; средне выраженными являются признаки «доброжелательный», «расслабленный», «радостный». Характеризуя «Twitter», студенты чаще давали усредненные оценки по шкалам семантического дифференциала. В целом аттитюды студентов в отношении названных социальных сетей являются положительными, хоть и не лишены непривлекательной характеристики «лживый», отражающей риски сетевой коммуникации.

С момента проведения исследования прошло уже почти семь лет. С учетом быстрых темпов развития информационно-коммуникационных технологий, это довольно продолжительный период и можно предположить, что аттитюды студентов о социальных сетях за это время успели измениться. Поэтому интерес представляет не столько содержание выявленных в 2016-2017 гг. аттитюдов, сколько возможность отследить динамику этого содержания в последующие годы. Для этого обратимся к более позднему исследованию, также выполненному под нашим научным руководством [8]. В исследовании принимали участие представители разных поколений. В рамках данной статьи нас будут интересовать представления об электронных социальных сетях более молодых поколений Z и Y как наиболее активных пользователей. Для анализа использовались результаты опроса представителей поколения Z в возрасте от 18 до 22 лет на момент проведения исследования (38 респондентов), а также поколения Y в возрасте от 23 до 30 лет (39 респондентов). Для сбора данных использовался частный семантический дифференциал. Изучались представления о шести электронных социальных сетях, среди которых нас будут интересовать образы сетей «ВКонтакте» и «Instagram», которые фигурировали в первом исследовании, описанном выше.

Согласно полученным данным, социальная сеть «ВКонтакте» представителями поколения Z характеризуется как «доступная», «простая», «большая», несколько менее выражены характеристики «неинтересная», «пассивная», «хорошая» (здесь и далее характеристики перечисляются в порядке убывания отклонения средних значений от центра шкалы). Схожий образ данной социальной сети разделяют представители поколения Y, приписывая ей такие характеристики, как «доступная», «простая», а также «пассивная». «Instagram» представителями поколения Z характеризуется как «простой», «большой», «доступный», «хороший», «приятный», «активный», в несколько меньшей степени выражены характеристики «интересный», «свежий», «добрый», «расслабленный». Образ данной социальной сети в восприятии представителей поколения Y является схожим и включает такие характеристики, как «активный», «большой», «доступный», «простой», «хороший», «приятный», «интересный», в несколько меньшей степени выражены характеристики «безопасный», «добрый», «расслабленный», «свежий». Заметим, что представления о социальных сетях в целом позитивно окрашены. Образ сети «Instagram» является довольно содержательным. В сравнении с ним образ социальной сети «ВКонтакте» менее насыщен, что может быть связано с ограниченным перечнем шкал используемого семантического дифференциала. Если сопоставить оценки этих двух социальных сетей представителями поколений Z и Y, то в целом

они являются относительно схожими, а различия наблюдаются преимущественно в оценках социальной сети «ВКонтакте»: поколение Y более высоко оценивает ее безопасность, а поколение Z – размеры и простоту, считая при этом ее несколько менее интересной.

Сравнение представлений двух поколений заставляет задуматься, с чем связаны различия в первую очередь – с возрастной динамикой или с поколенческим разрывом. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к результатам первого исследования. К сожалению, в описанных исследованиях использовались разные версии семантического дифференциала, что оставило мало возможностей для сопоставления данных. Это оказалось возможным лишь по четырем шкалам: «приятный – неприятный»; «быстрый – медленный»; «активный – пассивный»; «расслабленный – напряженный». Рассмотрим средние значения оценок социальных сетей «ВКонтакте» и «Instagram» по этим шкалам-признакам, полученные по 7-балльной системе (4 – середина шкалы) в трех группах респондентов: 1 группа – поколение Z, 18-22 года в 2021-2022 гг.; 2 группа – поколение Y, 18-25 лет в 2016-2017 гг.; 3 группа – поколение Y, 23-30 лет в 2021-2022 гг. Сопоставление оценок сети «Instagram» по шкале «активный – пассивный» (1 группа – 2,68; 2 группа – 3,00; 3 группа – 2,08) позволило предположить, что наряду с поколенческим разрывом (сопоставление групп 1 и 3, 1 и 2) на образ социальной сети влияет возраст, поскольку наибольшая разбежка в оценках наблюдается как раз между представителями одного поколения Y, имеющими пятилетнюю разницу в возрасте (группы 2 и 3).

Внимательно изучив результаты, мы обратили внимание на то, что оценки социальных сетей по названным четырем шкалам более ощутимо различаются у респондентов, участвовавших в исследовании в разные годы (безотносительно к факторам возраста и поколения): ранее социальная сеть «ВКонтакте» оценивалась как более «приятная» (2,49 в группе 2 в сравнении с 3,65 и 3,85 в группах 1 и 3 соответственно), «быстрая» (2,79 в сравнении с 3,82 и 3,84), «активная» (3,39 в сравнении с 4,68 и 4,95) и «расслабленная» (3,31 в сравнении с 4,18 и 4,16), а «Instagram» – как более «быстрый» (2,61 в сравнении с 3,74 и 3,46), но менее «активный» (3,00 в сравнении с 2,68 и 2,08), чем спустя пять лет. Также за эти годы усилился разрыв в оценках этих двух социальных сетей по названным признакам. Конечно, имеющихся данных слишком мало для серьезных обобщений, но они позволяют предположить, что наряду с возрастом и поколенческой принадлежностью пользователя свой вклад вносят контент, тип и динамика самих социальных сетей, а также другие факторы, не учтенные в данных исследованиях. Заметим также, что наибольший поколенческий разрыв в аттитюдах о социальных сетях наблюдается не между поколениями Z и Y, а между ними и

поколением X, представители которого имеют более низкий уровень осведомленности о различных социальных сетях [8].

В заключении подчеркнем, что изучение аттитудов в отношении социальных сетей необходимо проводить с учетом интердетерминации факторов возраста и поколенческой принадлежности пользователей.

Библиографические ссылки

1. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации. – Москва: МПСУ, Воронеж: МОДЭК, 2013.
2. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А.Л. Журавлей, Д.А. Китова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
3. Ткачѳв И.В., Фофанова Г.А. Адаптация опросника «Мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов // Журнал Белорусского государственного университета. –Философия. Психология. – 2023. – №1.
4. Гулевич О.А. Психология массовой коммуникации: от газет до интернета. – Москва: Изд-во Юрайт, 2021.
5. Смирнова Ю.С. Чумакова В.А. Факторы межличностной аттракции в различных видах интернет-коммуникации // Психологический журнал. – 2012. – №3-4.
6. Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В. «Цифровой город» и цифровые компетенции горожан: тенденции развития (на материалах case study) // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021.
7. Гулешова М.А. Социальные установки по отношению к электронным социальным сетям у студентов с различной коммуникативной направленностью: аннотация к дипломной работе / Фак. философии и соц. наук; каф. психологии; науч. рук. Смирнова Ю.С. Минск, 2017. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/197853>. – Дата доступа: 05.11.2023.
8. Семѳнова П.А. Представления интернет-пользователей различных поколений об электронных социальных сетях // Человек. Культура. Общество: сб. науч. статей 19-й ежегодной науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, 28 апреля 2022 г. / БГУ, фак. философии и соц. наук; [редкол.: Т.В. Бурак (отв. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2022.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А. С. Солодухо

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
asoloduh@gmail.com

Аннотация. В статье представлен психологический анализ содержания мошеннических практик с использованием цифровых технологий. Рассматриваются типичные сценарии мошеннических практик. Осуществляется анализ содержания основных психологических факторов цифрового мошенничества. Рассматривается перечень психологических механизмов, способствующих усилению воздействия на жертву. Предлагаются направления для психологического просвещения пользователей цифровых технологий.

Ключевые слова: *мошенничество; цифровые технологии; влияние; риски; субъективная картина мира; когнитивные искажения.*

PSYCHOLOGICAL FACTORS AND MECHANISMS OF FRAUD USING DIGITAL TECHNOLOGIES

A. S. Saladukha

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
asoloduh@gmail.com

Abstract. The article presents a psychological analysis of the content of fraudulent practices using digital technologies. Typical scenarios of fraudulent practices are considered. The content of the main psychological factors of digital fraud is analyzed. A list of psychological mechanisms that contribute to increasing the impact on the victim is considered. Directions for psychological education of users of digital technologies are proposed.

Keywords: *fraud; digital technologies; influence; risks; subjective map of the world; cognitive biases.*

Мошенничество с использованием современных информационных технологий на сегодняшний день, к сожалению, прочно заняло свое место в перечне правонарушений, фиксирующихся в Республике Беларусь. По данным Следственного комитета Республики Беларусь, наблюдается тенденция к стабильному росту количества официально зарегистрированных случаев мошенничества. При этом большинство преступлений в той или иной форме связано с использованием интернет-технологий [1].

В данной публикации мы сознательно сосредоточимся на преступлениях, которые связаны с вовлечением людей, не обладающих глубокими специальными знаниями в сфере информационных технологий. Взрывной рост данной сферы привел к тому, что активными пользователями информационных технологий стали люди, которые зачастую не обладают даже элементарными навыками и представлениями о базовых основах информационной безопасности. Погружаясь в относительно новую коммуникативную среду, личность неизбежно сталкивается с влиянием на свое поведение психологических механизмов, помогающих изучать и ориентироваться в новой среде – любопытство, поисковое поведение, «метод проб и ошибок», импульсивное поведение. Неизбежным спутником освоения нового также выступает поисковая активность, которая, вследствие отсутствующих либо фрагментарных представлений о возможных рисках и негативных последствиях данной активности, также создает условия для потенциально опасных для благополучия пользователя ситуаций.

Психологический компонент влияния особенно выражен в мошенничествах, которые связаны со следующими сферами существования и социальной активности современной личности: 1) установление личных или романтических отношений с иностранными гражданами; 2) необходимость оказания «экстренной материальной помощи» родственникам, близким и знакомым, оказавшимся в неблагоприятной ситуации (ложное сообщение о дорожно-транспортном происшествии, совершенном правонарушении и т.п.); 3) ложное сообщение о финансовых и материальных рисках, которым подвергаются личность (похищение денег с банковского счета, потеря сбережений и т.п.); 4) ложные предложения высокооплачиваемой работы за рубежом или в интернете; 5) ложное предложение о многообещающих либо перспективных финансовых инвестициях в какой-либо проект (большой пассивный доход, инвестиции в акции компаний).

Понятно, что в данной ситуации существенным фактором, определяющим будущие последствия, выступает персональная компетентность личности в оценке непосредственной ситуации взаимодействия. В то же время, естественные особенности человеческой психики (подверженность когнитивным искажениям, сложившиеся стереотипы поведения, насыщенность информационного потока в социальной среде) могут приводить к негативным последствиям. Таким образом, общие характеристики психологического «дизайна» преступлений подобного рода характеризуется наличием следующих признаков: 1) выраженный диспаритет в дихотомии «*затраченные усилия – получаемый результат*» (будущий результат взаимодействия преподносится как очевидно выгодный либо нарушающий значимые правила социального

уклада отношений без каких-либо негативных последствий для жертвы); 2) присутствие «*доверительного окна*» во взаимодействии с мошенником (часть операций реализуется, исходя из установки, что партнер по взаимодействию заинтересован в том, чтобы помочь); 3) *искажения временной перспективы* во взаимодействии с мошенником (явный лимит времени на принятие решения либо первичную оценку релевантной информации); 4) *трудности* или препятствия, связанные с *получением достоверной информации* о ситуации или участниках ситуации из независимых источников информации (реальные либо иллюзорные ограничения, присутствующие в развивающемся сценарии мошеннической ситуации).

Факторы риска также тесно связаны с возрастом пострадавших. По данным, предоставленным старшим прокурором управления Генеральной прокуратуры В. Бабашинским, количество таких преступлений в отношении пенсионеров выросло более чем в 5 раз, а в отношении лиц преклонного возраста – почти в 10 раз [1]. При этом психологические исследования показывают, что неуклонным спутником пожилого возраста выступает ослабление функций познавательных процессов (мышление, память, восприятие). Особый риск связан с небольшим социальным кругом общения пожилых людей, что существенно затрудняет возможность непредвзятого анализа возникшей ситуации и быстрого прекращения взаимодействия с мошенником.

Также значимым фактором, увеличивающим вероятность стать жертвой мошенничества, выступает наличие у жертвы фрустрированной потребности, связанной с содержанием мошеннической практики. Под фрустрированной потребностью в психологии рассматривают актуальную потребность личности, которая в данный момент времени не удовлетворена и является источником напряжения в психике. Наиболее часто в данном перечне фигурируют: 1) *потребность в эмоциональной близости* (вокруг нее преимущественно выстраиваются мошеннические практики, связанные с романтическими отношениями либо помощью другим); 2) *потребность в безопасности* (мошеннические практики, использующие сюжет проблем, с которыми сталкиваются семья, родственники и друзья жертвы либо она сама); 3) *потребность в материальном благополучии* (мошеннические практики, сулящие очевидную выгоду жертве, быстрый рост ее материального благосостояния); 4) *потребность в самореализации* (мошеннические практики, связанные с помощью в поиске занятости, устройстве на работу, профессиональному обучению, личностному росту и т.п.); 5) *потребность в удовольствии* (мошеннические практики, связанные с азартными играми, спортивным тотализатором и т.п.)

Психологические уязвимости во многом опираются на такие механизмы функционирования психики человека, как когнитивная леность, а также эффект ореола [2]. Их общей особенностью выступает то, что они в той или иной степени связаны с сокращением процедур верификации информации, поступающей из внешних источников и затрагивающих интересы одного из участников взаимодействия.

Субъективная картина мира личности также может выступать в качестве фактора, увеличивающего вероятность оказаться жертвой мошеннической практики. В частности, это касается таких содержательных компонентов картины мира личности, как *знание, связанное с организацией и обустройством среды* повседневного существования личности, а также *норм и традиций* общества, в котором она живет. Именно поэтому в постоянно обновляющихся практиках таких преступлений постоянно присутствуют попытки мимикрии мошенников под представителей социальных институтов и учреждений, обладающих социальным авторитетом и реализующих функции власти и управления.

Таким образом, следует подчеркнуть, что потенциально существенная часть пользователей информационных технологий при определенном стечении внешних обстоятельств и внутренних состояний может оказаться в ситуации, когда высока вероятность оказаться вовлеченным в мошеннические практики. В этих условиях наиболее важными с точки зрения психологии является способность личности опознать косвенные признаки существования мошеннического эпизода и возможность немедленного прекращения взаимодействия с участниками данного действия.

С точки зрения академических психологов, в качестве средства профилактики необходимо осуществить адаптацию карты обозначенных рисков с учетом психологических особенностей человека, не обладающего специальными знаниями и опытом по опознанию подобных мошеннических практик. Адаптированные когнитивные карты известных мошеннических практик можно использовать для активного просвещения граждан о таких преступлениях, реализуя не только просветительскую функцию, но также и механизм «психологической прививки».

Библиографические ссылки

1. Ущерб от деятельности мошенников в 2022 году достиг почти Br9 млн // БЕЛТА [Электронный ресурс]. 2023. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/uscherb-ot-dejatelnosti-moshennikov-v-2022-godu-dostig-pochti-br9-mln-549208-2023/>. – Дата доступа: 15.05.2023.
2. Каненман Д. Думай медленно – решай быстро. – Москва: АСТ, 2013. – 656 с.

РОБОТИЗАЦИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

А. А. Сорока

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
psy@bsu.by

Научный руководитель: **А. С. Солодухо**, кандидат психологических наук,
доцент

Аннотация. В рамках социальной экосистемы учащаются случаи использования роботов разной степени антропоморфности. Однако на пути их распространения возникают разного рода неожиданные препятствия. Оказывается, объекты, достаточно похожие на людей, но недостаточно совпадающие с нами внешне или в манере поведения, вызывают негативные эмоции. Слишком человекоподобные роботы становятся провокатором эффекта «Зловещей долины» и других феноменов, которые часто приводят к робофобному поведению индивидов. За последние два десятилетия было опубликовано большое количество исследований роботизации и эффекта «Зловещей долины». Эта проблема часто поднимается в киберпсихологии, социальной кибернетике, нейропсихологии и даже зоопсихологии. Однако данные исследования зачастую упускают различные социально-психологические факторы, которые могут быть немаловажными предикторами робофобии, скептического отношения людей к роботизации и недоверию к роботизированным машинам. В связи с этим, данная работа должна внести вклад в изучение восприятия людьми роботов с различной степенью антропоморфности.

Ключевые слова: *роботизация; антропоморфность; андроид; гиноид.*

ROBOTICS AS A FEATURE OF TRANSFORMATION OF THE HUMAN LIFE ENVIRONMENT

A. A. Soroka

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
psy@bsu.by

Scientific supervisor: **A. S. Solodukho**, Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor

Abstract. Within the social ecosystem, cases of using robots of varying degrees of anthropomorphism are becoming more frequent. However, various unexpected obstacles arise on

the way to their spread. It turns out that objects that are sufficiently similar to people, but not sufficiently similar to us in appearance or in behavior, cause negative emotions. Too human-like robots become a provocateur of the “Uncanny Valley” effect and other phenomena that often lead to robophobic behavior of individuals. Over the past two decades, a large amount of research has been published on robotics and the «Uncanny Valley» effect. This problem is often raised in cyberpsychology, social cybernetics, neuropsychology and even animal psychology. However, these studies often miss various socio-psychological factors, which can be important predictors of robophobia, people’s skeptical attitude towards robotization and distrust of robotic machines. In this regard, this work should contribute to the study of people's perception of robots with varying degrees of anthropomorphism.

Keywords: *robotization; anthropomorphic; android; gynoid.*

На протяжении последних нескольких десятилетий исследования роботизации социальной экосистемы увеличиваются в геометрической прогрессии. Роботы разной степени антропоморфности активно применяются во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Их применяют во всевозможных сферах – от медицины и промышленного производства до доставки товаров и обслуживающего персонала. Благодаря роботам можно оптимизировать производство для получения большей прибыли организации, минимизировать риски для человека на опасной работе. Роботизированные системы и искусственный интеллект за счет минимизации человеческого фактора позволяют производить более объективную обработку данных. В области медицины роботы позволяют проводить сложнейшие хирургические операции с высокой точностью и ухаживать за людьми в домах престарелых. Компания «Яндекс» использует роботов для доставки товаров. В Сингапуре собакоподобные роботы компании «Boston Dynamic» патрулируют улицы городов. Однако в процессе их распространения конструкторы и инженеры сталкиваются с проблемами социально-психологического характера.

В научных кругах ведутся бурные дискуссии по этому поводу. На сегодняшний день роботизация и автоматизация считаются одними из инновационных и перспективных областей исследования. Тема роботизации становится лидирующей для изучения различными науками. Немаловажным является определение дефиниции понятия «роботизация». В социологическом энциклопедическом словаре С.А. Кравченко термин «роботизация» определяется как «автоматизация» [1]. Согласно словарю «Collins», роботизация – это «внедрение роботов для выполнения производственных задач», а робототехника, согласно данному словарю, – это «наука о проектировании и создании роботов» [2]. Более широкое определение дают исследователи М. Осборн и К. Фрей. Они под роботизацией понимают автоматизацию системы или задачи такого уровня,

когда исчезает необходимость в труде человека и он заменяется на его автоматизированную версию [1].

Исходя из вышеуказанных определений термина «роботизация», можно сделать вывод, что на сегодняшний день в науке ещё не сложилось чёткого общего определения данного феномена, а также, что термин «роботизация» зачастую определяют как синоним слову «автоматизация». Первый промышленный робот был изобретён ещё в 1959 г. в Соединённых Штатах Америки и лишь спустя десять лет промышленные роботы проникли на рынок Японии, а уже через два года там была создана первая в мире ассоциация робототехники. Данная ассоциация, по оценке А.В. Акимова, заложила фундамент успеха Японии в создании роботов и их использовании во всем мире. В 1973 г. в мире насчитывалось 3000 функционирующих промышленных роботов, а уже в 1975 г. – 1,6 миллиона промышленных роботов [3]. По данным Международной Федерации Робототехники, в 2018 г. Сингапур являлся абсолютным лидером по числу роботов, где на 10000 промышленных рабочих приходилось 831 робот. Немногим меньше роботов в Южной Корее – 774, в Германии – 338, а в Японии – 327 [1].

После появления первых роботизированных систем со временем стали появляться и антропоморфные роботы «андроиды». Андроид в переводе с греческого определяется как «подобный человеку» либо «подобный мужчине». Еще в 2000 г. корпорацией «Хонда» в Центре фундаментальных технических исследований «Вако» был спроектирован и создан андроид «Asimo». Усовершенствованная версия данного робота в 2014 г. имела рост 130 см и массу тела 50 кг. Он способен передвигаться со скоростью до 7 км/ч, спускаться с лестницы, распознавать движущиеся объекты и следовать за людьми. В его функционал так же входит распознавание жестов, предметов и поверхностей, способность различать звуки. Робот умеет узнавать лица людей и обращаться к ним по имени, откликаться на собственное имя, поворачивать голову к собеседникам, а также оборачиваться на неожиданные или тревожные звуки. Например, звук падающей мебели. Asimo умеет пользоваться интернетом и локальными сетями. После подключения к локальной сети дома он может разговаривать с посетителями через домофон, а потом докладывать хозяину, кто пришел. После того, как хозяин согласится принять гостей, Asimo способен открыть дверь и довести посетителя до нужного места.

В 2003 г. в Японии была создана первая в мире женщина-андроид «Actroid» или же «гиноид». Под термином «гиноид» подразумевается андроид с женской внешностью. Actroid навсегда изменила представления человечества об андроидах, поскольку выглядела почти как человек. Она была разработана исследовательской группой Хироши Ишигуро из

Осакского университета. Однако, невзирая на большую степень внешней антропоморфности, ее функциональность была сильно ограничена, поскольку у нее двигалась только верхняя часть тела.

Следует отметить, что в обществе к роботизации относятся неоднозначно. Исследователи А.С. Ватропин и Н.Г. Чевтаева на основе проведенных опросов обобщили различные точки зрения касательно проблемы технологической безработицы. Им удалось выявить две доминирующие позиции у респондентов:

1) Автоматизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта приведут к существенному снижению занятости в странах, являющихся экономически развитыми. Также имеется перспектива полного вытеснения человека из всех сфер общественного производства, включая и сферу услуг. К числу сторонников этой позиции можно отнести ученого Стивена Хокинга и предпринимателя Илона Маска.

2) Автоматизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта в перспективе приведут к ликвидации низкоквалифицированного труда с одновременным увеличением высококвалифицированных рабочих мест, что компенсирует потери, вызванные технологической безработицей [4].

Согласно данным, полученным в ходе опроса 2017 г. «ВЦИОМ-Спутник» на тему роботизации «Роботизация и роботы: возможность или опасность?», боязнь исчезновения своего рабочего места вследствие роботизации имела у 12% опрошенных работников. 85% опрошенных не испытывали подобного беспокойства. Одновременно с этим 38% работающих россиян считали, что в ближайшие десятилетия их жизни роботами будет заменена большая часть рабочих мест, а 60% работающих россиян не верили в подобное развитие событий. Также стоит отметить, что большинство работающих респондентов считали, что роботов, которые могли бы заменить их в обозримом будущем, ещё не создали. Лишь 6% респондентов придерживались мнения, что полноценная замена их роботами является возможной. 73% респондентов заявили, что об этом они никогда даже не задумывались. Следует отметить, что эта мысль чаще волнует мужчин, нежели женщин. В целом, по данным опроса, в российском обществе 62% работающих респондентов считают тенденцию замены людей на рабочих местах неправильной и негативной. Лишь 27% работающих респондентов считают данную тенденцию позитивной и правильной [1]. Иными словами, подавляющее большинство опрошенных было против роботизации: противников роботизации в российском обществе оказалось вдвое больше, чем её сторонников.

Большинство исследований касательно роботизации носит социологический характер и не учитывает социально-психологические аспекты данного явления, к которым можно отнести стереотипизацию, опыт взаимодействия с роботизированными системами, склонность к избеганию потенциальных угроз или же эффект «Зловещей долины». В вопросе роботизации большинство исследований сосредоточено именно вокруг феномена «Зловещей долины». Данный феномен был обнаружен еще в 1970 году японским робототехником Масахиро Мори [5]. В ходе исследований он обнаружил, что по мере возрастания степени антропоморфности роботизированного объекта степень его аттрактивности также растет. Однако в определенный момент, когда внешность робота становится максимально приближенной к человеческой, происходит резкий спад по шкале аттрактивности и затем, когда внешность робота становится полностью идентичной человеческой, происходит снова резкий подъем аттрактивности. Позже исследования данного феномена продолжили многие другие исследователи в самых различных направлениях – киберпсихологии, социальной кибернетике, нейропсихологии и даже зоопсихологии. Ими были выдвинуты всевозможные теории возникновения робофобного поведения и приведены многочисленные авторские определения данного феномена. Исходя из существующих определений, эффект «Зловещей долины» можно определить как «процесс, при котором робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно как человек, но не являющийся таковым, вызывает отторжение у людей-наблюдателей».

Наиболее обоснованной теорией возникновения эффекта «Зловещей долины» можно считать теорию когнитивного диссонанса. Первым исследователем, описавшим «Зловещую долину» через когнитивный диссонанс, был Минсу Кан. Он писал, что антропоморфные роботы, которые находятся между категориями «робот» и «человек», вводят нас в состояние постоянного когнитивного диссонанса и сталкивают с неизвестностью: «Чего именно ждать от такого существа? Управляем ли мы ситуацией?» Если ответа на эти вопросы не находится, то это вызывает страх. Подобные идеи, базирующиеся на теории когнитивного диссонанса, используются и в современных исследованиях [6, 7]. И тем не менее, исследования эффекта «Зловещей долины» и робофобного поведения обычно игнорируют социально-психологические факторы, хотя роботы активно внедряются в нашу повседневную жизнь и зачастую вызывают отторжение со стороны пользователей. Они завоевывают все большую популярность и способствуют автономизации личности. Это приводит к значительным изменениям в социальной экосистеме. Создаются принципиально новые возможности для

работы, творчества, получения образования и развлечения в домашних условиях.

В заключение стоит сделать вывод, что дальнейшие исследования субъективного отношения людей к роботизации должны учитывать социально-психологические факторы – такие, как стереотипы, факторы формирования данных стереотипов и непосредственный опыт взаимодействия человека с роботизированными системами.

Библиографические ссылки

1. Сотников С.А. Роботизация как объект социологического анализа // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. – № 2. – 2020.
2. Jussi P., Anton K., Marianna D. et al. Evaluating the replicability of the uncanny valley effect. – Elsevier Ltd., 2018.
3. Акимов А.В. Робототехника и трудосберегающие технологии: перспективы воздействия на социально-экономическое развитие // Историческая психология и социология истории. – № 1. – 2017. – С. 173–192.
4. Ваторопин А.С., Ваторопин С.А., Чевтаева Н.Г. Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе // Вопросы управления. – № 4. – 2017. – С. 70–78.
5. Манаенков А.Е. Эффект «зловещей долины» // Факультет психологии МГУ. – 2016.
6. MacDorman K.F., Green R.D., Ho C.C. et al. Too real for comfort? Uncanny responses to computer generated faces / Computers in Human Behavior, 25. – 2009. – P. 695-710.
7. Mathur M.B., Reichling D.B., Navigating a social world with robot partners: A quantitative cartography of the Uncanny Valley / Cognition. – № 146. – 2016. – P. 22-32.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПО КЛАССИФИКАЦИИ П.С. КУЗНЕЦОВА

Е. Ю. Старенкова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
starenkovakatsiaryna@mail.ru

Научный руководитель: **Е. И. Климушко**, старший преподаватель

Аннотация. В этой статье автором рассматривается классификация факторов по П.С. Кузнецову, оказывающих влияние на успешную адаптацию индивида (преимущественно лиц из числа мигрантов или иногородних) в контексте приспособления к новой городской среде. Актуальность работы обусловлена ростом числа миграционных процессов в ходе глобализации и, как следствие, всплеском психологических проблем лиц из категории мигрантов и иногородних, связанных с потерей психологического баланса, нарушениями коммуникативных связей, отрицанием социальных норм и ценностей окружающего их общества, а также тенденцией молодежи к переселению в более крупные города. В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ источников по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: *социальная адаптация; городская среда; мигрант; иногородний; комплекс-фактор.*

URBAN ENVIRONMENT AND FACTORS OF SOCIAL ADAPTATION ACCORDING TO P. S. KUZNETSOV'S CLASSIFICATION

E. Y. Starenkova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
starenkovakatsiaryna@mail.ru

Scientific adviser: **E. I. Klimushko**, senior lecturer

Abstract. In this article the author considers the classification of factors according to P.S. Kuznetsov, influencing the successful adaptation of the individual, in the context of getting used to the new urban environment. The relevance of the work is due to the increase in the number of migration processes in the course of globalization, and, as a consequence, the surge in psychological problems of people from the category of migrants and nonresidents associated with the loss of psychological balance, violations of communication connections, denial of social

norms and values of the society around them. Comparative analysis of sources on the issue under study was used as research method.

Keywords: *Social adaptation; urban environment; migrant; nonresident; complex-factor.*

В настоящее время множество людей сталкиваются с потребностью сменить место жительства и переехать в другую страну с целью получения высшего образования и поиска нового места работы. Возникающие психологические проблемы неразрывно связаны с социальной адаптацией – процессом приспособления одного индивида или целой группы к различным социальным группам, средам, способность человека отвечать ее требованиям и условиям [1]. На данный процесс влияет множество разнообразных факторов, которые можно объединить под классификации по некоторому признаку. Так, далее будет рассмотрена классификация комплекс-факторов известного психолога Павла Сергеевича Кузнецова о влиянии городской среды на ее элементы.

В соответствии с типологией П.С. Кузнецова существуют следующие семь комплекс-факторов, оказывающих влияние на успешность адаптации: экономический (материальный), регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный, комплекс-фактор самосохранения и комплекс-фактор самореализации [2]. *Экономический комплекс-фактор* включает в себя финансовые аспекты, связанные с источниками доходов, материальными льготами, зарплатой и доступом к дефициту. Так, городская среда с более развитой инфраструктурой и широким спектром вариаций мест работы способствует более высокому уровню психологического благополучия лиц из числа иногородних или мигрантов: возможность дополнительного заработка повышает их шансы финансовой стабильности и безопасности.

Наличие и количество материальных льгот и выплат – таких, как пенсии и пособия, также повышают привлекательность будущего места жительства, в частности, для мигрантов, создавая условия для их дальнейшей оседлости и ассимиляции с местным населением. Наибольший интерес для данной группы представляют непосредственно пособия по безработице, которые играют роль «подушки безопасности» для длительного поиска оптимального рабочего места.

Комплекс-фактор самосохранения охватывает вопросы биологического, экономического и социального характера, связанные со здоровьем и жизнью индивида, уровнем криминогенности обстановки вокруг него, исполнения горожанами правовых и законодательных норм и рисками потери источников доходов. Проживание в неблагоприятных районах города со временем формирует у приезжих лиц перманентное состояние тревоги и стресса, что

существенно замедляет процесс адаптации. В качестве негативного результата приспособления к среде может выступить личностная аномия, маргинализация образа жизни самого индивида, склонность к девиантным и делинквентным формам поведения, а также формирование им ценностей, отличающихся от общепринятых.

Стоит заметить, что, несмотря на смену места жительства, индивиды из числа мигрантов или иногородних склонны к стремлению сохранять свои традиции, паттерны поведения и культурные нормы, сопротивляясь процессам аккомодации, проявляющимся в изменении собственных представлений, касающихся тех или иных объектов социума. В таких случаях представители данных групп способны объединяться по определенным признакам, организуя диаспоры и точки конгломерации граждан по этническим признакам (к примеру, китайские кварталы).

Регулятивный комплекс-фактор затрагивает психологические и физиологические аспекты жизнедеятельности индивида. Факторами, объединенными под этой категорией, являются условия и режим труда индивида, отдых и его состояние здоровья. На скорость адаптации мигранта к новой среде также будет оказывать влияние уровень развития системы здравоохранения, наличие кадрового состава из высококвалифицированных специалистов врачебного профиля и обеспеченность учреждений необходимым оборудованием. Немаловажным аспектом будет являться доступность качественной помощи в различных сферах медицины, что является особенно актуальным для малых городов.

Для лиц из числа приезжей молодежи одним из приоритетных показателей привлекательности городской среды будет выступать наличие культурных и развлекательных заведений – таких, как кинотеатры, музеи, клубы, рестораны и т.д. Так, существует серьезная проблема финансирования подобных учреждений в малых городах, что приводит к несоответствию запросов молодежи и предоставляемых организаторами культурных и развлекательных заведений имеющихся программ [3].

Воспроизводственный комплекс-фактор представляет собой совокупность факторов, отвечающих за сексуальные потребности человека и формирование семьи. Примечательным маркером успешной социальной адаптации является желание индивида завести собственную семью в новой среде или же перевезти родственников и ближайшее окружение со старого места жительства. Важность воспроизводственного комплекс-фактора для успешности социальной адаптации заключается в том, что семья обеспечивает психологическую поддержку индивиду и оказывает влияние на его стремление к самореализации. Уровень благоприятности городской среды и развитости социальной инфраструктуры влияет на демографический

потенциал населения – в частности, на рождаемость. Молодые люди, планирующие рождение детей, проявляют интерес к наличию транспортной сети, детского сада, поликлиники и школы неподалеку от потенциального места жительства. Подобным условиям отвечает такая локация, как спальные районы, однако подобные зоны не всегда обладают местами для проведения досуга и развлечений.

В основе *коммуникативного комплекс-фактора* находятся такие компоненты, как круги общения и положение в группе, отвечающие за социализацию индивида и создание им новых связей в обществе. В зависимости от статуса города (малый город, мегаполис и тд.) можно выделить различные системы взаимоотношений между горожанами, проживающими в нем. Для жителей малых городов, родственных по структуре сельскому населенному пункту, свойственны более тесные, соседские отношения, способствующие большей сплоченности различных социальных групп. Переезд иногороднего лица или мигранта может вызвать настороженность местных жителей либо повышенный интерес по отношению к нему. Для избегания рисков возможной конфронтации с населением малого города приезжему рекомендовано заранее осведомиться о специфике образа жизни горожан и их быте, так как подобные структуры обладают весьма консервативными настроениями, связанными с локальными ценностями и традициями.

Жители крупных городов и мегаполисов в большей степени подвержены социальной изоляции, несмотря на высокую плотность населения [4]. Данный феномен нередко сопровождается чувством одиночества и отчуждения, следствием которого является повышенный риск возникновения депрессий и тревожных расстройств, что отражается на физическом состоянии (кардиологические проблемы, проблемы ЖКТ, психосоматические проблемы и тд). Быстрый ритм городской среды также требует колоссальных энергетических затрат, вследствие чего лица, состоящие в трудовых отношениях, нередко испытывают сложности с распределением ресурса времени в системе «дом-семья-работа».

Когнитивный комплекс-фактор складывается из компонентов, включающих образование, кругозор и квалификацию мигранта или лица из числа иногородних. Чем выше осведомленность о социокультурной составляющей нового места жительства, тем быстрее будет проходить социальная адаптация индивида. Подготовка к принятию чужой культуры в связи с переездом в другую страну также способствует минимизации эффекта «культурного шока» – феномена, возникающего при сопоставлении уже имеющихся схем поведения, мышления и планирования. Данный термин был введен в 1954 г. канадским (в дальнейшем – американским)

исследователем Калерво Обергом, который первым описал симптоматику культурного шока и обозначил стадии адаптации к чужой культурной среде [5].

Комплекс-фактор самореализации включает в себя все вышеуказанные компоненты, если они являются приоритетной ценностью для индивида. Комплексный фактор самореализации определяется через понятия «творение», «достижение», «мастерство», «власть», «авторитет», «престиж» [2]. Соответственно, взаимосвязь между городской средой и данным фактором можно выстроить на базе сравнения потребностей человека и инфраструктуры города. К примеру, возможность получения образования узкого профиля и наличие специфических рабочих мест для реализации карьеры делают городскую среду наиболее подходящим вариантом для определенных категорий групп социума (будущие научные сотрудники, предприниматели, инвесторы и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная адаптация в новой городской среде неразрывно связана не только с психологическими характеристиками самого индивида, но и с его окружением. Статус города, система социальной инфраструктуры, специфика быта и образа жизни горожан – все это оказывает влияние на выбор места жительства мигрантом или лицом из числа иногородних и его дальнейшее желание закрепления на новом месте.

Библиографические ссылки

1. Социальная адаптация [Электронный ресурс] // Teledoctor 24. – Режим доступа: <https://teledoctor24.ru/article/400-4-sotsialnaya-adaptatsiya/>. – Дата доступа: 07.11.2023.
2. Гриценко В. В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде [Электронный ресурс] // Портал психологических изданий PsyJournals.ru. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30303#:~:text=Так%2C%20П.,когнитивный%20и%20самореализации%20%5B15%5D. – Дата доступа: 07.11.2023.
3. Рудиченко Е. А. Учреждения культуры малого города как объект управления [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchrezhdeniya-kultury-malogo-goroda-kak-obekt-upravleniya/viewer>. – Дата доступа: 07.11.2023.
4. Стресс в мегаполисе [Электронный ресурс] // Сайт «Медвестник». – Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/articles/Stress-v-megapolise.html>. – Дата доступа: 07.11.2023.
5. Смолина Т.Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация [Электронный ресурс] // Портал психологических изданий PsyJournals.ru. – Режим

доступа: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/55598. – Дата доступа:
07.11.2023.

ПОВЫШЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В. А. Сысоева, Н. В. Шарипова

Белорусский национальный технический университет, кафедра
«Градостроительство», пр-т Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь
sysoeva@bntu.by

магистрант, науч. рук.: **В. А. Сысоева**, канд. арх., доцент
Белорусский национальный технический университет, факультет
энергетического строительства

Аннотация. В статье приводится обзор актуальной литературы о комплексных решениях задач снижения энергопотребления и повышения энергоэффективности в масштабах города путем внедрения особого подхода к городскому планированию. Авторы называют актуальные тренды, а также инновационные средства, которые успешно работают для достижения данной цели: комплексное стратегическое планирование в масштабах города, оценка эффектов от реализации мероприятий с учетом экологических и социальных выгод, применение энергоэффективных морфотипов городских районов и модулей застройки.

Ключевые слова: *городское планирование; энергоэффективность; снижение энергопотребления; устойчивое развитие.*

INCREASING ENERGY EFFICIENCY OF URBAN SPACE THROUGH URBAN PLANNING

V. A. Sysoyeva, N. V. Sharipova

Belarusian National Technical University, Urban Planning Department,
Nezavisimosti pr., 65, 220013, Minsk, Belarus
sysoeva@bntu.by

master student, scientific supervisor: **V. A. Sysoyeva**, PhD, Assoc. Prof.
Belarusian National Technical University, Faculty of Energy Construction

Abstract. The article provides a current literature review on integrated solutions aimed at the reduced energy consumption and the improved energy efficiency on a city scale through introduction of a special approach to urban planning. The authors name current trends, as well as innovative tools that successfully work to achieve this goal: integrated strategic planning on a city scale, performance assessment of the implementation taking into account environmental and social benefits, use of energy-efficient morphotypes of urban areas and building modules.

Keywords: *urban planning; energy efficiency; reduced energy consumption; sustainable development.*

Вопросы снижения объемов потребления энергии и, наоборот, повышения эффективности ее использования обусловлены климатическими изменениями, на которые реагируют жители всего мира. Города как места сосредоточения социального, научно-технологического и финансового потенциала являются теми площадками, где успешно реализуются различные мероприятия по митигации (снижению) антропогенного воздействия на климат [1]. Рассмотрим литературные источники о методах повышения энергоэффективности городского пространства и проследим актуальные тренды, а также выявим инновационные средства городского планирования, которые успешно работают для достижения данной цели.

Во-первых, среди авторов литературы, в которой обсуждается устойчивое городское развитие в области энергетики, констатируется проблема отсутствия удовлетворительного метода количественной оценки влияния комплексной цепочки из различных форм энергопотребления на размеры углеродного следа конкретного города. При этом авторы признают за формой городского пространства первоочередную возможность влиять на объемы энергопотребления за счет интеграции технологий возобновляемой энергетики и распределенных энергетических систем. Например, в статье авторов А.Т.Д. Перера, С. Кокколо и Ж.-Л. Скартеццини говорится о том, что физические взаимодействия между зданиями в городской среде играют важнейшую роль при анализе спроса на энергию в городах [2]. В обзоре различных энергетических систем городов [3] авторы называют два взаимодополняющих пути повышения энергоэффективности:

развитие устойчивых энергетических технологий путем использования возобновляемых источников энергии оптимальной мощности, совершенствование работы городских энергосистем, повышение энергоэффективности зданий и районов застройки;

улучшение энергетических и экологических характеристик городского пространства за счет рационального городского планирования, которое создает комфортный городской микроклимат и снижает потребности в объемах энергопотребления.

Также в данном исследовании описаны морфотипы городской застройки, которые потребляют разное удельное количество энергии для отопления и охлаждения. Кроме того, авторы утверждают, что от пространственных характеристик районов зависят возможности интеграции и использования возобновляемой энергии.

В качестве примера успешного применения морфологии в

градостроительной практике можно привести публикации директора Института городской морфологии и комплексных систем Сержа Сала, в которых представлен инновационный подход к городскому планированию и дизайну на основе новейших методов и алгоритмов выявления связи между городской формой и социальными, экономическими и экологическими характеристиками города. Применяемые инструменты и методы количественной оценки позволяют оценить влияние городских морфотипов на: потребление энергии и количество выбросов парниковых газов, устойчивость к климатическим рискам, условия для передвижений, экономическую эффективность, функциональное использование и стоимость земли [4, 5]. Так, например, проведенный анализ морфотипов районов Парижа выявил 4-кратное различие конечного потребления тепловой энергии и 9-кратное различие объемов выбросов углерода на душу населения разных районов [4].

Как следствие, авторы многих научных работ [3-10] рекомендуют при проектировании эффективных городских энергетических систем выходить за рамки моделирования зданий и делать это частью процесса планирования устойчивого городского развития. Важно учитывать местоположение районов, социальный состав жителей, условия транспортного обслуживания и наличие объектов сферы услуг. Более того, оценивая тот или иной вариант проекта, нужно рассчитать не только затраты на строительство и эксплуатацию энергоэффективных систем, но и соотнести их с экологическими и социальными эффектами от их внедрения.

В своей статье в журнале “*Sustainability*” (*Устойчивость*) Афина Яннаку и Константина-Димитра Салата описывают адаптацию компактных городских районов г. Салоники к изменению климата посредством местной стратегии пространственного планирования, которая базируется на анализе географических, социально-экономических и городских данных территории и ее уязвимости к воздействию климатических изменений [9]. Комплексная стратегия не только служит залогом эффективности отдельных, разрозненных действий и создает их мультипликативный эффект, но также обеспечивает устойчивость развития города. Такая стратегия является площадкой для координации различных интересов и множества факторов, оказывающих влияние на то, какие формы приобретает развитие в конкретных сферах городской жизни. Названная стратегия климатической адаптации сочетает в себе элементы различных трендов повышения энергоэффективности, обсуждаемых в соответствующей литературе [10-14]:

Устойчивое городское управление предполагает участие заинтересованных сторон в процессе принятия решений и их реализации – просвещение и информирование о политике и мерах по экономии энергии и

повышении эффективности ее потребления (посредством семинаров, коммуникационных платформ, деятельности общественных организаций и т. д.). Последовательная реализация стратегии формирует новые социальные нормы и более ответственное поведение, повышая осведомленность и способствуя наращиванию потенциала сообщества.

Устойчивый городской дизайн опирается на сохранение и защиту имеющихся городских ресурсов. Например, природные экосистемные услуги, предоставляемые озелененными городскими территориями, при правильном подходе позволяют экономить расходы на энергоснабжение, а также способствуют устойчивости сообществ и усиливают местный характер городских территорий [11].

Устойчивый транспорт является результатом формирования пространственной модели компактного города со смешанным использованием территорий, в котором полицентричность и короткие расстояния между точками тяготения позволяют жителям быть независимыми от личного транспорта – передвигаться пешком, на велосипедах и общественном транспорте, что ведет к снижению потребления энергии для передвижений и способствует решению проблемы загрязнения воздуха [12].

Устойчивое строительство поощряет «зеленую» архитектуру – проектирование и строительство энергоэффективных зданий с учетом микроклиматических особенностей их местоположения – таких, как естественная вентиляция и освещение. Озелененные кровли и фасады могут экономить энергию, расходуемую на отопление и охлаждение, поглощать переносимые по воздуху загрязняющие вещества и пыль, а также улучшать микроклимат и вентиляцию городских территорий [13].

В материалах международной программы содействия управлению энергетическим сектором (Energy Sector Management Assistance Program) [14] рассматриваются пути внедрения новых подходов городского планирования для энергоэффективного развития и трансформации городских пространств:

Внедрение нормативных актов в области компактного роста городов – городское развитие должно стремиться к компактности за счет сохранения открытого пространства, повторного использования и заполнения существующих территорий, а также увеличения площади озелененных территорий.

Развитие плотной и взаимосвязанной сети улиц – уличная сеть должна включать в себя различные типы улиц, обслуживающих соответствующие виды землепользования и стимулирующие экологичные виды передвижений.

Обеспечение доступности зеленых насаждений – наличие озелененных территорий является неотъемлемой чертой энергоэффективных и пригодных

для жизни городов, однако важна не столько их доля среди городских территорий, сколько условия их доступности для различных пользователей.

Создание многофункциональной застройки – смешанное функциональное использование территорий должно быть в приоритете при проектировании как зданий, так и районов. Привлекательный район или квартал застройки – это сбалансированное сочетание жилых зданий, офисов, магазинов и городских услуг. По сравнению с монофункциональными районами застройка смешанного назначения снижает спрос на поездки на автомобиле, сокращает средние расстояния как для поездок на работу, так и с личными целями, способствует пешим прогулкам и другим немоторизованным путешествиям.

Максимальное использование биоклиматического дизайна – раскрытие и усиление природного потенциала территории, включая солнечный свет и тепло, ветер и перепады температуры, с применением адаптированных к местному климату модулей застройки.

Как показывают рассмотренные исследования, достижение энергоэффективности в масштабах города, а не отдельного здания, – это комплексный вопрос, который несет не только узкопрофильные выгоды, но и положительные экономические, социальные и экологические эффекты в виде формирования комфортных для жизни городов. Этот аргумент стоит использовать в дискуссии о целесообразности затрат на мероприятия по повышению энергоэффективности городского пространства. Для достижения устойчивых результатов требуются согласованные усилия городских, региональных и национальных правительств, горожан, бизнеса и других заинтересованных сторон при тесной координации между различными отраслевыми структурами. Города следует развивать на основе перспективного стратегического видения, которое позволило бы внедрять разные формы потребления энергии с учетом соответствующей нормативной базы, при оптимальном сочетании инструментов регулирования и стимулирования, а также обеспечения устойчивого финансирования инфраструктуры.

Библиографические ссылки

1. Фалолеева М. А. Новый город для нового климата. – Минск: Дискурс, 2020. – 432 с.
2. Perera A. T. D, Coccolo S., Scartezzini, J.L. The influence of urban form on the grid integration of renewable energy technologies and distributed energy systems // Scientific Reports. 9, 17756 (2019). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-53653-w>. – Дата доступа: 20.10.2023.

3. Keirstead J., Jennings M., Sivakumar A. A review of urban energy system models: Approaches, challenges and opportunities // *Renew. Sustain. Energy Rev.* 16, (2012). – pp. 3847–3866.
4. Salat S., Celnik S. *The Radiant City versus Paris: An Urban Morphology Analysis of the Unsustainability of Modernist Urban Planning.* – Urban Morphology institute, 2009. – 34 p.
5. Salat S., Labbé F., Nowacki C., Walker G. 2011. *Cities and Forms: On Sustainable Urbanism.* – Paris: CSTB Urban Morphology Laboratory: Hermann. –543 p.
6. Guen M. L. et al. Improving the energy sustainability of a Swiss village through building renovation and renewable energy integration // *Energy Build.* 158, (2018). – pp. 906–923.
7. Perera A. T. D., Coccolo S., Scartezzini J.-L., Mauree D. Quantifying the impact of urban climate by extending the boundaries of urban energy system modeling // *Appl. Energy* 222, (2018). – pp. 847–860.
8. Perera A. T. D., Nik V. M., Wickramasinghe P. U., Scartezzini J.-L. Redefining energy system flexibility for distributed energy system design // *Appl. Energy* 253, 113572 (2019). – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306261919312462>. – Дата доступа: 20.10.2023.
9. Salata K. D., Yiannakou A. Adaptation to Climate Change through Spatial Planning in Compact Urban Areas: A Case Study in the City of Thessaloniki. *Sustainability* 2017, 9, 271. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su9020271> – Дата доступа: 20.10.2023.
10. Власюк Н. Н. Энергоэффективное планирование городов // *Энергоэффективность.* – 2012. – № 9. – С. 30-31.
11. Pizzaro R. *Urban Form and Climate Change: Towards Appropriate Development Patterns to Mitigate and Adapt to Global Warming* // *Planning for Climate Change: Strategies for Mitigation and Adaptation for Spatial Planners*; Davoudi, S., Crawford, J., Mehmood, A., Eds. – Earthscan: London, UK, 2009. – pp. 33–45.
12. Michael W. Mehaffy. *Urban Form and Greenhouse Gas Emissions: Findings, Strategies, and Design Decision Support Technologies.* / *A+BE |Architecture and the Built Environment.* No. 14 (2015). – 192 p.
13. Bulkeley H. *Cities and Climate Change.* – Routledge: London, UK, 2013. – 280 p.
14. *Planning Energy Efficient and Livable Cities* // *Energy Sector Management Assistance Program.* – Knowledge Series 022/14 (2014). – 30 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ: ОТ ДАННЫХ К КАРТЕ

Е. М. Татур

Университет ИТМО

Биржевая линия, д. 14, лит. А, 199034, Санкт-Петербург, Россия

katiandkate@gmail.com

Научный руководитель: **А. В. Чижик**, к. культ., доцент кафедры информационных систем в искусстве и гуманитарных науках Санкт-Петербургского государственного университета, afrancuzova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению внедрения машинного обучения в геоинформационные системы для исследования городского пространства. Изучены способы получения данных для картирования и выявлены проблемы, осложняющие дальнейшую обработку данных и их эффективное использование картографическими службами и некоммерческими картографическими проектами. Машинное обучение рассматривается как вариант решения задач кластеризации, устранения шумов на изображении с сохранением качества и ускорения обработки и унификации снимков разных типов снимков. Для решения задач представлены работающие модели, использующиеся в медицине, строительстве и гейм-дизайне. Отдельно рассматривается использование машинного обучения для визуализации картографических данных с помощью 3D технологий.

Ключевые слова: *машинное обучение, GAN, кластеризация, геоинформационные системы.*

URBAN SPACE EXPLORATION USING MACHINE LEARNING: FROM DATA TO MAP

E. M. Tatur

ITMO University

Birzhevaya Line, 14, Lit. A, 199034, Saint-Petersburg, Russia

katiandkate@gmail.com

Supervisor: **A. V. Chizhik**, Ph.D in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Information Systems in Arts and Humanities, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, afrancuzova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of machine learning implementation in geoinformation systems for urban space research. The ways of obtaining data for mapping are

studied and the problems complicating further data processing and their effective use by mapping services and non-commercial mapping projects are revealed. Machine learning is considered as an option for solving the problems of clustering, removing noise in the image while preserving quality and speeding up processing and unification of images of different types of imagery. Working models used in medicine, construction and game-design are presented to solve the problems. The use of machine learning for visualisation of cartographic data using 3D technologies is considered separately.

Keywords: *machine learning, GAN, clustering, geographic information systems.*

Большинство картографических данных, предоставляемых пользователю и собираемых картографическими службами, являются графическими. Картографические службы используют искусственный интеллект для распознавания номеров зданий и других атрибутов местности. При верном описании атрибутов и уникальном свойстве тегов упрощается сопоставление изображений и местности, так как результат сверточной модели позволяет классифицировать изображения по свойствам информации.

Каждый вид сбора данных требует совершенствования в условиях ускоряющихся темпов застройки территорий и постоянных изменений в городском пространстве. Так, открытый сбор данных или сервисы, позволяющие пользователям указывать данные самостоятельно, проводится чаще всего посредством взаимодействия с пользователями электронных карт. «Яндекс Карты» – крупнейший сервис для поиска мест и маршрутов, созданный в России – в 2010 г. представили отдельный сервис «Яндекс.Народная карта», который позволяет пользователям наносить моделируемую информацию на карты.

При использовании данного способа сбора данных особую важность имеет модерация. В некоммерческих картографических проектах встречаются случаи изменения названия улиц и природных зон, что не позволяет использовать итоговую карту полноценно. Другой проблемой является дублирование тегов адресов одного здания. Это связано с тем, что каждый пользователь может поставить тег к полигону, что приводит к дублированию адресов и появлению информационных шумов.

Также применяется полевой сбор данных – выезд специалистов на выбранную территорию и фактический сбор данных с его дальнейшей обработкой. Для съемки территории используются различные методы, включая аэрофотосъемку с помощью специальных дронов или самолетов, а также съемку с земли с помощью автомобилей с фотографическим оборудованием [1, с. 98-102].

Основной проблемой полевого способа сбора данных является наличие шума на изображениях. Шумом выступают объекты, которые не позволяют

распознавать системам или пользователю необходимую информацию. Методы подавления шумов вместе с расстоянием Вассерштейна стремятся использовать в медицине [2, с. 1348-1357]. Одним из вариантов решения задачи шумоподавления в изображениях стал результат эксперимента Ц. Яна со сверточной нейронной сетью (CNN), который позволил не только снизить уровень шума изображения, но и сохранить важную информацию.

Спутниковые снимки также используются для тематического картирования [3, 4, с. 57-72]. Несмотря на прогресс аэрокосмического зондирования, работы, специально посвященные исследованию проекций космических снимков и оценке возникающих искажений, немногочисленны. Создание общей теории проекций, однозначно устанавливающей пространственно-временную связь между геоизображением и моделируемым объектом – дело будущего. Это потребует детального рассмотрения не только координатных систем и проекций, но также характера искажений, главных и частных масштабов длин и площадей, а для динамических геоизображений – еще и временного масштаба [5, с. 246].

Для устранения разницы между снимками в технических характеристиках можно использовать модель CycleGAN [6, с. 2223–2232], результаты использования которой в ходе эксперимента демонстрируют трансформацию изображения в картины художников с разными стилями написания.

Искусственный интеллект становится необходимым инструментом обработки данных в картографии. Из-за быстрого темпа строительства и других факторов время на обработку уменьшается, так как информация быстрее теряет свою актуальность. Методы сбора данных для карт также совершенствуются, но из-за природных и иных факторов не всегда позволяют получать точную и актуальную информацию.

Для эффективного использования искусственного интеллекта в картографии требуются дополнительные исследования в области аэрокосмического зондирования и исследования проекции спутниковых снимков. В целом, использование искусственного интеллекта является ценным инструментом в картографии и построении карт городского пространства. Методы машинного обучения позволяют успешно обрабатывать данные для конечного пользователя.

Библиографические ссылки

1. Булаев М.И., Калугин К.С., Панищев В.С. Аппаратный комплекс построения панорамного изображения на принципе сопоставления точечных особенностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Управление, вычислительная техника, информатика. Медицинское приборостроение. – 2014. – Т. 2. – С. 98-102.

2. Yang Q. Low-Dose CT Image Denoising Using a Generative Adversarial Network With Wasserstein Distance and Perceptual Loss // *IEEE Transactions on Medical Imaging*. – 2018. Vol. 37, no. 6. P. 1348-1357.
3. Яндекс, Технологии, Спутниковые снимки на Яндекс.Картах. – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/technologies/satellite/>. – Дата доступа: 18.10.2023.
4. Воробьев О.Н., Курбанов Э.А., Губаев А.В., Демишева Е.Н. Методика пошаговой классификации спутниковых снимков для тематического картирования лесов // *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Лес. Экология. Природопользование*. – 2015. – Т. 4. – С. 57-72.
5. Берлянт А.М. Теория геоизображений // Москва: ГЕОС, 2006. С. 246. – Режим доступа: <https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-berlyant-am-teoriya-geoizobrazheniy-2006.pdf>. – Дата доступа: 18.10.2023.
6. Zhu J-Y., Park T., Isola P., Efros A. Unpaired image-to-image translation using cycle-consistent adversarial networks. // *Proceedings of the IEEE international conference on computer vision*. 2017. P. 2223–2232. – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8237506>. – Дата доступа: 18.10.2023.

ГОРОД БУДУЩЕГО БЕЗ «ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО»

И. Ю. Тимоховцева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
iryna.tsimokhautsava@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются представленные в концепции «шока будущего» Э. Тоффлера вызовы в отношении скорости грядущих перемен, связанных с развитием новых технологий. Среди вызовов выделяются ограниченные адаптивные возможности человека, не позволяющие ему приспособиться к городу будущего. Описано проблемное поле неготовности современного человека к появлению кардинально иных форм среды обитания, представленных как города будущего, предлагаются идеи развития возможностей по преодолению этого вызова современности, чтобы способствовать появлению достаточно адаптивного к среде человека для предотвращения социальных кризисов в будущем.

Ключевые слова: *город будущего, шок будущего, дезадаптация, трансиндустриальное общество.*

FUTURE CITY WITHOUT «FUTURE HUMAN BEING»

I. Y. Tsimokhautsava

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
iryna.tsimokhautsava@gmail.com

Abstract. The article examines the challenges presented in the concept of “future shock” by E. Toffler in relation to the speed of future changes in connection with the development of new technologies. Among the challenges, limited adaptive capabilities of a person stand out, which do not allow him to adapt to the city of the future. The problem field of modern man’s unpreparedness for the emergence of radically different forms of living environment, which are presented as cities of the future, is described; development ideas are proposed in the direction of overcoming this challenge of our time in order to promote the emergence of a person sufficiently adaptive to the environment to prevent social crises in the future.

Keywords: *future city, future shock, disadaptation, transindustrial society*

Наблюдающаяся тенденция развития человеческого общества в первую очередь отражается на способе жизни людей. Уже давно отмечена их способность искать для себя формы наиболее продуктивного взаимодействия

с городской средой и (вероятно, как с точки зрения исторической ретроспективы, так и современного состояния) обнаруживается неуклонное стремление людей вливаться в неё. Даже несмотря на особую часть людей, которые все же стремятся уйти от городской суеты, это не умаляет тенденции перехода людей от сельских форм жизни к формату городскому. Так что можно отметить, что человеку в городе предоставлены те возможности социального развития, которые недостижимы при обособленных формах проведения жизни. Поэтому совместный образ жизни людей в городах будем неукоснительно наблюдать в перспективе будущего развития.

Несомненно, города сегодня создаются, обновляются и развиваются, и это движение к переменам имеет потенциал к все большему ускорению, что в свое время было отмечено Элвином Тоффлером [1]. В итоге мы пришли к состоянию, которое можно обозначить как «конец постоянства» и вынуждены жить в эпоху, где диапазон перемен имеет свойства ускоряться, поскольку «технология сама служит себе питательной средой» [1, с. 40]. Так возникает бесконечный цикл, когда распространяющаяся новая технология воплощает новую идею, помогая человеку генерировать все большее количество новых созидательных идей [1, с. 40]. Здесь широкодоступные технологии, которые сняли барьеры в скорости и объеме передачи данных на любые отдаленные пространства, являются необходимым фактором для нарастания скоростей технологических перемен и их внедрением в жизнь людей, сокращая цикл внедрения инноваций. Так рассмотренная в 1962 г. Э. Роджерсом теория диффузии инновации, предполагавшая стадии распространения какой-либо инновации, в современном рассмотрении обнаруживает ускоренный вариант прохождения представленных им стадий – «новаторы», «ранние последователи», «раннее большинство», «позднее большинство», «опоздавшие» [2].

Таким образом, город представляет собой площадку, в которой находят воплощение инновационные технологические идеи для совершенствования человеческого существования на территории совместного проживания и взаимных контактов, и этот путь совершенствования приводит к тому, что мы представляем себе как образ «города будущего». Нужно отметить, что независимо от общей тенденции внедрения технологий для формирования «умных городов» наблюдается создание новых проектов, которые стремятся воплотить идею города будущего уже сегодня. Например, город Иннополис в Республике Татарстан, представляющий собой город-спутник Казани и зарегистрированный в качестве города в 2014 г. [3], имеет достаточно развитую инфраструктуру по внедрению инновационных технологий в городскую среду и зарекомендовал себя в качестве образца для будущих городов.

Часто при движении к более совершенному способу жизни людей в городах вне внимания оказывается тот факт, что человек имеет адаптивные ограничения в отношении количества перемен за определенный промежуток времени, с которыми он в состоянии справиться. Э. Тоффлер предупреждает нас как раз о таком вызове, который бросает обществу надвигающееся на нас будущее, и описывает его как «шок будущего», поскольку значительная часть людей может не справиться со скоростью перемен ввиду превышения возможности к адаптации [1]. Естественно, что существует слой людей, который будет готов к приходу «нового мира» городов будущего с их совершенно новыми культурными ценностями и характером социальных отношений, но в этом видится тенденция к социальному разрыву, который связан со способностью человека жить в соответствии с текущей ситуацией и принимать решения, соответствующие возникшей новой реальности. Этот слой людей будет эффективен по отношению к жизни в городе будущего в соответствии с открывшимися новыми возможностями – если, конечно, такой город реализуется в формате использования все более совершенных технологий. Но не возникнут ли в противовес этому слою целые классы «аутсайдеров», которые будут реагировать на перемены, обладая искаженными представлениями о действительном положении вещей и принимать противоречащие реальности решения, приносящие вред общественной системе? Или же они будут социально парализованы и не смогут выполнять никакую социальную роль в новой общественной среде?

Город будущего – это не просто «умная» среда, наполненная различными системами автоматизации и сконструированная на основе более совершенной материальной базы и планировке инфраструктуры, но и общественное образование, которое Э. Тоффлер обозначил как «супериндустриализация» или «трансиндустриализм» (исходя из классификации, в которой трансиндустриальный уклад общества приходит после постиндустриального и цифрового уклада, предшествующих ему) [4]. Это образование ведет к совершенно иным производственным и социальным отношениям, поскольку технические инновации, которые трансформируют человеческую повседневность, идут рука об руку с переменами в профессиональной деятельности людей. Тем самым перемены обязательно коснутся и способов, которыми люди будут поддерживать свое существование, а экономическая роль и способ труда индивида в городах будущего может оказаться непригодным – без адаптивных навыков он окажется слишком слаб, чтобы выполнять трудовые обязанности в соответствии с общественным запросом. И если это единичные случаи, то проблема не велика, но если эти проблемы будут носить массовый характер,

то ситуация станет критической и приведет к усилению социальной сегрегации и усугублению социальных противоречий.

Примечательно, что Э. Тоффлер предлагает нам описание типов стратегий отклика, связанного с адаптивными трудностями, на перегрузку сверхскоростных изменений как (1) «полное отрицание», (2) «специализация», (3) «реверсионизм», (4) «сверхупроститель». А также предполагает наличие сложных взаимосвязей между ними: «Они искаженно изображают действительность. Чем больше человек отрицает, чем больше он самоограничивается ценой более широких интересов, чем более механически он возвращается к шаблонам прошлого в поведении или политике, чем более отчаянно он сверхупрощает, тем сильнее не соответствует действительности его реакция на новизну и выбор, заполняющие его жизнь. Чем более он полагается на подобную стратегию, тем больше в его поведении проявляются неуправляемые и неустойчивые шараханья и общая нестабильность» [1, с. 395]. В данных стратегиях преодоления перегрузок для сознания человека, которые являются тактическими реакциями на «ментальную катастрофу» для некоторого общественного сегмента, рассматривается только неадаптивная часть стратегий, которые решают сиюминутные проблемы с перегрузками, но несут вред в более дальней перспективе. Это относится как к отдельному индивиду, так и к общественной сфере, в которой он живет и действует, поскольку человек теряет свое соответствие ей. Помимо дезадаптивных стратегий, хотелось бы упомянуть и те, которые позволяют говорить об успешной адаптации к современным условиям жизни со сверхизменениями, приводящими к перегрузкам.

С точки зрения Э. Тоффлера, адаптация к будущему связана со специфическими личностными установками и навыками, в связи с чем в городе будущего окажутся нужны в первую очередь те, «кто способен к критическому суждению, кто может сориентироваться в новых условиях, кто быстро определяет новые связи в стремительно меняющейся действительности» [1, с. 436]. При этом необходимо прилагать усилия по формированию необходимых навыков, когда «новое образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не умеет учиться» [1, с.452]. В итоге человек сможет лучше адаптироваться к жизни в городе будущего, если будет сохранять ментальную гибкость (сознательное владение своими интеллектуальными возможностями) и знать, «как учиться, как разучиться и

как переучиться» [1, с. 450]. Он также должен обладать навыками применения адаптивных стратегий в ситуациях перегрузок и ясно осознавать, что с ним происходит и что с этим делать, а это требует развитого интеллектуального механизма у каждого индивида. Согласно Тоффлеру, в будущем станет преобладать профессиональный интеллектуальный труд на основе творчества и креативности, что проявится и в искусстве взаимоотношений между людьми, ведь навык общения ценится как один из приоритетных.

Э. Тоффлер точно подметил, что адаптивная эффективность индивидов связана с тем элементом их чувственно-эмоциональной жизни, который для них остается неизменным на фоне бесконечных перемен во множестве процессов, представляя как некий «остров» психической стабильности, позволяющий находить баланс между невероятной психической гибкостью и незыблемостью внутреннего «дома». Таким образом, адаптивный человек города будущего – это тот человек, который владеет искусством менеджмента своего личного интеллектуального и чувственно-эмоционального пространства. Именно это и является условием для продуктивного и благополучного существования в городе будущего и чем, к сожалению, обладает на сегодняшний день (по умозрительной оценке автора) слишком малое число индивидов. Так возникают опасения о неизбежности общественных дисфункций при преждевременном наступлении будущего без должной к нему готовности.

И если считать идею автора о «менеджменте интеллекта» верной, то развитие технологических инноваций в виде искусственного интеллекта (нейросеть chat GPT) и его использование учащимися при подготовке учебных заданий вопреки требованиям их самостоятельного выполнения представляет собой одну из ключевых угроз в отношении будущего. ИИ станет препятствием в процессе формирования у людей навыков для жизни в городе будущего, поскольку выступит в качестве инструмента реализации одной из стратегий дезадапционного отклика на перегрузки и молодое поколение доверит внешнему по отношению к ним интеллекту не только решение рутинных, но и сложных интеллектуальных задач как в повседневной жизни, так и профессиональной деятельности. Именно так видится проблема или даже угроза возможного обнищания интеллектуальных человеческих ресурсов, которые необходимы городу будущего в упомянутых четырех стратегиях дезадаптивного отклика на сверхпеременчивый информационный и трансиндустриальный новый мир.

Библиографические ссылки

1. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

2. Rogers E. Diffusion of Innovations. – New York: The Free Press, 2003. – 551 p.
3. История города / Innopolis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.innopolis.com/ru/city/history>. – Дата доступа: 20.11.2023.
4. Фомин М.В. Трансиндустриализм – предстоящая социальная реальность // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 42–54.

ВЕБ-ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

С. М. Токарчук, О. В. Токарчук

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени
А.С. Пушкина», бульвар Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Республика
Беларусь, svetlana.m.tokarchuk@mail.ru

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени
А.С. Пушкина», бульвар Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Республика
Беларусь, oleg.v.tokarchuk@mail.ru

Аннотация. В работе раскрыта авторская идея проекта по разработке и апробации с использованием облачных технологий алгоритмов веб-инвентаризации и картографирования объектов исторической памяти (памятников, зданий и сооружений, наименований элементов улично-дорожной сети города) на примере разных типов городов Беларуси для развития их туристического потенциала и содействия идеологическому, гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию. Впервые для территории пилотных городов Беларуси разного типа – крупных (Брест, Гродно), средних (Кобрин, Берёза), малых (Жабинка, Столин) – обоснованы направления инвентаризации и веб-картографирования разных типов объектов исторической памяти (памятников, зданий и сооружений, наименований элементов улично-дорожной сети), основывающиеся на сборе, обработке, систематизации и географической привязке разнородных данных, характеризующих современное состояние, пространственно-временную динамику историко-культурных достопримечательностей городов.

Ключевые слова: *город; историческая память; объекты исторической памяти; памятники; исторические здания и сооружения; урбанонимы; инвентаризация; веб-картографирование; картографическая база данных; интерактивный каталог; электронный атлас; виртуальная экскурсия; геопортал.*

WEB-INVENTORY AND MAPPING OBJECTS OF HISTORICAL MEMORY IN CITIES OF BELARUS

S. M. Tokarchuk, O. V. Tokarchuk

Brest State A.S.Pushkin University, 21 Kosmonavtov Boulevard, 224016, Brest,
the Republic of Belarus, svetlana.m.tokarchuk@mail.ru

Brest State A.S.Pushkin University, 21 Kosmonavtov Boulevard, 224016, Brest,
the Republic of Belarus, oleg.v.tokarchuk@mail.ru

Corresponding author: S.M. Tokarchuk

Abstract. The work reveals the author's idea of a project to develop and test algorithms for web inventory and mapping of objects of historical memory (monuments, buildings and structures, names of elements of the city's road network). The project is carried out cloud technologies using the example of different types of cities in Belarus. The main purpose of the project is to develop their tourism potential and promote ideological, civic-patriotic and spiritual-moral education. The project is being implemented using the example of territories of pilot cities of different types in Belarus: large (Brest, Grodno), medium-sized (Kobrin, Bereza), small (Zhabinka, Stolin). The work substantiates the directions of inventory and web mapping of different types of objects of historical memory. The implementation of the project is based on the collection, processing, systematization and georeferencing of heterogeneous data that characterize the current state and spatio-temporal dynamics of historical and cultural attractions of cities.

Keywords: *city; historical memory; objects of historical memory; monuments; historical buildings and structures; urbanonyms; inventory; web mapping; cartographic database; interactive catalogue; electronic atlas; virtual tour; geoportal.*

Идея проекта. Городская среда, в пределах которой в настоящее время проживает большая часть населения любой страны (в Беларуси это почти 80%), является своеобразным «местом памяти». Город – эта та территория, где сохраняются «следы» разных исторических периодов (например, через разновременную застройку), событий (через памятники, музеи и др.) и персон (через названия улиц и др.). Исследования историко-культурных объектов города включают разные направления. Это связано с тем, что в пределах города выделяется большое количество объектов для изучения, а также их значительная плотность (т. е. на небольшой территории сконцентрировано много объектов для изучения, что позволяет проводить полевые сборы данных с минимальными временными издержками). В то же время данные направления исследований неразрывно связаны с картой, т. е. изучение особенностей размещения памятников, улиц или иных объектов, связанных с историческими событиями, необходимо проводить с использованием различных картографических источников (планов городов, космических снимков и др.), а картографические подложки можно использовать для отображения результатов исследований. Накапливаемый в процессе выполнения подобных работ материал в виде таблиц, фотографий, описаний, картосхем нередко остается в выполненной работе либо распространяется в виде разрозненных научных публикаций. Ввиду этого большое значение приобретает систематизация накопленной в ходе выполнения данных исследований информации, что позволит интегрировать различные типы материалов и упростить доступ к ним для всех заинтересованных сторон.

Таким образом, значительную актуальность приобретают мероприятия, направленные на разработку интерактивных проектов (в первую очередь, интерактивных карт и картографических веб-приложений), которые будут обобщать и отображать полученные ранее результаты исследований, посвященные мемориализации исторических событий на картах городов. Размещение таких продуктов в сети Интернет будет содействовать распространению данных об исторических событиях, сохранению памяти об известных деятелях и событиях, а также развитию туристического потенциала территорий.

Краткий анализ результатов, полученных другими специалистами в данной области. В настоящее время большое количество исследований посвящено мемориализации исторических событий, а также изучению своеобразных «мест памяти». Данные исследования проводятся на примере территорий населенных пунктов, крупных регионов (одно из наиболее распространенных направлений в Российской Федерации), но наибольшее количество работ выполнено для территории стран в целом.

В Республике Беларусь подобными исследованиями занимается значительное количество ученых, работающих в университетах, академических структурах, государственных учреждениях. Следует отметить, что проблему собственно исторической памяти в Беларуси чаще всего изучали социологи. Достаточно интересным для углубленного развития видится направление, связанное с использованием социологических исследований в изучении «мест памяти», что по сравнению с другими странами в Беларуси развито недостаточно. Историки наибольшее внимание уделяют изучению отдельных форм репрезентации исторической памяти о Великой Отечественной войне (А.А. Коваленя, Т.П. Савчук и др.) [1, 2].

Следует подчеркнуть отдельные недостатки исследований «мест памяти» в городах Беларуси. Например, большинство работ по изучению исторических памятников, а также значительное количество энциклопедий, справочников и других справочных материалов включает только их общее описание. Большим недостатком данных работ выступает отсутствие четкой географической привязки местонахождения изучаемых объектов. В работах, выполненных для больших территорий (страна, область), указываются только населенные пункты (или даже административные районы), где расположены памятники войны. В работах для локальных территорий (район, населенный пункт) – даются более подробные описания местоположений (например, название улицы, парка). Но это не позволит узнать их точное местоположение. Более развитыми с позиции географической привязки являются исследования исторических урбанонимов. Например, на Публичной кадастровой карте Беларуси

существует слой «Беларусь литературная», созданный по данным «Государственного музея истории белорусской литературы», где отображены местоположения наименований улично-дорожной сети, связанные с белорусскими литераторами.

Цель, задачи и новизна проекта. Цель проекта – с использованием облачных технологий разработать и апробировать на примере разных типов городов Беларуси алгоритмы веб-инвентаризации и картографирования объектов исторической памяти (памятников, зданий и сооружений, наименований элементов улично-дорожной сети города) для развития их туристического потенциала и содействия идеологическому, гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию.

Для достижения цели предполагается решить следующие задачи: (1) разработать концепцию применения облачных технологий для целей инвентаризации и ГИС-картографирования (ГИС – географические информационные системы) исторических памятников, урбанонимов и архитектурных объектов на примере разных типов городов (крупного, среднего, малого); (2) выполнить веб-инвентаризацию разных типов объектов исторической памяти (памятников, зданий и сооружений, урбанонимов) с применением облачных технологий; (3) подготовить серии геоинформационных веб-продуктов (интерактивных каталогов, электронных атласов и др.), предназначенных для сбора, хранения и отображения данных об объектах исторической памяти в пилотных городах; (4) разработать серию алгоритмов использования облачных ГИС-технологий для инвентаризации объектов исторической памяти и реализации картографических веб-приложений, выполненных в виде интерактивных и видео-уроков, что позволит выполнять аналогичные проекты для любого города Беларуси всем заинтересованным лицам; (5) показать возможности практического использования созданных картографических инвентаризационных баз данных и веб-продуктов на примере развития историко-культурного туризма в пилотных городах; (6) создать информационный геопортал «Город как пространство памяти», который будет объединять весь разработанный и накопленный в результате реализации проекта материал.

Тема, цель и задачи проекта соответствуют пункту 6 «Обеспечение безопасности человека, общества и государства» приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь № 156 от 07.05.2020, а также Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 годы. Выполнение исследования ориентировано на реализацию нескольких целей в области устойчивого развития, в первую очередь Цель 11 «Обеспечение открытости,

безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов».

Впервые для территории пилотных городов Беларуси разного типа (крупных (Брест, Гродно), средних (Кобрин, Берёза), малых (Жабинка, Столин)) предполагается выполнение полной инвентаризации и веб-картографирования разных типов объектов исторической памяти (памятников, зданий и сооружений, наименований элементов улично-дорожной сети). Таким образом, будет организован сбор, обработка, систематизация и географическая привязка разнородных данных, характеризующих современное состояние, пространственно-временную динамику историко-культурных достопримечательностей городов.

Главным отличием предлагаемого проекта от других инвентаризационных работ будет являться наличие географической привязки исследуемых объектов к интерактивным картам-подложкам. Полученные данные будут интегрированы в многоцелевые электронные информационные продукты, а также в единый геопортал, что в итоге обеспечит информационную поддержку местным жителям, туристам, учащимся и специалистам в области истории, образования и туризма.

При проведении исследования будет разработана и апробирована методика создания ментальных карт. Разработанные ментальные карты будут отображать результаты анализа исторической памяти жителей пилотных городов и позволят выделить те объекты исторической памяти, которые наиболее и наименее известны их жителям. Значительной новизной будет обладать также образовательная часть проекта. В частности, на основании созданных авторами алгоритмов реализации картографических баз данных и веб-проектов будут реализованы видео- и интерактивные уроки, которые позволят любым заинтересованным лицам (учителям, школьникам, студентам и преподавателям) создавать аналогические проекты как для своих городов, так и для любых других территорий.

Предполагаемые результаты проекта.

Предполагаемый *научный результат* проекта заключается в том, что будет разработана и апробирована концепция и методика изучения объектов исторической памяти в городах Беларуси с использованием облачных ГИС-технологий, которая может применяться при реализации подобных работ для других городов Беларуси.

Предполагаемый *практический результат* проекта заключается в том, что выполненные веб-продукты могут использоваться для изучения исторических особенностей и развития туристического потенциала городов.

Предполагаемый *социальный результат* проекта заключается в содействии историческому образованию и просвещению населения путем

распространения сведений об объектах исторической памяти в городах Беларуси. Полученные результаты проекта также будут способствовать формированию гражданственности и патриотизма, духовно-нравственных качеств и национального самосознания на примерах подвигов белорусского народа в разные исторические периоды. Использование созданных алгоритмов работы с ГИС-технологиями позволит привлечь обучающихся к поисковой и научно-исследовательской работе по изучению истории своего города (своей малой родины). Создание геопортала, объединяющего весь полученный материал, будет содействовать увековечению памяти защитников и жертв войн. Также социальная значимость проекта будет заключаться в популяризации возможностей применения информационных технологий в исторических исследованиях, для сохранения и распространения культурных, духовно-просветительских ценностей в современном информационном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Коваленя А.А. Героизм, мужество, самоотверженность: навечно в памяти народной // Беларусь, 1941-1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Кн. 2. – С. 275–330.
2. Савчук Т.П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси. – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Т. В. Тратинко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Tati_ttb@mail.ru

Аннотация. Создание системы социальной поддержки семей, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития, является условием создания доступной социальной среды для людей с инвалидностью и их семей. В статье представлены данные проведенного исследования, направленного на оценку качества получаемых семьями социальных услуг. В статье обозначены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: *социальная поддержка, дети с особенностями психофизического развития, семья, социальные услуги, интеграция детей-инвалидов.*

EVALUATION OF SOCIAL SERVICES TO SUPPORT FAMILIES RAISING CHILDREN WITH PSYCHOPHYSICAL DEVELOPMENT DISABILITIES

T. V. Tratsinko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
Tati_ttb@mail.ru

Abstract. The creation of a system of social support for families raising children with special needs is a condition for creating an accessible social environment for people with disabilities and their families. The article presents data from a study aimed at assessing the quality of social services received by families. The article outlines ways to solve the identified problems.

Keywords: *social support, children with special needs, family, social services, integration of disabled children.*

Семья как ближайшее окружение ребенка с ограниченными возможностями – специфический социальный институт, в котором переплетаются интересы общества, членов семьи в целом и каждого в отдельности. Будучи первичной ячейкой общества, семья выполняет функции, важные для общества, необходимые для жизни каждого человека.

Именно поэтому создание системы социальной поддержки семей, воспитывающих ребенка-инвалида, является актуальной.

Различен диапазон исследовательских направлений изучения семьи: семья как социальный институт (Андреева Г.М., Кон И.С., Петровский А.В., и др.); поиск факторов, обеспечивающих стабильность и устойчивость семьи (Голод С.И., Малярова Н.В. и др.); выявление возможности влияния семьи на личностный и профессиональный рост ее членов (Орлов Ю.Б., Роджерс К., Сатир В.); вопросы психотерапии семьи (Варга А., Юстицкий В.В., Эйдемиллер Э.Г.); ролевая структура семьи (Голод С.И.).

В настоящее время в Республике Беларусь проводится работа по интеграции детей с особенностями психофизического развития (ОПФР) в общество: открыты интегрированные классы в школах и интегрированные группы в детских садах. Но далеко не всегда сверстники принимают детей с особенностями развития как равных – часто они остаются чужаками в детском коллективе. Создана сеть Центров коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР) по развитию способностей и реабилитации детей с особенностями психофизического развития. Главной задачей таких учреждений является раннее выявление, диагностика и проведение реабилитационных и развивающих программ для детей с ОПФР [1, с. 16].

Социальная поддержка таких семей – это решение целого комплекса проблем, связанных с помощью ребенку: с его развитием, лечением, образованием, социальной адаптацией и интеграцией в общество. Родители в подобных семьях испытывают воздействие многообразных негативных факторов, которые можно обозначить как семейный стресс. Социальное неблагополучие такой семьи требует дополнительных видов социальной поддержки [2].

В рамках проекта «Совершенствование системы оказания комплексной помощи детям раннего и дошкольного возраста с тяжелыми и (или) множественными нарушениями психофизического развития», реализуемого ГУО «Минский городской центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации» при поддержке представительства Детского Фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в Республике Беларусь, была выполнена научно-исследовательская работа «Оценка медицинских и социальных потребностей детей раннего и дошкольного возраста с особенностями развития и инвалидностью и их семей».

Целевая группа – родители, воспитывающие детей раннего и дошкольного возраста с особенностями психофизического развития. Выборка составила 52 родителя, воспитывающих ребенка-инвалида.

В качестве целевой группы в данном исследовании выступают семьи,

воспитывающие детей с ОПФР раннего и дошкольного возраста, которые получают помощь в ЦКРОиР. Данные семьи были разделены на две группы, по признаку «наличие/отсутствие у ребенка статуса ребенок-инвалид».

Нами была произведена оценка социальных услуг, предоставляемых семьям, воспитывающим детей-инвалидов. Показателями, позволяющими оценить качество социальных услуг, по данным ОО «АКТ» являются: доступность и полнота информации о социальных услугах; доступность социальной услуги; комфортность условий получения услуги; возможность влиять на качество или способ предоставления услуг; удовлетворенность получателей услуги качеством обслуживания.

Сравнивая обе группы, можно выделить такие отличия:

- семьи, чей ребенок имеет статус «ребенок-инвалид», имеют больше доступа к бесплатным услугам – в отличие от тех семей, чей ребенок не имеет данного статуса.
- но вторая группа родителей согласна с тем, что все рекомендации по лечению, обучению и реабилитации ребенка осуществляется непрерывно, а первая группа с этим утверждением не согласна.

По второму критерию *«наличие у семьи полной и достоверной информацией о гарантированном государственном объеме бесплатной медицинской помощи ребенка с ОПФР, о правовых гарантиях детей с ОПФР, о своих правах и возможностях»* было установлено, что не владеют полной и достоверной информацией о гарантированном государственном объеме:

- о бесплатной медицинской помощи ребенка с ОПФР – 12 родителей первой группы (46,1%) и 16 родителей второй (61,5%),
- о правовых гарантиях детей с ОПФР – 13 родителей первой группы (50%) и 15 родителей второй (57,6%),
- о своих правах и возможностях – 15 родителей в первой и второй группе (57,6%).
- знают, где можно получить юридическую консультацию и помощь – 16 родителей в первой и второй группе (61,5%).
- 14 родителей первой группы (53,8%) и 9 второй (34,6%) не владеют полной информацией об услугах социальных служб по поддержке детей с ОПФР,
- не знают об объединениях родителей, воспитывающих детей с особенностями, общественных организациях, оказывающих поддержку таким детям и семьям – 15 родителей первой группы (57,6%) и 11 второй (42,3%).

По показателю *«доступность социальной услуги»* результаты показывают, что родители 1 и 2 группы больше нуждаются в коррекционно-

педагогической помощи логопеда (50% и 46,1% соответственно), хотя обе группы получают данные услуги. В помощи тифлопедагога больше нуждается группа родителей, чей ребенок имеет статус «ребенок-инвалид» – 13 семей (50%), при этом все семьи данную услугу получают.

Больше всего нуждаются в помощи установления контактов с другими родителями, воспитывающими детей с ОПФР, общественными организациями родители второй целевой группы – 19,2%. Это обусловлено тем, что зачастую семьи, в которых нет детей с ОПФР, не могут найти общих тем с теми родителями, которые таких детей воспитывают. Родители стараются окружать себя такой категорией людей, которые разделяют их социальные проблемы. Данную услугу из 19,2% получает лишь 1 семья, что составляет 3,8%.

Таким образом, наиболее приемлемой формой получения дошкольного образования, по мнению родителей, является ЦКРОиР. Редко дети обслуживаются на дому или в «специальных учреждениях».

По показателю *«комфортность условий получения услуги»* результаты свидетельствуют о том, что окружающая среда приспособлена для ребенка с ОПФР, для его функционирования и ощущения полноценности на уровне с окружающими.

Важным показателем при оценке качества социальных услуг является *«возможность родителей влиять на качество или способ предоставления услуг»*.

Результаты исследования проведенного с родителями, воспитывающими детей с ОПФР, показали, что родители обеих групп учитывали рекомендации специалистов при определении формы получения образования для ребенка – 52 родителя (100%).

Рекомендации специалистов по обучению ребенка в первой группе в основном выполняют 14 родителей (53,8%) и выполняют полностью 12 родителей (46,2%). В группе родителей, чей ребенок имеет статус «ребенок-инвалид» рекомендации специалистов по обучению ребенка выполняют полностью 17 родителей (65,4%), в основном выполняют рекомендации – 9 родителей (34,6%).

Полученные данные говорят о том, что родители полностью доверяют специалистам и не нарушают требований к обучению и развитию ребенка с особенностями.

«Удовлетворенность получателей услуги качеством обслуживания» является важным критерием в области социальной защиты семей, воспитывающих детей с ОПФР.

При изучении степени социальной открытости родителей нами было установлено, что «лучшим для детей с особенностями психофизического

развития и инвалидностью» по мнению родителей первой и второй группы является:

– оставаться дома и получать помощь приходящих медицинских и социальных работников, педагогов (считают 12 родителей первой группы – 46,1% и 3 родителей второй – 11,5%);

– лучше оставаться дома и получать помощь приходящих медицинских и социальных работников, но иметь возможность периодически посещать учреждения образования (6 родителей второй группы – 23%);

– лучше использовать все возможности по активной интеграции в жизнь общества, даже если будут возникать физические и морально-психологические трудности и проблемы (14 родителей первой группы – 53,9%; и 17 родителей второй – 65,5%).

Родители первой группы не согласны с утверждением, что необходимая для ребенка помощь всегда предоставляется оперативно и своевременно (10 родителей – 38,4%). Скорее согласны с тем, что специалисты, которые предоставляют помощь ребенку, обладают достаточной квалификацией (16 родителей – 61,5%), а также с тем, что необходимые услуги, которые предоставляются ребенку бесплатно, всегда доступны (11 родителей – 42,3%). Не согласны с тем, что дополнительные услуги для ребенка доступны по цене (13 родителей – 50%)

Родители второй группы согласны с утверждением, что необходимая для ребенка помощь всегда предоставляется оперативно и своевременно (12 родителей – 46,1%), а также с тем, что специалисты, которые предоставляют помощь ребенку, обладают достаточной квалификацией (11 родителей – 42,3%). Не согласны с тем, что необходимые услуги, которые предоставляются ребенку бесплатно, всегда доступны (17 родителей – 65,3%) и что дополнительные услуги для ребенка доступны по цене (11 родителей – 42,3%).

Такие разногласия обусловлены тем, что родители второй группы воспитывают детей, нарушениями в развитии которых является речь, причем в минимальной стадии (заикание, дислалия), в связи с чем данная категория заболеваний редко получает статус «инвалид».

Проанализировав данные проведенного исследования, был выявлен ряд общих проблем у родителей, воспитывающих ребенка с особенностями психофизического развития:

1) Родители считают, что необходимые услуги для ребенка не предоставляются оперативно и своевременно (80,7%), непрерывность получения рекомендаций по лечению и обучению ребенка отсутствует (57,6%).

2) Специалисты, оказывающие помощь ребенку, должны

взаимодействовать друг с другом, учитывать рекомендации друг друга (84,5%).

3) Родители согласны с тем, что услуги не доступны по цене (92,3%).

4) Родители нуждаются в установлении контактов с другими родителями, воспитывающими детей с ОПФР, общественными организациями (96,2%).

5) Льготы не распространяются на все наиболее существенные расходы семьи.

Для решения выявленных проблем необходимо разработать программу внедрения нововведений в деятельность ЦКРОиР.

1) Одним из основополагающих является принцип изучения и сохранения семейных и социальных связей инвалида, ибо для каждого индивида его семья должна являться наиболее совершенной и функциональной социализирующей и реабилитационной средой.

2) Специалисты общеобразовательных и специализированных учебных заведений должны взаимодействовать друг с другом. Чтобы оптимизировать деятельность всех специалистов, требуется осуществлять разработку и реализацию образовательных программ по профессиональной переподготовке, повышению квалификации руководителей, педагогов, воспитателей, работающих в системе общего образования.

3) При работе с семьей, воспитывающей ребенка с особенностями в развитии, необходимо учитывать следующее:

- в связи с экономическими, социальными, психологическими и другими факторами происходит рост детей с ОПФР, дети с ограниченными возможностями здоровья проживают и воспитываются в условиях семейного окружения;

- дети с ограниченными возможностями здоровья и их семьи относятся к наиболее социально незащищенным категориям населения. Доход семей, воспитывающих ребёнка с ОВЗ, значительно ниже среднего, а потребности в медицинском и социальном обслуживании намного выше;

- большинство детей находятся в ситуации вынужденной изолированности, семья является единственным институтом социализации, что вызывает существенные трудности во взаимодействии с другими детьми, а их семьи лишены реальной возможности установить конструктивные контакты с социальным окружением по месту работы и жительства.

- для успешной работы с семьей необходимо обеспечить взаимодействие всех социальных институтов, которые связаны с этой семьей, и превращение семьи из объекта социальной работы в ее субъект, где главным становится ребёнок с особенностями в развитии.

Библиографические ссылки

1. Карандашев Ю.Н. Основы возрастной диагностики психического развития в раннем детстве. – Минск: МП Д-Р КАРА, 1993. – 124 с.
2. Красовская Н.Н., Тратинко Т.В. Технологии работы с несовершеннолетними группы социального риска [Электронный ресурс]: учеб.-метод. пособие. – Минск: БГУ, 2020. – 307 с.

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ И ГОРОДОМ

Я. В. Трофимова

Лаборатория современных проблем региональной экономики Центрального аппарата Уфимского Федерального Исследовательского Центра Российской Академии Наук, пр. Октября, 71, 450054, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
tro1@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено инициативное (партиципаторное) бюджетирование в контексте Республики Башкортостан и городского округа Уфа. На основе анализа различных подходов автором предложена собственная классификация проектов инициативного бюджетирования, реализуемых в республике. Выделены преимущества и недостатки инициативного бюджетирования на примере города Уфа.

Ключевые слова: *инициативное бюджетирование; управление; бюджет; регион; город; городская среда; Республика Башкортостан; Уфа.*

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

PARTICIPATORY BUDGETING IN THE TECHNOLOGY OF REGIONAL AND CITY MANAGEMENT

Y. V. Trofimova

Laboratory of Modern Problems in Regional Economics Central Office Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, October Avenue, 71, 450054, S. Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia
tro1@mail.ru

Abstract. The article considers initiative (participatory) budgeting in the context of the Republic of Bashkortostan and Ufa city district. Based on the analysis of various approaches, the author offers his own classification of initiative budgeting projects implemented in the republic. The advantages and disadvantages of initiative budgeting are highlighted on the example of the city of Ufa.

Keywords: *participatory budgeting; management; budget; region; city; urban environment; Republic of Bashkortostan; Ufa.*

Рост общественных потребностей населения территориальных образований, ограниченность бюджетных средств, сохранение

территориального неравенства требуют использования новых технологий управления городом и регионом. Федеральные и региональные правительства стали рассматривать партисипаторное (инициативное) бюджетирование как новый инструмент самоорганизации и самоуправления. Бюджетирование позволяет горожанам участвовать в управлении городом, в том числе в формировании городской среды на условиях софинансирования. Самоуправление традиционно присуще западному обществу [1] и нетипично для большинства российских городов. Отсутствие устойчивых традиций городской жизни привели к тому, что формирование городского пространства, в частности в Уфе, исторически было непоследовательно: нет городского центра, вокруг которого развивались бы остальные районы, застройки остаются хаотичными. Учитывая это, а также сложный рельеф местности, реконструкция старых районов, их объединение с новыми территориями- пригородами и создание единого городского пространства затруднено. Пытаясь позиционировать себя как центр туризма, Уфа вынуждена конкурировать с другими городами, имеющими богатые традиции привлечения туристов, и осуществлять борьбу за рынок, предлагая услуги лучшего качества по более низкой цене, более широкого ассортимента [2].

Инициативное бюджетирование в Республике Башкортостан

Инициативное бюджетирование – механизм или процесс, посредством которого население принимает решения о порядке использования государственных ресурсов [3]. Ведущая роль во внедрении бюджетирования принадлежит городам (Participatory Budgeting World Atlas 2019 года указывает, что из 175 кейсов к столицам относилось 38, к крупным городам – 93 в 33 странах) [4, 5]. Общепринятой классификации проектов бюджетирования нет, как нет и единой международной методологии их внедрения. Тем не менее, исходя из поставленных целей, можно выделить следующие проекты [6]:

- «политические проекты» (продвижение демократии, привлечение к управлению социально уязвимых групп, достижение «социальной справедливости и равенства» и т.д.),
- «good government» («подходящее правительство») (решение текущих проблем, включая благоустройство и экологию),
- «технократические проекты» (минимизация расходов и увеличение доходов местных властей путем сбора предложений от местного сообщества).

Проекты «good government» находят наибольшее применение на практике и отличаются вариантами реализации. Их можно объединить в проекты по локальному признаку внедрения (городской квартал, район,

населенный пункт, регион и т.д.), по тематике, периодичности, отношению к группам населения как основным «благополучателям» (мигранты, коренное население, дети, инвалиды и т.д.). Понятие «благополучатель» в России введено Федеральным законом РФ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», где «благополучатели – лица, получающие благотворительные пожертвования от благотворителей, помощь добровольцев (волонтеров)» (статья 5) [7]. Однако данная трактовка не соответствует смыслу процесса бюджетирования. В зависимости от уровня и объемов финансирования выделяют проекты без вложения средств (уборка территорий); проекты с местным финансированием и проекты софинансирования.

В стратегии развития Республики Башкортостан до 2030 г. отмечено, что для обеспечения эффективности управления бюджетными расходами и достижения целей стратегического управления необходимы механизм инициативного бюджетирования, прозрачность и открытость общественных финансов, широкое вовлечение граждан в обсуждение и принятие бюджетных решений и т.д. [8]. Однако отсутствие городских традиций самоуправления затрудняет реализацию данной стратегии.

С 2014 г. в регионе в рамках инициативного бюджетирования реализовано более 3,5 тыс. проектов типа «good government»: проекты развития общественной инфраструктуры, основанные на местных инициативах («программа поддержки местных инициатив»), «Реальные дела» (проект «Единой России»), проекты по благоустройству дворовых территорий («Башкирские дворики»), «Наше село» [9, с. 38]. Завершены «Доходогенерирующие проекты в сельском хозяйстве». Региональной программой «Развитие инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан» на 2023-2025 гг. предусмотрены проекты инициативного бюджетирования, основанные на инициативах школьников, и проекты по развитию сети предуниверсариев [10].

Данные проекты отличаются по:

1) целевой аудитории («благополучателям»): население сельских либо городских муниципалитетов, учащиеся и т.д.

2) тематике. В Республике Башкортостан в 2021 г. первое место занимают проекты «дороги» (21% от общего числа реализуемых проектов) и «ремонт учреждений образования» (17%), что соответствует общероссийскому тренду, где первые места также заняты проектами «Дороги», «Благоустройство дворов», «Места массового отдыха». Ежегодно данная структура меняется мало и с 2014 г. первое место остается за проектами «дороги» (24% в 2014 г. и 21% в 2021 г.). Такие проекты, как

«Историко-культурное наследие», по региону не упоминались, а по России составляют не более 2% [11].

3) структуре и объему финансирования. Структура финансирования проектов практически неизменна – доля республиканского финансирования (около 70%) и доля местного финансирования (около 15%).

Программа «Уфимские дворики» (с 2018 г. – «Башкирские дворики») с 2017 г. выполняется на условиях софинансирования. Проект «Наше село» реализуется за счет средств муниципалитета и населения. В 2018–2019 гг. за счет республиканских грантов на приобретение сельскохозяйственной техники реализованы доходогенерирующие проекты стоимостью до 3 млн. руб. Данных о результатах нет, региональное финансирование проектов составило 300 млн руб.

В 2021 г. третья часть проектов (35%) реализуется во всех девяти городских округах (191 проект из 539 [12]). В 2021 г. максимальное число проектов было запущено в городах: Уфа (52 проекта), Салават (46 проектов), Сибай (43 проекта).

Инициативное бюджетирование на примере города Уфа

Территория городского округа Уфа включает семь административных районов, где по состоянию на 2023 г. проживает свыше 1 млн. человек [13]. В 1944 г. в состав Уфы вошел город Дема – железнодорожный узел, в 1956 г. – город Черниковск с нефтеперерабатывающим производством, при этом численность населения Уфы выросла на одну треть; в 1990-х гг. – более 20 сельских советов из пригородной зоны. Объединение разнородных по численности, производственному, образовательному и культурному потенциалам территориальных единиц негативно отразилось на городском пространстве. Социологический опрос горожан в 2018 г., который использовался в стратегии развития города до 2030 г., выявил наиболее острые проблемы: недостаток высокооплачиваемых рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры, невысокие качество и низкий уровень доступности медицинских услуг и услуг общественного транспорта [14]. Вопросы культуры и исторического наследия, важные для воспитания молодежи, не вошли в топ тем. Нет данных по опросам жителей районов.

Администрация округа пытается решить первоочередные проблемы, в том числе путем механизма инициативного бюджетирования. Так, по программе поддержки местных инициатив округом Уфы в 2023 г. реализуется 87 проектов на 127 млн. руб.: оборудование детских и спортивных площадок, обустройство дорог, благоустройство территорий [15]. Проекты реализуются за счет личных вложений горожан (доля вложений – не менее 4% от суммы республиканской субсидии), средств городского бюджета (не менее 15%) и спонсорства, остальное – из

республиканского бюджета. Размер региональной субсидии на поддержку одного проекта достигает 1,2 млн. руб. С 2016 по 2022 гг. по программе в Уфе реализовано 237 проектов из 457 заявок. Финансирование проектов осуществлялось преимущественно за счет средств республики (73%) [16]. На сайте Уфы в разделе «проекты» отражены: календарный план, фотоотчет, методика. Аналитических данных нет.

Таким образом, инициативное бюджетирование – это часть технологии управления городом. Его преимущества: привлечение внебюджетных средств, повышение активности граждан и в итоге уменьшение неравенства территорий по уровню комфортности городской среды. Недостатки: ограниченность тематики, обусловленная нерешенностью первоочередных проблем; объективное снижение активности населения. Вопросы сохранения исторических памятников не могут решаться инициативным бюджетированием, поскольку зависят от общего культурного уровня участников процесса бюджетирования. Преобразования городского пространства нередко не учитывают историческое прошлое района, что приводит к сносу исторических памятников и тех построек, которые вызывают интерес у туристов. Подобная политика противоречит идее превратить Уфу в привлекательный туристический объект. Проекты округа Уфы – это проекты инфраструктуры и благоустройства, что стало следствием объединения разнородных территориальных образований, население которых пытается преодолеть проблему неравенства территорий по уровню получаемых общественных благ.

Библиографические ссылки

1. Трофимова Я.В. Транспарентность на муниципальном уровне управления // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития: сборник статей VI Межд. научно-практической конференции. – Уфа: УГНТУ, 2022. – С. 458-462.
2. Трофимова Я. В. Позиционирование как стратегия развития города // Город как стиль: Статьи и материалы всероссийской научно-практической конференции «Пермь как стиль». – Пермь, 2013. – С. 182-186.
3. 72 Frequently Asked Questions about Participatory Budgeting. Urban Governance Toolkit Series. – 2004. – 86 p.
4. Трофимова Я.В. Партиципаторное бюджетирование в многонациональных образованиях // Многонациональный регион: социальные технологии устойчивого развития: Сб. мат. Всерос. научно-практ. конференции с международным участием. – Уфа, 2022. – С. 367-375.
5. Nelson D., Sahsil E. Participatory Budgeting World Atlas 2019. – Режим доступа: <http://www.participatorybudgetingworks.org/resources>. – Дата доступа: 10.10.2023.

6. Cabannes Y., Lipietz B. Revisiting the democratic promise of participatory budgeting in light of competing political, good governance and technocratic logics // *Environment and Urbanization*, 2018. – 30. – pp. 1-18.
7. Федеральный закон РФ от 11.08.1995 N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/. – Дата доступа: 10.10.2023.
8. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20.12.2018 №624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года». – Режим доступа: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/active/298367/>. – Дата доступа: 11.10.2023.
9. Трофимова Я.В. Партиципаторное бюджетирование в условиях экологических вызовов // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. – 2023. – № 1(169). – С. 37-44.
10. Постановление Правительства Республики Башкортостан №538 «Об утверждении приоритетной региональной программы «Развитие инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан»» – Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru/39818/>. – Дата доступа: 1.10.2023.
11. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Москва, 2023. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?id_65=303805-doklad_o_luchshikh_praktikakh_razvitiya_initsiativnogo_byudzhetrovaniya_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_i_munitsipalnykh_obrazovaniyakh. – Дата доступа: 5.10.2023.
12. Трофимова Я.В. Институт прозрачности - актуальный тренд развития бюджетной системы // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. – 2022. – № 2(164). – С. 74-80.
13. Республика Башкортостан: стат. справочник Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2023 г. – Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RESPUBLIKA-BASHKORTOSTAN-2020-2022gg.pdf> – Дата доступа: 10.10.2023.
14. Стратегия социально-экономического развития городского округа город Уфа до 2030 года (утв. решением Совета городского округа Уфы от 19.12.2018 г.) – Режим доступа: <https://ufacity.info/2030/>. – Дата доступа: 11.10.2023.
15. Сайт Уфы: Инициатива поддерживается. – Режим доступа <https://ufacity.info/press/news/490269.html>. – Дата доступа: 19.10.2023.
16. Сайт Уфы: Реализация проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах. – Режим доступа: <https://ufacity.info/ppmi/> – Дата доступа: 19.10.2023.

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ К ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

М. С. Фабрикант

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
fabrykant@bsu.by

Аннотация. В статье рассматривается трансформация природы и уровня доверия в ходе модернизации. Проводится анализ механизмов функционирования и пределов доверия в городской среде по сравнению, с одной стороны, с традиционными локальными сообществами, а с другой – с интернет-пространством второго модерна. Приводятся результаты эмпирического исследования о положительной связи частоты использования информации из различных интернет-источников с генерализованным доверием, доверием к незнакомым людям, представителям аутгрупп и отрицательной связи с ингрупповым доверием. Делается вывод о возможном влиянии интернета на доверие к информации в современном городе и последствиях этих предполагаемых изменений для формирования новой, в большей степени социально разделяемой картины городской жизни и уровня солидарности между горожанами.

Ключевые слова: *город; доверие; интернет; модернизация.*

DIGITAL TRANSFORMATIONS OF TRUST IN INFORMATION IN CONTEMPORARY URBAN ENVIRONMENT

M. S. Fabrykant

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
fabrykant@bsu.by

Abstract. The article examines the transformation of the nature and level of trust during modernization. An analysis of the functioning mechanisms and limits of trust in the urban environment is carried out in comparison, on the one hand, with traditional local communities, and on the other, with the Internet space of the second modernity. The results of an empirical study are presented on the positive relationship between the frequency of using information from various Internet sources and generalized trust, trust in strangers and representatives of outgroups, and a negative relationship with in-group trust. A conclusion is drawn about the possible impact of the Internet on trust in information in the modern city and the consequences of these proposed changes for the formation of a new, more socially shared picture of urban life and the level of solidarity between citizens.

Keywords: *city; trust; Internet; modernization.*

Городское пространство и городское мировосприятие в социальных науках традиционно противопоставляются негородскому (сельскому, деревенскому и более экзотическим – например, микромиру средневекового замка или придворной среде раннего Нового времени) по одной из магистральных линий социальной теории – дихотомии современного (или модерного) и традиционного. В этом противопоставлении города как прототипической формы организации современного общества (*Gesellschaft*), отличительные черты которого просматриваются уже в средневековых городах, т.е. задолго до современности, традиционному сообществу (*Gemeinschaft*) у классических теоретиков зачастую наблюдается общий психологический фон ностальгического образа уходящего мира, основанного на непосредственном межличностном взаимодействии, близости и доверии, на смену которому приходит безликий мир массовидных процессов и объективизированного взаимодействия [1].

Однако достаточно скоро стало ясно, что ни простое существование в едином физическом пространстве, ни экономическая необходимость, ни даже институциональные механизмы сами по себе не создают единой городской среды, и тем более этих условий самих по себе недостаточно для ее поддержания. Напротив, для сосуществования людей с различным социальным и культурным бэкграундом в общем пространстве, реализации экономических возможностей, которые предоставляет современный город, и стабильного функционирования социальных институтов современного общества в их подлинном неискаженном виде, соответствующем исходному замыслу и задачам, необходимо формирование из первоначального разнообразия не только новых общих черт и социально разделяемого опыта, но и чувства общности. Как отмечает Э. Геллнер [2], урбанизация в индустриализирующихся обществах создала не только объективную необходимость нахождения между новоявленными горожанами общего языка, в том числе в прямом смысле слова – как замену множеству локальных говоров и диалектов, – и связанную с этим государственную политику, но и массовый запрос на новые основания для социального взаимодействия, которое, как любое взаимодействие (межличностное и институциональное), требует определенного уровня взаимопонимания и доверия.

Итак, взаимодействие в городской среде, как и в традиционных сообществах, основано на определенном минимальном, ненулевом уровне доверия, которое не замечается, пока не превышает привычного уровня или не появляется в исключительных обстоятельствах, именно в силу своей

вездесущности. Разница заключается в основаниях для доверия. В традиционных сообществах доверие основано на прозрачности микросреды локального сообщества, каждый представитель которого является участником множества повседневных интеракций, а его индивидуальная история представляется всеобщим достоянием. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что ни многолетнее знание мельчайших деталей индивидуальных особенностей, основанное на многолетнем непосредственном взаимодействии, ни неформальный социальный институт репутации, основанной на знании, передаваемом опять-таки в ходе непосредственного межличностного взаимодействия, не создают прочных гарантий доверия, каковыми они могли видаться сквозь призму идеализации традиционных сообществ. Так, изложенная в одноименной книге история Мартена Герра показывает, что опыта многолетнего знакомства и ежедневного взаимодействия многих людей было недостаточно не только для того, чтобы понять цели и намерения человека, но даже для того, чтобы опознать, действительно ли человек, носящий имя глубоко укорененного представителя локального сообщества, – тот, за кого он себя выдает [3].

Исследование А. Грейфа, в свою очередь, продемонстрировало меньшую надежность и, как следствие, меньшую эффективность неформальных репутационных механизмов, основанных на свободной, нерегламентированной передаче информации в ходе непосредственного общения лицом к лицу по сравнению с формализованными институциональными механизмами целенаправленного сбора, проверки и анализа информации [4]. В современной городской среде доверие основано не на непосредственном знакомстве и знании индивидуальных особенностей и направлено не на индивидуальность, но на обобщенный образ представителя городской среды, который распространяется по умолчанию на всех, кто не демонстрирует явных признаков несоответствия этому образу и вызывает доверие не только благодаря аккумулированному опыту городской жизни, но и благодаря престижу городской идентичности как таковой, а также, во многих случаях, престижу идентичности конкретного города.

Следующая эра модернизации, связанная с переходом к позднему или второму модерну, ознаменовалась возникновением нового пространства, которое во многом стерло прежние различия между условиями проживания в большом городе или вне городской среды (особенно в части доступа к информационным ресурсам) и обусловленным ими возможностям накопления социального и культурного капитала. Казалось бы, цифровое пространство интернета представляет собой расширение и дальнейшее развитие особенностей урбанистической среды – с еще большей массовостью и опосредованностью социального взаимодействия при требовании еще

большого расширения охвата коллективных солидарностей. Однако интернет не случайно был назван «глобальной деревней», а не «глобальным городом» – и причиной тому не только ставшее общим местом утверждение о чертах ретрадиционализации у второго модерна, но и в конкретных отличительных особенностях. Во-первых, интернет создает возможности для индивидуального, внеинституционального распространения информации в пределах всего общества, что было возможно в небольших традиционных сообществах, но не в пространстве современного города. Во-вторых, в отличие от городской среды с ее анонимностью и непрозрачностью, интернет, как и традиционные сообщества, отличается прозрачностью, доступностью информации о каждом, постоянное нахождение «на виду», а колоссальный объем этой информации по сравнению с традиционным сообществом компенсируется алгоритмами автоматического поиска и другими способами обработки данных. Соответственным образом меняется и природа доверия: в основе доверия к информации в цифровой среде интернета находится уже не недостаток информации, как в городской среде, а, напротив, ее избыток – однако не по отношению к объему решаемых задач, как в традиционных сообществах, где у каждого имеется детальная информация о каждом, а по отношению к человеческим когнитивным ресурсам.

Невозможность проводить проверку информации, достаточную для обоснованной оценки ее надежности и достоверности, создает условия для формирования у более активных интернет-пользователей более высокого уровня социального доверия в отношении большей части потребляемого контента как во многом вынужденной меры. Это теоретическое предположение подтверждается результатами проведенного нами эмпирического исследования: частота получения информации из различных интернет-источников (сайтов, электронной почты, социальных медиа) положительно связана с генерализованным социальным доверием и с доверием к незнакомым людям и представителям аутгрупп, но при этом отрицательно – с ингрупповым доверием (вероятно, потому что представители ингруппы для активных интернет-пользователей перестают быть основным источником информации и значимость доверия к ним снижается). В этом смысле именно интернет еще в большей степени, чем городское пространство, продолжает модернизационный тренд на расширение доверия – именно за пределы ингруппы, а не только за счет расширения самой группы.

Каким будет влияние интернета на доверие к информации в современной городской среде? Прежде всего, можно ожидать первичности доверия к информации, доступной в интернете, в силу ее доступности при

минимальных временных затратах, что особенно важно, учитывая дефицит времени как одну из характерных особенностей образа жизни в большом городе. Современные горожане будут узнавать о событиях в своем городе (за исключением тех, непосредственными очевидцами которых они являлись) тем же способом, что и о происходящем в любой другой части планеты. Это может привести к формированию двойственной картины городской реальности – основанной на индивидуальном опыте, неизбежно фрагментарной и тесно связанной с собственным социальным статусом и культурным бэкграундом, и более универсальной, основанной на информации, полученной из интернет-источников. Необходимость совместить эти две картины может привести к некоторому сближению представлений и (при отсутствии явного конфликта интересов) к усилению социальной солидарности и сплоченности.

Библиографические ссылки

1. Schlüter C., Clausen L. Renaissance der Gemeinschaft? (Vol. 5). – Berlin: Duncker & Humblot, 2022.
2. Gellner E. Nations and Nationalism. – Oxford: Oxford University Press, 1983.
3. Davis N. Z. The Return of Martin Guerre. – Cambridge: Harvard University Press, 1983.
4. Greif A. Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

**«ПЕНТХАУС МАСЛОУ» ИЛИ «КРАСОТА СПАСЕТ МИР»
(ЭСТЕТИКА ГОРОДА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА)**

Т. Ю. Фальковская

Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, д.3, г. Иркутск, Россия, 664027
dear_dear@inbox.ru

Аннотация. Автор вводит и рассматривает понятия эстетики города, эстетического капитала и экономики эстетики в контексте социально-экономического прогресса, в контексте структуры и эволюции креативной экономики. Город привлекает эстетический капитал и становится центром экономики эстетики. Эстетический капитал становится основным фактором производства, меняется конъюнктура на рынке факторов производства, радикально меняется структура элит. Эстетический капитал самовоспроизводится и растет, меняет качество жизни, среду и структуру потребностей. Эстетичная среда профилирует социальную преступность.

Ключевые слова: *эстетика города; эстетический капитал; экономика эстетики; эстетическая эрудиция; эмоциональная эрудиция; гуманистическая экономика.*

**“MASLOW’S PENTHOUSE” OR
“BEAUTY WILL SAVE THE WORLD”
(CITY AESTHETICS AS A FACTOR OF ECONOMIC
AND SOCIAL PROGRESS)**

T. Y. Falkovskaya

Irkutsk State University,
Lenin str., 3, Irkutsk, Russia, 664027,
dear_dear@inbox.ru

Abstract. The author introduces and examines the concepts of aesthetics of the city, aesthetic capital and the economy of aesthetics in the context of socio-economic progress, in the context of the structure and evolution of the creative economy. The city attracts aesthetic capital and becomes the center of the aesthetics economy. The city attracts aesthetic capital and becomes the center of the aesthetics economy. Aesthetic capital becomes the main factor of production, the conjuncture in the market of factors of production is changing, the structure of elites is radically changing. Aesthetic capital reproduces itself and grows, changes the quality of life, the environment and the structure of needs. An aesthetic environment prevents social crime.

Keywords: *aesthetics of the city; aesthetic capital; economics of aesthetics; aesthetic erudition; emotional erudition; humanistic economics.*

Современный город – это пространство для осмысленного проживания жизни, насыщенного эмоциями и событиями, полного впечатлений, обладающего полиэстетикой. Альтернативой городу (поскольку альтернатива должна быть) является пригородное пространство с монотонным, размеренным проживанием, предсказуемостью и моноэстетикой. Город – основной актер экономики впечатлений, он выступает и в роли их генератора, и в роли потребителя. Структурно экономика впечатлений – это креативные индустрии, так что креативная экономика подразумевает производство инновационных решений в отношении материальных и нематериальных объектов, имеющих эстетическую ценность и значимость. Конкуренция между актерами креативных индустрий разворачивается в эстетическом поле, а конкурентоспособность зависит от эстетических характеристик товара, от эстетической его значимости. Более того, конкурентоспособность организации зависит от эстетики организации в целом, а не только от эстетики ее конечных продуктов: это все внешние проявления организации как в реальном пространстве, так и в виртуальном. Эстетические достоинства товара, эстетика организации в целом становятся принципиально значимыми свойствами для потребителей в условиях такой экономики, как экономика эстетики.

Основным фактором развития экономики эстетики является эстетический капитал – совокупность эстетических ценностей, обладающих инвестиционной привлекательностью и способных к воспроизводству других эстетических и экономических ценностей. Структура эстетического капитала, на наш взгляд, выглядит следующим образом:

1. Эстетические ценности – материальные объекты, имеющие эстетическую ценность, что способно вызывать симпатию к объекту, положительные эмоции высокого регистра при опосредованном и непосредственном контакте. К ним относятся предметы, внешние и внутренние пространства;

2. Особая категория людей (эстеты) – носителей внешних эстетических проявлений и внутреннего потенциала, такого как эстетическая эрудиция и навыки по преобразованию внутреннего потенциала в эстетические ценности [2, с. 184].

Город становится полюсом притяжения эстетического капитала и центром его формирования, поскольку обладает необходимыми условиями и развитой инфраструктурой для самореализации, доступной образовательной

средой, насыщенным событийным календарем и культурным ландшафтом. Город как центр коммуникаций предоставляет необходимый открытый и широкий доступ к источникам информации. Город как транспортный хаб обеспечивает необходимую мультикультурность, создает полиэстетику. Город как интеллектуальный и образовательный центр создает необходимый бэкграунд плюрализма и толерантности к инновациям, нестандартным решениям и моделям. Город как креативный центр – транслятор эстетических ценностей и эстетических практик. Таким образом, город обладает необходимой инфраструктурой для формирования, развития и привлечения эстетического капитала и таких необходимых его элементов, как эстетическая эрудиция и связанная с ней эмоциональная эрудиция [3, с. 17].

Кроме элементов городской инфраструктуры для формирования и привлечения эстетического капитала необходимы еще особые условия: прозрачная и стабильная политическая и экономическая среда (в нестабильной политической и экономической среде позитивная созидательная эмоциональная энергия расходуется непродуктивно на преодоление нестабильности и враждебности, нейтрализуется негативной энергией внутри конфликтного общества, что не способствует креативному производству); необходима толерантность к эстетическим, культурным и другим инновациям, необходимо доверие как базовое условие для творческих коллабораций. Следовательно, город – это площадка для гражданского диалога, для вертикальных и горизонтальных коммуникаций, для лоббирования интересов многочисленных диверсифицированных акторов экономики эстетики, поскольку возвращать плоды на экономическом поле вне поля политического не представляется возможным, как известно.

Горожанин принимает самое активное участие в потреблении и производстве продуктов экономики эстетики. Экономика эстетики создает уникальное тотальное поле для занятий специфическими практиками в условиях жестких вызовов рынка труда на фоне диджитализации и распространения искусственного интеллекта, позволяет восстановить утраченные смыслы и радикально повысить качество жизни за счет принципиально иной системы ценностей.

Эстетический капитал – высшая ценность в аспекте социально-экономического прогресса; эстетический капитал тождественен гуманистическим ценностям, поскольку отражает как результат развития человека и человечества в целом, так и высшие имманентные человеческие духовные практики и потребности. Красота – сложная, комплексная категория, обладающая дихотомией, несущая внешнее отражение внутренних характеристик, практик, институтов. Помимо всего прочего,

красота – природосообразна: природа безоговорочно и безусловно эстетична, естественна, гармонична в своей дихотомии функциональности и внешних выражений. Все неэстетичное – неестественно, противоречит природе, природе человека, как части природы вообще: так неестественно и неэстетично насилие, немотивированная агрессия, вандализм, поскольку противоречит природе, гуманизму, красоте [2, с. 186]. В этом смысле город как устаревшая практика агрессивной адаптации окружающей среды – неэстетичен, но биоурбанизм призван откорректировать эту позицию.

Экономика эстетики носит тотальный гуманистический характер, поскольку нацелена на удовлетворение имманентно человеческих потребностей (эстетических) и основана на имманентно человеческих практиках – творческих. Ресурсами для экономики эстетики являются эмоции, компетенциями – эстетическая эрудиция, эмоциональная эрудиция и навыки коллаборации. Основным фактором производства становится эстетический капитал, что радикально меняет конъюнктуру на рынке факторов производства и структуру элит: элитами наконец становятся лучшие (интеллектуалы, эстеты, носители морали и этики). Экономика эстетики удовлетворяет высший уровень человеческих потребностей, обслуживает верхний этаж пирамиды Маслоу – «Пентхаус Маслоу».

В условиях экономики эстетики происходит воспроизводство и наращивание эстетического капитала, всех его элементов: эстетичных предметов, эстетичной среды и особой категории людей, носителей эстетических потребностей и обладателей эстетической эрудиции – эстетов. Развитие экономики эстетики уводит общество от монотонности существования и от монотонности среды обитания, которые порождают преступность и вандализм. По наблюдениям Дж. Джекобса, в неэстетичных условиях формируются несензительные к эстетическим ценностям (а следовательно, и к гуманизму как к ценности, как к модели мышления и поведения) индивиды: в своей книге «Смерть и жизнь больших американских городов» автор демонстрирует взаимосвязь между неэстетичной, визуально монотонной средой формирования и обитания человека и девиантным, противоречащим человеческим нормам поведением [1].

Причиной этого феномена является ощущение скуки и дискомфорта, испытываемое людьми при нахождении в среде, не предлагающей никакого визуального разнообразия и оттого кажущейся неестественной и враждебной. Следовательно, эстетичная среда сама профилактирует социальную преступность, исключает античеловеческие практики, формирует высокие духовные потребности и стимулирует креативные активности. Экономика

эстетики, эстетика города «лечат» социальные проблемы. Красота спасает мир....

Библиографические ссылки

1. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

2. Фальковская Т.Ю. Эстетический капитал как фактор развития креативной экономики: сформировать, привлечь, приумножить // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: материалы V международ. науч.-практ. конф. Иркутск, 31 мая -1 июня 2023 г./ Иркут. гос. ун-т; [под. общ. ред. Т.Ю. Фальковской]. – Иркутск: Репроцентр +, 2023. – С.178-188.

3. Фальковская Т.Ю. Креативная экономика: принцип трех «Э» // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: материалы IV международ. науч.-практ. конф. Иркутск, 18 мая 2022 г./ Иркут. гос. ун-т; [под. общ. ред. Т.Ю. Фальковской]. – Иркутск: Репроцентр +, 2022. – С. 14-21.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ БЕЛАРУСИ

Г. А. Фофанова, Куан Циньжоу

Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030,
Минск, Республика Беларусь
gfofanova@gmail.com

Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030,
Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Психологическое благополучие как сложное переживание удовлетворенности собственной жизнью отражает одновременно как актуальные, так и потенциальные аспекты жизни личности. Психологическое благополучие китайских студентов, обучающихся в университетах Беларуси, является не только научной проблемой, но и запросом практики: актуальные данные по этому показателю позволят разработать наиболее адекватные меры по учебной и социально-психологической адаптации обучающихся. В статье представлены результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: *интернационализация образования; психологическое благополучие; китайские студенты.*

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CHINESE STUDENTS STUDYING AT UNIVERSITIES IN BELARUS

Galina A. Fofanova., Kuang Qinrou

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
gfofanova@gmail.com

Abstract. Psychological well-being is a complex experience of satisfaction with one's own life, reflecting both actual and potential aspects of an individual's life. The psychological well-being of Chinese students studying at universities in Belarus is not only a scientific problem, but also a practical need: current data on this indicator will allow us to develop the most adequate measures for the educational and socio-psychological adaptation of students. The article presents the results of an empirical study.

Keywords: *internationalization of education; psychological well-being; Chinese students.*

Ориентация системы высшего образования Республики Беларусь на интернационализацию и растущий интерес граждан Китайской Народной Республики к образовательным услугам, предоставляемым университетами

нашей страны, неминуемо ставит вопросы не только о качестве данных услуг, изменении и осложнении образовательного процесса для профессорско-преподавательского состава, но также поднимает проблематику социально-психологической адаптации студентов-иностранцев в иной для себя культуре, изменениях самой этой культуры и психологического благополучия обучающихся. Реализация практических мероприятий в данной проблемной области предполагает опору на актуальные данные о тех или иных психологических параметрах аудитории. С этой целью нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на измерение психологического благополучия китайских студентов, обучающихся в университетах Беларуси. В исследовании приняло участие 100 китайских студентов, которые проходят обучение в университетах Республики Беларусь, в возрасте от 20 до 28 лет; 52% респондентов мужского пола, 48% – женского пола.

Для оценки психологического благополучия китайских студентов была использована методика «Шкала психологического благополучия», разработанная К. Рифф, адаптированная Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко и предназначенная для измерения выраженности основных составляющих психологического благополучия: автономности, самопринятия, цели в жизни, компетентности, позитивных отношений с окружающими, личностного роста и общего показателя психологического благополучия [1]. Авторы предложили понимать психологическое благополучие личности как достаточно сложное переживание человеком удовлетворенности собственной жизнью, отражающее одновременно как актуальные, так и потенциальные аспекты жизни личности [2].

Статистический анализ показал, что 27% респондентов имеют высокий показатель психологического благополучия; средний показатель уровня психологического благополучия продемонстрировал 61% и 12% имеют низкий показатель. Большинство респондентов имеют средний уровень психологического благополучия, следовательно, ощущают себя достаточно комфортно. Для данной группы проблемы личностного развития и постановки целей на будущее не являются актуальными, у них могут возникать определенные сложности в построении контактов. Вторая группа имеет высокий показатель психологического благополучия. Для них характерны стремление к самосовершенствованию, способность расширять круг своего общения, реализация творческих способностей, они способны противостоять социальному давлению, критично оценивают свое поведение, духовно удовлетворены и реализуют социальные контакты. В третью группу входят респонденты с низким уровнем психологического благополучия. Они испытывают чувство стагнации в сфере личностного роста, имеют низкий

уровень общения, не заинтересованы в жизни. Для них также характерно отсутствие умения строить доверительные отношения.

Анализ показал, что студенты мужского и женского пола имеют низкие значения по параметрам самопринятия. Студенты не удовлетворены своими личностными качествами, обстоятельствами, не верят в свои силы, недооценивают возможности, негативно оценивают себя и свою жизнь и бессильны что-либо изменить в ней. У большинства студентов, несмотря на складывающиеся положительные отношения с окружающими, нет ощущения управления средой, что характеризует их как людей, имеющих ограниченное количество доверительных, близких отношений, сложности в проявлении теплоты, открытости в общении, неготовность идти на компромисс для поддержания отношений, и возможно, поэтому ощущающих социальную изоляцию и фрустрированность, сложность в организации повседневной деятельности, ощущение невозможности контроля за происходящим.

Высокие показатели выражены по шкалам «личностный рост» и «позитивное отношение» у представителей обоих полов, что указывает на способность к развитию, стремление успешно реализовать свой потенциал, удовлетворенность от происходящих изменений. Студенты открыты новому опыту и проявляют интерес к жизни. Результаты анализа по шкале «позитивные отношения» показывают, что мужчины более уверенно строят доверительные отношения с окружающими, способны идти на уступки, не конфликтны, нежели женщины.

Наиболее высокие результаты у китайских студентов мужского пола по параметрам шкалы «автономность», «личностный рост», «позитивные отношения», «жизненные цели». Они более гибко проявляют способность противостоять социальному давлению, регулировать своё поведение, мыслить и вести себя независимо. Для них характерно осуществление разнообразной деятельности, способность создавать условия для реализации личных потребностей, в то время как студенты женского пола озабочены ожиданиями и оценками других.

Сравнительный анализ работающих и неработающих китайских студентов позволил выявить наиболее высокие показатели осмысленности жизни у работающих (имеющих собственный доход) и состоящих в отношениях студентов. Также установлены статистически значимые различия по параметрам психологического благополучия «личностный рост» и «жизненные цели» между работающими и неработающими студентами (выше у работающих). Это связано с тем, что включенность в трудовую деятельность ставит ряд новых задач перед обучающимися, которые способствуют интенсивному личностному росту, совершенствуют умение

распределять приоритеты, позволяют оценивать и моделировать жизненные ориентиры.

Используя расчет критерия Манна–Уитни, мы выявили, что общий уровень психологического благополучия у китайских студентов мужского пола выше, чем представителей женского пола ($U_{\text{мп}} = 879$ $U_{\text{кр}} = 1009$). По традиции китайские мужчины ориентированы на удовлетворение личных интересов, активность в достижении своих целей. Китайские женщины подчинены правилам, должны проявлять заботу о близких людях и их благополучии. Сравнивая группы по профилям обучения, было установлено, что наиболее высокий уровень психологического благополучия у студентов, которые обучаются по техническому профилю и сфере ИТ. Вероятнее всего, это связано с пониманием студентами о дальнейшем выгодном трудоустройстве.

Таким образом, психологическое благополучие китайских студентов может быть детерминировано следующими факторами: 1) самопринятие и культурная идентичность (китайские студенты могут придавать большое значение своей культурной идентичности, что может влиять на их отношение к образованию и карьере. Например, они могут чувствовать большую ответственность за представление своей культуры и страны в международном сообществе. В нашем исследовании выявлен низкий уровень по шкале «самопринятие» у преобладающего большинства (67%) китайских студентов как у мужского, так и у женского пола); 2) личностный рост и стремление к совершенству (китайские студенты могут иметь высокие стандарты и стремиться к совершенству во всем, что они делают. Высокий показатель по шкале «личностный рост» указывает на способность к развитию, стремление успешно реализовать свой потенциал); 3) положительные отношения с другими (семья имеет большое значение в китайской культуре и китайские студенты могут чувствовать большую ответственность за своих родителей, братьев и сестер, друзей, что может влиять на их решения, связанные с образованием и карьерой, определять уровень психологического благополучия).

Библиографические ссылки

1. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко. – Психологическая диагностика. – 2005. – №3. – С.95-130.
2. Фесенко П.П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. – Вып. 46. – С. 35–48.

УДК: 07 (575.3)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИХ РЕПОРТАЖЕЙ НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «ДУШАНБЕ»

И. И. Хамидиён

Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17.
i.hamidiyon@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует тематико-аналитические репортажи на телеканале «Душанбе» (Таджикистан). Тематический репортаж как самая сложная разновидность репортажа на телевидении предъявляет к монтажу сюжетов особые требования. По мнению автора, при подготовке аналитических репортажей наряду с другими элементами важна и активная речь автора, поскольку большинство докладов в рамках данного исследования начинались с мнения автора и заканчивались предложениями его аналитического мнения. На телеканале «Душанбе» используются наиболее распространенные виды репортажей, однако весь потенциал этого жанра еще не использован.

Ключевые слова: телеканал «Душанбе», Таджикистан, программа «Вакт», тематико-аналитический репортаж, сюжеты, программа, аналитика, жанр.

THE USE OF THEMATIC-ANALYTICAL REPORTS ON THE DUSHANBE TV CHANNEL

I. I. Hamidiyon

Tajik national University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave 17.
i.hamidiyon@gmail.com

Abstract. The article analyzes thematic and analytical reports on the Dushanbe TV channel (Tajikistan). Thematic reportage is the most difficult kind of reportage on television. Therefore, special requirements should be imposed on the installation of such plots. According to the author, when preparing analytical reports, along with other elements, the active speech of the author is also important, since, as it was noted, most of the reports in the framework of this study began with the author's opinion and ended with suggestions of his analytical opinion. The most common types of reports are used on the Dushanbe TV channel, but the full potential of this genre has not yet been used.

Keywords: Dushanbe TV channel, Tajikistan, "Vakt" program, thematic and analytical reportage, plots, program, analytics, genre.

Информация является одним из основных секторов телевизионной деятельности. Эту миссию выполняют сотрудники информационных отделов и управлений. В структуре Государственного учреждения «Телевидение Душанбе» (Таджикистан) информационную функцию выполняет отдел информационных программ, где работают главный редактор и 7 редакторов. Результат их деятельности ежедневно транслируется через информационную программу «Вакт» («Время»). Эта программа выходит 5 раз в день, две из которых оригинальные, а два других – частичные повторы.

«Телевидение Душанбе» также публикует материалы, подготовленные в жанре репортаж. Телевизионный репортаж должен отражать объект, включающий в себя действие и движение или рассматривающий проблему в той или иной области [5, с. 187]. Исследование показало, что до 2012 года публикация тематико-аналитических репортажей в информационной программе городского телевидения была больше, чем сегодня (2023 год). Своевременная утилизация мусора и чистота окружающей среды – один из вопросов, которые постоянно освещаются на телеканале «Душанбе». Недостаток питьевой воды и ее неподача под давлением в многоэтажные жилые дома – еще одна тема, по которой постоянно готовятся и транслируются аналитические репортажи. Обзор программ, транслируемых этим телеканалом за последние 5 лет, показал, что по этой теме готовится меньше аналитических материалов [8, с. 219]. В последние годы телевизионные репортажи зачастую готовятся односторонне и редко наблюдается непосредственное участие автора, что является основным требованием этого жанра. Еще одна тема, по которой сотрудники этого телеканала готовят аналитические репортажи – необходимость ремонта дорог в городе и окрестностях столицы. Сотрудники также используют новые технологии при подготовке информационных репортажей. Доказательством тому являются онлайн-разговоры через социальные сети с экспертами отрасли и использование их в аналитически-тематических репортажах. Тем самым субъективное отношение автора к событиям, проблемам и противоречиям создает некий анализ [2, с. 87].

Социальные ситуации, проблемы и противоречия в аналитических жанрах создаются методами обобщения, анализа и суммирования. При подготовке аналитических репортажей любое новшество оформляется в виде мнения автора и его собеседников. Чувства, восприятие и мировоззрение автора играют важную роль в формировании мыслей. Пониманию сути данного вопроса, всестороннему анализу выбранных тем посвящены репортажи сотрудников информационного отдела «Телевидения Душанбе». Однако, по сравнению с репортажами о мероприятиях, эта форма репортажей создается очень редко. Если, с одной стороны, это вызвано фрустрацией

журналистов и ограничением их аналитического видения, то, с другой стороны, пространство и среда телевидения этого не позволяют [1, с. 64]. Кроме того, при составлении тематически-аналитических репортажей автор пытается оценить своеобразную перспективу рассматриваемого вопроса, что в публицистике называется прогнозированием. Не каждый журналист обладает такой способностью.

Таджикский ученый А. Нуралиев отмечает, что «репортаж является одной из форм новостно-публицистической деятельности. Исторический репортаж – это событие, которое видел репортер. Его основой является событие общественного значения. Характеристиками срочного сообщения являются развитие хода событий, ясность, образность, активная речь автора» [3, с. 97]. При подготовке аналитических репортажей наряду с другими элементами важна и активная речь автора, поскольку, как было замечено, большинство докладов в рамках данного исследования начинались с мнения автора и заканчивались предложениями его аналитического мнения. В жанре репортажа могут быть вопросы и ответы, диалоги, монологи. Однако не следует воспринимать их как жанр внутреннего интервью или несоблюдение, нарушение структуры репортажа, особенно на примере тематико-аналитических репортажей, поскольку наличие упомянутых элементов снижает аналитический характер и влияние телевизионного материала. Поэтому фрагменты диалога, вопросы и ответы используются в большинстве жанров (в том числе в репортаже) как компонент того же жанра, как его часть.

Здесь необходимо прояснить некоторый характер исходного события. Возможности современного телевидения безграничны. Мы видим не только природу и ее события, но и человека в образе и вне его. Телевидение раскрывает мир через камеру [4, с. 54]. Он чувствует пульс секунд и минут и дает представление о проходящей жизни перед глазами зрителя. Важнейшей особенностью телевидения является эффект непосредственного участия человека в этом процессе. Используя такие широкие возможности, журналисты телеканалов могут способствовать решению различных проблем общества, приходя и транслируя тематически-аналитические репортажи [7, с. 136]. Как отмечают исследователи, а также показывает реальность сегодняшнего дня, телевидение как электронное средство новостей обладает огромной властью.

Как показывают исследования, наука всегда требует дискуссий. В частности, продолжаются дискуссии о разнообразии жанров, а эволюция жанров является показателем прогресса индустрии, особенно телевидения. Рассмотрение темы позволило прийти к следующим выводам:

1) На телеканале «Душанбе» используются наиболее распространенные виды репортажей. Весь потенциал этого жанра еще не использован. С течением времени возрастали и жанровые требования. Изучение современных элементов жанра и научно-практических новинок тележурналистики считается необходимым и полезным.

2) Наряду с освещением республиканских, городских и районных событий в формате событийно-информационных репортажей одновременно ведется подготовка аналитических материалов репортерами информационной программы «Вакт» телеканала “Душанбе”, связанных с деятельностью городских структур и жизнью жителей столицы. Материалы такого типа чаще всего готовятся в форме репортажа, но не всегда охватывают повседневные темы.

3) В зависимости от требований государственной политики в направлении предоставления информации деятельность сотрудников информационных отделов в целом приемлема, но в целях повышения профессионализма сотрудников должны быть реализованы дополнительные меры.

Библиографические ссылки

1. Ермилов А. Живой репортаж: Профессиональные советы тележурналисту. – М., 2010. – 112 с.
2. Муратов С.А. Пристрастная камера. Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2004. – 187 с.
3. Нуралиев А. Жанрҳои ахбории матбуот / А. Нуралиев, Н. Брукер, А. Афсахзод. – Душанбе, 2005. – 116 с.
4. Орифова М. Особенности развития жанров в региональных телекомпаниях Республики Таджикистан. – Душанбе, 2010. – 192 с.
5. Поберезникова Е.В. Телевидение взаимодействия: Интерактивное поле общения: Учеб. пособие для вузов. – М., 2004. – 222 с.
6. Садуллаев А. Горизонты публицистики. – Душанбе, 2009. – 234 с.
7. Солнцева Е.С. Журналистский репортаж в современном медиадискурсе (лингвистическое исследование на материале немецкого языка). – СПб, 2015. – 182 с.
8. Хамидиён И.И. Содержательное и жанровое многообразие на таджикском телевидении / И.И. Хамидиён, Б.А. Абдурахим. – Душанбе, 2019. – 248 с.

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕХАНИЗМОВ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ГОРОДАХ

Г. Ю. Худяков

Университет ИТМО

Биржевая линия, д. 14, лит. А, 199034, Санкт-Петербург, Россия

glebkhudyakov@yandex.ru

Аннотация. Электронное участие является важным объектом исследования для многих специалистов из разных сфер науки. В общем представлении это те цифровые сервисы и ресурсы, которые представлены разными органами власти для обеспечения взаимодействия с гражданами по принятию инициатив, решению проблем, голосованию и информированию. В статье представлено нынешнее состояние разработки информационно-аналитической системы «Электронное участие в России», а также перспективы ее улучшения. Цель системы – открыть новые перспективы для исследований и использований данных о электронном участии и региональном развитии.

Ключевые слова: *электронное правительство, электронное участие, информационно-аналитическая система.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

DEVELOPMENT OF INFO-ANALYTICAL SYSTEM FOR RE-SEARCH ON FEEDBACK MECHANISMS IN CITIES

G. Y. Khudyakov

ITMO University

14, Birzhevaya line, 199034, Saint Petersburg, Russia

glebkhudyakov@yandex.ru

Abstract. E-participation is an important object of research for many specialists from different fields of science. In a general view, it is those digital services and resources that are presented by different authorities to ensure interaction with citizens on the adoption of initiatives, problem solving, voting and informing. The article presents the current state of development of the information and analytical system "Electronic participation in Russia", as well as the prospects for its improvement. The purpose of the system is to open new perspectives for research and utilization of data on e-participation.

Keywords: *e-government, e-participation, information-analytical system.*

Электронное участие – современный тренд в государственном управлении, который призван обеспечить взаимодействие граждан и органов власти через различные онлайн-ресурсы [1]. Россия, идя в ногу со временем, также реализует различные электронные каналы для такого участия как на муниципальном уровне, так и на региональном.

Опираясь на исследования Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО, можно выделить 6 видов электронного участия:

- сообщения о проблемах;
- электронные голосования;
- электронные инициативы;
- инициативное бюджетирование;
- открытый бюджет;
- краудсорсинг.

Эти виды электронного участия обеспечивают гражданам возможность поделиться своими инициативами, сообщить о проблеме, поучаствовать в принятии различных решений и т.д. [3]. В дальнейшем, ведомства и управляющие инстанции принимают определенное управленческое решение в пределах своих полномочий и зоны ответственности. В идеальной схеме цифрового города электронное участие олицетворяет принцип «vox populi».

В рамках серии проектов Центр технологий электронного правительства Университета ИТМО с 2020 г. проводит ежегодный мониторинг электронного участия в России [3]. Результатом мониторинга является отчет о количестве и степени обустройства каналов электронного участия регионального и муниципального уровней, исключением являются централизованные виды каналов федерального уровня. Тем не менее, важно отметить ограничение данного мониторингового исследования: оно не дает понимание об эффективности использования каналов электронного участия, а лишь об их наличии на разных уровнях и степени их развития. Полученная информация послужила основой для создания информационно-аналитической системы «Электронное участие в России», которая открывает новые возможности для использования данных об электронном участии. Разработка происходит в рамках проекта «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» Центра технологий электронного правительства ИТМО.

Информационно-аналитическая система способна обеспечить пользователей системы информацией о результатах исследования «Мониторинг электронного участия» в удобной, интерактивной и понятной

форме, а также предоставить возможность для проведения самостоятельных аналитических исследований с привлечением сторонних данных. Система создается на BI-архитектуре сервиса Yandex DataLens. На данном этапе система представляет собой панель, на которую выведена инфографика по оценке шести вышеобозначенных видов электронного участия. Панель разделена на несколько вкладок в зависимости от рассматриваемого типа административно-территориального устройства: региональный разрез, муниципальный, разрез федеральных округов и т.д.

Действующая версия дает возможность получить обширную информацию по теме электронного участия в России как в статике, так и в динамике. Следует отметить, что уже имеется опыт, когда рейтинг электронного участия в России использовался для проверки различных гипотез и привел к значимым корреляционным связям с различными показателями – например, с индексом человеческого капитала в региональном разрезе [2]. Таким образом, информационно-аналитическая система потенциально может стать удобным ИТ-инструментом для проведения различных исследований на выявление зависимостей. Причем задача ставится таким образом, чтобы этой системой могли пользоваться эксперты и исследователи, не обладающие математическим аппаратом и навыками программирования. Также неоспоримым плюсом данной системы является возможность оперативного добавления новых данных после проведения очередного мониторинга или другого исследования.

В дальнейшем планируется «обогащать» систему другими внешними данными – например, сведениями социально-экономического характера для расширения понимания причин и следствий той или иной ситуации с возможностями электронного участия. Также планируется добавить данные о обращении граждан на сервис «Наш Санкт Петербург», где жители сообщают о городских проблемах, а уполномоченные органы обязаны решить их и публично отчитаться об этом. Полученные данные будут агрегироваться на интерактивной карте. Данный инструмент поможет чуть лучше оценить функционирование каналов «Сообщение о проблемах» в рамках изучения электронного участия. Это лишь несколько потенциальных путей развития информационно-аналитической системы.

Информационно-аналитическая система «Электронное участие в России» определенно обладает своими преимуществами, которые станут особенно очевидны на поздних стадиях создания и улучшения системы. Тем не менее, есть уверенность, что система имеет потенциал и может стать полезным инструментом как для исследователей, так и для представителей организаций, ответственных за создание и реализацию каналов электронного управления.

Библиографические ссылки

1. Демушина О.Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества // Карельский научный журнал. – 2015. – №1 (10). – С. 114-117.
2. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 101-114.
3. Панфилов Г.О., Чугунов А.В., Кабанов Ю.А. Электронное участие в российских регионах: результаты мониторинга 2020–2022 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6. – СПб.: Университет ИТМО, 2022. – С. 62 – 71.

МИФОЛОГИЯ ГОРОДА: СИМВОЛЫ ИМПЕРСКОГО ПРОШЛОГО В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

А. А. Целыковский

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», 398055,
ул. Московская, д. 30, г. Липецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса конструирования культурного пространства российских городов, а также роли символов имперского исторического периода в данном процессе. В работе анализируется специфика создания облика города путем апелляции к символическим образам, репрезентирующим наиболее значимые исторические события и личности имперского прошлого России. Исследование позволяет сделать вывод о том, что символы и образы имперского прошлого, являющиеся неотъемлемой составляющей официального политического дискурса России, играют также значимую роль в формировании городского культурного ландшафта. Соединяя различные символы в единую систему, городское пространство формирует своеобразную мифологию города.

Ключевые слова: *мифология, социальная мифология, символ, культурный ландшафт.*

Проект FZRW-2023-0005 реализован в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» по итогам отбора исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук, проведенного ЭИСИ, Министерством высшего образования и науки Российской Федерации и Российской академией наук.

MYTHOLOGY OF THE CITY: SYMBOLS OF THE IMPERIAL PAST IN THE CULTURAL SPACE OF RUSSIAN CITIES

A. A. Tselykovskiy

Lipetsk State Technical University, 30, Moskovskaya St.,
Lipetsk, 398055, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the process of constructing the cultural space of Russian cities, as well as the role of symbols of the imperial historical period in this process. The paper analyzes the specifics of creating the image of the city by appealing to symbolic images that represent the most significant historical events and personalities of Russia's imperial past. The study allows us to conclude that symbols and images of the imperial past, which are an integral part of the official political discourse of Russia, also play a significant role

in the formation of the urban cultural landscape. By combining various symbols into a single system, urban space forms a kind of mythology of the city.

Keywords: *mythology, social mythology, symbol, cultural landscape.*

После распада СССР основной тенденцией конструирования городских культурных ландшафтов для России 1990-х годов стала политика десоветизации и возвращения дореволюционных исторических названий. Новый политический курс был направлен на установление преемственности с имперским периодом. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует принятая государственная символика. Городской культурный ландшафт стал пространством, отражающим данные тенденции и «материализующим» новые символы. Таким образом, официальная российская идеологическая и мифотворческая практика существенным образом трансформировала городское культурное пространство.

В этой связи возникает ряд вопросов. Какую роль сыграли символы имперского прошлого в формировании постсоветской российской идентичности? Каково значение данных символов для формирования облика российских городов и их культурного ландшафта? И главный вопрос: конструктивные или деструктивные функции имеют символы имперского прошлого в российской мифотворческой практике?

Прежде всего, необходимо прояснить само понятие культурного пространства (культурного ландшафта). Данное понятие объединяет различные семиотические, символические, культурные компоненты в единую знаково-символическую систему. Как замечает по этому поводу О.А. Лавренова: «Культурный ландшафт – явление, лежащее в том срезе семиосферы, где знаковые системы культуры оказываются напрямую связанными с географическим пространством в целом и его отдельными объектами в частности» [1, с. 4]. То есть формирование культурного ландшафта представляет собой совмещение значимых исторических и культурных образов и символов с конкретными географическими объектами.

В определенном смысле конструирование символического городского ландшафта можно трактовать в качестве одной из разновидностей процесса мифотворчества. Категория пространства является без преувеличения одной из самых мифологизированных. Именно поэтому окружающее пространство никогда не является эмоционально нейтральным. Оно всегда нагружено символами, формирующими особую смысловую модель реальности. По мысли Д.В. Шинкаренко: «Смысловая сторона восприятия окружающего мира – это не физическое свойство, так как смыслов в окружающем пространстве в виде каких-то дополнительно воспринимаемых характеристик самого пространства не существует, они приобретаются путём опыта

постоянного взаимодействия с этим миром, но не только взаимодействия, но и обработке получаемой информации от органов чувств и превращении её в смысловую схему во внутреннем пространстве» [2, с. 80]. То есть превращение географического пространства в культурное пространство во многом происходит через мифологизацию.

Какие мифотворческие тенденции отразились в облике российских городов? Как уже было сказано, одна из главных тенденций сложившегося политического курса проявилась в десоветизации культурных пространств и в установлении преемственной связи с досоветским периодом истории. Ряду крупных российских городов (Ленинграду, Куйбышеву, Свердловску и т.д.) были возвращены их исторические названия. Менялась и городская топонимика. Массово переименовывались площади и улицы. Вернулись дореволюционные гербы. Устанавливались памятники, посвященные видным деятелям и значимым событиям имперского периода.

Пожалуй, наиболее ярким символом Российской империи является ее основатель Петр I Великий. Для постсоветской России образ первого российского императора стал одним из самых популярных и востребованных. Будучи создателем новой российской государственности, он превратился в символ реформаторства, новаторства и прогресса. В то же время его образ стал символом патриотизма и сильной власти. Легитимировать современные политические реалии путем апелляции к авторитету исторического лидера, превращение его в символ – широко распространенное явление в мифотворческой практике. Вполне предсказуемо, что в условиях распада СССР Ленинград стал первым из наиболее крупных городов, чей культурный ландшафт начал трансформироваться в соответствии с новой мифологией. В сентябре 1991 года (за два месяца до распада Советского государства) Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. Как столица Российской империи и город, основанный первым российским императором, Санкт-Петербург превратился в один из главных имперских символов в постсоветских реалиях.

Образ Петра I как центральный символ имперского исторического периода получил многочисленные воплощения в культурных ландшафтах различных российских городов. В этой связи примечательна установка памятника Петру I в Москве. При Петре I Москва утратила статус столицы. С событиями Северной войны и процессом становления молодой империи Москва, олицетворяющая старинные патриархальные порядки, практически не ассоциируется. Тем не менее, Петр I как главный имперский символ все же появился в культурном ландшафте Москвы.

Еще одним примером может послужить трансформация культурного ландшафта Липецка – города, чья судьба связана именно с имперским

периодом российской истории. Датой основания Липецка принято считать 1703 год, что делает его ровесником Санкт-Петербурга. Поэтому имперские символы в культурном и символическом ландшафте города в советский период связаны в основном с эпохой Петра I. Первый памятник (обелиск) Петру I был открыт в Липецке еще в XIX веке и сохранился в советское время. В постсоветский период для символического пространства Липецка так же характерно обращение к образу Петра I. Формирование символической связи Липецка с образом первого императора демонстрировало причастность Липецкой земли к созданию российского флота и победе в Северной войне, то есть к строительству Российской империи. Так, в 1996 году на площади Карла Маркса появился второй памятник Петру I. В 2003 году площадь была официально переименована в Площадь Петра Великого, а в честь трехсотлетней годовщины Липецка был открыт соответствующий памятник. Он был изготовлен в виде фрегата петровского флота.

Таким образом, в условиях утраты устоявшейся системы ценностей и привычной картины прошлого трансформация городского пространства в соответствии с символами дореволюционного периода способствовала складыванию новой российской идентичности. Путем воспроизведения в культурном пространстве имперских символов складывалась новая мифология города, отражающая процессы построения новой российской государственности. Встраивание в городские пространства имперской символики способствовало формированию чувства сопричастности к строительству Российского государства. Великое историческое прошлое становилось идеологической и ценностной основой, помогающей общественному сознанию ориентироваться в настоящем. В этом заключается конструктивное значение символов имперского прошлого в городском культурном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта: монография. – Москва: Институт наследия, 2010. – 327 с.
2. Шинкаренко Д.В. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Чжан Нин

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
phse@bsu.by

Научный руководитель: **А. И. Зеленков**, доктор филос. наук, профессор

Аннотация. Новое поколение цифровых технологий нарушило традиционную логику создания ценностей в городском пространстве для чтения. На основе анализа создания ценностей в статье отмечается, что ключевыми элементами цифровой трансформации городского читательского пространства являются расширение границ, сообщество и сеть ценностей, а также предлагаются пути инновационного развития пространства чтения в условиях цифровой трансформации: создание цифровой инфраструктуры и платформ, построение экосистемы, улучшение опыта чтения в городской среде в режиме «пространство + сообщество + бизнес», построение экосферы городской читательской культуры.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, городское читательское пространство, создание стоимости.*

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF URBAN READING SPACE UNDER THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Zhang Ning

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
phse@bsu.by

Scientific supervisor: **A. I. Zelenkov**, Doctor of Philosophy, Professor

Abstract. The new generation of digital technologies has broken the traditional logic of value creation in the urban reading space. Based on the analysis of value creation, the article points out that the key elements of digital transformation of urban reading space are boundary expansion, community and value network, and proposes the ways of innovative development of urban reading space in the conditions of digital transformation: creating digital infrastructure and platform, building ecosystem, improving the experience of urban reading space, creating the mode of operation «space + community + diversified business», building urban ecosphere.

Keywords: *digital transformation, urban reading space, value creation.*

Стремительное развитие цифровых технологий – таких, как большие данные, облачные вычисления и искусственный интеллект, ускорило цифровую трансформацию городского пространства для чтения и постепенно появились «облачные» книжные магазины и «умные» книжные города [1, с. 155-156]. В настоящее время идет строительство «умных городов», где цифровая трансформация городского пространства для чтения является важной частью создания городской среды. В контексте цифровой трансформации городского читательского пространства новое поколение цифровых технологий достигло прорыва и расширения традиционных печатных технологий, изменив основное измерение городского читательского пространства в лице библиотек и тем самым подорвав традиционную логику создания его ценности.

В условиях цифровой трансформации логика создания стоимости перешла от услуг и продуктов к экосистемному мышлению, но то, какие услуги и продукты создаются в городских читальных залах, зависит от того, какое ценностное предложение они предоставляют. В соответствии с логикой системы услуг суть создания ценности заключается в удовлетворении постоянно меняющихся потребностей пользователей, что требует сделать больший акцент на использовании цифровых технологий для выстраивания интерактивности между городскими читальными пространствами и их клиентами. В условиях цифровой трансформации городское пространство чтения (прежде всего – библиотеки) должно сохранить свою роль фундамента культуры, позиционировать себя как комплексный центр культурного опыта и потребления, интегрировать сферы культурного досуга, творческого дизайна и других смежных отраслей, чтобы создать городскую культурную экосистему, объединяющую интеллектуальное пространство чтения, творческое культурное пространство и стать средством коммуникации между людьми и городом.

Ключевыми элементами цифровой трансформации городского читательского пространства выступают расширение границ, социализация и формирование новых ценностей. Рассмотрим их подробнее.

1. Расширение границ

В цифровую эпоху, когда границы отраслей, связанных между собой информацией, становятся все более размытыми, традиционные границы реального мира и цифрового пространства также становятся все более условными, что приводит к изменению пространственного опыта городского чтения [2, с. 71]. Во-первых, расширяются границы и возможности традиционных книжных магазинов и библиотек. Применение цифровых технологий превращает их из прежнего единственного места, где было можно

«одолжить» и «купить» книги, в общественное культурное пространство для чтения, обмена знаниями и духовного взаимодействия, где происходит интеграция социального взаимодействия и культуры потребления как одного из культурных комплексов городской среды.

Во-вторых, городское пространство чтения в условиях цифровой трансформации станет важной частью «умного города», основанного на сборе и анализе данных. С одной стороны, это позволит предоставлять интернет-услуги и интеллектуальные сервисные решения для населения посредством использования Big Data; с другой стороны, это позволит управлять городским пространством для чтения с помощью специальных бизнес-платформ [3].

В-третьих, происходит преодоление изоляции, соединение людей и городов с помощью читального пространства как особой коммуникационной среды. С ростом популярности мобильных интеллектуальных устройств в публичном пространстве города используется распознавание лиц, голосовое взаимодействие, распространение электронных книг и другие технологии для различных форм взаимодействия, делая чтение более удобным и свободным. За счет этого публичное пространство становится не только местом для чтения, но и средой общения с городом.

2. Социализация

В цифровом формате чтение, являющееся сугубо личным поведением, постепенно приобретает социальную направленность и множество индивидов в обществе связываются друг с другом, формируя основу действующих сообществ. В традиционном городском пространстве читательское поведение населения носит изолированный характер, оно является пассивным получателем информации, но в условиях применения многочисленных цифровых технологий среда чтения предоставляет обществу онлайн-пространство для равноправного общения и люди спонтанно формируют различные читательские сообщества в соответствии со своими предпочтениями. В условиях цифровой трансформации логическое осмысление ценности городского читательского пространства выглядит следующим образом: книжный магазин или библиотека функционирует как «точка входа», где сообщества устанавливают связь и осуществляют совместную деятельность для достижения своих целей.

3. Сеть ценностей

Появление множества новых мест для чтения в условиях цифровой трансформации, с одной стороны, расширило выбор публики, а с другой – снизило привлекательность традиционного городского читального пространства. В случае, когда внутренние ресурсы трудно эффективно возобновить, места чтения могут получать ресурсы из внешнего мира,

опираясь на социальное влияние и интегрируя новые возможности, которые могут быть преобразованы в новый тип ресурсов, когда внутренние и внешние воздействия производят синергетический эффект [4, с. 159].

Путь реализации инновационного развития городского читального пространства в условиях цифровой трансформации предполагает реализацию следующих шагов:

1. Создание цифровой инфраструктуры как платформы и экосистемы

Создание нового цифрового городского пространства для чтения как основы «умного города» – это большой системный проект, который может быть реализован за счет современных технологий. Для этого необходимо осуществить строительство общего центра обработки данных, который позволит объединить ресурсы локальных корпоративных дата-центров. Далее следует подготовить маркетинговые и операционные данные, а также внедрить систему их сбора и обработки на основе визуализации управления данными, чтобы операторы, аналитики и работники городских читальных залов могли их понимать и использовать для своих нужд. Это позволит перейти на следующий уровень – создание цифровых платформ и экосистем для тесной связи между покупателями, книжными магазинами и продавцами через внешние цифровые точки контакта, а также для содействия инновационному развитию городских читальных залов.

2. Улучшение качества работы городских читальных залов

Инвентаризация местных культурных ресурсов в условиях интенсивного развития методов чтения, реализация новых дизайнерских решений в местах чтения, увеличение спроса горожан на читательское пространство также имеют тенденцию к диверсификации, поскольку городское читательское пространство должно формироваться с учетом потребностей населения, чтобы сформировать свое уникальное конкурентное преимущество [5]. Оно строится на ключевых положениях, первое из которых заключается в том, чтобы включить язык города. Историческое и культурное наследие, гуманистические традиции, обычаи, ритуалы служат культурными символами конкретного региона и являются воплощением языка и стиля города. Основываясь на местных культурных элементах, места для чтения могут интегрировать городской язык в планировку, дизайн и оформление пространства, чтобы реализовать интеграцию людей и среды, традиций и современности, наследия и инноваций, таким образом создав локальный культурный ландшафт путем творческого преобразования.

Пространство для чтения интегрируется в язык окружающей среды, связывая людей и город, когда публика входит в читальное пространство не только ради удовлетворения читательских потребностей, но и для того, чтобы воспринимать все вокруг, насколько хватает глаз. Использование объектов

городского наследия и старых зданий является важным средством интеграции языка окружающей среды в дизайн места. В этот момент пространство для чтения перестает быть самостоятельным объектом, а становится важным местом городской жизни, превращаясь в ее часть. При этом информационные технологии и компьютерные системы могут использоваться для ускорения оцифровки местных культурных ресурсов. Интеграция научно-технических средств не только усиливает процесс проектирования пространства, но и заставляет пользователей формировать сильное чувство «пространственного присутствия» с помощью интеллектуального сервисного оборудования, обеспечивающего полное погружение в процесс чтения.

3. Создание режима работы «пространство + сообщество + бизнес».

Городские пространства чтения должны анализировать и удовлетворять читательские предпочтения с помощью полученных данных, выделять сообщества с общими интересами и управлять ими под руководством специалистов. Можно создавать различные экспериментальные пространства чтения для разных сообществ, укреплять коммуникацию и обмен внутри них с помощью привлекательных тематических мероприятий для создания стабильных сообществ. Именно сообщества стали эффективной средой для соединения чтения, коммуникации и разных видов бизнеса. На этой основе городское пространство чтения может быть интегрировано в среду сообществ для осуществления диверсифицированной деятельности – такой, как обучающий бизнес, тренинги или создание культурных и творческих продуктов.

4. Создание культурной экосистемы для городского чтения.

В цифровую эпоху городское пространство чтения как перспективный социальный интегратор, связующим звеном которого являются информация и данные, может осуществлять интеграцию ресурсов со многими заинтересованными субъектами в обществе, включая правительство, культурные и образовательные учреждения, общественные организации, группы по интересам и т.д., чтобы улучшить общественную значимость пространства чтения, учесть его социальную и экономическую ценность и создать сообщество заинтересованных сторон в городском пространстве. Тем самым для создания «экосистемы чтения» нужно мобилизовать общественные силы для участия и координации работы социальных институтов, сообществ и предприятий.

Для этого потребуется взять за основу большие данные и создать сообщество их пользователей. Такое сообщество способно уделять внимание совместному использованию полученных данных, создать цифровую платформу с более широкими возможностями и высокой эффективностью, обеспечить управление ее деятельностью на основе сбора и анализа данных,

а также создавать городскую экосистему, объединяющую места чтения и творческое культурное пространство в городе.

Библиографические ссылки

1. Sun Xinbo, Su Zhonghai, Qian Yu, etc. Current status and future of data empowerment research Outlook. *Research and Development Management*. – 2020. – № 2. – P. 155–166.
2. Ромашина Е.Ю. «Читаемый город»: функции городского пространства в учебных текстах // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. – 2021. – № 61. – С. 71-81.
3. Yin Changlong. Intelligent reading space and smart book city construction: Taking Shenzhen Bookstore An example of intelligent practice in urban centers. *New Reading*. – 2021. – № 2. – P. 50-62.
4. Ковалевская Н.И. Цифровое чтение: формирование нового типа читателя // *Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии*. – 2022. – № 1(255). – С. 159-165.
5. Hamid H.B.A, Zhang A. A new idea of constructing public reading space from the perspective of national reading promotion//*Information and Knowledge Management. Clausius Scientific Press*. – 2023. – № 4(3). – С. 27-31.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Чжан Синь

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
372806471@qq.com

Научный руководитель: **И. И. Калачёва**, доктор ист. наук, профессор

Аннотация. Быстрое развитие новых информационных технологий сделало защиту и сохранение нематериального культурного наследия более успешной. Благодаря цифровым средствам презентация нематериального культурного наследия Китая стала более доступной для широких категорий пользователей. Расширились формы продвижения объектов нематериального наследия, к наиболее популярным из них отнесены фестивали и праздники, раскрывающие смыслы национальной традиционной культуры. В рамках этих событий увеличивается процесс потребления предметов нематериального и материального наследия, повышается интерес к традиционным промыслам. Однако не все вопросы решены – к таковым относятся эффективные управленческие решения, подготовка кадров технического профиля, продвижение ценностей нематериального наследия Китая для более широких аудиторий пользователей и др.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие Китая, цифровые технологии, опыт презентации, фестивали и праздники, пользовательский спрос.

DIGITAL TECHNOLOGIES AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

Zhang Xin

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
372806471@qq.com

Scientific supervisor: **I. I. Kalachova**, Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The rapid development of new information technologies has made the protection and preservation of intangible cultural heritage more successful. Digital media has made the presentation of China's intangible cultural heritage more accessible to a wider audience. The forms of promotion of intangible heritage objects have increased; the most popular are Festivals and holidays that reveal the meaning of national traditional culture. As part of these events, the

process of consumption of intangible and tangible heritage items increases, and interest in traditional crafts increases. However, not all issues have been resolved, these include effective management decisions, training of technical personnel, promotion of the values of China's intangible heritage to wider audiences of users, etc. for development.

Keywords: *intangible cultural heritage, digital technologies, innovative development.*

С тех пор, как Китай официально ратифицировал Конвенцию об охране нематериального культурного наследия и присоединился к ней в 2004 году, после почти двух десятилетий неустанных исследований, защита нематериального культурного наследия достигла хороших результатов и накопила ценный практический опыт. Сейчас фокус дискуссий о направлении развития нематериального культурного наследия постепенно сместился в сторону «инновационной интеграции». С быстрым развитием Интернета и широким применением информационных технологий нового поколения, представленных большими данными, облачными вычислениями, искусственным интеллектом, блокчейном, технологией 5G и т.д., общество быстро вступает в цифровую эпоху.

Цифровые технологии создали новые возможности для устойчивого развития нематериального культурного наследия и его защиты. Появление цифровых технологических средств привело к прорыву в защите нематериального культурного наследия с точки зрения записи, демонстрации, производства и продажи, что, в основном, отражено в следующих трех аспектах.

Во-первых, объекты нематериального культурного наследия могут широко распространяться с помощью цифровых средств, чтобы способствовать более глубокому пониманию их людьми. Например, заслуживает внимания проект «Виртуальная демонстрация нематериального культурного наследия традиционных ремесел Нанкина», разработанный Школой искусств Нанкинского университета. Проект представлен в цифровом виде и виртуально отображает объекты нематериального культурного наследия, связанные с сохранением традиционных ремесел Нанкина.

В настоящее время собрано 1758 больших изображений ремёсел с высоким уровнем отображения, сделана 461 минута записей устных историй и создано 691 видео. Этот материал позволит более эффективно распространять знания, связанные с традиционными ремеслами как части нематериального культурного наследия Нанкина [1, с. 5].

Во-вторых, такие технологические средства, как оцифровка, способствовали разнонаправленному развитию и распространению нематериального культурного наследия. Например, компания «Ивэнь Групп»

была основана в 1994 году и к настоящему времени сформировала предприятие, объединяющее четыре основных сектора бизнеса: независимые бренды, промышленный Интернет, интеграция индустрии культуры, а также отраслевые платформы по защите и профилактике эпидемий.

«Ивэнь Групп» в своей деятельности основывается на принципах сохранения ценностей традиционной китайской культуры и философии, привнося тем самым новые смыслы в современную моду. Основываясь на потенциале традиционного искусства вышивки Мяо и достижениях международных дизайнеров, компания создала большую базу данных этого вида народного искусства и тем самым объединила вокруг своей деятельности дизайнеров разных стран. В базе данных собрано более 8000 объектов вышивки в национальном стиле, представлены более 1600 дизайнеров из разных стран, что позволяет использовать опыт китайских мастеров на мировом уровне [2].

В-третьих, цифровая эпоха способствовала повышению уровня потребления, создавая тем самым благоприятные условия для развития базы нематериального культурного наследия. Популяризация Интернета и широкое применение новых технологий – таких, как облачные вычисления, 5G, большие данные, блокчейн и искусственный интеллект привели к важным изменениям в модели развития нематериального культурного наследия с точки зрения экономической поддержки. В процессе цифровизации меняются рыночный потребительский спрос и структура предложения.

Новая среда потребления создает и новые подходы к достижению целей в управлении процессом. Онлайн-потребление становится новым способом и привычкой потребления в повседневной жизни современных пользователей. В «Отчете об инновациях в области потребления нематериального культурного наследия» показано, что в 2022 году число потребителей товаров нематериального культурного наследия достигло 100 миллионов; молодые люди в возрасте 20-30 лет становятся основными потребителями товаров нематериального культурного наследия; на крупных торговых сайтах проводятся ежедневные транзакции.

Вот некоторые данные: количество отраслей нематериального культурного наследия с оборотом более 100 миллионов увеличилось с 14 в 2021 году до 18; в 2022 году количество магазинов нематериального культурного наследия на платформе Таобао составило 32 853, что на 9,5% больше, чем в 2020 году; объем сделок с нематериальным культурным наследием увеличился по сравнению с 2020 годом на 11,6% [3, с. 5]. Следует заметить, что в последние годы люди также уделяют все больше внимания фестивальным мероприятиям, посвященным традиционной национальной культуре. Предметы и продукты нематериального культурного наследия

становятся самыми востребованными в сравнении с другими предложениями и пользуются повышенным спросом на фестивалях.

Хотя быстрое развитие цифровых технологий принесло много удобств и возможностей для записи, сохранения, демонстрации и производства нематериального культурного наследия, интеграция цифровых технологий и инновационное развитие Китая все еще находятся на ранних стадиях изучения и в настоящее время сталкиваются с определенными проблемами. Перечислим некоторые из них: планирование и управление ресурсами наследия; подготовка кадров для решения технических задач; вовлеченность творческих коллективов и др.

Таким образом, благодаря цифровизации проблема сохранения, трансляции, защиты нематериального культурного наследия становится более видимой для большинства пользователей, а его предметные и смысловые формы более доступными для представителей разных социально-демографических групп.

Библиографические ссылки

1. Сюэ Лин. Цифровизация помогает живой защите нематериального культурного наследия // Вечерние новости Янцзы газ. – 2019. – 29 ноября. – С. 3.
2. Ивэнь Групп. Информация об Ивэнь-2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.evefashion.com/ywdsj>. – Дата доступа: 18.10.2023.
3. Лаборатория индекса индустрии культурного туризма. Отчет об инновациях в области потребления нематериального культурного наследия за 2022 год // Новости туризма Китая. – 2019. – 23 ноября. – С. 5.

АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЖИТЕЛЯМИ

А. В. Чижик

Университет ИТМО, Санкт-Петербургский государственный университет
Биржевая линия, д. 14, лит. А, Университетская наб., д.7/9, 199034,
Санкт-Петербург, Россия,
chizhik@itmo.ru

Аннотация. Статья рассматривает коммуникативное пространство в социальной сети «Контакте». Основной целью данного исследования является анализ характерных черт взаимодействия пользователей в момент обсуждения постов. Для этой цели был использован набор данных, собранный из пяти новостных пабликов, включая посты и комментарии к ним. С применением автоматических методов анализа данных была предпринята попытка выявить факторы, влияющие на характер обсуждений в пабликах, а также выделить основные особенности дискурса. Далее было проведено исследование дискуссий в городских онлайн-сообществах с целью определения эмоционального фона горожан. В этой части исследования были проанализированы 18 групп (по одной группе на район), освещающих жизнь районов Санкт-Петербурга. В рамках анализа использовалось тематическое моделирование и анализ тональности, методология исследования была основана на выявленных на предыдущем шаге закономерностях построения дискуссии в социальных сетях.

Ключевые слова: *коммуникативный акт, социальное настроение, машинное обучение.*

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10069 «Прогнозирование социального самочувствия с целью оптимизации функционирования экосистемы городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга» (<https://rscf.ru/project/23-28-10069/>).

ANALYSIS OF THE PUBLIC SEGMENT OF SOCIAL NETWORKS TO ASSESS THE EMOTIONAL PERCEPTION OF CITY SPACE BY RESIDENTS

A. V. Chizhik

ITMO University, Saint Petersburg State University
14, Birzhevaya line, 7/9 Universitetskaya Emb., 199034, Saint Petersburg, Russia
chizhik@itmo.ru

Abstract. The paper provides an overview of the communicative environment found in the VKontakte social network. The objective of this study was to analyze the primary aspects of user communication within this social network, particularly when communicative interactions are initiated in response to news posts. Empirical data was sourced from a dataset comprising content from five news public pages, including posts and the accompanying comments. Employing automated data analysis methods, an effort was made to identify the factors that influence the character of discussions within these public pages, as well as to delineate the key attributes of the discourse. Next, the study was conducted of discussions in urban online communities in order to determine the emotional background of citizens. In this part of the study, 18 groups (one group per district) covering the life of the districts of St. Petersburg were analyzed. As part of the analysis, topic modeling and sentiment analysis were used; the research methodology was based on the patterns of discussion in social networks identified in the previous step.

Keywords: *communicative act, social mood, machine learning.*

Развитие информационных и коммуникационных технологий во многих исследованиях отмечается как поворотный момент формирования информационного общества. Если рассматривать эти изменения более конкретно, в первую очередь они кардинально повлияли на принципы функционирования средств массовой информации. Сначала СМИ сменили (или дополнили новыми) основные каналы коммуникации с целевой аудиторией. Это постепенно привело почти все медиа в пространство интернета (эпоха конвергентных медиа). Затем публикация новостных постов в социальных сетях стала обязательным звеном в жизненном цикле новости. Очевидно, что такая быстрая трансформация способов взаимодействия с целевой аудиторией повлияла и на коммуникативное поведение индивидов. Постепенно виртуальное пространство, которое благодаря развитию социальных медиа и наличию большого внимания СМИ к коммуникации с целевой аудиторией с их использованием, дало индивидам возможности не только искать/получать информацию в интернете (вертикальная коммуникативная модель), но также использовать и горизонтальные связи для взаимодействия с ней. Таким образом, в повседневные практики индивидов вошли инструменты, позволяющие выходить на коммуникацию не только типа «один к одному», но и «один ко многим» и «многие ко многим». Иными словами, пространство медиакоммуникации расширилось за счет того, что индивиды, которые раньше являлись потребителями информации, на данный момент стали принимать участие в формировании ее публичной интерпретации, трансформации и трансляции (репосты, комментарии, собственные посты).

Итак, медиакоммуникация является сложным по внутреннему устройству процессом, включающим в себя не только передачу адресантом информации (и гипотезу ее успешного получения адресатом), но также актуализацию ее смысловой и оценочной составляющей через акт инициирования горизонтальных коммуникативных взаимодействий между получателями сообщения. Таким образом, единицей медиакоммуникации по-прежнему является информационный повод. Однако в текущей формации социокультурного пространства информационный повод должен иметь потенциал триггера для индивидов, взаимодействующих с медиатекстом, благодаря которому они из пассивного существования в виртуальном пространстве превращаются в активных акторов, которые в свою очередь модифицируют инфоповод, дополняя его, и, главное, задавая векторы настроений социальных групп в их реакциях на пост [1].

Из этого следует, что медиакоммуникация представляет собой систему, которая оказывает воздействие на характер общения в социальных группах и формирует социальные и политические установки в обществе через факт онлайн-взаимодействий индивидов [2]. Из всех средств массовой коммуникации особое внимание имеет смысл уделять социальным сетям, в которых есть возможность комментировать исходный пост, транслирующий информационный повод. Они являются основным артикулятором общественных настроений, представляя собой пространство социализации и самоидентификации для отдельных индивидов и для социальных групп в их актуальном состоянии. В таком виртуальном пространстве информационный повод начинает напоминать корень направленного графа, представляя собой информацию, которая практически с первых минут публичного доступа к ней начинает быть постоянно модифицирующимся объектом, служащим для объединения и/или формирования вокруг нее социальных групп. Формирующееся вокруг инфоповода виртуальное пространство может быть зеркальным отражением существующих в оффлайне социальных групп или, наоборот, являть собой новое объединение индивидов, так как виртуальная реальность в данном случае предоставляет возможность объединяться, преодолевая ряд социо-демографических преград.

Публичное и открытое выражение эмоций при этом становится базисом для создания связей между участниками виртуального пространства. Взаимопонимание между индивидами и признание (или непризнание) эмоций играют важную роль в формировании доверительных отношений внутри формирующейся на фоне коммуникативного акта социальной группы. Процесс эмоционального взаимодействия между участниками сети служит механизмом, запускающим процесс организации психологической динамики социальной группы.

Для исследования реакций пользователей социальной сети на пост был собран набор данных из 5 публичных групп, публикующих новостной контент (социальная сеть «ВКонтакте»). Посты и комментарии к ним собирались за 2022 год. Итоговый объем датасета – 154 345 строк; собранный массив изучался с использованием методов автоматизированного анализа данных. Средняя длина комментариев в наборе данных – 21 слово, а постов – 41 слово.

Дискурс социальных сетей является особой формой коммуникации: комментарии пользователей представляют собой короткие текстовые сообщения, которые относятся к разговорному языку (часто авторы намеренно искажают орфографию, нередко фраза содержит саркастические коннотации и т.п.). При этом драматургия комментирования предполагает, что постепенно пользователи начинают общаться между собой, понимая, что автор поста в большинстве случаев останется непричастным к дискуссии. Пользователи могут писать как комментарии к посту, так и комментарии к n-му комментарию (и логически они будут связаны с ним, а не с постом как таковым). Это означает, что пост можно исследовать с точки зрения выделения темы, а комментарии под ним всегда насыщены информацией об эмоциях пользователей на предложенную тему. Оптимальным представляется проводить оценку настроений всей группы комментариев, что дает возможность оценить социальное настроение группы по отношению к теме.

Эмоционально комментирующие разделены на два лагеря, что характеризуется чаще всего позитивной и негативной коннотацией. Постепенно один из лагерей побеждает, таким образом к концу жизненного цикла поста социальная группа целиком объединяется около одного из полюсов социального настроения. Значит, можно утверждать, что перед нами эффект циркулярной реакции, который, переходя из реального мира в виртуальное пространство, сохраняет свой ключевой аспект: индивидов привлекает наблюдение за своими собственными эмоциями, отраженными в эмоциях других [3, 4]. Поэтому воздействие эмоций участников дискуссий в социальных медиа можно рассматривать как сеть взаимосвязанных когнитивных, эмоциональных и оценочных состояний. Они выступают как элементы системы, способствующей формированию индивидуальных мнений. Эти состояния возникают и изменяются в процессе взаимосвязей с другими участниками сети через публичное общение. Нужно отметить, что эмоциональный аспект коммуникации играет важную роль в движении индивида по цепочке когнитивно-оценочных состояний и способствует синхронизации социальной группы в виртуальном пространстве. Эмоции действуют как условие для непрерывного и динамичного взаимодействия между участниками сети, позволяя им постоянно переживать себя и других.

Продолжительность эмоций является ключевым фактором в поддержании диалога, а динамические взаимосвязи состояний формируют отношения между участниками в разных типах коммуникативных актов (один к одному и один ко многим), что позволяет индивидам точно определить свое место в социальной группе.

Следует отметить, что обмен эмоциями приводит к изменению дискурсивных рамок и перераспределению границ между публичным и приватным пространствами. В этом контексте можно утверждать, что успешное эмоциональное взаимодействие между участниками, выступая как точки бифуркации в системе, приводит к изменению направления общественного настроения (и иногда общественного мнения), вызывая неожиданные разделения и объединения. В результате формирование социальной группы в сетевом пространстве происходит на основе динамически меняющейся структуры узлов, которые олицетворяют собой эмоциональный опыт индивидов. В конечном итоге это создает символические объекты и связи, основанные на согласовании эмоциональных ритмов и чувствительного обмена.

Таким образом, социальная сеть превращается в пространство, где участники могут ярко переживать взаимодействие и готовы адаптировать свои суждения с целью соответствия социальной группе, подвергаясь цепной реакции. Эмоциональную динамику в сети можно охарактеризовать как бинарное взаимодействие между напряжением и расслаблением. Процесс принятия идей в публичном пространстве приводит к усилению эмоций, что служит фундаментом для сохранения целостности системы и определения границ социальной группы. Это также устанавливает направление для коллективного поведения и влияет на общие тенденции внутри группы.

Дальнейшее эмпирическое исследование было направлено на изучение динамики изменения эмоционального состояния жителей района. С этой целью была проанализирована социальная активность жителей районов Санкт-Петербурга в социальной сети «ВКонтакте». В выборку вошли 18 общественных групп (по 1 активной группе на район). Текстовые данные собирались за период 2013-2021 гг. для того, чтобы сделать анализ эмоционального состояния более репрезентативным с точки зрения повседневной стабильности горожан. Каждый пост был оценен с точки зрения уровня реакции на него со стороны участников сообщества. В выборку вошли только те посты, которые содержат более 5 комментариев длиной более 30 символов. Средняя длина комментариев в итоговой выборке составила 525 слов (10–15 комментариев на пост). Средняя длина постов – 41 слово. Полуструктурированные текстовые данные были исследованы с применением алгоритма LDA и данный анализ показал основной состав тем,

обсуждаемых в группах: проблемы района, вопросы здравоохранения, спорт, семья и события.

Посты, все комментарии к ним вместе со всеми реакциями на эти ответы подавались на вход ml-модели для оценки тональности. Соответственно, в итоге мы не оценивали реакцию социальной группы на n-го комментатора, а анализировали общий эмоциональный фон вокруг темы, которая была поднята изначально. В результате мы получили размеченный набор данных и создали карту эмоций Санкт-Петербурга с разметкой по районам.

Библиографические ссылки

1. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt, 1991. – 385 p.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 41-42.
3. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. – 210 с.
4. Имедадзе И.В. Интеракционизм и общепсихологическая теория установки // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – №. 3. – С. 33-42.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Чэнь Сяоцзяо

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
596617530@qq.com

Научный руководитель: **И. И. Калачёва**, доктор ист. наук, профессор

Аннотация. Стремительное развитие цифровых технологий сделало общественную жизнь и социальное управление более удобными и эффективными, но в то же время вызвало объективные трудности у пожилых людей. Пожилым людям не хватает помощи со стороны молодежи, им не хватает физической и психологической энергии, а в Интернете угрожает много манипулятивных приемов для недостаточно подготовленных людей. Рассматриваются направления противодействия цифровому неравенству в отношении пожилых людей в следующих аспектах: посредством улучшения государственного руководства, создания новых механизмов обучения и программ адаптации, в том числе на уровне семейного общения.

Ключевые слова: *пожилые люди, цифровые технологии, программы адаптации, обучение в семье.*

CURRENT PROBLEMS OF ADAPTATION OF OLDER PEOPLE TO NEW COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE DIGITAL ERA

Chen Xiaojiao

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
596617530@qq.com

Scientific supervisor: **I. I. Kalachova**, Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The rapid development of digital technology has made social life and social management more convenient and efficient, and at the same time, it has also caused objective difficulties for older people. Older people lack help from young people, they lack physical and psychological energy, and on the Internet there are many manipulative techniques for insufficiently prepared people. The directions for countering the digital inequality in relation to older people are considered in the following aspects: through improving government leadership, creating new training mechanisms and adaptation programs, including at the level of family communication.

Keywords: *elderly people, digital technologies, adaptation programs, family education.*

В то время как старение населения ускоряется, развитие науки и техники, а также информационных технологий продвигается семимильными шагами, и цифровая жизнь, основанная на Интернете и цифровых технологиях, стала основным образом жизни. Согласно 51-му «Статистическому отчету о развитии интернет-сети Китая», опубликованному CNNIC, текущий уровень использования Интернета в Китае составляет 75,6%, а доля пользователей старше 60 лет – 12,2%. Согласно статистике, число пожилых людей в Китае в возрасте 60 лет и старше достигло 264 миллионов, что составляет 18,7% от общей численности населения. Согласно исследованию, опубликованному центральным банком, только 21% людей старше 60 лет в Китае выбирают электронные платежи [1, с. 39-42]. Можно видеть, что по сравнению с современной молодежью и людьми среднего возраста существуют очевидные трудности в процессе интеграции пожилых людей в цифровую жизнь.

Столкнувшись с цифровыми технологиями и цифровой культурой, пожилые люди обратились к вопросу освоения новых медиа и обучения. Однако, очевидно, что эта проблема решается достаточно сложно. Поскольку молодое поколение овладело абсолютным правом высказываться в области информационных технологий, большинство широко используемых аппаратных средств программного обеспечения основаны на потребностях молодежи, а меньше внимания уделяется потребностям и опыту пожилых пользователей. Выделим некоторые вопросы, с которыми сталкиваются пожилые люди в цифровую эпоху:

1. Жизненные неудобства.

Из-за низких цифровых возможностей повседневная жизнь людей, уязвимых к цифровым технологиям, серьезно пострадала, особенно в нескольких ситуациях, которые тесно связаны с каждодневными заботами пожилых людей – такими, как поездки, оплата и медицинское лечение. В условиях изменившейся среды обитания люди старшего поколения все еще ведут свой прежний образ жизни, что привело к проблемам между жизненными привычками и современным социальным окружением. Это также является основной причиной, по которой пожилые люди часто сталкиваются с трудностями и даже противоречиями и конфликтами в реальной жизни. Пожилые люди сильно зависят от своих детей или связанного с ними обслуживающего персонала в использовании цифровых технологий, но как только эта помощь исчезнет, они почувствуют себя неловко и даже будут вынуждены отложить свои действия или отказаться от них.

2. Физическая и психологическая энергия пожилых людей недостаточна. Физические и психологические особенности пожилых людей также серьезно влияют на их желание и способность осваивать цифровые технологии. С одной стороны, функции различных физических органов пожилых людей ухудшаются, снижается способность мыслить и быть активным, ниже становится способность к восприятию, ослабляется память, замедляется скорость реакции и мышления. Пожилым людям становится все труднее строить совершенно новую жизнь. Снижение слуха и зрения также приводит к неспособности пожилых людей к обучению. С другой стороны, из-за влияния возраста, уровня образования и т.д. готовность пожилых людей воспринимать новое, как правило, отсутствует, что, в свою очередь, вызывает сопротивление.

3. Отсутствие помощи со стороны молодежи. Большинство пожилых людей хотят обратиться за помощью к своим детям, но фактическое количество помощи намного меньше, чем их запросы. Основными причинами являются большое расстояние между родителями и детьми, небольшое количество свободного времени у детей и отношения родителей и детей.

4. В Интернете много «ловушек» для людей, не имеющих навыков коммуникации в сети. По мере того, как все больше пожилых людей присоединяется к цифровому лагерю, приемы мошенничества и обмана увеличиваются. Из-за ограниченной способности пользователей старшего возраста распознавать информацию и недостаточных возможностей выявлять онлайн-слухи и фейки, а также адекватно реагировать на них, пожилые люди легко становятся объектом манипуляций.

Предоставление пожилым людям возможности безопасно и быстро пользоваться удобствами цифровой эпохи требует совместных усилий правительства, общества, предприятий, семей и самих групп пожилых людей. Какие направления работы на данный момент наиболее важны для преодоления трудностей адаптации пожилых людей к цифровым технологиям?

Правительство берет на себя инициативу по адаптации пожилых людей к цифровым технологиям, для чего разрабатываются актуальные нормативные документы, направленные на планирование работы, обучение старшего поколения и вопросы улучшения общественного мнения. Компании-разработчики активно продвигают цифровые устройства и приложения для людей зрелого возраста. При этом не все еще сделано с точки зрения формирования социальной ответственности организаций, где работают люди, относящиеся к категории «пожилые работники». Предприятиям следует изменить свое мышление по отношению к потребностям людей, изучать их

цифровые навыки и развивать институты волонтерской помощи, а также создавать оборудование и приложения, помогающие процессам адаптации.

Члены семьи играют незаменимую роль в оказании помощи пожилым людям в адаптации к цифровой жизни. Пожилым людям в семье следует уделять больше внимания и относиться с большим терпением. Дети должны оказывать своим родителям адекватную и эффективную информационную поддержку и учить их овладевать цифровыми навыками. Интеграция пожилых людей в цифровую жизнь требует преодоления многих трудностей, как на государственном уровне, так и на уровне улучшения общественного мнения, а также в семье.

Библиографические ссылки

1. Ма Айфэн, Ян Вэнь, Ван Цзыцзя. Исследование текущей ситуации с интеграцией пожилых людей в цифровую жизнь в сельской местности // Еженедельный рынок. – 2023. – №3. – С. 39-42.

МАЛЫЕ ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

А. В. Шичко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
shichko@bsu.by

Аннотация. Дается характеристика современного состояния и перспектив дальнейшего развития малых школьных музеев как элемента городской культурной среды, средства расширения исторических знаний в рамках преемственности патриотических традиций разных поколений, реализации социокультурных потребностей городского населения.

Ключевые слова: *школьные музеи; воспитание патриотизма; традиции; исторические знания.*

SMALL SCHOOL MUSEUMS IN THE URBAN ENVIRONMENT AS AN ELEMENT OF CULTURAL AND PATRIOTIC EDUCATION

A. V. Shichko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
shichko@bsu.by

Abstract. The author characterizes the current state and prospects for the further development of small school museums as an element of the urban cultural environment, a means of expanding historical knowledge within the framework of the continuity of patriotic traditions of different generations, the implementation of the social and cultural needs of the urban population

Keywords: *school museums; education of patriotism; traditions; historical knowledge.*

В преамбуле «Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» говорится: «Строительство и укрепление независимого белорусского государства, обеспечение дальнейшей консолидации белорусского общества требуют выработки целостной системы патриотического воспитания, которая должна основываться на историческом опыте белорусской нации, духовных и моральных традициях, ценностных убеждениях и ориентирах, составляющих основу менталитета белорусов, таких базовых принципах современного этапа

государственного строительства Беларуси, как "Единство. Развитие. Независимость"» [1].

За последние годы в Республике Беларусь развернулось масштабное строительство различных социально-значимых учреждений. Практически каждый год в малых и крупных городах в различных регионах Беларуси открываются новые школы. Ряд из них строится под патронатом Президента Республики Беларусь по проектам, опережающим время, и они справедливо называются школами будущего. Это строительство социально значимо, поскольку формирование личности гражданина и патриота начинается с семьи, школы и продолжается в колледже, вузе, коллективе.

В таких учебных учреждениях, помимо развитой спортивной инфраструктуры, бассейнов, больших и малых спортивных залов, имеется достаточное количество помещений внеклассной работы, которые можно использовать для создания малых музеев и музейных комнат различной тематической направленности. Они помогут создать атмосферу исторической реальности, где на стендах и в витринах будут представлены экспонаты личного характера, архивные документы, фото и видеоматериалы и т. д.

Учитывая повестку сегодняшнего дня и огромный поток информации, распространяемый различными интернет-площадками, патриотическое воспитание становится одним из ведущих направлений информационной работы. Сегодня как никогда важно в огромном потоке информации точно доносить до детей и молодежи сведения о достоверных фактах, соответствующих исторической реальности, с целью воспитания у них конструктивной патриотической позиции на примере старших поколений с проекцией на конкретные поступки.

В условиях интенсификации процессов урбанизации, перетекания основной массы населения в города, где более успешно и быстро решаются вопросы трудоустройства и достойного заработка, важнейшим становится вопрос развития индустрии развлечений и организации культурного досуга. В этой системе могут получить свою нишу школьные музеи, которые будут иметь влияние на организованные аудитории собственно школьников, их родителей, а также аудитории других школ, вовлекая всех в процесс межкультурной коммуникации.

Если взять за основу понятие «культура» как исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых им материальных и духовных ценностях, то ключевое понятие, на которое необходимо обратить внимание, – это «духовные ценности». Именно на сегодняшнем этапе развития взаимоотношений в социуме духовные ценности выходят на первый план и определяют не менее важное явление –

национальную самоидентификацию. В связи с этим, в системе малых музеев, по мнению многих современных исследователей, ключевым становится аспект идеологического воздействия на зрительскую аудиторию. Наиболее точно направленным становится влияние вещественных экспонатов, которые авторитетны как для локальной аудитории, так и для более широкого круга посетителей.

Как было отмечено выше, стремительное развитие интернет-технологий породило бурное развитие интернет-источников информации, которая не всегда достоверна, конкретна, зачастую искажает факты и события, оказывая на аудиторию негативное и деструктивное воздействие. Однако, следует отметить, что при всей визуальной выигрешности, эта информация уступает вещественным предметам прошлого, особенно при возможности взять артефакт в руки, почувствовать сопричастность к событиям прошлого. Безусловно, музейный постулат «не трогать экспонаты» полностью устарел и не может быть руководством к действию в пространствах малых школьных музеев, даже если это приведет постепенному разрушению экспонатов. Значит, необходимо их чаще реставрировать, находить новые или обновлять экспозицию из фондов.

В качестве примера гражданско-патриотического воспитания в городской среде можно обратиться к созданию музейной комнаты в Смолевичской СШ № 5. Школа не только соответствует всем современным стандартам, но и значительно опережает время, по праву считаясь школой будущего.

Идея создания музейной комнаты возникла в августе 2022 года. Анатолий Шичко, участник боевых действий в Афганистане, подполковник в отставке, обратился к руководству школы с предложением выделить помещение для создания комнаты боевой славы воинов-интернационалистов. В итоге, после обсуждений на районном уровне формат комнаты решили расширить – так появилась музейная комната патриотической славы Смолевичского района.

Идея оказалась очень интересной: взять различные периоды и показать динамику патриотической традиции народа на примере Смолевичского района, прослеживая преемственность поколений. «Ветераны Великой Отечественной войны через ветеранов труда передали эстафету воинам-интернационалистам» – на основе этой концепции был разработан дизайн стендов, продумано содержание экспозиции, собраны первые экспонаты: макеты винтовки Мосина, пистолета ТТ, пистолета-пулемета МП 38/40 «Шмайсер», автомата АК 74, который в свое время был подарен депутату Национального собрания Республики Беларусь Валерию Гайдукевичу министром обороны, а он передал его музейной комнате;

элементы формы и снаряжения того периода. Сегодня в музейной комнате более четырехсот экспонатов. Ее посетили губернатор Минской области, министр образования А. И. Иванец, сенатор В. В. Гайдукевич, депутат Палаты представителей, известный историк И. А. Морзалюк, студенты факультета философии и социальных наук БГУ, более тысячи учащихся СШ № 5 и других школ г. Смолевичи.

Когда задумывалось смысловое наполнение музейной комнаты, ее создатели решили начать с экспонатов, связанных с деятельностью Героев Советского Союза, затем перейти к артефактам партизанского движения и активно заняться наполнением витрин именно в этом направлении. Но, по мере реализации, идея развивалась и углублялась. Дальнейшее наполнение комнаты экспонатами пошло по линии показа конкретных достижений простых людей, и ординарных, на первый взгляд, событий, характеризующих, однако, прошлое как время проявления массового патриотизма, что дает современникам возможность сделать правильно ориентированный нравственный выбор.

Таким образом, комната патриотической славы хранит экспонаты, связанные с проявлением мужества и самоотверженности фронтовиков, партизан, воинов-интернационалистов. Все, что наполняет музейную комнату, должно быть не просто красивым антуражем, все должно работать так, чтобы жить в сознании детей, возвращать и развивать в них любовь к месту, в котором живут, к малой родине и к Родине в целом.

В музейной комнате можно увидеть стенды, посвященные ветеранам-фронтовикам Великой Отечественной войны, партизанам, Героям Социалистического Труда и другим известным землякам – уроженцам Смолевичского края. Экспозиция продолжает наполняться. Подводя экскурсантов к витринам, им рассказывают историю появления экспонатов, показывают уникальные вещи, которые есть не в каждом большом музее, демонстрируют инсталляцию с оружием и солдатской экипировкой, где все можно потрогать руками, можно примерить противогаз или фуражку, собрать и разобрать оружие, сфотографироваться с ним.

Вместе с тем, в музейной комнате используются и современные цифровые технологии. Имеется интерактивная доска, благодаря которой удалось сохранить в электронном виде воспоминания ветеранов о повседневной жизни на войне. В рамках интервьюирования удалось записать и разместить воспоминания девяностовосьмилетнего партизана А. А. Кристаповича. Он стал партизаном в шестнадцать лет и участвовал в подрыве двенадцати немецких эшелонов. В электронной памяти хранится и может демонстрироваться большое количество документальных и художественных фильмов о реальных событиях прошлого.

Музейная комната стала общим делом, в ее деятельность уже вовлечены и продолжают вовлекаться люди небезразличные, патриоты. Постоянно ощущается помощь и содействие руководства райисполкома, управления образования, директора школы. Каждый желающий может внести свою лепту в развитие комнаты, уникального явления, аналогов которому пока нет в Республике Беларусь.

Таким образом, малые музеи и музейные комнаты в школах могут стать объектом посещения не только основного контингента – школьников, но и их родителей, а также трудовых коллективов, государственных служащих, работников сферы образования и культуры. Подобные заведения могут стать базовой площадкой для патриотических классов, различных кружков исторической и культурной, краеведческой направленности. Важную роль может сыграть то, что дети на уроках труда способны сами создавать различные экспонаты, осуществляя вещественную сопричастность с исторической памятью. В системе реализации городской социальной политики, в области культурного и патриотического воспитания малые школьные музеи и музейные комнаты могут и должны стать центрами сохранения патриотических, нравственных традиций, правильно ориентированной национальной идентификации белорусского народа.

«В детских садах, школах, средних специальных и высших учебных заведениях формируется духовный и нравственный облик нации», – отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая 31 марта 2023 г. с Посланием белорусскому народу и Национальному собранию. – «Колоссальная ответственность лежит на плечах воспитателей, школьных учителей, преподавателей вузов за сохранение преемственности наших традиционных ценностей. Главное в них – любовь к своей стране. И скажу снова, потому что актуально: воспитать патриота может только патриот» [2].

Библиографические ссылки

1. Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1>. Дата доступа: 01.01.2022.

2. Послание белорусскому народу и Национальному собранию Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-beloruskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. Дата доступа: 31.03.2023.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЛОСТРАТЕГИЙ ДЛЯ ГОРОДА И ГОРОЖАН

Б. Т. Юанов

Университет ИТМО

Кронверкский пр-т 49, 197101, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
beslan.yuanov@yandex.ru

Аннотация. Выбранная тема состоит в том, чтобы проанализировать, как создание и развитие велосипедной инфраструктуры в городах влияет на основные показатели, определяющие качество жизни жителей этих городов. В работе будут рассмотрены основные критерии, которые помогают оценить качество жизни горожан, а также взаимосвязь этих критериев с реализацией велостратегий.

Ключевые слова: велоинфраструктура, улично-дорожная сеть, велостратегия, комплексное развитие территории, благоустройство, велосипедизация.

THE EFFECTS OF THE IMPLEMENTATION OF CYCLING STRATEGIES FOR THE CITY AND CITIZENS

B. T. Iuanov

ITMO University

49, Kronverksky pr., 197101, Saint-Petersburg, Russia
beslan.yuanov@yandex.ru

Abstract. The main goal of the research is to analyze how the creation and development of cycling infrastructure in cities affects the quality of life of citizens. The work will consider the main criteria that help assess the quality of life of citizens, as well as the connection of these criteria with the implementation of cycling strategies.

Keywords: *cycling infrastructure, road network, cycling strategy, comprehensive development of the territory, improvement.*

Целью исследования на данном этапе является описание нового метода оценки качества создаваемой велоинфраструктуры, ее влияния на город и горожан с точки зрения экономических, социальных, оздоровительных и экологических эффектов. Актуальность и необходимость разработки подобного метода подтверждается тем, что в настоящее время крупные российские города, несмотря на потенциал и на выгоды от развития велоинфраструктуры, стоят перед проблемой ее создания, а во многих из них такой вид транспорта, как велосипед, недооценивают и пренебрегают его

развитием и популяризацией. Так, в 30 регионах РФ региональные градостроительные нормативы до сих пор не упоминают велотранспортную инфраструктуру. Почти во всех остальных регионах отсутствуют требования минимальной обеспеченности и используются устаревшие нормы транспортного проектирования.

Все это приводит к росту автомобилизации среди горожан, а городские власти в российских городах зачастую на практике, разрабатывая транспортные стратегии, ставят автомобилистов в приоритет, несмотря на содержащиеся в ФЗ «О безопасности дорожного движения» принципы [1], провозглашающие приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности, а также программно-целевой подход к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

Таким образом, одним из препятствий в создании и реализации велоstrategий является растущий уровень автомобилизации российских городов и отсутствие популяризации альтернативных способов передвижения по городу. Гипотеза исследования состоит в том, что комплексное развитие велоинфраструктуры способно привести к качественным измеримым эффектам для городской среды и горожан и перераспределить транспортные корреспонденции в пользу велосипедистов, нивелируя негативные последствия от роста автомобилизации. Все эти эффекты можно разделить на экономические, социальные, выгоды для окружающей среды и оздоровительные.

Наибольший пласт исследований посвящен именно экономическим выгодам. Так, например, исследование, учитывающее данные из 17 государств [2], показало, что 8% поездок на велосипеде, которые заменят поездки на автомобиле, могут привести к сокращению преждевременных смертей на 1302 в год для РФ. Соответственно, 1% поездок на велосипеде приведет к сокращению преждевременных смертей на 163 в год. В Российской Федерации для определения эффекта от сокращения смертности можно применить оценку социально-экономического ущерба от смерти гражданина в ДТП [3]. Исходной информацией для этих расчетов являются норматив ущерба за предыдущий год, величина валового регионального продукта (ВРП) и среднегодовая численность населения, занятого в экономике области. Нормативная величина ущерба от гибели человека, имевшего семью, составляет 15 376,9 млн рублей, а нормативная величина ущерба от гибели человека, не имевшего семьи – 14 661,8 млн рублей. Исходя из этого, средняя нормативная расчетная величина от гибели составляет 15 019,35 млн рублей. Однако данные показатели были рассчитаны в 2010 году, поэтому для наиболее объективного и актуального

результата необходимо рассчитать также поправочные коэффициенты (K – отношение ВРП региона в исследуемом году к ВРП региона в 2010 году, K_1 – отношение населения региона в исследуемом году к населению в 2010 года, и K_2 – отношение коэффициентов K и K_1). Формула, которая может быть использована для расчета экономических эффектов:

$$S=C*163*(Na*k),$$

где S (savings) – экономия для бюджета в год благодаря снижению числа преждевременных смертей, руб;

C (cyclists) – % роста велосипедистов в год за счет увеличения велоинфраструктуры;

163 – число предотвращенных преждевременных смертей в год от увеличения велопоездки на 1%;

Na – нормативная величина ущерба от гибели человека в ДТП, руб;

k – поправочный коэффициент, который отличается в зависимости от города [4].

Велосипед является наиболее устойчивой формой транспорта в отличие от пассажирского автотранспорта, который ежегодно выбрасывает порядка 3 млрд метрических тонн CO_2 . Однако, помимо выбросов CO_2 , автомобили выделяют метан (CH_4) и закись азота (N_2O). По сравнению с CO_2 выбросы этих газов достаточно малы, однако имеют больший потенциал глобального потепления. Велосипед же не производит никаких выбросов в атмосферу. Эффекты от снижения числа автомобилей за счет роста уровня велосипедизации можно представить в виде формулы:

$$E=(C-Cr)*Ne,$$

где E (emissions) – выбросы углекислого газа, которых удастся избежать благодаря снижению уровня автомобилепользования за счет роста велосипедистов, т/1000 чел;

C (cars) – текущий уровень автомобилепользования, авто/1000 чел;

Cr (cars reduction) – уровень автомобилепользования, сниженный за счет роста велосипедных поездок, автомобилей/1000 чел;

Ne (number of emissions) – выбросы CO_2 от одного легкового автомобиля, т.

Эффекты для семей с детьми. Родители, которые ухаживают за детьми, получают больше свободного времени за счет роста велосипедизации и улучшения велоинфраструктуры, поскольку это позволяет им сэкономить время на перевозках своих детей, которые могут совершать поездки на велосипеде самостоятельно, не нуждаясь в использовании автомобильного транспорта [5]. В связи с отсутствием данных, данный эффект будет рекомендовано рассчитывать каждому городу опционально на основе социологических опросов. В качестве инструмента для расчета времени,

экономленного семьей с детьми за день за счет роста велосипедизации и улучшения велоинфраструктуры, возьмем следующую формулу:

$$T_s = T - (N_c * T_c),$$

где T_s – количество сэкономленного времени в день, ч;

T – время, затрачиваемое на перевозку всех детей в день суммарно, ч;

N_c – количество детей в семье с 7 до 14 лет, пересевших на велосипед и осуществляющих самостоятельные велопоездки;

T_c – время, затрачиваемое на перевозку каждого ребенка отдельно в день, ч;

Кроме этого, данный эффект может быть не только социальным, но и экономическим, влияя на стоимость времени. Для расчета стоимости времени, сэкономленного семьей с детьми за день за счет роста велосипедизации и улучшения велоинфраструктуры, используем следующую формулу:

$$T_c = T_s * Sh,$$

где T_c (time cost) – стоимость времени, руб;

T_s (time savings) – количество сэкономленного времени в день, ч;

Sh (salary per hour) – средняя заработная плата в час в зависимости от региона, руб/ч.

Как уже было описано выше, 8% поездок на велосипеде, которые заменят поездки на автомобиле, могут привести к сокращению преждевременных смертей на 1302 в год для РФ, а 1% поездок – к сокращению преждевременных смертей на 163 в год, что, в свою очередь, положительно сказывается не только на бюджете города, но и на демографии. Так, в качестве расчета можно использовать формулу:

$$M_r = M_e - (C_e + C_i) * 163,$$

где M_r (mortality rate) – уровень смертности с учетом сокращения преждевременных смертей за счет увеличения уровня велопользования, чел/год;

M_e (existing mortality rate) – текущий уровень смертности, чел/год;

C_e (existing cycling level) – текущее число велопользователей, %;

C_i (cycling increase) – процент увеличения поездок на велосипеде в год, %;

163 – число предотвращенных преждевременных смертей в год на 1% велопоездки.

Таким образом, в ходе исследования зарубежных и отечественных научных исследований, направленных на изучение влияния велосипедизации на человека и в целом на город, удалось прийти к существенному выводу: велосипед как полноценный вид транспорта способен принести выгоды как отдельному горожанину на микроуровне, так и городу, региону и

государству на макроуровне. Однако, несмотря на ряд зарубежных и отечественных исследований, направленных на изучение эффектов от велосипедизации, в научной среде не существует такого метода, который мог бы эти эффекты оценить и экстраполировать на конкретный город со своими особенностями и данными. Поэтому целью данного исследования была разработка подобного метода для того, чтобы эти эффекты могли быть представлены в виде конкретных значений и индикаторов и в дальнейшем использовались городскими властями и транспортными инженерами для создания комплексных велостратегий и принятия эффективных решений по изменению существующей улично-дорожной сети или строительству новой.

В результате был создан ряд формул, которые позволяют рассчитать эффекты от роста уровня велосипедизации и велоспользования для отдельно взятого города, а также оценить в конкретных значениях, какие эффекты от этого город получит, на основе подробного алгоритма применения этих формул и в целом работы метода. Подобные расчеты являются наглядной демонстрацией выгод развития велосипедного движения для городских менеджеров и потенциально могут стать основой для развития велоинфраструктуры по всей стране, что сделает российские города более удобными не только для велосипедистов, но и для пешеходов, а также приведет к ряду дополнительных эффектов, которые выше были подробно описаны в данном исследовании.

Библиографические ссылки

1. Региональные нормы градостроительного проектирования: что с ними не так, и как менять. – Режим доступа: <https://letsbikeit.ru/rngp>.
2. Strelka КБ. Транспорт будущего: как сделать города удобнее для велосипедистов. – Режим доступа: <https://velofuture.strelka-kb.com>.
3. Rajé F., Saffrey A. The Value of Cycling, 2016.
4. R. Marqués, V. Hernández-Herrador, M. Calvo-Salazar, J. A. García-Cebrián. How infrastructure can promote cycling in cities: Lessons from Seville. Res. Transport. Econ., 2015.
5. EEA. Average CO₂ emissions of car manufacturers or pools of car manufacturers in the EU, Iceland, Norway and the United Kingdom in 2020. – Режим доступа: https://www.eea.europa.eu/data—and—maps/daviz/data—visualization—53#tab—googlechartid_chart_11.

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА

М. М. Юспа

ГУО «Республиканский институт высшей школы»
ул. Московская, 15 220007, г. Минск, Республика Беларусь
pochta@uspa.su

Научный руководитель: **В. А. Мельник**, доктор полит. наук, профессор

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные исследования на тему применения теории символического капитала французского социолога Пьера Бурдьё при формировании стратегии развития городов. Отмечается разность подходов в зависимости от доминирующей идеологии. Автор приводит пример использования языка как элемента коллективного символического капитала в текущей стратегии развития города Минска.

Ключевые слова: *коллективный символический капитал; символический капитал места; символический капитал города; управление городом; территориальный символический капитал; система ценностей.*

THE ROLE OF COLLECTIVE SYMBOLIC CAPITAL IN THE CITY DEVELOPMENT STRATEGY

M. M. Yuspa

SIE «National Institute For Higher Education»
15 Moskovskaya street 220007, Minsk Belarus
pochta@uspa.su

Scientific adviser: **W. A. Melnik**, Doctor of Political Science, Professor

Abstract. In the article the author analyzes domestic and foreign studies regarding application of the theory of symbolic capital by French sociologist Pierre Bourdieu in the formation of urban development strategy. The difference of approaches depending on the dominant ideology is noted. The author gives an example of the use of language as an element of collective symbolic capital in the current development strategy of the city of Minsk.

Keywords: *collective symbolic capital; symbolic capital of a place; symbolic capital of a city; city management; territorial symbolic capital; value system.*

Сегодня в различных государствах мира большое внимание уделяется гармоничному развитию городов с целью улучшения качества жизни их обитателей и привлечения внимания к туристическому потенциалу того или

иного места. Республика Беларусь не стала исключением в этом всемирном увлечении улучшением среды обитания. Тенденцию к изменению системы ценностей в организации городского пространства с «технократической на гуманистическую» для создания «устойчивой человекоцентристской среды» отмечает в своём исследовании Е.В. Гришкевич [1].

С одной стороны, города Беларуси не всегда можно в своём развитии сравнивать с европейскими или городами бывшего СССР, так как республика приняла на себя самый сильный удар фашистской армады, что привело к стиранию с лица земли многих населённых пунктов, в том числе Минска. С другой стороны, отмеченная трагедия развязала руки архитекторам и проектировщикам, позволив выстроить новый город, сохранив при этом некоторые островки истории. Развитие не стоит на месте, и градостроительная наука каждый день решает различные задачи для удовлетворения потребностей урбанизированных потребителей. Однако постоянно встаёт вопрос о том, что положить в основу стратегии городского развития.

В последнее время русскоязычные исследователи обратили внимание на теорию символического капитала французского социолога и этнографа Пьера Бурдьё. Не в последнюю очередь это касается развития городов. В этой связи появился термин «символический капитал места (территории)», под которым Федотова Н.Г. понимает «совокупность значений (смыслов), которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие» [2]. Это соответствует первоначальному представлению этого понятия со стороны П. Бурдьё, видевшего в нём «капитал чести и престижа» [3]. Иными словами, речь здесь идёт об имидже и репутации.

С тех же позиций, говоря о необходимости черпать в местных исторических, архитектурных и культурных образах информацию для создания территориальных брендов, в своих работах при исследовании туристического потенциала различных мест выступают Евменов А.Д., Комаров С.А., Благовой И.Ю., Хомякова И.В., Мещеряков Т. В., отмечая, что символический капитал обладает такими же свойствами самовозрастания, как и капитал экономический. Несмотря на то, что авторы обращаются к определённым элементам местной памяти, составляющим базу символического капитала, всё же можно отметить, что они смотрят на символический капитал территории исключительно как на инструмент монетизации определённого знания за счёт въездного и внутреннего туризма.

С других позиций видят «символический капитал» западные исследователи. Греческий учёный Василис Авдикос рассматривает пример использования символического капитала в одном из районов Афин под названием Kerameikos-Metaxourgeio. Однако он использует уже несколько

иную категорию, называя символический капитал коллективным. В нём он видит коллективный творческий порыв местных художников и артистов на первом уровне, осуществляющих свою деятельность на втором уровне в рамках мест проведения мероприятий, позволяющем «дельцам» на третьем уровне извлекать прибыль из возрастающих цен на недвижимость. Так автор показывает, что некогда неблагополучный афинский район за счёт привлечения созидательной энергии смог вновь засиять красками, привлечь внимание жителей других районов благодаря «творческому шуму», производящему местный коллективный символический капитал. Благодаря этому получилось кардинально изменить у местной общности восприятие некогда пребывавшей в упадке территории в целом, что серьёзным образом сказалось и на экономических показателях [4].

В противовес русскоязычному подходу испанская исследовательница Биатрис Гонсалес Киршнер видит в процессе монетизации города стремление к созданию очередного «города-логотипа», то есть места без внутреннего содержания – красивой обёртки [5]. Образ мысли автора созвучен с позицией Освальда Шпенглера, считавшего цивилизацию последним этапом развития культуры – её смерть из-за потери души, олицетворением чего выступал бездушный город на фоне душевной сельской местности.

Биатрис Гонсалес Киршнер рассматривает планирование города как поэзию, которая в отличие от сухого градостроительного расчёта делает город спонтанным. Это творчество позволяет сохранять как городу в целом, так и его районам свою притягивающую уникальность. Рыночные же механизмы пытаются подчинить пространство своей беспощадной экономической логике. Урбанистические модели государственно-частного партнёрства англосаксонского мира, как указывается в статье, несут идеи общества потребления и следующие за ними огромные торговые центры, стимулирующие импульсные покупки. На примере Мадрида автор отмечает, что крупные предпринимательские ассоциации выкупают помещения и переориентируют традиционную деятельность, осуществлявшуюся в них, на торговлю, что приводит районы в упадок. Такой подход преобразует всё вокруг в места потребительского досуга, в число которых, по мнению автора, можно включить и парки [5].

В материале испанского учёного мы увидели сходство с цивилизационной теорией Освальда Шпенглера, но также она перекликается и со взглядом российского исследователя А.С. Панарина, впервые представившем термин «коллективный символический капитал» для русскоязычного научного сообщества и определившем его как «копилку общей памяти» [6, с. 191].

Давайте обратим внимание на один из элементов коллективного символического капитала города Минска и его жителей. Речь пойдет о языке. Как отмечалось выше, коллективный символический капитал перекликается с теорией цивилизации, в соответствии с которой язык, наряду с религией, является основой построения общности. Если мы кратко рассмотрим языковую составляющую современного населённого пункта в Республике Беларусь на примере столицы – Города-Героя Минска, то увидим интересную ситуацию.

Референдум 1995 года, организованный по инициативе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко показал, что 83,3% участников голосования поддерживали предложение по приданию русскому языку равного статуса с белорусским [7]. Этот факт в том числе показал, что проводившаяся на территории БССР политика белорусизации не увенчалась успехом и местные жители предпочитают русский язык в качестве основного средства общения.

Обратив внимание на специфику данного коллективного символического капитала, перейдём на уровень его коммерческого применения. Республика Беларусь в последние годы много внимания уделяет развитию туристической отрасли экономики. По словам Алексея Стрельченко, занимающего должность члена правления Республиканского союза туристической индустрии, количество туристов, прибывших в республику за 2022 год со стороны Российской Федерации, составило более 1 млн человек, а в 2023 году рост этого показателя прогнозируется на уровне 25-30% [8].

Вместе с тем в Минске мы наблюдаем следующую картину:

1) вся система графической навигации по городу представлена на белорусском языке (названия улиц, названия объектов, оформление остановок транспорта) или транслитерирована в так называемую «латинку» – специфический вариант написания белорусских слов латинским алфавитом, являющийся продуктом ополячивания местного населения через изменение языковой составляющей коллективного символического капитала польскими властями в период Первой и Второй Речи Посполитой;

2) информационные таблички к архитектурным и иным памятникам зачастую составлены на двух языках – белорусском и английском;

3) информация в общественном транспорте и на проездных документах представлена на белорусском и английском при полном игнорировании русского языка.

Исходя из описанного, не прослеживается логика использования белорусского языка в рамках развития города Минска ни с точки зрения местного коллективного символического капитала, ни с позиции

монетизации туристического потенциала и увеличения привлекательности через создание упрощенной среды получения услуг или приобретения товаров русскоязычными гостями столицы, в число которых входят не только граждане Российской Федерации, указанные в статистике.

Как мы видим, стратегия использования символического капитала в рамках создания стратегии развития населённых пунктов рассматривается современной наукой с двух сторон. В первом случае речь идёт о русскоязычной науке, в которой символический капитал места видится как источник экономического развития территории за счёт местного символического капитала через коммерциализацию образов прошлого.

Во втором случае, возвращаясь к испанскому примеру, учёные из стран с уже сформированной капиталистической идеологической системой обращают внимание на коллективный символический капитал как на источник гармоничного развития городской среды в противовес тенденции угождения потребительскому рынку. При таком подходе, как представляется, даже с учётом построения практически нового города, как это произошло с Минском, необходимо учитывать цивилизационные аспекты существования общности, а также особенности зарождения и развития населённого пункта и традиционных форм экономической активности, ранее практикуемой в данной местности. Это позволит сохранять историческое наследие и одновременно создавать уникальное рыночное предложение.

С другой стороны, российские исследователи используют теорию символического капитала как раз для того, чтобы увеличить предложение и создать дополнительные рынки туристических услуг. Это может свидетельствовать о том, что при доминировании капиталистической идеологии в обоих примерах в западном случае происходит научное переосмысление векторов развития общества.

Минск обладает огромными запасами символического капитала и при разработке стратегии развития города можно учитывать как 19-й век с его еврейским ремесленническим сектором, так и 20-й, когда строилось общество коммунистического равноправия.

Библиографические ссылки

1. Гришкевич Е.В. Гуманизация градостроительного проектирования как основной тренд модернизации минской урбанистической системы / Е. В. Гришкевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В.А. Гайсёнок (пред. Редкол.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 22. С. 154-161.

2. Федотова Н.Г. Роль медиакоммуникаций в формировании символического [Электронный ресурс] / Н. Г. Федотова // eLIBRARY.RU – НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29930908_55539376.pdf. – Дата доступа: 03.11.2023.
3. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. И послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетея, 2001. – 562 с. – («Gallicium»).
4. Avdikos V. Processes of creation and commodification of local collective symbolic capital; a tale of gentrification from Athens [Electronic resource] // ResearchGate. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/279921911_Processes_of_creation_and_commodification_of_local_collective_symbolic_capital_a_tale_of_gentrification_from_Athens. – Date of access: 02.11.2023.
5. Kirchner B. G. La centralidad como mercancía: Explotación del capital simbólico colectivo [Electronic resource] // INSTITUTO UNIVERSITARIO DE URBANISTICA. Universidad de Valladolid. – Mode of access: <https://revistas.uva.es/index.php/ciudades/article/view/1144/978>. – Date of access: 02.11.2023.
6. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.
7. СООБЩЕНИЕ Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-referenda-1995-soob.pdf>. – Дата доступа: 03.11.2023.
8. Около миллиона российских туристов посетили Белоруссию в 2022 году [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/95586>. – Дата доступа: 03.11.2023.

РОЛЬ ГОМЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ В СОХРАНЕНИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОМЕЛЯ

О. Г. Ященко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
ул. Советская, 104, 246028, Гомель, Республика Беларусь,
oksanayaschenko@yandex.ru

Аннотация. Статья показывает вклад Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины в развитие культурной сферы Гомеля в настоящее время. Историко-культурное наследие города включает в себя архитектурно-пространственную среду, совокупность культурных и просветительских учреждений, объектов увековечивания памяти выдающихся деятелей культуры и науки. Автор характеризует культурно-образовательные проекты, осуществляемые преподавателями и студентами университета, направленные на популяризацию историко-культурного наследия. Важным фактором воспроизводства культурных традиций является участие молодежи в культурно-массовых мероприятиях, связанных с актуализацией памятников истории и культуры в городской среде.

Ключевые слова: *Гомель, историко-культурное наследие, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, город, урбанистика, образование.*

THE ROLE OF GOMEL STATE UNIVERSITY NAMED AFTER F. SKORYNA IN THE PRESERVATION AND REPRODUCTION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF GOMEL

O. G. Yashchenko

Gomel State University named after F. Skorina
St. Sovetskaya, 104, 246028, Gomel, Republic of Belarus
oksanayaschenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to showing the contribution of Gomel State University named after F. Skorina to the development of the cultural sphere of Gomel at the present time. The historical and cultural heritage of the city includes the architectural and spatial environment, a set of cultural and educational institutions, objects to perpetuate the memory of outstanding cultural and scientific figures. The author characterizes cultural and educational projects carried out by university teachers and students aimed at popularizing the historical and cultural heritage. An important factor in the reproduction of cultural traditions is the participation of young people

in cultural events related to the updating of historical and cultural monuments in the urban environment.

Keywords: *Gomel, historical and cultural heritage, Gomel State University named after F. Skoryna, city, urbanism, education.*

Города Беларуси выступают хранителями историко-культурного наследия. Собственно городское пространство и отдельные значимые памятники прошлого в нем, современные культурные и просветительские учреждения, совокупность проектов по увековечиванию памяти выдающихся деятелей культуры, науки, а также эпохальных исторических событий – богатый арсенал, позволяющий беречь и приумножать духовные ценности белорусского народа. Университеты Европы со времени своего основания играли важную роль не только в развитии образовательной среды конкретного города и региона, но и аккумулировали культурные ценности, выступали творцами новых образцов в сфере науки и искусства. Ситуация XXI века предполагает корреляцию функционирования различных институтов в городах с учреждениями высшего образования. Эффективное использование потенциала молодежи в городском пространстве по востребованным направлениям общественной жизни, упрочению городского хозяйства, совершенствованию социальных условий жизнедеятельности горожан, городской культуры необходимо для поступательного развития государства.

Актуальной исследовательской задачей выступает рассмотрение образовательных и иных проектов высших учебных заведений Республики Беларусь как фактора инновационного развития города, сохранения исторических объектов и трансляции культурных традиций. Показ места университетского сообщества в городском социуме и многогранных связей по линии «город – университет» также следует признать значимым аспектом в области урбанистической проблематики. Материалы о деятельности коллектива ГГУ имени Ф. Скорины в обозначенном выше направлении могут быть привлечены как типичный пример эволюции современного культурного поля.

Студенты постоянно задействованы в организации и проведении культурно-массовых мероприятий в качестве волонтеров, участников или координаторов, содействующих обогащению культурного потенциала города. Празднование Дня Победы и Дня независимости Республики Беларусь, ежегодное отмечание даты освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков и Дня города предполагают обязательное включение студенческого актива в работу по подготовке и реализации соответствующих программ. В разнообразных по тематике виды

сотрудничества с городом вовлечены студенты разных факультетов Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Решение задач экологии города, информатизации городской среды, повышение правовой культуры, поддержки здорового образа жизни горожан и многое другое осуществляется в плотном взаимодействии с факультетами университета. Наиболее показателен в этом ключе опыт факультета истории и межкультурных коммуникаций. Подготовка квалифицированных кадров в сфере исторического образования, музейного дела и охраны историко-культурного наследия в связи с самой спецификой получаемых профессий делает неизбежными тесные контакты Гомельского государственного университета и различных городских организаций, управленческого корпуса.

К числу уже знаковых проектов можно отнести проведение квеста по мемориалам Гомеля, посвященным Великой Отечественной войне на территории города. Первоначально они охватывали только студенческую молодежь всех высших учебных заведений города, но в последние годы стали притягательны также для учащихся средних специальных учебных заведений. Маршрут выстраивается с учетом посещения участниками самых важных объектов: Аллея Героев, площадь Восстания, Вечный огонь, здания с размещенными на них памятными досками, которые увековечивают биографии и подвиги героев-участников военных событий. Квест традиционно завершается у памятника ополченцам в Парке культуры и отдыха имени А. В. Луначарского, где в торжественной обстановке вручаются награды и призы командам-победителям. Мероприятие проводится совместно с Гомельским городским комитетом ОО «БРСМ».

С этой же молодежной организацией города кафедра истории Беларуси факультета истории и межкультурных коммуникаций реализует квесты, посвященные локальной истории и истории образования. Приведем в качестве примера квесты «Из истории Гомеля: развитие образования», первый из которых был приурочен к 880-летию Гомеля и Году исторической памяти (7 сентября 2022 г.), второе мероприятие состоялось 27 сентября 2023 г. в преддверии Дня учителя, а также посвящено Году мира и созидания. Перемещение участников происходит по улицам Гомеля от одного объекта истории просвещения, науки и образования к другому, включая памятники выдающимся гомельчанам, памятные знаки, исторические здания, памятники архитектуры, корпуса учебных заведений. Содержание заданий концентрируют внимание учащихся и общественности на уникальности региональной истории, а также огромной лепте, вносимой уроженцами и жителями Гомеля в сферу культуры и образования.

Совместные проекты объединяют факультет истории и межкультурных коммуникаций и музеи, архивы Гомеля. Постоянные контакты и творческое

взаимодействие сложилось между студенческой научно-исследовательской лабораторией «Друзья музея» и Музеем истории города Гомеля. К числу постоянных относится участие молодежи в организации интерактивных проектов к Дню города, Ночи музеев, различным мероприятиям в рамках городской истории.

Особое звучание приобретает историческая тематика, которая вводится в красочные перформансы в городской среде. Ежегодно 1 сентября на открытой площадке улицы Советской перед зданием университета разворачивается торжество Дня знаний, когда его костюмированные участники приветствуют первокурсников, а традиционно самым привлекательным персонажем выступает Франциск Скорина. Сценарий с демонстрацией этого образа – визитная карточка не только университетской площадки, но и городской культуры в целом [1].

На протяжении многих лет на базе факультета истории и межкультурных коммуникаций готовятся специалисты, впоследствии вносящие значимую лепту в организацию работы различных служб города, а также непосредственно ориентированные в своей профессиональной деятельности на заботу об охране истории и культуры. Это сотрудники и руководители музеев, архивов, культурных центров, системы городского управления.

Факультет истории и межкультурных коммуникаций играет активную роль в охране достояния Гомеля. Археологические раскопки Гомеля, проводившиеся под руководством доктора исторических наук О. А. Макушникова, преподававшего в университете, позволили открыть новые страницы в истории города, внесли лепту в охрану памятников археологии, позволили сохранить исторический облик центральной части Гомеля [2]. Некоторые артефакты, освещающие городскую историю, находятся на хранении в музее-лаборатории ГГУ имени Франциска Скорины. Ряд публикаций автора исследования также непосредственно посвящен истории Гомеля [3; 4]. Значимый вклад в гомелеведение внесли преподаватели филологического факультета, среди которых отметим труды доктора филологических наук, профессора А. Ф. Рогалева [5].

Ряд проектов университета и города направлен параллельно и на укрепление международного сотрудничества. Плодотворна в этом ракурсе работа Института Конфуция при ГГУ имени Франциска Скорины и учреждений культуры Гомеля (Музей истории города Гомеля, Гомельская областная универсальная библиотека имени В. И. Ленина). Совместно на базе названных и других учреждений в формате выставочной работы и арт-проектов достигаются цели не только ознакомления с культурой других

этносов, но и приобщение гостей города к национальной культуре белорусского народа.

Во втором корпусе университета по улице Кирова, 119 расположена мемориальная аудитория и памятная доска, посвященные Почетному гражданину города Гомеля Леониду Александровичу Шеметкову. Он являлся член-корреспондентом НАН Беларуси, доктором физико-математических наук, профессором, основателем алгебраической школы, заслуженным деятелем науки Республики Беларусь. На протяжении многих лет Л. А. Шеметков был ректором Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, стал одним из инициаторов присвоения имени знаменитого первопечатника и просветителя данному учебному заведению.

Руководство города с рабочими визитами посещает университет, в процессе общения конкретизируется стратегия взаимодействия, обсуждаются благоустройство университета, перспективные инновационные проекты, ориентированные на улучшение качества жизни в городской среде и сохранение истории и культуры Гомеля, обозначается формат поддержки потенциала научных разработок студентов и преподавателей, связанных с развитием города. Гости приглашают посетить выставки научных достижений вуза, где представляются макет печатного станка, робот, образцы минералов, монографии преподавателей и др., чем по праву гордится университет, а часть экспонирующихся предметов непосредственно ориентированы на демонстрацию историко-культурных ценностей Гомеля.

В сентябре 2023 г. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины с рабочим визитом посетил председатель Гомельского областного исполнительного комитета Иван Крупко [6]. Кроме Ивана Ивановича, в качестве гостей университета выступили председатель Гомельского городского исполнительного комитета Владимир Привалов и начальник главного управления образования облисполкома Руслан Смирнов. Подобные встречи выступают свидетельством диалога между руководством Гомеля и Гомельской области и коллективом университета, они закладывают фундамент будущих проектов, одинаково интересных и полезных для городского социума и образовательной среды.

Библиографические ссылки

1. Яценко О.Г. Исторический компонент в празднике «День знаний» (на материалах городов современной Беларуси) // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. – Москва; Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. – С. 118.
2. Макушников О.А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк. – Гомель: ЦНТДИ, 2002. – 244 с.

3. Яшчанка А.Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: Гісторыка-этнаграфічны нарыс. – Гомель: ГКІ, 1997. – 80 с.
4. Ященко О. Г. Гомель православный (вторая половина XIX – начало XX века): исторический очерк. – Минск: Четыре четверти, 2018. – 60 с.
5. Рогалев А.Ф. От Гомюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах. – Гомель: Барк, 2006. – 220 с.
6. Иван Крупко посетил ГГУ имени Ф. Скорины [Электронный ресурс] // Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины: официальный сайт. 08.09.2023. – Режим доступа: – <https://gp.by/novosti/aktualno/news274732.html>. – Дата доступа: 20.10.2023.

Оглавление

Аблековская О.Н., Кирова Е.В. СТРЕСС-ФАКТОРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА МИНСКА	3
Александренков Ю.В. СОЦИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО	10
Alexandrov F., Akhmitzanova I. ITMO UNIVERSITY URBAN STUDIES STUDENTS' AWARENESS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT FUNDAMENTALS AND PRACTICES	15
Алов И.Н., Кудишкин С.М. КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ	22
Андреев Д.А., Шишлов Е.И. РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ КАМПУСА МИРОВОГО УРОВНЯ «НЕЙМАРК» В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ	26
Ардашев Р.Г. ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО СОЗНАНИЯ	33
Барсук И.А., Лукашевич В.В. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ	37
Беляев А.В., Курохтин И.В., Станкова А.В. ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ: ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ	40
Беспанская-Павленко Е.Д. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ.....	46
Блохин В.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	51
Бобр А.М. ГОРОД КАК АКТОР ПОЛИТИКИ: ОТ АНТИЧНОГО ПОЛИСА К ГЛОБАЛЬНОМУ ГОРОДУ.....	59
Al-Mudhafar Doaa Naser Bohan SOCIAL AND CULTURAL REPRESENTATIONS OF MENTAL DISEASES IN ARABIC WORLD	64
Бурак Т.В. ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСТТУРИСТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ	70
Быков К.В. АКТУАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ГОРОДОМ	74
Ваврина С.С. ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫШ КАК ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	78
Ван Синь ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ	84

Wang Zhenqian UNIVERSITY CAMPUS IN MODERN CITIES OF CHINA ...	89
Вардеванян П.Г. ДЕФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛОМ ГОРОДЕ И ЗА ЕГО ГРАНИЦАМИ.....	95
Вашкевич В.В. МЕТОД СОЦИАЛЬНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА	102
Воробьева С.В. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМИОТИКА ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ УРБАНИСТИКИ.....	108
Вядчинникова В.Д. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	115
Гафарова Ю.Ю., Дмитриева О.Е. СТУДЕНТЫ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА: ОСОБЕННОСТИ АУДИТОРИИ ПРОГРАММ ПО ОСВОЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	122
Гиммельрейх О.В. СОВРЕМЕННЫЙ УРБАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	128
Екадумова И.И. ПРОБЛЕМА ВИДИМОСТИ В ЦИФРОВОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.....	135
Ефимова Н.В. МЕДИАПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА ...	141
Жук Е.И. К КРИТИКЕ НЕЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА.	145
Иванов А.Г. НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИПЕЦКА В ПОТОКЕ ИСТОРИИ.....	151
Калачёва И.И. ГОРОД КАК МЕСТО ПАМЯТИ И «ВСТРЕЧИ ПОКОЛЕНИЙ»: РЕАЛЬНОСТЬ И НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ	157
Калинин П.С. РАЗВИТИЕ ПАЦИЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОГО СЕРВИСА.....	163
Капский Д.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ.....	167
Кисель Н.К. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ	174
Климушко Е.И. ХАРАКТЕР СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ	179
Колобашкина Т.А. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ В УМНЫХ ГОРОДАХ	184
Колядко И.Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: «ВЫЗОВЫ» И РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ	192

Комаровская А.С. УНИВЕРСИТЕТ И ГОРОД: ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	198
Красовская Н.Н. УСПЕШНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ	202
Ксёнда О.Г. БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	208
Купчинова Т.В. ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО МЕСТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	214
Лебедева Е.В. ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	218
Ли Исюань ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	222
Loiko A. I.DIGITAL ANTHROPOLOGY OF THE URBAN ENVIRONMENT	228
Лойко Л.Е. ТРАНСПОРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	232
Малафеевская В.С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ТРАНСФОРМАТОР ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	236
Малышева С.С., Мирзаханян К.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГОРОДАХ БРИКС	241
Мансурова Б.С. ИНФОРМАЦИОННЫЕ АГЕНТСТВА ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ «АЗИЯ-ПЛЮС»)	250
Масалович У.П. ГОРОДСКАЯ МОДА И СТИЛЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ИНФЛЮЕНСЕРОВ: ВЛИЯНИЕ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ	255
Медведева О.А. ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИКИ УЛУЧШЕНИЯ ЭТОГО ВЛИЯНИЯ	261
Метелева А.С., Филатова О.Г. ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ В ЦЕННОСТНО- ОРИЕНТИРОВАННОМ УПРАВЛЕНИИ ГОРОДОМ	266
Милькаманович В.К. ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК МЕДИКО- СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	271
Михасёв К.С. SWOT-АНАЛИЗ В УРБАНИСТИКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РИСКА	275
Мулялина К.И., Бахтина В.А. ОЦЕНКА ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ ОБРУЧЕВСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ: ОПЫТ ПОЛЕВОГО ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	281

Наливайко И.М. ДОМ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГОРОДА	286
Неведомская А.О., Сотникова В.В. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДАХ ЕВРОПЫ В 2013-2023 ГОДАХ	291
Новикова О.В. КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕГО МИРА	296
Павлова Е.Г. ЧАСТНОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА ГОРОДА	300
Панфилова А.О. «ОДИНОЧКИ В ГОРОДАХ»: ПРОБЛЕМА ИЛИ ВЫБОР?	305
Патутина Н.А. ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МЕГАПОЛИСА ..	312
Пинчук И.В., Никитин И.А. ДАННЫЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАРШЕРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ	318
Плахотнюк А.Д. БРЕНД ГОРОДА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕГО ВИДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	322
Полюшкевич О.А. КОЛЛАЖ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА	331
Попов Г.Е., Миронова М.Н. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	335
Похомова А.А. ГЕРОНТОВОЛОНТЕРСТВО В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	341
Протасова Ю.А. БИОФИЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ДЛЯ СОЗДАНИЯ ДРУЖЕЛЮБНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	346
Равчик М.И., Чугунов А.В. ЭКОСИСТЕМА ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ: РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ И ПОТРЕБНОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ.....	352
Rondak U. A. DEVELOPMENT OF A VERTICAL GARDENING SYSTEM .	357
IN MINSK CITY	357
Сайганова В.С. УНИВЕРСИТЕТ КАК ФРАГМЕНТ И ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА).....	362
Сарна А.Я. ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	367
Сидоренко И.Н. ФЕНОМЕН ГОРОДА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ НАСИЛИЯ	372

Смирнова Ю.С. АТТИТЮДЫ В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ	378
Солодухо А.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	384
Сорока А.А. РОБОТИЗАЦИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.....	388
Старенкова Е.Ю. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПО КЛАССИФИКАЦИИ П.С. КУЗНЕЦОВА.....	394
Сысоева В.А., Шарипова Н.В. ПОВЫШЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	400
Татур Е.М. ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ: ОТ ДАННЫХ К КАРТЕ	406
Тимоховцева И.Ю. ГОРОД БУДУЩЕГО БЕЗ «ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО».....	410
Токарчук С.М., Токарчук О.В. ВЕБ-ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ	416
Трагинко Т.В. ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	422
Трофимова Я.В. ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ И ГОРОДОМ.....	429
Фабрикант М.С. ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ К ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ.....	435
Фальковская Т.Ю. «ПЕНТХАУС МАСЛОУ» ИЛИ «КРАСОТА СПАСЕТ МИР» (ЭСТЕТИКА ГОРОДА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА).....	440
Фофанова Г.А., Куан Циньжоу ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ БЕЛАРУСИ.....	445
Хамидиён И.И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИХ РЕПОРТАЖЕЙ НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «ДУШАНБЕ»	449
Худяков Г.Ю. РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕХАНИЗМОВ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ГОРОДАХ	453

Цельковский А.А. МИФОЛОГИЯ ГОРОДА: СИМВОЛЫ ИМПЕРСКОГО ПРОШЛОГО В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ	457
Чжан Нин ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	461
Чжан Синь ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	467
Чижик А.В. АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЖИТЕЛЯМИ.....	471
Чэнь Сяоцзяо АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	477
Шичко А.В. МАЛЫЕ ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ....	481
Юанов Б.Т. АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЛОСТРАТЕГИЙ ДЛЯ ГОРОДА И ГОРОЖАН	486
Юспа М.М. РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА	491
Яценко О.Г. РОЛЬ ГОМЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ В СОХРАНЕНИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОМЕЛЯ	497